

188-16
218-4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Дружбы народов
Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Экология американских индейцев и эскимосов

ПРОБЛЕМЫ
ИНДЕАНИСТИКИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. А. ТИШКОВ

vk.com/ethnograph

МОСКВА
«НАУКА»
1988

Авторы:

Э. Г. АЛЕКСАНДРЕНКОВ, В. П. АЛЕКСЕЕВ, В. АБАШИЛОВ,
Ю. Е. БЕРЕЗКИН, А. А. БОРОДАТОВА, А. В. ВАЩЕНКО,
В. П. ВИБЕ, Т. Л. ВЛАДИМИРСКАЯ, С. Н. ВЛАДИМИРСКИЙ,
П. В. ГРИБАНОВ, А. В. ГРИНЕВ, В. И. ГУЛЯЕВ,
Г. И. ДЗЕНИСКЕВИЧ, Г. Г. ЕРШОВА, Ю. В. КНОРОЗОВ,
П. М. КОЖИН, В. И. КОЗЛОВ, М. Г. КОТОВСКАЯ,
М. Г. КРОУФОРД, И. И. КРУПНИК, Н. А. ЛОПУЛЕНКО,
Р. Г. ЛЯПУНОВА, А. Н. НАТАРОВ, Е. А. ОКЛАДНИКОВА,
Л. П. ОСИПОВА, В. Г. СТЕЛЬМАХ, Р. И. СУКЕРНИК,
В. А. ТИШКОВ, Л. А. ФАЙНБЕРГ, Е. И. ЦАРЕНКО,
К. В. ЦЕХАНСКАЯ, М. А. ЧЛЕНОВ, О. В. ШАМШУР,
М. С. ШЕНФИЛД, В. А. ШНИРЕЛЬМАН, С. Н. ЯКУШЕНКОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук С. А. АРУТЮНОВ,
кандидат исторических наук Н. П. КАЛМЫКОВ

vk.com/ethnograph

Экология американских индейцев и эскимосов.— М.:
Э-40 Наука, 1988.— 338 с.
ISBN 5—02—009892—2

Гармония общества и природы — извечная мечта и стремление людей. Здесь ценны опыт и традиции всех народов, в том числе коренных жителей Америки — индейцев и эскимосов, освоивших огромные пространства континента от Арктики до Огненной Земли, создавших уникальные культуры на основе рационального природопользования и приспособления к окружающей среде. О проблемах взаимодействия аборигенных обществ Америки с окружающей средой в прошлом и настоящем идет речь в данной книге.

Для этнографов, историков, широкого круга читателей.

Э 0506000000—395 59—88—II
042(02)—88

ББК 63.5(3)

ISBN 5—02—009892—2

© Издательство «Наука», 1988

ВВЕДЕНИЕ

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ

КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ:

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДМЕТА И НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ

Предлагаемый читателю сборник статей подготовлен на основе материалов второго симпозиума по проблемам индеанистики, который был проведен Институтом этнографии АН СССР в ноябре 1985 г. в г. Звенигороде. Определив тему симпозиума как «Экология американских индейцев» и формулируя задачи данного научного собрания, мы исходили прежде всего из того общего понимания этнической экологии как научного направления в области этнографии и экологии человека, которое в настоящий момент уже оформилось в советском общественном сознании.

Опираясь на принципиальные высказывания основоположников марксизма-ленинизма по вопросам взаимодействия общества и природы, роли естественной среды в историческом развитии человечества¹, а также на огромный фактический материал, накопленный при изучении различных народов, советские специалисты в последние годы вполне определенно высказались в пользу более углубленного рассмотрения проблем взаимосвязи этноса и конкретной естественно-географической среды, изменений экологических функций этнических культур с древности до современности, анализа этнокультурных традиций прошлых исторических эпох как способа сохранения экологически значимого опыта². Ю. В. Бромлей в специальном очерке отмечал, что «взаимодействие человека с природой у каждого народа имеет свои особенности, дающие о себе знать в самых различных сферах», и что специфика использования различными этносами природной среды и специфика их влияния на эту среду относятся к числу важнейших аспектов общей экологии человечества³.

В советской этнографической литературе были сделаны попытки сформулировать задачи этнической экологии как науки, изучающей особенности традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп в природных и социально-культурных условиях их обитания, а также специфику использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, закономерности формирования и функционирования этноэкосистем⁴.

Необходимо отметить, что в зарубежной этнографической литературе существует давняя и богатая традиция изучения взаимосвязей общества и окружающей среды. Если говорить о первой половине XX в., то еще в работах французских этнографов и социологов Э. Дюркгейма и М. Мосса — основоположников «социальной морфологии» — рассматривались демографические и

экологические условия социальной жизни архаических обществ и было введено в научный оборот понятие «экологическое время», определяемое циклическими изменениями погодных условий и само определяющее всю хозяйственную деятельность людей. Плодотворными оказались сформулированные положения о циклическом характере социальной жизни обществ, связанной на стадии родо-племенного строя и ранних государств со слабой вычлененностью человека из природы, подчинением его сознания чередованию времен года и антропоморфизацией окружающего мира. Близкий к той же французской социологической школе Э. Дюркгейма философ-позитивист Л. Леви-Брюль в своей теории первобытного, «дологического мышления» также высказал ряд ценных положений о связи духовного мира первобытного человека с окружающей средой.

Основатель функциональной школы английский этнограф и социолог Б. Малиновский рассматривал общество как аналогию живым организмам, имеющим определенные жизненные потребности, а соответственно, и органы, функции которых заключаются в удовлетворении этих потребностей. Понятия функции, потребности и социального института, выполняющего ту или иную функцию, были центральными в теории функционалистов, и, хотя все их описания строились исключительно на синхронном уровне и носили неизбежно статичный характер, они явились одними из наиболее последовательных экологов в этнографии.

Английский структурализм в лице Эванса-Причарда и его сторонников при описании способов жизнеобеспечения этносов — общественного производства и связанных с ним знаний, представлений и навыков — разработал понятия «социальная среда» и «экологическая среда». Ими были высказаны положения, что такие факторы, как климат, осадки, поверхностные воды, ландшафт, фауна, флора, почвы, взаимодействуя друг с другом, создают окружающую среду, которая непосредственно определяет жизненные условия этноса, структуру его расселения, сложным и разнообразным путем накладывает отпечаток на его материальную и духовную культуру.

Зачинателем этноэкологии в американской научной традиции был выдающийся американский ученый и известный государственный деятель Джордж Марш (1801—1882), опубликовавший в 1864 г. труд о характере расселения и трудовой деятельности людей в конкретных природных условиях⁵. В конце XIX — первой половине XX в. в американской этнографии работали такие выдающиеся исследователи аборигенных обществ Америки, как Ф. Боас, К. Уисслер, А. Кребер, которые всесторонним образом изучали и учитывали природно-географические условия функционирования культур.

В теоретико-методологическом плане, видимо, можно говорить о двух основных подходах, господствовавших тогда в американской социально-культурной антропологии. Один из них — это так называемый географический детерминизм, сторонники которого

считали, что в комплексе причинно-следственных связей «природа—общество» именно среда определяет характер культуры. Второй подход — это направление POSSIBILISMA, зачинателем которого был Ф. Боас. Его сторонники признавали за культурой определенную самостоятельность. Однако, когда мы говорим о конкретных исследованиях, не всегда возможно проводить столь строгие рамки между двумя подходами. Например, известная концепция «культурных ареалов» фактически построена на учете географических факторов, но направлена все же на выявление пределов влияния природных условий на складывание культурных обликов аборигенного населения в Америке.

В 50-х годах в американской антропологии возникло направление культурной экологии, фундамент которого составили работы Джулиана Стюарда⁶. Основным в этом направлении явилось изучение проблемы адаптации общества к окружающей среде как важнейшему «экстракультурному» фактору, влияющему на социокультурное поведение. Дж. Стюард видел главную задачу в раскрытии тех качественных трансформаций в материальных аспектах культуры, которые прежде всего связаны с производством и распределением средств существования и составляют своего рода «технологический базис», своеобразное «ядро культуры», в определении которого Стюард безоговорочно выделяет доминирующее значение материальных культурных характеристик, связанных с добыванием средств существования.

Необходимо отметить, что культурно-экологическая адаптация понимается Дж. Стюардом и его многочисленными последователями как динамический процесс, подверженный влиянию технологических изменений и общественных потребностей в ходе исторического развития. Такой подход вполне учитывает те изменения в материальной культуре и социальной организации, которые произошли, например, под влиянием контактов индейских народов с европейцами. Для этого достаточно привести пример с изменением природопользовательных комплексов и характера общественного устройства у охотничьих групп лесных и субарктических зон Северной Америки под влиянием торговли мехом.

По мере накопления информации и совершенствования методологии культурная экология расширила свое понимание окружающей среды, включив в него социокультурные параметры в виде окружающего населения, накопленных внутри общества знаний и навыков и др. Под влиянием работ известного этнолога М. Салинса исследователи более энергично обратились к изучению проблемы воздействия общества на окружающую среду, которая также подвергается определенным трансформациям в ходе адаптации. Наконец, в самые последние годы среди культурных экологов сложилось мнение, что нематериальные аспекты культуры несут важную культурно-адаптивную функцию и что невозможно объяснить явления человеческой адаптации исключительно на основе триады «среда—технология—жизнеобеспечение», которая составляла основу системы Стюарда.

Так родилось понятие «экосистема», под которой понимается гибкое взаимодействие трех основных частей — окружающей среды, технологического базиса и нематериальных регуляторов (система родства, знание и навыки и т. д.). И все же культурно-экологический подход продолжает включать изначально детерминистское толкование фактора окружающей среды и как результат — неполное выявление желаемой корреляции между внешней средой, типом жизнеобеспечения и социокультурным обликом той или иной аборигенной группы. В этой ситуации в середине 70-х годов в американской антропологии появилось новое направление — так называемая поведенческая экология, или социоэкология, представляющая собой развитие и распространение идей и методов социобиологии в область социальной антропологии⁷. Американский ученый Э. О. Уилсон предложил использовать принципы этологии и дарвиновской теории эволюции для объяснения социального поведения человека, определив суть социобиологии как распространение принципов популяционной биологии и теории эволюции на социальную организацию. Исходя из постулата, что биологическая эволюция является основой процесса социальной и культурной эволюции, Э. О. Уилсон выдвинул тезис: у человека, как вида живого организма, включая его мораль, культуру и социальные институты, есть биологические механизмы, не допускающие целей и социальных действий, противных его биологической природе. А это означает, что поведение человека — индивида, а также более сложные формы социального поведения и организации целых сообществ можно объяснить через призму биологических взаимосвязей сообществ живых организмов на основе таких принятых в этологии и популяционной генетике понятий, как «максимальный репродуктивный успех» индивида и «совокупная приспособляемость», или так называемый родственный альтруизм⁸.

Упрощенный биологический детерминизм первых работ в этой области вызвал справедливую и суровую критику научной общественности и в принципе был отвергнут антропологами. Однако дальнейшее развитие поведенческой экологии в сторону признания более высоких уровней сложности социальной организации живых организмов, в том числе коллективно-общественного, т. е. человеческих сообществ, открыло новые перспективы использования социоэкологии в антропологических исследованиях. Вместо не очень убедительных попыток выявлять групповое нормативное поведение, коррелировать на биолого-генетической основе целые социальные системы и сообщества с окружающей средой более внимательные исследователи обратились к отправной точке дарвиновского анализа эволюции — к индивиду и индивидуальной вариабельности поведения внутри популяций. По их мнению, основой поведенческой экологии являются не системные структуры, а «индивидуальные поведенческие стратегии». Именно в этом постулате многие ученые видят основу современной социобиологии⁹.

Таким образом, перенеся внимание с общества и культуры на отдельную личность как главный объект анализа, современная поведенческая экология сделала многое, чтобы избавиться от излишней упрощенности уилсоновской социобиологии. Подобные коррективы произошли и в понимании окружающей среды, и в моделировании ее влияния на людей. Практически перестало употребляться довольно расплывчатое понятие «доминирующий тип среды обитания» (basic habitat type) и вместо него используются понятия «структура среды» (environment grain), «ресурсовая предсказуемость» (resource predictability) и т. д. Этот путь включения переменных факторов окружающей среды в социозэкологический анализ показал себя более плодотворным в некоторых аспектах, чем жесткие экосистемные подходы. Здесь в центре внимания оказываются факторы, связанные с ключевой проблемой человеческого выживания в тех или иных условиях. Более того, было признано, что для человека особую важность составляет доступ к ресурсам, а не просто их непосредственное наличие (crude availability). Таким образом, признавался тот факт, что даже в строго биологическом смысле окружающая среда ограничивается или очерчивается факторами социального характера.

Поведенческая экология ныне не пытается жестко соотносить социальное поведение с общими биотическими факторами, но признает, что среда может состоять из множества значимых элементов — от климатических и ресурсно-пищевых до окружающего населения и характера родственных отношений. По мнению социозэкологов, не столь важно установить иерархию значимости этих факторов или компонентов среды, — важнее то, насколько эти факторы влияют на выживание и репродуктивный успех. Четкого выделения социальных факторов в поведенческой экологии, как и в целом в социобиологии, даже в ее самых современных вариантах, однако, нет.

Ключевым в социозэкологическом подходе сохраняется тезис, что, несмотря на пластичность и предрасположенность к культурным изменениям, поведение человека все же в своей основе адаптивно в дарвиновском понятии эволюции, т. е. направлено на повышение репродуктивного успеха индивида. Отсюда и наиболее оптимальными формами социальной организации оказываются, как правило, те, которые наиболее адаптивны, а они в свою очередь складываются как итог прямого генетического контроля и обусловленных им культурных изменений. Сохраняется и стремление строить широкие социобиологические объяснения социальных феноменов на основе биологических аналогов¹⁰. Подтверждением такого подхода явилась конференция на тему «Сравнительная социозэкология млекопитающих и человека», организованная в апреле 1987 г. в Дарэмском университете (Англия) совместно Королевским антропологическим институтом, Британским экологическим обществом и Обществом по изучению млекопитающих.

Однако не будем спешить с вынесением окончательных суждений в адрес социозкологии. Для советских этнологов, только разворачивающих экологические исследования, поднимаемые проблемы в рамках темы «природа — общество» чрезвычайно ценны, и, как отмечает И. Т. Фролов, «необходимы позитивные исследования взаимосвязи социальных и эволюционно-генетических факторов в процессе становления, индивидуального и исторического развития человека»¹¹.

В качестве примера возможного плодотворного использования социобиологии при изучении процессов взаимодействия природы и общества назовем выдвинутую недавно американскими учеными Ч. Ламзденом и Э. Уилсоном модель коэволюции или «со-развития», «со-эволюции»¹². Будучи по сути биологизаторской, модель коэволюции все же дает возможность проследить взаимосвязь человека и среды на индивидуальном уровне, когда имеет место становление биосоциальных задатков способностей и потребностей человека, и на общественном уровне, когда в развитие общества опосредованно включаются географический фактор и популяционно-генетические процессы.

В настоящий момент, видимо, важно — исходя из признания диалектики взаимодействия биологических и социальных факторов при определяющем воздействии последних — определить границы взаимовлияния и пределы биологической детерминации поведения человека. Необходимо еще раз подчеркнуть то принципиальное отличие, которое характеризует теоретико-методологические подходы советских исследователей этнической экологии коренного населения Америки. Отправным здесь является положение марксизма-ленинизма о человеке как существе общественном. К. Маркс, отмечая, что человек выступает как субъект, а природа как объект, писал не о приспособлении человека к среде, а об активном производительном ее использовании человеком: «...В процессе производства члены общества приспособляют (создают, преобразуют) продукты природы к человеческим потребностям»¹³. Таким образом, на первое место Маркс ставит производительную деятельность самого человека, характеризуя ее прежде всего как «процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»¹⁴. Именно характером производства, состоянием производительных сил и производственных отношений определяется и характер использования человеком окружающей среды.

Признавая всю значимость воздействия окружающей среды на социальную и духовную жизнь людей, невозможно отрицать тот важнейший эволюционный факт, что *Homo sapiens* является единственным видом, который сам производит средства своего существования, непосредственно воздействуя и преобразуя физическую среду путем организованной социальной деятельности. Иными словами, производительные силы и отношения производства

специфичны для человеческой адаптации и делают ее процессом, существенно отличающимся от адаптации всех других видов в природе. Только *Homo sapiens* из всего живого на земле достиг такой адаптации, путем которой его популяция превращает материал природы в продукты, необходимые для существования, и социальные отношения которой не запрограммированы генетически, передаются из поколения в поколение и отражают отношение к участию в процессе производства.

Выдающийся советский генетик академик Д. К. Беляев справедливо отмечал, что движущей силой человечества с тех пор, как возникло общество, служит уже не биологическая эволюция, а процессы исторического развития общества. «Социальная дифференциация человеческого общества и его социальная структура определяются местом человека в общественном производстве, отношением людей к средствам производства и характером производственных отношений в целом. Бессмысленно искать какие-либо аналогии социальных отношений людей в поведенческих характеристиках и структуре животных сообществ... Если все живое развивается в системе двух составляющих — наследственности и среды — в их взаимодействии, то для человека как личности надо добавить третий элемент, а именно самого себя, свое собственное «эго» с индивидуальным миром духа, чувств, мыслей, страстей, поведения и собственных решений»¹⁵.

Вышеизложенные методологические позиции дают достаточно широкий простор для самого разнообразного научного поиска в области изучения конкретно-исторических ситуаций. Как показывают материалы настоящего сборника, особо ошутимое воздействие экологические факторы оказывали на наиболее ранних стадиях формирования аборигенных народов в Америке. Реконструкция древних биоценозов и климатов Нового Света с привлечением данных палеозоологии, палеоботаники, геологии и климатологии дает новые возможности для интерпретации процессов расообразования и истории заселения континента, для более углубленной трактовки древних культур.

Хотя возникновение производящего хозяйства в Америке не только было обусловлено природными изменениями на рубеже плейстоцена и голоцена, а явилось закономерным итогом развития общества, тем не менее зависимость «неолитической революции» от экологических причин выступает здесь с большей наглядностью и вероятностью, чем в Старом Свете. Экологические изменения происходили по всему континенту и отчасти способствовали возникновению очагов производящего хозяйства, точнее — комплексного хозяйства, сочетавшего производящие и присваивающие отрасли. Первые следы культивации растений и domestikации животных в Мезоамерике и в Андах (VII—VI тысячелетия до н. э.) следуют за вымиранием многих крупных плейстоценовых млекопитающих, на которых охотились палеоиндейцы.

Понимая всю первостепенную значимость социальной дея-

тельности людей в определении основных тенденций и этапов всемирно-исторического процесса, необходимо также признать, что сами по себе социологические законы общественных взаимодействий недостаточны для объяснения всего многообразия культурного облика аборигенных народов Америки. Различные типы среды обитания (арктическая тундра, тайга, прерии, тропические леса и т. д.) определили разнообразие материального производства в разных экологических средах, возникновение и границы распространения культурно-хозяйственных типов. Огромные в пространственном отношении древние культурно-хозяйственные общности уже по мере развития производительных сил в конкретных природных условиях распались на более мелкие, обусловив у одних народов распространение земледелия и скотоводства, у других — присваивающих форм экономики.

Изучение конкретных условий обитания индейских этносов позволяет выявить их влияние не только на весь комплекс материальной культуры, но и через него — на формирование некоторых бытовых явлений, привычек, норм, системы ценностных ориентаций. Последняя лежит в основе духовной культуры американских индейцев, т. е. в основе моральных и этических представлений, выраженных очень часто в специфических формах религиозных идеологий. Народное искусство, особенно песня и танец, прикладное искусство, традиционная архитектура индейцев практически всегда тем или иным образом связаны с природой, которая либо служит источником вдохновения, либо сама определяет какие-то элементы духовного творчества.

Традиционная культура индейцев неизменно вызывает восхищение исследователей совершенством механизмов адаптации к среде обитания, умением сохранять длительный баланс во взаимоотношениях со средой путем главным образом осуществления природоохранных мер. Хорошо известны системы строгого ограничения времени, места и масштабов охоты на животных, сбора растений. Индейцы считали недопустимым необоснованное уничтожение зверя или причинение ему вреда. Особо жесткие ограничения и запреты касались крупных промысловых животных. При охоте, рыбной ловле, сборе диких плодов, уходе за растениями (дикими и культурными) и домашними животными индейцы руководствовались правилами, которые по существу основаны на знании биологических циклов животных популяций, повадок животных, вегетационных циклов растений и тех пределов, в которых уничтожение особей того или иного вида не препятствует его воспроизводству.

Проблема воспроизводства жизнедеятельности людей и их исторических сообществ как процесса, находящегося в прямой зависимости от воспроизводства главных компонентов живой природы, нашла отчетливое отражение в общественном сознании первобытных и раннеклассовых коллективов. Это отражение причинно-следственных связей между характером, уровнем, способом включения ресурсов живой природы в цикл воспроизводства

хозяйственной деятельности человеческих коллективов и проистекающими отсюда изменениями в циклах воспроизводства растений и животных по существу было отражением адекватным, но иллюзорным и мистифицированным по форме. Однако общественное сознание индейцев являлось не пассивным и созерцательным: оно эффективно регулировало отношения людей с миром природы; действуя посредством устойчивых норм морали и религиозных форм регламентаций, жестко закрепленных традицией.

Можно было бы привести много примеров проявления сложного этического, ритуального и мифологического комплекса, определяющего поведение коренных жителей Америки по отношению к природной среде. В доклассовых и раннеклассовых индейских обществах любые табу и предписания в связях с природой были обоснованы исключительно мифологией. В сознании индейцев и эскимосов эти правила диктовались необходимостью сохранения жизни и здоровья общества и индивида перед лицом населяющих окружающий мир сверхъестественных сил. Таким образом, для аборигенов Америки ритуально-мифологический и хозяйственный аспекты взаимоотношений с окружающим миром были нерасчленимы, т. е. взаимоотношения человека со средой отразились в мифологии и обрядности, а религиозные и мифологические представления в свою очередь стали мощными и эффективными регуляторами норм хозяйственной деятельности.

Отмечая высокую степень развития адаптационно-адаптирующего комплекса в культуре индейских этносов, нельзя в то же время идеализировать культурную адаптацию аборигенных обществ. Специалисты справедливо отмечают, что на начальных этапах развития производительных сил и человеческих знаний культурная адаптация редко оказывалась совершенной. Это проявлялось как в неполном или нерациональном использовании всех возможностей жизнеобеспечения, предоставляемых природной средой, так и в неполной защите от неблагоприятных воздействий этой среды¹⁶. Неполнота адаптации, проявления негативных, разрушительных сторон экологических связей объяснялись не только такими фундаментальными факторами, как уровень развития производительных сил или необходимость освоения огромных территорий континента с самыми разными природными условиями. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что рациональность и совершенство в человеческом опыте — чаще всего результат проб, ошибок и отбора, предполагающие диалектическое наличие элементов и проявлений иррациональности в сфере культуры. Эта иррациональность вполне естественно находила свое проявление и в отношениях индейцев с окружающей средой. Поэтому попытки некоторых американских историков и этнографов представить индейцев исключительно как «подлинных защитников природы» или как «первых экологов Америки»¹⁷ нуждаются в серьезных коррективах.

Но что бесспорно, так это уникальная значимость экологического опыта, накопленного аборигенами Америки в процессе

длительной эволюции, не только для современного существования индейских народов, но и в целом для человечества, столкнувшегося во второй половине XX столетия с целым комплексом глобальных экологических проблем. Этот опыт был в свое время жестоко деформирован и во многом разрушен европейской колонизацией, а затем утвердившейся на значительной части континента технократической цивилизацией современного капитализма, в которой аборигенному населению не нашлось достойного места. В результате колониальной экспансии и угнетения в прошлом, осуществления современных программ хозяйственного освоения исконных индейских территорий в странах Америки оказались нарушенными многие из традиционных методов ведения хозяйства, уничтожена сама среда, обеспечивавшая жизненные условия индейских этносов. Вот почему проблемы окружающей среды, понятие «жизнеобеспечение» сегодня оказались в центре экономических, политических и духовных устремлений коренных народов Америки, получили особое ценностно-идеологическое звучание в борьбе индейцев и эскимосов за свои права.

- ¹ Об этом см.: *Дудина Н. Е.* К. Маркс и Ф. Энгельс о взаимодействии общества и природы // *Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия*/Отв. ред. М. П. Ким. М., 1981.
- ² Анализ более общих методологических подходов см.: *Горизонты экологического знания: Социально-философские проблемы*/Отв. ред. И. Т. Фролов. М., 1986.
- ³ *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 245.
- ⁴ *Козлов В. И.* Основные проблемы этнической экологии // *Сов. этнография*. 1983. № 1. С. 8.
- ⁵ *Marsh G. P.* Man and nature: Or physical geography as modified by human actions. N. Y., 1864. Через два года книга вышла в русском переводе: *Марш Г.* Человек и природа, или о влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. СПб., 1866.
- ⁶ О нем см.: *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 219—242, а также: *Енгибарян С. Е.* Экологическое направление в американской культурной антропологии // *Философские проблемы культуры*. Тбилиси, 1980.
- ⁷ Критический анализ социобиологии см.: *Керимский А. М.* Социальный биологизм: природа и идеологическая направленность. М., 1984. *Никольский С. А.* Социобиология — биология человека? // *Буржуазная философская антропология XX века*/Отв. ред. Б. Т. Григорьян. М., 1986.
- ⁸ *Wilson E. O.* Sociobiology: The new synthesis. Cambridge (Mass.), 1975. P. 3.
- ⁹ *Foley R.* Anthropology and behavioural ecology // *Anthropol. Today*. 1986. V. 2, N 6. P. 14.
- ¹⁰ *Varash D. P.* Human reproductive strategies: A sociobiological overview // *The evolution of human social behavior*. N. Y., 1980.
- ¹¹ *Фролов И. Т.* Социология и этика познания жизни человека // *Природа*. 1982. № 9. С. 37.
- ¹² Оценку теории коэволюции см.: *Никольский С. А.* Указ. соч. С. 184—186.
- ¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 714.
- ¹⁴ Там же. Т. 23. С. 188.
- ¹⁵ *Беляев Д.* Генетика, общество, личность // *Коммунист*. 1987. № 7. С. 90—93.
- ¹⁶ *Козлов В. И.* Указ. соч. С. 10.
- ¹⁷ *Jacobs W. R.* The great despoliation: Environmental themes in American frontier history // *Pacif. Hist. Rev.* 1978. V. XLVII, N 1. P. 5; см. также: *Hughes J. D.* American indian ecology. El Paso, 1983.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ АМЕРИКИ

ЗОНАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РАСОБРАЗОВАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ АМЕРИКИ

В. П. Алексеев

В 1921 г. академик В. Л. Комаров обратил внимание на закономерности меридионального распространения организмов, т. е. на сходные вариации в пределах родственных таксонов, проявляющиеся в соответствии с долготой¹. К сожалению, итоги исследования были опубликованы в виде кратких тезисов, и в дальнейшем, выводы автора не получили развития ни в ботанической, ни в зоологической литературе. Антропологи рассматривали сам принцип аazonального расообразования, пытались его приложить к своему материалу, но не смогли привести достаточно убедительные доказательства тому, что аazonальное расообразование играло сколько-нибудь серьезную роль в процессах формообразования на протяжении истории вида *Homo sapiens*².

Почти одновременно с тезисами В. Л. Комарова была опубликована работа академика Л. С. Берга о биполярном распространении организмов³, позже расширенная и опубликованная в более полном виде⁴. В отличие от В. Л. Комарова, опиравшегося в основном на ботанические данные, Л. С. Берг пользовался зоологической информацией, в частности в связи со своей основной специальностью использовал данные о географическом распространении рыб. Концепция Л. С. Берга сводилась к тому, что биполярное распространение организмов, проявляющееся в наибольшей степени в умеренных зонах южного и северного полушарий, представляет собой следствие отражения результатов длительного существования ледниковой эпохи в развитии органического мира. Одним из таких результатов было повсеместное похолодание тропического пояса, позволившее осуществиться миграциям южных форм на север и наоборот. Окончание ледниковой эпохи привело к прекращению этого обмена фаунами, и вследствие резкого потепления тропического пояса способствовало вытеснению холододолюбивых форм из тропиков на южную и северную периферии и закреплению прерывистых биполярных ареалов многих видов. Зональный принцип в формообразовании нашел в явлении биполярности блестящее подтверждение.

Вне зависимости от этих биологических наблюдений тот же принцип был продемонстрирован на основе анализа антропологических данных о коренном населении Америки. М. Ньюман поставил своей целью проверить, в какой мере могут быть распространены на человека так называемые экологические правила⁵. Он использовал вариации длины тела, размеров головы (сумма горизонтальных диаметров) и размеров лица (сумма высоты лица и скуловой ширины) в индейских популяциях. В анализ были включены данные о ныне живущем населении, нанесенные на географическую карту. Карты всех признаков достаточно показательны — минимальные вариации падают на Центральную Америку, на север и на юг они увеличиваются. Из этого был сделан справедливый вывод о возможности распространения на человека известного экологического правила Бергмана, согласно которому северные и южные формы отличаются более крупными размерами по сравнению с тропическими.

Автор настоящей статьи обратился к принципу биполярности для объяснения морфологического сходства эскимосов и огнеземельцев⁶. Морфологические комплексы, характерные для обеих групп, рассматривались как биполярные расы, не имеющие, правда, общего происхождения, а образовавшиеся в процессе адаптации к суровым условиям американской Арктики и Огненной Земли. Аргументировалась и противоположная точка зрения, в соответствии с которой предков эскимосов и огнеземельцев связывает изначальное антропологическое родство, в обеих группах представлен палеоамериканский комплекс признаков, вытесненный из других районов более поздними мигрантами и сохранившийся лишь на арктической и антарктической окраинах⁷. На пути принятия этой точки зрения стоят различия между эскимосами и огнеземельцами по вариациям генетических маркеров⁸, а также отчетливо выявленное морфологическое и генетическое тяготение эскимосов к североазиатским популяциям⁹.

При рассмотрении эскимосов и огнеземельцев в качестве биполярных рас был затронут в целом вопрос о зональном расообразовании. Для иллюстрации составлена и опубликована карта вариаций носового указателя на территории обеих Америк, опирающаяся на близкий к современности краниологический материал. По мере увеличения находящихся в нашем распоряжении материалов карта усложнялась¹⁰, но не менялась по существу: более широконосые формы сосредотачиваются в центральных районах, к северу и югу величина носового указателя уменьшается. И. Швидецкая, опираясь на неоднократно публиковавшиеся коэффициенты корреляции ширины носа и носового указателя со среднегодовой летней и зимней температурой, установила специальное специфическое, свойственное только человеку экологическое правило Томсона—Бакстона¹¹, согласно которому широконосые формы концентрируются преимущественно в тропиках, на юг и на север от тропического пояса ширина носа и

носовой указатель уменьшаются. Правило это, как показало картографирование носового указателя, ясно прослеживается на территории Америки.

Совершенно естественно, что дальнейшая разработка проблемы зонального расообразования на территории Америки крайне желательна, так как Америка уникальна среди других частей света в двух отношениях — строго долготное географическое положение и отсутствие мощного культурно-исторического и антропологического субстрата, который имел бы среднепалеолитический или тем более нижнепалеолитический возраст. Процесс расообразования в рамках истории человека современного типа может быть поэтому прослежен здесь в чистом виде. Удобным для подобного исследования в синхронном разрезе, т. е. на близком к современности хронологическом уровне, является краниологический материал, данные о котором, полученные разными учеными, полностью сравнимы. Состояние изученности этих данных неодинаково, к сожалению, в Южной и Северной Америке: с территории Южной и Центральной Америки происходят 9 серий послеколумбовой эпохи¹², с территории Северной Америки — 55 серий¹³. Но все же в целом этот материал охватывает всю территорию, начиная от Огненной Земли и кончая самыми северными районами Канады и Аляски.

В качестве метода анализа перспективным выглядит использование коэффициентов корреляции величин признаков с географическим положением серий. Для каждой серии фиксировано положение в градусах северной и южной широт. Коэффициент корреляции рассчитывался для вариаций каждого признака в сопоставлении с градусной сеткой отдельно для южного и северного секторов западного полушария. В связи с линейным распределением градусных обозначений отдельные коэффициенты вычислялись по формуле Бравэ, как раз и предложенной в непараметрической статистике для совокупностей, не подчиняющихся закону нормального распределения. Оценка статистической значимости коэффициентов корреляции производилась согласно рекомендациям авторитетных биометриков с помощью таблиц для оценки коэффициентов, вычисленных по формуле Пирсона.

Набор признаков, которые были включены в подсчет, целиком определяется набором измерений, фигурирующих в краниологических работах американских авторов. Он включает продольный, поперечный и высотный диаметры черепной коробки, верхнюю высоту лицевого скелета и скуловую ширину, высоту и ширину орбиты, высоту и ширину носа. Чтобы получить общую характеристику размеров головы, вычислялся черепной модуль как кубический корень из произведения трех основных черепных диаметров. Аналогичным образом был получен лицевой модуль — квадратный корень из произведения лицевых размеров. Результаты расчетов, составляющих часть более общей работы, опубликованы отдельно¹⁴ и здесь рассматриваются лишь постольку, поскольку относятся к интересующей нас теме.

Совершенно очевидно, что при 9 наблюдениях для Южной Америки все коэффициенты корреляции не имеют статистической значимости. Строго говоря, этими коэффициентами нельзя пользоваться с формальной точки зрения, так как величина их абсолютно случайна и может как угодно измениться при дальнейшем увеличении числа наблюдений. Но в нашем распоряжении есть способ неформальной проверки — совпадение величины и направления коэффициентов корреляции для южного и северного секторов западного полушария. В северном секторе, т. е. на территории Северной Америки, статистически значимые коэффициенты получены для черепного модуля, скуловой ширины и ширины носа. Коэффициент корреляции, вычисленный для носового указателя, также оказался значимым. Для всех этих признаков коэффициенты корреляции в Южной Америке имеют то же направление и аналогичную величину, т. е. совпадают в своих характеристиках с коэффициентами в Северной Америке. На этом основании можно думать, что перечисленные признаки в пределах всей Америки действительно характеризуются географическим распределением, которое находит отражение в величине и направлении коэффициентов корреляции.

Как интерпретировать полученные зависимости между вариациями перечисленных краниологических признаков и широтной градусной сеткой? Безусловно, они предопределяют поддержку всех предшествующих наблюдений, свидетельствующих о действии экологических правил Бергмана и Томсона—Бакстона начиная с эпохи заселения Америки человеком. Адаптивный процесс, отраженный в правиле Бергмана, реализуется через систему сложных физиологических связей, меняющихся вслед за изменением соотношения веса и поверхности тела. Соотношение поверхности и веса тела более благоприятно во влажных тропиках при малых размерах тела и его частей, в холодном климате — при больших размерах. Физиологическое значение различных размеров носовой области менее ясно, но, теоретически говоря, вероятно, что большая площадь слизистых оболочек и значительная величина носового хода благоприятны во влажном тропическом климате, обеспечивая повышенную испаряемость, обратные характеристики благоприятны при холодном климате, уменьшая теплоотдачу. И общебиологические, и антропологические наблюдения показывают, что подобные адаптации образуются под влиянием естественного отбора, который, как предполагалось, действует в таких случаях на протяжении ряда поколений¹⁵.

В связи с представлениями, широко распространенными до недавнего времени среди антропологов о действии отбора лишь на ранних стадиях расообразования и полном снятии его в более поздние эпохи истории человечества, рассмотренные выше адаптации должны были сложиться на ранних стадиях заселения Америки человеком. Однако против такого вывода теперь можно привести весомые аргументы. Фундаментальные теоретические

исследования И. И. Шмальгаузена показали, что лишь одна из форм отбора — стабилизирующий отбор — выступает в виде формообразующей силы; дизруптивная форма приводит, наоборот, к дифференциации и распаду вида¹⁶. По отношению к человеку было аргументировано существование специфической формы отбора — рассеивающей, которая проявляет себя в формировании морфофизиологической специфики отдельных популяций при панэйкуменном расселении человеческого вида, но не затрагивает динамики признаков видового комплекса¹⁷.

Помимо чисто теоретических разработок, изменивших наши представления о формах, направлении и хронологических рамках действия отбора в человеческом обществе, имеются и экспериментальные аргументы в пользу отказа от традиционной точки зрения на роль отбора. Речь идет о мощном потоке исследований на протяжении последних двух-трех десятилетий, посвященных балансируемому полиморфизму, который характерен для всех человеческих популяций и целиком контролируется отбором¹⁸.

В свете всего сказанного по-новому выглядят результаты старого исследования Р. Ньюмана и Э. Мунро¹⁹. Они опубликовали результаты измерений 15 тыс. рекрутов — белых американцев в США, разделив их по штатам. Вес и длина тела обнаруживают в пределах исследованного контингента значительные корреляции со среднегодовой температурой, средними температурами июля и января. Эффективность правила Бергмана получает подтверждение и в этом случае. В рамках традиционного взгляда на отбор как фактор, действовавший лишь на раннем этапе расообразования, отмеченные Р. Ньюманом и Э. Мунро географические правильности в вариациях антропологических признаков у белого населения США, подходящие под правило Бергмана, оставались бы необъяснимыми.

Новейшие данные о скорости действия отбора, полученные в экспериментальных условиях, свидетельствуют о том, что отбор действует с исключительной резкостью начиная с первых поколений и что перестройка морфофизиологического комплекса происходит на популяционном уровне с большой скоростью²⁰. Учет этого обстоятельства позволяет объяснить проявление зональных тенденций в расообразовании на территории Америки, начиная с эпохи заселения ее первыми людьми и кончая появлением там населения африканского и европейского происхождения.

¹ Комаров В. Л. Меридиональная зональность организмов // Дневник Всероссийского съезда русских ботаников в Петрограде в 1921 г. Пг., 1921.

² См., например: Алексеев В. П. Географические очаги формирования человеческих рас. М., 1985.

³ Берг Л. С. Биполярное распространение организмов и ледниковая эпоха // Изв. АН СССР. 1920. Т. 14, № 1—18.

⁴ Берг Л. С. Биполярное распространение организмов и ледниковая эпоха // Климат и жизнь. М., 1947. Перепечатано: Берг Л. С. Избр. труды. 1962. Т. V.

- ⁵ *Newman M.* The application of ecological rules to the racial anthropology of the aboriginal New World // *Amer. Anthropol.* 1953. V. 55, N 2; *Schwidetzky I.* Neuere Entwicklungen in der Rassenkunde des Menschen // *Die neue Rassenkunde*/Hrsg. von I. Schwidetzky. Stuttgart, 1962.
- ⁶ *Алексеев В. П.* Антропологическое своеобразие коренного населения Америки и биполярные расы (о связи антропологии с географией) // *От Аляски до Огненной Земли.* М., 1967.
- ⁷ Аргентинский антрополог И. Имбеллони был автором и наиболее последовательным защитником этой точки зрения. Итоговая работа: *Imbelloni I.* Rassenotypen und Biodynamik von Amerika // *Historia Mundi.* Bern, 1952. Bd. I. Современная защита этой точки зрения: *Зубов А. А.* О физическом типе древнейшего населения Америки // *Сов. этнография.* 1968. № 4; *Он же.* О расовом типе аборигенного населения Америки // *Расы и народы.* М., 1978. Вып. 8.
- ⁸ Сводка данных: *Mourant A., Kopec A., Domaniewska-Sobczak K.* Distribution of human blood groups and other polymorphisms. L., 1976.
- ⁹ См. дискуссию: *Curr. Anthropol.* 1979. V. 20, N 1.
- ¹⁰ Последний вариант: *Алексеев В. П.* Географические очаги формирования человеческих рас.
- ¹¹ *Schwidetzky I.* Neuere Entwicklungen in der Rassenkunde des Menschen.
- ¹² Мексика условно отнесена к южному сектору из-за малого числа серий, происходящих с территории собственно Южной Америки, и морфологического и генетического сходства, объединяющего центральноамериканские и южноамериканские популяции. С учетом этой оговорки для южного сектора использованы следующие работы: *Stewart T., Newman M.* Anthropometry of South American Indian skeletal remains // *Handbook of South American Indians.* N. Y., 1950. V. 6; *Tacoma J.* American Indians from Suriname: A physical anthropological study. Utrecht, 1963; *Idem.* Craniology of Aruban Indians // *Homenaje a Juan Comas en su 65 aniversario.* México, 1965. V. II; *Гинзбург В. В.* Антропологическая характеристика древних аборигенов Кубы // *Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР.* Л., 1967. Т. XXIV; *Genoves S.* Anthropometry of late prehistoric human remains // *Handbook of Middle American Indians.* Austin, 1970. V. 9.
- ¹³ Используются работы: *Дебец Г. Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // *Тр. Ин-та этнографии АН СССР.* Н. С. 1951. Т. XVII; *Alexeev V.* The craniology of the Asiatic Eskimo // *Arct. Anthropol.* 1964. V. 2, N 2; *Bass W., Evans D., Jantz R.* The Leavenworth site cemetery; archaeology and physical anthropology. Lawrence (Kans.), 1971; *Wilkinson R.* Prehistoric biological relationship in the Great Lakes region // *Anthropol. Pap. Mus. Anthropol. Univ. Mich.* 1971. N 43; *Robbins L., Neumann G.* The prehistoric people of the Fort: ancient culture of the central Ohio valley // *Anthropol. Pap. Mus. Anthropol. Univ. Mich.* 1972. N 47; *Алексеев В. П., Балуева Т. С.* Материалы по краниологии наукавских эскимосов (к дифференциации арктической расы) // *Сов. этнография.* 1976. № 1. Кроме того, использованы данные о серии черепов индейцев хайда, измеренных автором осенью 1977 г. в Музее Филда при любезном содействии Дж. Ван-Стоуна.
- ¹⁴ *Алексеев В. П.* Географические очаги формирования человеческих рас.
- ¹⁵ Об интенсивности отбора см.: *Cook L.* Coefficients of natural selection. L., 1971.
- ¹⁶ *Шмальгаузен И. И.* Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора). М.; Л., 1946; 2-е изд. Новосибирск, 1968.
- ¹⁷ См. об этом: *Алексеев В. П.* О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций // *Сов. этнография.* 1976. № 4.
- ¹⁸ Обзор см.: *Эфроимсон В. П.* Иммуногенетика. М., 1971.
- ¹⁹ *Newman R., Munro E.* The relation of climate and body size in US males // *Amer. J. Phys. Anthropol.* N. S. 1955. V. 13, N 1.
- ²⁰ Известные исследования Д. К. Беляева и его сотрудников по одомашниванию серебристо-черных лисец.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ АМЕРИКИ В СВЕТЕ ДАННЫХ ПОПУЛЯЦИОННОЙ ГЕНЕТИКИ

Р. И. Сукерник, М. Г. Кроуфорд, Л. П. Осипова,
В. П. Вибе, М. С. Шенфилд

Человек проник на Американский континент на относительно позднем этапе своей естественной истории, примерно 20 тыс. лет назад, т. е. в конце плейстоцена, когда Африка и значительная часть Евразии уже были заселены*. Такое запоздалое освоение Нового Света нетрудно объяснить: суровые условия жизни на ближайших подступах к Америке предъявляли высокие требования к человеческим коллективам. Прародительская популяция, какой бы малой она ни была, нуждалась в таком запасе биологического разнообразия, который обеспечил бы ей расселение и последующее приспособление ее дочерних групп. В противном случае освоение необозримых пространств Нового Света, отличающегося беспредельным спектром изменчивости климата, ландшафтов, растительного и животного мира за относительно короткое эволюционное время (несколько сотен поколений), оказалось бы невозможным.

По всей вероятности, первыми поселенцами Американского материка были сибирские охотники — жители древней Берингии. Закаленные холодом и привыкшие к суровой полукочевой жизни, они сумели достичь внутренних районов Америки, богатых дикими травоядными. Но наступление очередного ледникового периода надолго отрезало небольшую вначале группу людей от внешнего мира. Как сложилась судьба первых поселенцев Америки, оказавшихся по воле случая участниками уникального эксперимента, поставленного природой?

Пытаясь восстановить неясные до сих пор события глубокой древности, мы решили обратиться к популяционной генетике в надежде, что полученные данные помогут в конечном счете заполнить первые страницы истории расселения человека на земном шаре.

В конце плейстоцена четверть Евразии и три четверти Северной Америки были покрыты ледниками. Чукотка и Камчатка, соединенные с западной Аляской сухопутным мостом шириной около 1 тыс. км, образовывали единую зоогеографическую область — Берингию, отгороженную континентальным льдом частично от внутренних районов Сибири и полностью от центральных областей Америки. Именно из этой обширной страны с крайне суровым, лишь в южных районах смягченным бли-

* Многие археологи и антропологи на основании значительно более ранних серий радиоуглеродных дат с территории Северной Америки утверждают, что первые группы охотников появились на Аляске 35—40 тыс. лет назад (прим. отв. ред.).

зостью Тихого океана климатом человек начал свое эпохальное освоение Арктики. Первыми жителями Берингии во время последнего оледенения (20—11 тыс. лет назад) были редкие группы сибирских охотников на крупных травоядных — мамонта, шерстистого носорога, овцебыка, бизона, мелких лошадей и северных оленей. Полосы суши между отступившим морем и континентальным льдом связывали жителей Берингии со Старым Светом. Одна такая полоса (шириной до 500 км) — от Таймыра до Аляски — включала Новосибирские острова и о-в Врангеля, другая, идущая вдоль побережья Охотского моря, связывала Берингию с южными районами Восточной Сибири. Сибирские охотники на мамонта по меньшей мере дважды могли попасть в Новый Свет — в начале последнего оледенения, когда проход в Канадском горном массиве, соединявший западную Аляску с неоледеневшими областями Америки, был еще свободен ото льда, и в конце оледенения, незадолго до того, как возникшее на месте сухопутного моста Берингово море разъединило обитателей Чукотки и Аляски.

Глобальное потепление и таяние ледников в начале голоцена (10 тыс. лет назад) привели к повышению уровня Мирового океана; изменились климат и окружающая среда, вымерли мамонты. Основным объектом охотничьего промысла в приполярных районах стали олень и лось. Обилие морских млекопитающих, птицы, рыбы в северной части Тихого океана способствовало формированию культуры оседлых морских охотников. На северо-западе Америки началось смещение населения Аляски и прилегающих районов Американского материка, чему на протяжении многих тысячелетий препятствовал Канадский ледяной барьер¹.

Чтобы лучше представить реальную картину далекого прошлого, необходимо прежде всего изучить демографическую и генетическую структуру редких ныне генетических изолятов азиатского Севера, связанных с древним населением Сибири. Такой по существу уникальной популяцией является самый северный в Евразии народ — нганасаны Таймыра (численность их примерно 700 человек). Благодаря обилию дикого северного оленя, географической удаленности и обособленности нганасаны дольше других народов, обитавших в приполярных районах Северного полушария (саамы Скандинавии, юкагиры и чукчи Сибири, эскимосы-карибу Канады), сохраняли основные черты внутренней биосоциальной структуры, свойственной всем этим популяциям в то время, когда они жили преимущественно охотой на дикого оленя. Вот почему сведения о социальной организации нганасан, которые еще совсем недавно сохраняли родо-племенной строй, могут быть использованы для построения модели древнейших популяций континентальных охотников Берингии.

Нганасаны, жившие стойбищами (несколько чумов, поставленных по соседству), каждую весну и осень перемещались поближе к речным переправам на путях массовых сезонных мигра-

ций дикого оленя из леса в тундру и обратно. Территориальную группу из нескольких нганасанских стойбищ, кочующих в пределах определенной территории, можно рассматривать как субпопуляцию. Два-три десятилетия назад численность такой субпопуляции (когда нганасаны еще не жили в поселках) составляла 60—150 человек. Полстолетия назад нганасанское стойбище включало, как правило, 2—4 чума, в которых жили 20—30 человек, приходившихся друг другу родственниками или свойственниками². В благополучные периоды нганасанской истории естественный прирост приводил в некоторых стойбищах к несоответствию между чрезмерной концентрацией жителей и доступными жизненными ресурсами, что неминуемо заканчивалось их делением. В неблагоприятные периоды, когда изменение экологической обстановки приводило к снижению численности северного оленя, соответственно снижалась и численность нганасаа, что сопровождалось слиянием маломощных стойбищ, неспособных к самостоятельному существованию. Хотя это и способствовало сокращению осваиваемой нганасанами территории, объединение хиреющих семейных кланов диктовалось жизненной необходимостью иметь оптимальную численность и половозрастной состав в каждом стойбище и во всей территориальной группе (субпопуляции) как для коллективной охоты, так и для заключения экзогамных браков.

Реконструируемую популяцию охотников на северного оленя можно, хотя и безоговорочно, рассматривать как вариант универсальной модели популяции охотничье-собираетельского типа, впервые предложенной Дж. Нилом³. В соответствии с той ролью, которую Нил отводит процессам деления и слияния в сохранении популяционной структуры индейских племен зоны влажного тропического леса Южной Америки, модель получила название «дробление — слияние» (*fission — fusion model*). Из нее следует, что равновесие между более плотно и менее плотно населенными территориями в пределах земель, занимаемых одним племенем, поддерживается за счет периодического (каждые два — четыре поколения) исхода из разросшейся деревни группы кровных родственников. Такая группа может основать собственное поселение на незанятой территории или поселиться в другой обычно малочисленной деревне. Примечательно, что набор генов и их частот в отпочковывающемся семейном клане представляет благодаря скоплению родственных геномов (геном — совокупность всех генов в индивидуальном организме) неслучайную выборку из родительской популяции, что в конечном счете приводит к неравномерному, причудливому распределению генофонда племени по его территории. Такая генетическая микродифференциация при соответствующих условиях может привести к важным эволюционным последствиям. При наличии свободных охотничьих угодий как предпосылки для роста численности и последующей территориальной экспансии «неслучайная» миграция обеспечивает более высокий темп диверген-

ции, чем предсказывает теория случайных процессов — генетический дрейф. Вычленение конгломерата близких родственников из разросшейся родительской группы — первый шаг на пути к образованию нового племени на сопредельной территории. Высокая степень внутрипопуляционной изменчивости, поддерживаемая в кочующих охотничьих коллективах при помощи социального механизма, служит залогом выживания и последующего разрастания отдельных семей в случае резких перемен в окружающей природной среде.

Пока западная Аляска была тупиком Сибири, в соответствии с рассмотренной моделью численность популяции колебалась незначительно. Ситуация резко изменилась, когда в начале последнего оледенения внутренние районы Америки с их неиссякаемыми источниками животной пищи впервые стали доступными для человека. Та охотничья группа, которая обладала большей способностью к изготовлению необходимых орудий охоты, начинает быстро увеличивать свою численность, прежде всего за счет рождаемости. Достигнув критического уровня плотности, разросшаяся популяция распадалась на отдельные кровнородственные группировки. Часть из них, чтобы обеспечить себя жизненными ресурсами, покидала традиционные места обитания. На сопредельной территории весь цикл повторялся в той же последовательности: экспоненциальный рост численности, деление, миграция отдельных родственных семей на расстояние, достаточное, чтобы обеспечить себя пищей, но не столь далекое, чтобы оказаться в длительной репродуктивной изоляции, угрожающей вымиранием.

Загадочной остается численность предковой группы, с которой началось первоначальное заселение Америки. Суровый климат и вследствие этого низкая плотность населения древней Берингии наводят на мысль о том, что средний размер популяции охотников на мамонта не должен был существенно превышать средний размер популяции охотников на оленя и лося, живших в более позднее время. Судя по тому что известно о численности и плотности нганасан, юкагиров, чукчей в XVII в., численность одного племени в зоне северного леса Восточной Сибири составляла несколько сотен (порядка 500) человек при плотности 1—2 человека на 100 кв. км. Дж. Нил и Ф. Сальзано подсчитали, что достаточно было одной группе берингийских охотников из 400 человек «проникнуть» в Новый Свет 15 тысячелетий назад, чтобы при естественном приросте всего лишь 1,4 на поколение породить в итоге те 10 млн индейцев, которые населяли Северную, Центральную и Южную Америку к приходу первых европейцев в середине нашего тысячелетия⁴.

Низкая плотность населения, препятствовавшая передаче микроорганизмов, возбудителей заразных болезней, не могла не сказаться благоприятным образом на популяционной динамике первых американцев. И в наши дни единичные племена

индейцев Южной Америки (яномамо), живущие малочисленными (в несколько десятков человек) деревнями, разбросанными по обширной территории на стыке Бразилии и Венесуэлы, отличаются от своих соседей непрерывным ростом численности и хорошим здоровьем.

Как известно, любая человеческая популяция — смесь генотипически неодинаковых, за исключением однойцевых близнецов, индивидуумов, у которых многие гены присутствуют в данном месте хромосомы (генном локусе) в виде аллелей. Последние представляют собой варианты формы или состояния одного и того же гена. Если оба аллеля — унаследованный от отца и полученный от матери — одинаковы, то можно говорить о гомозиготности по данному гену. В случае, когда аллели оказываются разными, индивидуум считается гетерозиготным. Зная частоты аллелей в ряде генных локусов, можно подсчитать среднюю гетерозиготность, которая служит удобным показателем наследственного, генного разнообразия в популяции. Человеческие популяции, различающиеся по уровню средней гетерозиготности, варьируют по состоянию здоровья и по способности к воспроизводству следующего поколения. В ситуации, когда естественный отбор предъявляет одинаковые требования нескольким популяциям, повышенный уровень гетерозиготности обеспечивает преимущество при формировании наиболее приспособленных генотипов.

Известно, что в природных популяциях животных и растений естественный отбор гораздо чаще благоприятствует особям, гетерозиготным по многим локусам. В изменчивой среде гетерозиготы благодаря компенсационным биохимическим механизмам приобретают определенные преимущества в борьбе за жизненные ресурсы и брачных партнеров. Исключительное значение в поддержании высокого генотипического разнообразия у многих древних групп имел, очевидно, характер формирования брачных пар. Исследованиями установлено, что последовательная полигиния (наличие нескольких жен или их смена) перегруппировывает разнообразный генофонд популяции, сложившийся в результате смешения представителей разных групп. Таким образом, каждое последующее поколение отличается от предыдущего уникальным генотипическим составом. Такая перетасовка разных по происхождению и физической структуре генов обеспечивала каждому поколению максимальные возможности для испытания отбором большого числа генных комбинаций. В итоге на сите естественного отбора задерживались лишь те, которые увеличивали выживаемость и повышали плодовитость⁵.

Можно предположить, что во времена первоначального заселения Америки межгрупповой отбор должен был благоприятствовать той группе, у которой при прочих равных условиях уровень гетерозиготности был более высоким, или, говоря иначе, выживала та популяция, которая обладала большей био-

логической приспособленностью. Вместе с тем оказалось, что уровень средней гетерозиготности в индейских популяциях Северной Америки выше, чем Южной. Приток новых генов со стороны Сибири в голоцене, носители которых легко преодолевали широкий Берингов пролив, — наиболее вероятная причина обнаруженных различий. Неолитическое время в Сибири отмечено нарастающим увеличением численности и плотности населения на юге и юго-западе континента, где формировались и смешивались разнородные, в том числе и в расовом отношении, племена и народности. Продвигаясь в редкозаселенную зону тайги, они поглощали биологически более однородные охотничьи группы или оттесняли их все дальше к северу и северо-востоку.

Еще в XVII столетии многие путешественники и естествоиспытатели отмечали внешнее сходство между народами Сибири и коренными жителями Америки. К середине нашего столетия благодаря исследованиям советских и американских антропологов были получены бесспорные аргументы в пользу азиатского происхождения американских индейцев. Однако антропометрические методы, широко используемые в антропологии, не позволили установить, насколько фенотипическое сходство между населением приполярной зоны Азии и Америки отражает генетическое родство (т. е. единство происхождения), а насколько оно — следствие естественного отбора (т. е. возникло благодаря многовековому влиянию сходной и одинаково суровой окружающей среды). Между тем традиционные антропометрические признаки (рост, вес, цвет волос и глаз, размеры черепа и др.), имеющие сложную наследственную основу фенотипической изменчивости и неотчетливо варьирующие в ограниченном географическом регионе, находятся под контролем многих генных локусов и формируются под влиянием как генотипа, так и среды. Поэтому биологическая изменчивость в каком-либо географическом регионе приобретает обычно черты непрерывности, затрудняющие оценку степени сходства и различия между соседними популяциями. На помощь классической антропологии пришли популяционная генетика, иммуногенетика и биохимическая генетика. Изучение представительного числа генетических маркеров (группы крови, в том числе и редкие, белки сыворотки, ферменты эритроцитов, аллотипы иммуноглобулинов), наследование которых подчиняется простым правилам Менделя, позволяет выявить дискретный характер изменчивости в регионе с разнородным населением, оценить роль отдельных факторов микроэволюции.

Чтобы оценить степень генетического сходства между двумя популяциями, необходимо сравнивать как сами гены, а точнее аллели, так и их частоты. В сумме частоты аллелей по данному генному локусу равны 1,0. Чем больше времени прошло с момента разделения одной предковой группы на две, тем меньше вероятность того, что по любому полиморфному ло-

кусу дочерние группировки будут обладать одинаковым набором аллелей, и тем большим должен оказаться размах аллельных частот. Присутствие или отсутствие того или иного аллеля представляет более надежную основу для интерпретации филогенетических связей между популяциями, чем различия в частотах. Важно отметить, что информативность генетических данных будет тем значительнее, чем больше генных локусов изучено и чем полнее исследованы сравниваемые популяции. Далеко не все генные локусы у человека доступны или удобны для изучения; еще меньше среди них информативных, содержащих более двух аллелей. Наиболее информативны семейства так называемых сцепленных генов, например HLA, детерминирующие антигены лейкоцитов, или система Gm, детерминирующая аллотипические маркеры иммуноглобулинов G-класса. Оба локуса отвечают за наследственное разнообразие в системе иммунитета. Распределение неслучайных ассоциаций этих аллотипов (Gm — гаплотипы) и их частот в трех больших расах человека — европеоидной, негроидной и монголоидной — позволило сделать вывод, что расы и отдельные популяции человека имеют различающиеся генофонды. В частности, в Северной Азии отличительным гаплотипом является «северомонголоидный» Gm (zabst), с максимальной частотой представленный у инганасан Таймыра. В Юго-Восточной Азии и Океании таким маркером оказался «южномонголоидный» Gm (fab), наиболее частый у полинезийцев (0,8). В Европе и у жителей Нового Света европейского происхождения доминирует «европеоидный» Gm (fb) гаплотип, концентрация которого варьирует в узких пределах (0,7—0,8) от одной популяции к другой (табл. 1) ⁶.

Мы не располагаем сведениями о генофонде жителей древней Берингии, подавляющая часть которой была затоплена морем еще 10 тысячелетий назад. Его реконструкция должна опираться не только на результаты изучения генетического состава населения, живущего по обе стороны Берингова пролива с незапамятных времен. Иначе говоря, для установления генетического эталона ранней берингийской популяции следует учитывать не только генофонд и генные частоты чукчей, эскимосов, индейцев Аляски и Канады, но и генный состав индейцев Южной Америки: хронология и особенности археологических памятников Нового Света указывают, что первоначальное заселение и освоение Южной Америки прямыми потомками берингийцев началось примерно 15 тыс. лет назад, т. е. до того, как Аляска и прилегающие к ней территории Северной Америки стали местом смешения первых переселенцев с новыми пришельцами из послеледниковой Сибири, носителями новых аллелей. Более чем вероятно, что первые жители Нового Света не имели в своем генофонде «северомонголоидного» гаплотипа Gm (zabst), который обнаружен с заметной частотой у чукчей, азиатских и американских эскимосов и индейцев Аляски (атапаски). Он, однако, редок у индейцев алгонкинов, жителей Великих Равнин,

Таблица 1. Частота встречаемости Gm гаплотипов в Сибири и Америке

Популяция	zag	zahg	zabst	fb	fab
Ненцы (р. Пур)	0,5	0,2	0,2	0,1	—
Нганасаны (Таймыр)	0,3	0,2	0,5	—	—
Тувинцы (Саяны)	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1
Чукчи (Чукотка)	0,7	0,1	0,2	—	—
Азиатские эскимосы	0,8	—	0,2	—	—
Американские эскимосы	0,8	—	0,2	—	—
Индейцы Северной Америки	0,8	0,1	0,1	—	—
Индейцы Южной Америки	0,8	0,2	—	—	—

и полностью отсутствует в племенах индейцев Южной Америки. Тот факт, что индейские племена Южной Америки содержат лишь два общих для монголоидов и европеоидов гаплотипа — Gm (zag) и Gm (zahg) — и не содержат маркерных Gm (zabst), Gm (fab) и Gm (fb) гаплотипов, служит веским аргументом в пользу теории, по которой предки американских индейцев покинули Азию до окончательного формирования монголоидов и тем более — до их разделения на североазиатскую и южноазиатскую ветви.

На основании полученных нами и другими авторами результатов сравнительного анализа данных по 16 полиморфным генным локусам, содержащим более 40 аллелей, можно сделать вывод, что среди народностей Сибири наибольшим генетическим сходством с индейцами обладают чукчи. Нганасаны имеют такой же качественный состав аллелей, что и чукчи и индейцы Северной Америки, но отличаются от тех и других аллельными частотами. Ненцы, живущие на северо-западной периферии ареала монголоидов, как и тувинцы, обнаруживают минимальное сходство с индейцами. Интересно, что отсутствие Gm (zahg) гаплотипа у эскимосов несколько отличает их от соседей — чукчей Азии и индейцев Америки. Против ожидания мы не обнаружили существенных различий между сибирскими и аляскинскими эскимосами. Несколько большими оказались различия между индейцами Аляски (атапасками) и алгонкинами, а наибольшими — между индейцами Центральной и Южной Америки с одной стороны, и атапасками — с другой, предки которых были разделены Канадским ледяным щитом в ледниковое время. Алгонкины, населявшие к приходу первых европейцев весь северо-восток Северной Америки, занимают промежуточное положение. Да это и неудивительно, если учесть, что они являются продуктом смешения первой «волны» сибирских охотников на мамонта в начале (20 тыс. лет назад) и второй «волны» в конце (12–11 тыс. лет назад) последнего оледенения.

Из недавних археологических открытий Ю. А. Мочанова в бассейне Лены известно, что 20–11 тыс. лет назад в Восточ-

ной Сибири была широко распространена дюктайская палеолитическая культура⁷. Следы этой культуры 12—11-тысячелетнего возраста обнаружены на Аляске и прилегающей к ней территории Северной Америки. Мы полагаем, что широкое расселение дюктайских охотников на мамонта и других крупных травоядных — следствие адаптивной эволюции малочисленной вначале охотничьей группы, освоившей новую территорию согласно предложенной нами модели. Учитывая вектор диффузии населения Северо-Восточной Азии в послеледниковое время, генетический эталон дюктайцев следует искать среди индейских групп Северной Америки. Несомненно, что чукчам, а тем более иганасанам предшествовали промежуточные популяции, по своему облику и материальной культуре более близкие к дюктайцам. Но если исходить из предположения, что среди малых народностей Сибири могут быть такие, которые генетически связаны с дюктайцами, то чукчи — наиболее вероятные претенденты на эту роль. Предками чукчей были охотники на лося в лесу и северного оленя в тундре, так называемые сумнагинцы, сменившие дюктайских охотников на мамонта. В неолитическое время в Северной Сибири распространились носители сыалахской культуры, которые в дополнение к охоте на копытных освоили речное и озерное рыболовство. Сыалахцы вели свое начало от верхнепалеолитических охотников, живших в межледниковых долинах Средней Сибири. Наиболее вероятные потомки сыалахцев — юкагиры и сформировавшиеся на их основе иганасаны. Хотя непосредственные предки эскимосско-алеутской общности (жители стоянки Анаnguла на о-ве Анаnguла) сложились на южных «осколках» Берингии (Алеутские острова) при непосредственном участии сумнагинцев, наиболее древние следы пребывания морских охотников и собирателей найдены в Приамурье, на Сахалине, в Северной Японии⁸.

Казалось бы, с возникновением Берингова моря тысячелетия географической разобщенности и частичной репродуктивной изоляции должны были привести к значительной гетерогенности популяций, живущих по разные стороны Берингова пролива с начала голоцена. Между тем чукчи, эскимосы, индейцы Аляски и северо-западных территорий Канады обладают не только почти одинаковым генным составом, но и сходными генными частотами. Среди причин генетического сходства, кроме общих корней в происхождении, могут быть ранние и поздние смешения. В то же время нельзя исключить влияние на отдельные локусы естественного отбора, которое должны были испытывать человеческие группы, существующие на холодной окраине мира с конца плейстоцена (рис. 1).

Сравнительный анализ сведений по геногеографии групп крови и генетических маркеров дал важные свидетельства «двухволновой» миграции из Восточной Сибири в Северную Америку в плейстоцене. По данным, приведенным в табл. 2, видно, что индейцы Северной Америки пима, пай и пуэбло (потомки

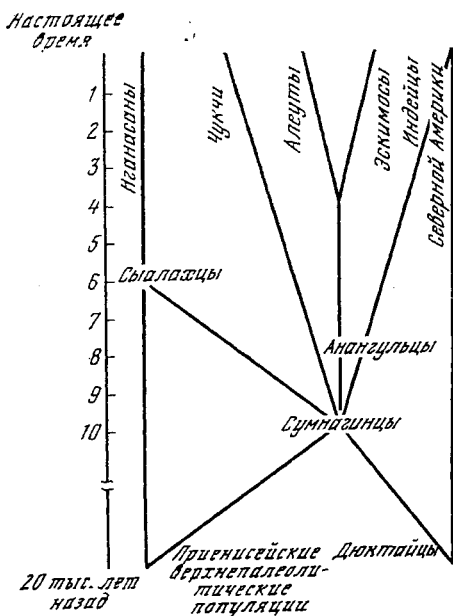

Рис. 1. Филогенетические связи предковых групп коренного населения Сибири и Америки

Первый тип распределения с отсутствующим «северомонголоидным» $Gm(zabst)$ характерен для палеоиндейцев, второй — с присутствующим гаплотипом, — для индейцев на-дене и чукчей, третий тип с отсутствующим $Gm(zaxg)$ — для эскимосов.

Для вычисления относительных генетических расстояний между различными популяциями северной Сибири и Северной Америки авторы применили метод анализа главных компонент Харпендинга и Дженкинса⁹. Полученные относительные генетические расстояния между всеми парами популяций приведены в табл. 4. Для иллюстрации общей картины генетического сходства и различий полученные данные представлены в системе прямоугольных координат (рис. 2). Видно, что первый собственный вектор, извлекающий из матрицы R (relationship) 89,3% информации о межгрупповой изменчивости Gm гаплотипов и их частот, делит всю совокупность на кластеры. В одном кластере оказались северные и южные атапаски, в другом — азиатские, аляскинские, канадские и гренландские эскимосы. В соответствии со своим географическим положением далеко в стороне очутились нганасаны. Палеоиндейцы разместились в противоположном от нганасан квадранте «генетической карты», на значительном удалении не только от эскимосов, но и от индейцев на-дене. Второй собственный вектор, извле-

палеоиндейцев), как и индейцы Южной Америки, имеют в своем генофонде лишь два общих для монголоидов и европеоидов гаплотипа: $Gm(zag)$ и $Gm(zaxg)$. Северные и южные атапаски (на-дене) в добавление к этим двум гаплотипам имеют маркерный «северомонголоидный» $Gm(zabst)$, который встречается у на-дене почти с той же частотой, что и у чукчей. С наибольшей частотой он наблюдается у нганасан Таймыра. Его присутствие с крайне низкой частотой у палеоиндейцев — очевидное следствие недавних смещений с южными атапасками в юго-западных районах США. Дискретный характер распределения Gm гаплотипов на стыке Северной Азии и Северной Америки и далее в глубь североамериканского континента виден на табл. 3.

Таблица 2. Gm гаплотипы и их частоты у арктических монголоидов Сибири в сопоставлении с эскимосами и североамериканскими индейцами

Популяция	Число изученных субпопуляций	zag	zahg	zabst
Нганасаны ^{1*}	3	0,354	0,155	0,491
Чукчи ^{2*}	10	0,755	0,089	0,156
Азиатские эскимосы (юпик) ^{3*}	4	0,798	0,005	0,197
Аляскинские эскимосы (инупик) ^{4*}	2	0,761	0,005	0,234
Канадские эскимосы (инупик) ^{5*}	2	0,799	0,0	0,201
Гренландские эскимосы (инупик) ^{6*}	2	0,842	0,0	0,158
Северные атапаски ^{7*}	2	0,806	0,042	0,152
Южные атапаски ^{8*}	5	0,807	0,047	0,145
Палеоиндейцы ^{8*}	6	0,942	0,050	0,008

* *Osirova L. P., Sukernik R. I.* Immunoglobulin allotypes in aboriginal populations of the Taimir Peninsula // *Journal of Immunogenetics*. 1983. V. 10. P. 11—16.

* *Сукерник Р. И., Осирова Л. П., Карафет Т. М.* и др. Генетическое и экологическое изучение коренных жителей Северо-Востока Сибири. Сообщение 1: Gm гаплотипы и их частоты в десяти чукотских популяциях. Генетическая структура оленных чукчей // *Генетика*. 1986. Т. 22, % 9. С. 2361—2368.

* *Сукерник Р. И., Виле В. П., Карафет Т. М.* и др. Генетическое и экологическое изучение коренных жителей Северо-Востока Сибири. Сообщение 2: Полиморфные системы крови, аллотипы иммуноглобулинов и другие генетические маркеры у азиатских эскимосов. Генетическая структура эскимосов Берингова моря // *Генетика*. 1986. Т. 22, % 9. С. 2369—2380.

* *Schanfield M. S.* Неопубликованные данные. Устное сообщение автора.

* *McAlpine P. G., Chen S. H., Cox D. W.* et al. Genetic markers in blood in a Canadian Eskimo populations with a comparison of allele frequencies in Circumpolar populations // *Human Heredity*. 1974. V. 24. P. 114—142.

* *Nielsen J. C., Martenson L., Cürttler H.* et al. Gm typet of Greenland Eskimos // *Human Heredity*. 1974. V. 21. P. 405—419.

* *Szathmary E. J. E., Ferrell R. E., Gershowitz H.* Genetic differentiation in Dogrib Indians: Serum protein and erythrocyte enzyme variation // *American Journal of Physical Anthropology*. 1983. V. 62. P. 249—254.

* *Williams R. C., Steinberg A. G., Gershowitz H.* et al. GM allotypes in native Americans: Evidence for three distinct migrations across the Bering Land Bridge // *American Journal of Physical Anthropology*. 1985. V. 66. P. 1—19.

кающий остальные 10,7% информации, отделяет на-дене от эскимосов. Примечательно, что географическая изолированность атапасков, живущих на Аляске и в северо-западных районах Канады, от атапасков юго-западных районов США никак не отразилась на их генетическом сходстве: генетическое расстояние между ними практически равно нулю (табл. 3). Вероятно, одного тысячелетия, которое прошло с момента отпочкования и экспансии атапасков к югу от их прежнего ареала расселения, оказалось недостаточно для дифференциации по системе Gm.

Аналогичная закономерность наблюдается и у эскимосов; сохранившееся генетическое сходство между различными их групп-

Таблица 3. Типы распределения Gm гаплотипов у арктических монголоидов Сибири и коренного населения Северной Америки

Популяция	Гаплотип		
	zag	zaxg	zabst
Нганасаны	+	+	+
Чукчи	+	+	+
Азиатские эскимосы	+	-	+
Аляскинские эскимосы	+	-	+
Канадские эскимосы	+	-	+
Гренландские эскимосы	+	-	+
Северные атапаски	+	+	+
Южные атапаски	+	+	+
Палеоиндейцы	+	+	-

Примечание: плюс (+) или минус (-) означают присутствие или отсутствие в генофонде данной популяции соответствующего гаплотипа. Отсутствующим считается гаплотип, встречающийся с частотой ниже 0,010.

Таблица 4. Матрица относительных генетических расстояний между этническими или локальными группами Сибири и Северной Америки

Этническая группа, популяция	Нганасаны	Чукчи	Азиатские эскимосы	Аляскинские эскимосы	Канадские эскимосы	Гренландские эскимосы	Северные атапаски	Южные атапаски
Чукчи	0,582							
Азиатские эскимосы	0,741	0,063						
Аляскинские эскимосы	0,638	0,068	0,005					
Канадские эскимосы	0,751	0,071	0,0	0,005				
Гренландские эскимосы	0,883	0,077	0,006	0,025	0,008			
Северные атапаски	0,738	0,022	0,015	0,028	0,019	0,017		
Южные атапаски	0,738	0,017	0,018	0,033	0,024	0,020	0,0	
Палеоиндейцы	1,240	0,122	0,131	0,184	0,137	0,090	0,078	0,073

пами — очевидное следствие короткого эволюционного времени (менее 1 тыс. лет), которое прошло с момента расселения дочерних популяций берингоморских эскимосов вдоль арктического побережья Северной Америки.

Анализ распределения Gm гаплотипов и их частот в сибирской и американской Арктике и Субарктике подтверждает известную гипотезу, базирующуюся на данных палеонтологии и археологии, по которой первые мигранты из Азии в течение

тысячелетий жили в географической изоляции у южного края ледника, закрывшего узкий межгорный проход из северо-западных районов Аляски во внутренние области Северной Америки¹⁰. Предположительно основной причиной генетических различий между палеоиндейцами, отождествляемыми с первой «волной» мигрантов из тундростепи древней Берингии, и индейцами на-дене, сформировавшимися в зоне северного леса Восточной Сибири, являются исходные различия в предковых популяциях, усиленные в новых местах обитания генетическим дрейфом

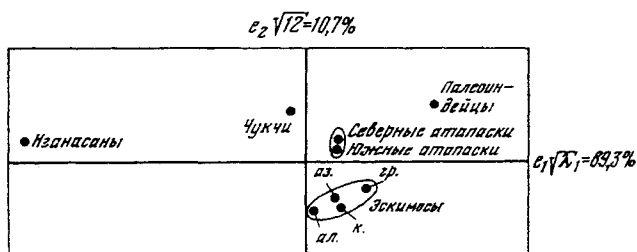

Рис. 2. Расположение иганасан, чукчей, эскимосов, индейцев в пространстве двух главных компонент

ал.— аляскинские эскимосы; аз.— азиатские; к.— канадские; гр.— гренландские

и дифференциальным отбором, а для индейцев на-дене еще и дифференциальной миграцией*. Берингов пролив не стал с момента своего возникновения 10 тыс. лет назад непреодолимым барьером на пути потока генов между населением Чукотки и Аляски¹¹. Подтверждением сказанному служит обнаружение небольшого генетического расстояния между чукчами и индейцами на-дене (0,020) в сравнении с генетическим расстоянием между чукчами и палеоиндейцами (0,122) и между на-дене и палеоиндейцами (0,076) (табл. 3).

В заключение стоит отметить, что отсутствие Gm(zaxg) гаплотипа у эскимосов существенно отличает их от соседей — чукчей в Азии и индейцев в Америке. По этому признаку некоторые авторы отождествляют эскимосов с третьей «волной» мигрантов из Азии в Америку¹². Мы же не исключаем альтернативный вариант, по которому нечастый в предковой популяции Gm(zaxg) мог быть утрачен случайным образом в процессе отпочкования эскимосов от эскоалеутской общности где-нибудь в районе Алеутских островов или южной Аляски несколько тысячелетий назад¹³.

* Миграция от неродственных народов, явно отличающихся генным составом от популяции, с которой они сливаются.

¹ Берингия в кайнозой. Владивосток, 1976; Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.

- ² Долгих Б. О. Происхождение нганасан // Тр. Ин-та этнографии. М.; Л., 1952. Т. 18. С. 5; Он же. К вопросу о соотношении большой и малой семьи у народов Севера в прошлом // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 21; Гольцова Т. В., Сукерник Р. И. Генетическая структура обособленной группы коренного населения северной Сибири — нганасан (тавгийцев) Таймыра // Генетика. 1979. Т. 15, № 4. С. 734.
- ³ Veel J. V. Lessons from a «primitive» people // Science. 1970. V. 170. P. 815.
- ⁴ Neel J. V., Salzano F. M. A prospectus for genetic studies on the American Indians // The Biology of Human Adaptability. Oxford, 1966. P. 245.
- ⁵ В качестве примера такой популяции, освоившей неблагоприятную для жизни болотистую местность в Центральной Америке, очевидно, благодаря высокой гетерозиготности, показательна история черных карибов. См.: Crawford M. H. et al. The Black Caribs (Carifuna) of Guatemala: Genetic markers and admixture estimates // Human Biology. 1981. V. 53. P. 87—103; Сукерник Р. И., Кроуфорд М. Популяционная генетика и первоначальное заселение Америки // Природа. 1984. № 4. С. 95—96.
- ⁶ Schanfield M. S., Alexeeva T. E., Crawford M. H. Studies on the immunoglobulin allotypes of Asiatic populations. VIII: Immunoglobulin allotypes among the Tuvinians of the USSR // Human Heredity. 1980. V. 30. P. 343; Szathmari E. J. E. Year book of physical anthropology. N. Y., 1981. V. 24. P. 37; Осипова Л. П., Сукерник Р. И. Популяционная структура лесных ненцев // Генетика. 1984. Т. 20, № 1. С. 155; Schanfield M. S. Anthropological usefulness of highly polymorphic systems: HLA and immunoglobulin allotypes // Mielke J. H., Crawford M. H. (eds.). Current developments in anthropological genetics. V. I: Theory and methods. Plenum Press. N. Y.; L., 1980. P. 65—85; Steinberg A. G., Cook C. E. The distribution of human immunoglobulin allotypes. University Press, Oxford, 1981.
- ⁷ Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
- ⁸ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975. С. 184—201; Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века северной Японии. Новосибирск, 1982.
- ⁹ Harpending H., Jenkins T. Genetic distances among Southern African populations // Methods and theories of anthropological genetics/Crawford M. H., Workman P. L. (eds.). Albuquerque, 1973. P. 177—199.
- ¹⁰ Borden C. E. Early population movements from Asia into western North America. Syesis, 1969. V. 2. P. 1—13.
- ¹¹ Сукерник Р. И., Кроуфорд М. Г. Популяционная генетика и первоначальное заселение Америки // Природа. 1984. № 4. С. 90—99.
- ¹² Williams R. C., Steinberg A. G., Gershowitz H. et al. Gm-allotypes in native Americans: Evidence for three distinct migrations across the Bering Land Bridge // American Journal of Physical Anthropology. 1985. V. 66. P. 1—19.
- ¹³ Sukernik R. I., Osipova L. P. Gm and Km immunoglobulin allotypes in Reindeer Chukchi and Siberian Eskimos // Human Genetics. 1982. V. 61. P. 148—153.

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ

В. И. Козлов

Об экологии в последнее время много пишут и говорят, делая главный упор на необходимости правильного природопользования. Между тем экология — обширная наука, изучающая взаимоотношение всех живых существ со средой их обитания, и если взять только ту область этой науки, которая называется «эколо-

гия человека», то и тогда вопросы охраны природы составят в ней далеко не главную часть, хотя связанные с этим проблемы действительно очень болезненны. Что же касается этнической экологии, то она представляет собой особую научную дисциплину, расположенную на стыке экологии человека с этнографией и имеющую зоны перекрытия с этнической географией, этнической демографией, этнической антропологией и некоторыми другими дисциплинами.

Суть этнической экологии и основные проблемы этой совсем еще молодой у нас научной дисциплины были рассмотрены мною в специальной статье¹. При определении основного круга задач этой дисциплины мне представилось уместным включить в него изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом в природных и социально-культурных условиях их обитания. Для оценки успешности адаптации людей к этим условиям могут применяться показатели состояния их здоровья, долголетия и др. Важными задачами этнической экологии являются также изучение специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, это отражено в традициях природопользования, а также закономерностях формирования и функционирования экосистем.

В настоящее время этническая экология у нас находится пока в стадии своего, так сказать, научного оформления. Не вполне еще утвердилось, например, толкование некоторых базовых понятий. Достаточно показательным в этом отношении понятие «жизнеобеспечение» или «культура жизнеобеспечения», которое сужается некоторыми культурологами до сферы непосредственного удовлетворения материальных жизненных потребностей: в «культуру жизнеобеспечения» включается, скажем, выпечка хлеба из муки, но не включаются помол муки, а также посев и уборка зерновых². Терминологические споры обычно бывают малопродуктивными, кроме того, они требуют обстоятельности, которая уместна для специальной статьи о сущности «жизнеобеспечения», а сейчас увела бы в сторону от рассматриваемой темы. Поэтому скажу лишь, что мне представляется более правильным понимать «жизнеобеспечение» в широком смысле этого термина, близком к понятию «производство», включающем сферу как материальную, так и духовную, ибо ведь, как говорится, где хлебом единым жив человек. В связи с тематикой и задачами данного сборника, несомненно, более целесообразно показать этническую экологию в действии, заземлив ее на конкретном материале, относящемся тематически к аборигенным этносам Америки. Но предварительно следует хотя бы кратко остановиться на разработке этноэкологических проблем в американской науке, часто обращавшейся к той же тематике и тому же материалу³.

Разработка этноэкологической проблематики в США в своей предыстории прошла, как и в Европе, через этап географического детерминизма, а затем (уже в значительной степени самостоятельно) — так называемого поппулизма, видным создате-

лем концепции которого в 1930-х годах был Ф. Боас. Сторонники этой концепции признавали возможность по существу любых вариаций социально-экономического и культурного развития людей в неэкстремальных природных условиях. Собственно экологический подход к изучению этнографических явлений определился в американской науке в середине 50-х годов, когда появились работы Дж. Стюарда по так называемой культурной экологии. Суть концепции Дж. Стюарда сводится к тому, что в непрекращающемся процессе адаптации общества к природной среде участвуют не все элементы культуры, а главным образом «культурное ядро», которое составляют институты, непосредственно связанные с производством и распределением средств существования, в первую очередь — так называемый технологический базис. В отличие от поппуляристов, допускающих случайное возникновение и развитие по существу любого элемента культуры, Дж. Стюард считал переменными преимущественно те ее элементы, которые не имеют жесткой связи с производством и распределением, хотя именно эти случайные элементы и придают различным культурам специфические «самобытные» черты. Что касается «технологического базиса», то он может включать элементы культуры, возникающие и развивающиеся сходно у разных народов, живущих примерно в одинаковых условиях. Последователи Стюарда развили его концепцию, в частности путем включения в понятие «окружающая среда» и социально-культурных параметров, характеризующих группы населения, контактирующие с изучаемым этносом, что также отделило школу «культурной экологии» от географических детерминистов и поппуляристов, учитывающих лишь природные условия среды.

Почти одновременно со школой «культурной экологии» в американской науке стала формироваться так называемая этноэкология, связанная со структурной лингвистикой. Сторонники этого направления, прежде всего Ч. Фейк, не создали принципиально новой теоретико-методологической базы и провозгласили лишь необходимость описания условий среды и взаимодействия с ней изучаемого этноса (используя применяемые ими понятия) таким образом, как их воспринимают сами члены этнической общности. Для полевых работников-этнографов такой подход представляет несомненный интерес, хотя, анализируя собранный материал, исследователи не могут, конечно, ограничиться лишь ссылками на обыденное мышление носителей той или иной культуры.

Предпринятый сторонниками школы «культурной экологии» комплексный подход к изучению этнографических явлений получил дальнейшее развитие в возникшей в начале 60-х годов функционалистской по своей основе школе экосистемной или популяционной этнографии. Лидеры этой школы Э. Вайда и Р. Раппорт выражали стремление изучать закономерности существования экосистем, объединяющих природные и социально-культурные явления, но при этом ставили в центр внимания главным

образом те механизмы культуры, которые обеспечивали изучаемой экосистеме состояние определенного биологического по своим параметрам гомеостаза. Особо важная роль в этом отношении отводилась пищевому балансу. Проведенные в таком направлении исследования показали, однако, что поддерживать длительное время гомеостаз и сохранять гармоничные отношения с природой были способны далеко не все доиндустриальные общества, причем имевшиеся удачные «примеры» никак нельзя возводить в норму.

Примерно с середины 70-х годов в США на базе экосистемной этнографии стало формироваться направление, получившее название «процессуальная экоэтнография». Сторонники этого направления судя по отрывочным, к сожалению, данным отказались от некоторых положений экосистемной школы, в частности от представления о том, что процесс адаптации может идти на надорганизменном уровне, т. е. достаточно четко проявляться в каких-то реакциях этнической группы или популяции как чего-то целого⁴. Не имея возможности остановиться на этом более подробно, хочу отметить, что теоретическая мысль американских этнографов и этнических экологов не стоит на месте и, сталкиваясь с какими-то новыми фактами или с недостаточным объяснением старых фактов, выдвигает новые концепции. Такие концепции следует, конечно, не отбрасывать, а критически анализировать, творчески усваивая имеющиеся в них положительные элементы.

Тот факт, что американские этнографы и антропологи начали разработку этноэкологических проблем уже сравнительно давно и ведут ее более интенсивно, чем, скажем, европейские этнографы, причем большей частью на материалах, относящихся к аборигенным народам Америки, конечно, не случаен. История индейцев и эскимосов Америки во многом представляет собой, если можно так сказать, их экологическую историю; во всяком случае, экологический подход оказывается весьма эффективным для решения многих имеющихся в этой истории проблем. Здесь целесообразно начать, впрочем, не с истории аборигенных народов Америки, а с предыстории, касающейся заселения Американского континента и содержащей, как и заселение других материков, немало тайн.

Америка, как известно, не была прародиной человека современного вида (*Homo sapiens*). Подавляющее большинство ученых считает, что первобытные люди проникли в Америку из Северо-Восточной Азии через мелководный в то время Берингов пролив или «Берингов мост», существовавший, по мнению геологов, между 25 и 10 тыс. лет назад, и что произошло это примерно 20 тыс. лет назад. Предположения о более раннем проникновении первобытных людей в Америку представляются маловероятными, если учесть, что их предкам, дошедшим до Чукотки, уже пришлось проделать за 20—25 тыс. лет огромный путь от своей прародины, находившейся по моноцентрической концепции,

вероятно, на Ближнем Востоке. Кроме того, достоверный возраст археологических находок на территории Северной Америки не превышает 15 тыс. лет до н. э. Есть гипотезы, что в заселении Америки участвовало несколько «волн» переселенцев, но если это и так, то составлявшие их родо-племенные группы были близки по происхождению, а размеры каждой из таких «волн» вряд ли превышали несколько сотен человек. С уверенностью можно говорить лишь о том, что последнюю «волну» таких переселенцев составили предки современных эскимосов, существенно отличавшихся в антропологическом и культурно-хозяйственном отношениях от индейцев.

В настоящее время имеются схематические карты, показывающие пути заселения материков земного шара. Составители таких карт смело проводят линии миграций первобытных людей, пересекающие высокие горные хребты и обширные пустыни, труднопроходимые леса и болота, широкие реки и проливы. Конечно, в действительности первобытные миграции шли другими, более извилистыми путями — с какими-то обходами непроходимых и труднопроходимых областей, с длительными «задержками» и, вероятно, с неоднократными отступлениями на сотни, а то и тысячи километров, например в так называемые ледниковые периоды, когда, как предполагают, обширные пространства северной Евразии были покрыты льдом. До оконечности Чукотки первобытные люди добрались, очевидно, в сравнительно теплый период, проделав свой путь откуда-то из Юго-Восточной Азии главным образом по побережью восточных морей, хотя и в данном случае трудно представить себе, как это происходило. А самый главный и естественный вопрос — о том, что же лежало в основе таких миграций, — остается пока открытым. Этот же вопрос полностью относится и к причинам миграций первобытных людей, относящихся к заселению всей территории Американского континента.

Изображение первобытных переселенцев отважными землепроходцами, любознательными открывателями новых земель, как иногда получается даже у серьезных авторов⁵, романтично, но нереалистично. Небольшие родо-племенные группы людей, занимавшихся примитивной охотой и рыболовством, а также собирательством, могли двигать через огромные препятствия в неизвестную и уже потому страшную даль главным образом две силы: голод и какой-то еще больший страх. Последний мог быть вызван возобновлявшимся время от времени натиском враждебных племен, но эта возможная причина вряд ли играла важную роль. Напомню, что численность населения в то время, когда началось заселение Америки, была очень мала: на громадных пространствах Евразии и Африки жило, вероятно, немногим более 5 млн. человек и их число увеличивалось в среднем ничтожными темпами, зачастую превышавшими, впрочем, темпы развития производства⁶. Для хозяйственного жизнеобеспечения первобытных охотников-собирателей, естественно, требовались большие

площади, но вряд ли данное обстоятельство приводило в то время к постоянному давлению одних племен на другие с угрозой их истребления. Кроме того, и в этом случае остается в силе вопрос о том, а что же понуждало одни малочисленные племена теснить другие? При ответе приходится опять-таки искать объяснение главным образом в страхе перед голодом, периодически вызываемом, вероятно, местными экологическими кризисами, нарушавшими процессы жизнеобеспечения племенных коллективов.

Среди возможных причин возникновения локальных экологических кризисов выделяются три: изменение привычной природной среды в связи с какой-то эволюцией климата, истощение местных ресурсов (например, уменьшение числа диких животных, на которых охотились люди) и рост численности племен, происходивший в сравнительно благоприятные по условиям жизни периоды. Отмечу, что последнее имело не только экологическое, но и этнические последствия, так как приводило к усложнению родо-племенной структуры и способствовало отпочкованию от племени части родовых групп, образующих новое племя на каком-то расстоянии от исходного. Вероятно, некая цепь экологических событий, в чем-то закономерных, а в чем-то случайных (что плохо соотносится с гипотезой о нескольких «волнах» переселенцев), и заставила первобытных людей постепенно продвигаться из тропических и субтропических приморских областей Восточной Азии на северо-восток Чукотки, а затем перебраться на Аляску и начать заселение Американского континента, не представляя, конечно, громадных масштабов такого предприятия.

На первом этапе заселения Северной Америки не только основным, но, очевидно, и единственным путем продвижения первобытных людей с Аляски на юг было тихоокеанское побережье. Это объясняется не только давними традициями их хозяйства, сложившимися еще в предыдущий длительный период движения на Чукотку, но и тем, что жизнеобеспечение именно на побережье, где можно было заниматься ловлей рыбы, сбором моллюсков и других съедобных морских животных и растений (особенно во время отлива) охотой на морского зверя и на некоторых сухопутных животных, было сравнительно легким. Кроме того, путь от побережья на восток — в глубины материка — преграждали труднопроходимые хребты Кордильер. Поэтому, вероятно, даже в тех случаях, когда продвижение непосредственно по побережью было невозможным, первобытные люди, так-или иначе обойдя препятствия, опять возвращались к морю. В некоторых благоприятных для жизни районах («экологических нишах») племена приморских рыбаков-охотников-собираателей закреплялись, возможно, на многие сотни, если не тысячи лет, но по мере роста их численности и усложнения родо-племенной структуры от них время от времени отделялись группы, передвигавшиеся дальше на юг. По гипотезе о нескольких «волнах» переселенцев с Чукотки общее движение на юг могло стимулироваться и давлением новых пришельцев, но оно вряд ли

было значительным. Более вероятно, что эти пришельцы либо обходили стороной ранее осевшие и уже умножившиеся в своей численности племена, либо частично уничтожались, а частично поглощались ими. Более существенной причиной массовых по тем масштабам передвижений могло быть похолодание климата, что сделало северо-западную причукотскую часть Аляски ко времени появления там эскимосов трудной для сохранения традиционных индейских систем жизнеобеспечения и потому малообитаемой.

Продвижение древних индейцев по тихоокеанскому побережью со временем привело их на юг Мексики. Здесь прибрежные горы снижаются и расположен сравнительно короткий и удобный для прохода на восток перешеек Теуантепек, через который часть из них, вероятно, могла пройти к Карибскому морю и отсюда начать распространяться как на восток — до Флориды, а затем на север — по атлантическому побережью, так и на юг — к Южной Америке, параллельно основному прибрежно-тихоокеанскому пути. Труднопроходимые тропические леса и болота Панамского перешейка могли на длительное время вообще приостановить продвижение древних индейцев на юг, что могло создать добавочные стимулы для миграций по карибскому побережью к Флориде, а также в глубь североамериканского материка. Судя по археологическим материалам, на территории Мексики люди появились около 15 тыс. лет назад — намного раньше, чем в области Великих озер, куда они, вероятно, попали не с тихоокеанского побережья, преодолев широкие горные области, а с атлантического.

Достоверные археологические данные свидетельствуют о том, что на территории Перу, охватывающей часть тихоокеанского побережья Южной Америки, люди появились около 10 тыс. лет до н. э., что в общем достаточно согласуется со всем, изложенном выше⁷. Всякие математические выкладки, относящиеся к столь далекому времени, носят крайне ориентировочный характер, но если учесть общую протяженность тихоокеанского побережья от Берингова пролива до Перу, то окажется, что средняя скорость заселения его составляла свыше 150 км в столетие. Это не так уж мало, если учесть все трудности пути, ведущего в неизвестную даль, а также то обстоятельство, что в составе перемещавшихся родо-племенных групп были женщины с детьми и старые люди и что люди покидали уже обжитые стойбища и привычные природные условия районов, где они и их предки жили уже много лет. Время появления людей в других странах Южной Америки точно не установлено. Существует предположение, что ее западное побережье впервые достигли случайные группы мореходов с далеких тихоокеанских островов, но дальнейшая судьба их неизвестна. Основные поселенцы пришли сюда из Северной Америки. И если опять-таки основываться на сделанном выше исчислении, то можно предположить, что южной оконечности материка люди достигли примерно за 7 тыс. лет до н. э.

Палеогеография Северной и особенно Южной Америки изучена слабо, и в настоящее время трудно представить даже в схематическом виде возможные пути, по которым первобытные люди проникали во внутренние области этих материков, как им удавалось преодолевать встававшие на пути препятствия, например столь широкую с болотистыми берегами реку, как Амазонка, и что принуждало их к таким рискованным предприятиям. Но конкретное представление о путях переселений древних индейцев не столь уж существенно: в этнографическом отношении несомненно более важно установить или хотя бы предположить, какое влияние оказывали все эти перемещения на общий ход истории аборигенов и какую роль сыграли они в формировании самобытной культуры возникших здесь индейских этносов. Не прибегнув к этноэкологическому подходу, решить такие задачи вряд ли возможно. Ограничусь кратким рассмотрением некоторых из них.

В своем историческом развитии народы Америки, как известно, сильно отстали от большинства народов Старого Света. Достаточно показательны в этом отношении значительно более позднее появление здесь земледелия, а также тот факт, что первые раннеклассовые государства возникли в Америке почти на 5 тыс. лет позже, чем в Старом Свете, и до XV в. н. э. ограничивали свое влияние сравнительно небольшими областями на территории современной Мексики и Перу. На остальных же обширных пространствах американских континентов жили племена, находившиеся на разных стадиях первобытнообщинного строя. При анализе причин такого отставания на первый план нередко выдвигается такое обстоятельство, как бедность Америки животными, которых можно было бы одомашнить. Но такое утверждение не вполне точно. Правда, здесь не было лошади, но в таежной и тундровой зонах Северной Америки водился олень, в Кордильерах — коза, в лесостепной и степной зонах — бизон и свинья, а в полупустынных областях древние идейцы некогда охотились на верблюда. Таких животных можно было одомашнивать, подобно тому как в центральной части Анд были одомашнены лама и альпака. И если в Северной Америке такое одомашнивание не состоялось, то это, конечно, не было простой случайностью.

Очень важная, если не важнейшая, причина отставания социально-экономического и культурного развития аборигенных этносов Америки заключалась, по моему мнению, в первичной незаселенности, а затем в слабой заселенности этой части света, что предоставляло первобытным родо-племенным группам возможность длительное время разрешать возникавшие местные экологические кризисы путем простого передвижения в другие, еще не освоенные никем районы. При этом даже на этапе заселения тихоокеанского побережья древним индейцам, попавшим в места, отличавшиеся от прежних своими природными условиями, приходилось изменять систему жизнеобеспечения. Когда же они

стали осваивать внутренние районы континентов, им приходилось создавать такую систему каждый раз по существу заново: бывшие приполярные рыболовы и охотники на морского зверя, пережившие на юго-восток, учились охотиться на таежных оленей, сборщики морских моллюсков переходили на сбор степных злаков и т. п., что могло сопровождаться временным регрессом в продуктивности хозяйственной деятельности. Во всяком случае, такая культурно-экологическая переадаптация требовала изменения прежних консервативных передававшихся от отца к сыну и от матери к дочери навыков и установок по жизнеобеспечению и по своей деятельности распространялась на жизнь, видимо, многих поколений. Существующее представление о том, что древние племена охотников или рыболовов вырабатывали и соблюдали оптимальные правила природопользования, достигая в своих якобы гармоничных взаимоотношениях с природой «гомеостаза» (который, кстати сказать, может означать и стагнацию), мало соответствует действительности: такая система жизнеобеспечения неизбежно несла в себе экофобные тенденции, драматическому проявлению которых препятствовало лишь обилие объектов потребления. В целом же развитие первобытного общества в большинстве областей Америки по указанным выше причинам шло, если можно так сказать, не столько «вглубь», сколько «вширь», что, несомненно, тормозило прогресс способа производства и связанных с ним надстроечных форм. Такая закономерность, связанная с развитием способа производства «вширь», а не «вглубь», отчетливо проявилась, как известно, и в классовом обществе, в частности в период развития капитализма в России.

Культурно-экологическая и связанная с ней биолого-физиологическая переадаптация к новым условиям существования могли привести также к более или менее длительному ухудшению здоровья и повышению смертности первобытных переселенцев. Рост численности народонаселения, который сам по себе нередко является стимулом прогресса, шел в Америке очень медленно: общая численность жителей здесь к началу нашей эры оценивается всего в 4 млн. человек, в то время как в каждой из трех наиболее заселенных областей Старого Света — Римской империи, Индии и Китае — жило уже примерно по 50 млн. человек⁸. Низкая плотность населения препятствовала контактам, и малочисленным индейским племенам приходилось самостоятельно решать многие проблемы, которые в Старом Свете решались совместными усилиями крупных народов, нередко обменивавшихся своими культурными достижениями. Приходится удивляться, что и в таких условиях индейцы Америки добились немалых успехов в своем развитии.

Переходя к вопросам формирования культурной специфики аборигенов Америки, отмечу сразу же, что подобные вопросы, относящиеся и к другим частям света, разработаны в нашей науке пока не достаточно и более на описательно-типологическом, нежели на аналитическом уровне. Впрочем, и в типологическом

отношении успехи здесь не столь существенны, как хотелось бы. В разрабатываемой у нас уже несколько десятилетий концепции хозяйственно-культурных типов используются столь общие таковы, что специфика американских народов по существу исчезает. Так, на карте распространения хозяйственно-культурных типов в XV в., т. е. перед проникновением европейцев в Америку, в этой части света представлены в основном те же типы, что бытовали и в других регионах мира: арктические охотники на морского зверя, охотники лесотундры и тундры, охотники и рыболовы таежной полосы и т. п.⁹ Действительность была намного разнообразнее. И, например, такие «охотники и собиратели степей и полупустынь», как индейские племена североамериканских прерий, имели в хозяйственно-культурном отношении мало общего с включенными в тот же тип бушменами и готтентотами Южной Африки и с аборигенами Австралии, стоящими, кстати сказать, на несравненно более низком уровне развития. Исследовательско-аналитическое значение подобных «типологизаций» при изучении конкретных этносов невелико, и в этом отношении концепция хозяйственно-культурных типов явно уступает предложенной В. П. Алексеевым концепции антропогеоценозов, хотя и в последней учет культурной специфики еще не вполне достаточен для конкретного анализа¹⁰.

Культурная и бытовая специфика индейских этносов Америки была во многом обусловлена их локальными системами жизнеобеспечения, поэтому ее можно анализировать в рамках этнической экологии. Речь не идет, конечно, о том, что природная среда полностью детерминировала этнокультурные параметры, включая и те, которые относятся к языку и элементам духовной культуры. Достаточно сопоставить довольно пеструю этнолингвистическую карту индейцев Америки с картой хозяйственно-культурных типов, отражающей в значительной степени и природные области, чтобы убедиться в отсутствии такой детерминации. Языковая семья на-дене включает, например, как приморских тлинкитов, основу жизнеобеспечения которых составляла рыбная ловля, так и таежных охотников на оленя — атапасков и степных охотников на бизона — навахов и апачей. Но влияние природной среды на некоторые элементы материальной культуры представляется достаточно очевидным.

Остановливаясь несколько подробнее на уже упомянутых выше индейских племенах прерий, отмечу, что в их число входили племена четырех языковых семей: хока-сиу, на-дене, ацтеко-таноанской и алгонкино-мосанской. Каким образом на сравнительно небольшой территории с довольно однообразными природными условиями, допускающими развитие межэтнических контактов, возникло столь сильное лингвистическое разнообразие — вопрос, требующий специального рассмотрения. Можно предположить лишь, что эта «экологическая ниша» осваивалась сравнительно поздно этническими группами, двигавшимися из разных областей. Здесь важно отметить, что имевшееся у ин-

дейцев прерий разнообразие языков, верований, фольклора и других элементов духовной культуры, а также социальной структуры, основанной у одних племен на матрилинейном, а у других — на патрилинейном счете родства, сочеталось с сильным сходством тех элементов культуры, которых американские этнографы относят к «технологическому базису». Система жизнеобеспечения всех этих племен была основана главным образом на охоте на бизонов, огромные стада которых обитали в прериях. Для такой охоты все индейцы прерий вне зависимости от их языковых и прочих различий использовали лук и стрелы, реже — копье; все они носили одежду и обувь, выделанные из шкуры бизона, жили в покрытых шкурами конусообразных палатках, заготавливали мясо впрок путем его измельчения и сушки на солнце и т. д. Сложившиеся локальные этнические экосистемы были достаточно устойчивы, по крайней мере до прихода европейцев, широкого распространения лошадей, позволивших индейцам проникать в глубь прерий, а затем и огнестрельного оружия, резко повысившего эффективность охоты. Аналогичные картины сочетания общих и этнически специфических элементов можно установить и во многих других хозяйственно-культурных ареалах.

Проникновение европейцев в Америку ознаменовало новый важный этап этноэкологической истории ее аборигенов. Самым драматичным результатом этого проникновения было сокращение численности коренного населения, особенно в областях его сравнительно высокой концентрации, причем физическое истребление индейцев сыграло в этом важную, но отнюдь не главную роль¹¹. Основными причинами такого сокращения были нарушение привычной среды (в том числе и микросреды) обитания, упадок прежних экосистем и обострение этнических отношений. Наибольший урон численности индейцев нанесли новые для них болезни, довольно легко переносимые европейцами (например, корь и ветряная оспа), но дававшие высокую летальность среди аборигенов, которые не имели надлежащего иммунитета. Существенным социально-культурным следствием контактов индейцев с новыми — европейскими компонентами этнокультурной среды было заимствование огнестрельного оружия, что привело, с одной стороны, к более кровопролитным межплеменным столкновениям, с другой и главной — к нарушению прежних экологических балансов, особенно у племен, занимавшихся охотой. Интенсификация охоты резко обострилась в связи с развитием товарно-капиталистических тенденций, причем одним из наиболее ходких товаров стал алкоголь. Ярким примером пагубного экологического влияния товарно-капиталистических тенденций было истребление бизонов из-за их шкур, в чем очень активное участие приняли, впрочем, и европейские охотники.

Важной причиной нарушения прежних традиционных систем жизнеобеспечения у многих групп индейцев, особенно в Северной Америке, стало оттеснение их в менее удобные по природным условиям места обитания. Культурно-экологическая пере-

адаптация, развернувшаяся в новых районах поселений индейцев, в том числе в резервациях, привела к появлению новых, большей частью неустойчивых экосистем, рассмотрение которых требует специального изучения.

- ¹ Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. № 1.
- ² «Культура жизнеобеспечения» и этнос: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 57.
- ³ См. об этом подробно: Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.
- ⁴ Orlov B. S. Ecological anthropology // Annu. Rev. Anthropol. 1980. V. 9.
- ⁵ См., например: Зубов А. А. Человек заселяет свою планету. М., 1963. С. 47—63 и др.
- ⁶ Козлов В. И. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- ⁷ См.: Америка: Южная Америка // Страны и народы мира. М., 1983. С. 92. Здесь же, кстати сказать, сообщается, что в Боливии человек появился 30 тыс. лет назад (с. 119), но эта цифра явно ошибочна.
- ⁸ Подробнее см.: Козлов В. И. Динамика численности народов (методология исследования и основные факторы). М., 1969. С. 239—242.
- ⁹ См. карту в кн.: Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. 2-е изд. М., 1985. С. 182—183.
- ¹⁰ См.: Алексеев В. П. Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7; Он же. Становление человечества. М., 1984. С. 348—383.
- ¹¹ См.: Козлов В. И. Динамика численности народов... С. 251—253.

ЧЕЛОВЕК В АМЕРИКАНСКИХ ТРОПИКАХ

Л. А. Файнберг

Последнее время при все возрастающем внимании к проблемам экологии большой интерес не только специалистов, но и мировой общественности вызывают вопросы взаимоотношения человека и природной среды в тропиках, особенно в Амазонии. Здесь расположена самая крупная в мире область тропических лесов, дающая четвертую часть поступления кислорода в атмосферу нашей планеты, в связи с чем эти леса нередко образно называют легкими планетами. В реках бассейна Амазонки содержится одна пятая имеющейся на земле пресной воды.

Осуществляемые последние десятилетия Бразилией, Перу, Эквадором, Венесуэлой и другими государствами региона планы экономического развития Амазонии и сопредельных областей южноамериканских тропиков глобальны по возможному воздействию на биосферу и климат земного шара.

Реализация этих планов уже привела к нарушению экологического баланса на миллионах квадратных километров, так как в проектах экономического развития не учитывались особенности

экологии человека в зоне влажных тропиков. Реакцией на неудачи освоения района стало стремление выявить экологически целесообразные в указанных природных условиях формы приспособления человека к природе Амазонии и шире — к особенностям тропических лесов и саванн Америки.

Остается неизвестным, как и когда люди впервые проникли в зону тропических лесов Южной Америки, в частности в область Амазонии. К западу от нее в Андах обнаружены местонахождения древностью до 15 тыс. лет (стоянка Аякучо). Примерно таков же возраст стоянок Тайма-тайма и Миако на севере Венесуэлы. Они оставлены охотниками и собирателями конца плейстоцена. Не позднее чем 11 тыс. лет назад первобытный человек достиг южной оконечности Американского континента. На востоке его в Бразилии в местностях к югу от г. Салвадор и к северу от Рио-де-Жанейро примитивные охотники и собиратели, несомненно, жили 9—10 тыс. лет назад¹.

В то же время внутренние области Южной Америки рассматривались первопоселенцами как неблагоприятные для обитания. Такова принятая в специальной литературе точка зрения по этому вопросу. Она хорошо согласуется с археологическими данными. Так, в Амазонии не найдены стоянки возрастом свыше 4 тыс. лет. Местонахождения с такой датировкой обнаружены в среднем течении притока Амазонки р. Укаяли в Перу. Они относятся к так называемой культуре Тутишкайню, существовавшей на Укаяли во II—I тысячелетиях до н. э. Стоянки людей этой культуры характеризуются толстым культурным слоем, наличием керамики и некоторыми другими чертами, позволяющими утверждать, что создатели этой культуры были не бродячими охотниками и собирателями, а оседлыми или по меньшей мере полуседлыми земледельцами, подолгу жившими на одном месте. Другой отраслью их хозяйства было рыболовство, на что указывают находки костей и чешуи рыб².

В устье Амазонки на о-ве Маражо в первой половине I тысячелетия до н. э. существовала другая древняя культура — Анариатуба. Ее создатели также жили в долговременных поселениях и, видимо, знали земледелие.

Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения факт, что земледельцам в Амазонии предшествовали охотники и собиратели. Но столь же распространено и другое убеждение: доземледельческое население этой области было очень редким и немногочисленным, так как природные условия территории как в далеком прошлом, так и в настоящее время были и остаются малоблагоприятными для охоты³. Здесь никогда не водились стада крупных животных, служивших основной добычей для североамериканских индейцев на разных этапах их истории. Тех животных, которые есть в этой природной области, трудно обнаружить в густом лесу. Как бы то ни было, в Амазонии не известны древние археологические стоянки, которые определенно можно было бы отнести к доземледельческому этапу развития куль-

тур индейцев тропических лесов. Напротив, следы земледелия как в Амазонии, так и в сопредельных областях тропических лесов и саванн указывают на раннее появление у местного населения интенсивного земледелия.

Исследование аллювиальных почв варзеи, т. е. ежегодно затопляемой долины Амазонки, показало, что земледелие на них могло обеспечить существование на берегах реки многочисленного и довольно оседлого населения, которое даже могло бы производить значительный прибавочный продукт.

В последние два десятилетия в низовьях Амазонки на о-ве Маражо, в низменных районах Боливии, Колумбии, Эквадора, Венесуэлы, Суринама, на п-ве Юкатан в Мексике, в Белизе и некоторых других местах были обнаружены большие по площади зоны ныне забытой коренным населением формы интенсивного земледелия — на искусственных насыпях (возвышенных полях) с дренированием почвы с помощью сети каналов. В Южной Америке наиболее древнее земледелие на возвышенных полях открыто в низовьях Амазонки. Оно появилось там не позднее I в. до н. э.⁴

Свидетельство о существовании в долине Амазонки еще в глубокой древности интенсивного земледелия, которое требовало хорошо организованных совместных действий крупных коллективов людей для сооружения насыпей, соединительных дамб между ними, дренажных каналов и тому подобных земляных работ и одновременно позволяло большому числу людей жить оседло в крупных поселках, дают возможность с доверием отнестись к сообщениям ранних европейских хронистов и путешественников о значительной плотности и высоком уровне социально-экономического развития коренного населения долины Амазонки в XVI — начале XVII в.

Так, Гаспар де Карвахаль, летописец плавания Орельяны по Амазонке в 1542 г., сообщал, что селения индейцев омагуа, живших в то время на главном течении Амазонки между реками Жапура и Пурус, тянулись вдоль берегов почти непрерывно. По большей части они отстояли одно от другого на расстоянии, не превышавшем дальность полета стрелы, т. е. менее 100 м. Наиболее удаленные селения не располагались на расстоянии более половины лиги (лига — испанская и португальская мера длины, равная 5,5 км)⁵.

Не исключено, что с культурным влиянием, распространявшимся из Амазонии на северо-запад, связано и развитие системы земледелия на искусственных насыпях с дренированием почвы в предклассовом, предположительно военно-демократическом обществе чибча, обитателей горных районов Колумбии. Лишь периферийные части их предгосударственного образования захватывали равнинную зону этой страны⁶. Гораздо реже, чем на равнине, возвышенные поля с дренированием почвы создавались в горных районах. Наиболее сложная из земледельческих систем такого рода была исследована в конце 70-х — начале 80-х годов

в расположенной на высоте 2800 м над уровнем моря долине Каямбе—Кахас в 50 км к северо-востоку от Кито (Эквадор). Это единственная из известных систем земледелия на возвышенных полях, включавшая довольно сложные гидротехнические сооружения: многочисленные каналы с запирающимися и отпирающимися шлюзами для регулирования уровня воды, стекающей с гор. Сами возвышенные поля находились на нижней части склонов долины и внешне напоминали террасы, т. е. расположенные уступами поля, характерные для земледелия древнеперуанской цивилизации Андского нагорья. Но возвышенные поля долины Каямбе—Кахас в отличие от настоящих террас были прорезаны каналами, между которыми находился комплекс обработанных грядок. Неподалеку от этих возвышенных полей обнаружены монументальные сооружения из земли, видимо, ритуального назначения. Их считают принадлежащими племени кара. Остается неясным, была ли создана система возвышенных полей долины Каямбе—Кахас людьми этого племени или она принесена сюда какой-то группой мигрантов, не сумевшей выжить в новых условиях и распространить свое культурное влияние на прилежащие районы⁷.

Велика роль интенсивного земледелия, особенно на возвышенных полях с дренированием, а там, где это требовалось, с ирригацией почвы, в сложении цивилизации майя. Интенсивное земледелие у майя было исследовано недавно, но предположения, что именно оно, а не подсечно-переложное земледелие служило экономической базой городов-государств майя, высказывались уже несколько десятилетий назад. Так, А. Палерм и Э. Вольф еще в 1957 г. писали, что если города майя классического периода были не только ритуальными центрами, но и местом жизни людей, то нельзя больше считать, что их существование и развитие могло покоиться на подсечно-переложном земледелии. Для майя начала колониальной эпохи,—отмечали Палерм и Вольф,—имеются упоминания о наличии ирригационных сооружений в районе рек Монтагуа и Улуа и о дренировании почвы в Табаско, Мексика⁸. Исследования последнего времени полностью подтвердили предположение А. Палерма и Э. Вольфа: земледелие майя должно было быть сложной системой, которая в зависимости от местных условий использовала различные приемы, и нет весомых причин считать выжигание леса под посев ведущей формой их агротехники⁹.

Интересные данные о распространенности и формах интенсивного земледелия у майя были получены в 1977—1978 гг. при съемке новой радиолокационной системой с высоты 9 тыс. м территории Гватемалы и Белиза, покрытых тропическими лесами. В результате этой съемки на обширной территории выявлена сетка каналов. По предварительным данным, только в Гватемале были обнаружены каналы на площади в 14 тыс. га¹⁰.

В редакционной статье специального номера журнала «Америка Индихена», посвященного исключительно интенсивному

земледелию в доиспанской Америке, отмечалось, что возрождение традиционной индейской техники земледелия, изучение ее функций и степени распространения в Западном полушарии ныне являются одной из важных задач Межамериканского индихенистского института. В настоящее время не используются и пришли в упадок многие ирригационные сооружения древности в засушливых областях, террасы в горных и возвышенные поля в низменных областях тропиков, по берегам озера Титикака. А ведь здесь жило многочисленное индейское население, обрабатывавшее эти земли и получавшее с них большие урожаи. Современная агротехника не знает экологически приемлемых и дешевых средств для использования этих земель. Единственная возможность снова ввести их в оборот и тем увеличить сельскохозяйственную продукцию стран тропической Америки — это возродить древние индейские системы земледелия. Таким образом, заключает автор редакционной статьи В. Деневан, известный специалист по индейскому земледелию, «изучение этих систем важно, чтобы узнать наше прошлое, но также, чтобы искать лучшее будущее»¹¹. Сходные высказывания можно встретить во многих публикациях, посвященных современному освоению американских тропиков, в частности Амазонии.

Нам думается, что интенсивное земледелие с ирригацией почвы в засушливых районах, с ее дренированием в районах с большой влажностью, подвергающихся ежегодным наводнениям, можно рассматривать в качестве характерной формы приспособления индейцев доколумбовой Америки к природным условиям тропической зоны.

После начала европейской колонизации индейцы поймы Амазонки и других крупных рек рассматриваемого региона были в короткий срок уничтожены или порабощены, а их система интенсивного земледелия пришла в упадок. Известная нам по этнографическим данным культура аборигенов тропических лесов и саванн Южной Америки — это в основном культура жителей не заливаемой поймы-варзеи, а более возвышенной местности.

На terra firme индейцы не смогли создать систему интенсивного земледелия подобную той, которая существовала в пойме Амазонки и в некоторых других районах Амазоно-Ориноковского региона и обеспечивала устойчивую оседлость местного населения. На terra firme они практиковали экстенсивное подсечно-переложное земледелие, соответствовавшее природным условиям этой зоны и не нарушавшее структуры почв и в целом экологического баланса. Как показали современные исследования, подсечно-переложное земледелие экологически целесообразно даже в наши дни при разработке систем хозяйственного освоения развивающимися странами влажных тропиков Мезоамерики и Южной Америки. Вместе с тем подсечно-переложное земледелие всегда требовало периодической смены истощенных земель новыми, следовательно, исключало прочную оседлость, а также налагало определенные ограничения на плотность населения¹². Раз

в несколько лет или при наиболее благоприятных условиях — несколько десятков лет селения приходилось переносить на новое место. Экстенсивный характер земледелия, как правило, делал невозможным создание селений численностью жителей более нескольких сотен, чаще — десятков человек. Во многих районах оседлости препятствовало также быстрое истощение охотничьей фауны. Например, амахуака перуанской монтаньи в середине XX в. уничтожали запасы дичи в окрестностях селения за один-два года, несмотря на то что жили совсем маленькими общинами, насчитывавшими в среднем по 15 человек¹³.

Богатство Амазонки рыбой, наличие в ее водах большого количества ламантинов и речных черепах позволяли даже на основе одного лишь присваивающего хозяйства создавать оседлые поселения. Круглогодичная оседлость способствовала возникновению интенсивных систем земледелия на плодородных почвах поймы Амазонки, в частности развитию так называемого земледелия на возвышенных полях с дренированием почв, о котором уже говорилось выше. Оседлое население долины Амазонки было многочисленным, производило значительный прибавочный продукт и, как отмечалось выше, по социальному уровню, видимо, стояло на пороге становления классовых отношений.

В то же время индейцы, жившие на притоках Амазонки и в междуречьях, несмотря на некоторые различия, по культуре были гораздо ближе друг к другу, чем к населению главного течения р. Амазонки. У одних групп индейцев преобладали земледелие и охота, у других — земледелие и рыболовство, имелось небольшое число племен, для которых главным было присваивающее, а не производящее хозяйство.

У племен, получавших большую часть пищевых продуктов за счет земледелия, а не охоты или рыболовства, численность общины достигала 150—200 человек (уитото, куйкуру). Общины охотничьих племен насчитывали от 15—20 до 80 человек. У всех этих племен, по-видимому, не было сколько-нибудь крупных социальных объединений, включавших не сотни, а тысячи человек. Их племена и этнокультурные объединения из нескольких племен (например, шингуанос) являлись этническими, а не социальными образованиями, не имели единых органов управления и т. д.

По своему социально-экономическому уровню племена внутренних районов Амазонии находились на этапе развитого общинно-родового строя, хотя в силу ряда конкретных причин родовая организация у многих племен распалась и ей на смену пришла система первобытных территориальных общин, на которые специровались и многие функции рода. Сходной была картина социально-экономических и этнических отношений у индейских обществ бассейна Ориноко.

При всем различии в направлении хозяйства, степени оседлости, людности поселений, уровне социального и этнического развития индейские общества Амазонии, и не только Амазонии, но и всей зоны тропических лесов и саванн Южной Америки, были

едины в одном: они умело использовали ресурсы тропической экосистемы, не нарушая ее. Перемены, вносимые деятельностью человека в природную среду доколумбовой Амазонии, а в целом — тропической Америки (выжигание участков леса под огороды, лов рыбы, промысел зверя, сбор полезных растений и т. п.), имели временный обратимый характер. Оставленные огороды сначала зарастали вторичной растительностью, потом покрывались многоярусным лесом, на заливные земли поймы каждое очередное наводнение снова приносило плодородный ил, не давая сельскохозяйственным угодьям истощиться, естественный прирост компенсировал убыль животного мира от охоты и рыболовства. Эти виды деятельности у индейцев были обставлены многочисленными магическими запретами, фактически предупреждавшими перепромысел.

Европейская колонизация южноамериканских тропиков положила конец гармоничным отношениям между человеком и природой в этом регионе. Ныне Амазония является регионом, где осуществляются крупные государственные проекты экономического развития и развития инфраструктуры. Здесь развертывают свою деятельность многие национальные и транснациональные монополии. Свою долю прибылей стремится ухватить и несметное множество нахлынувших в этот район темных дельцов, спекулянтов земель.

В последние полтора десятилетия в Амазонии построены тысячи километров автомобильных дорог. Они прошли по землям, на которых живут или жили к началу строительства десятки индейских племен. Автодорожное строительство продолжается. В частности, строящаяся в настоящее время крупнейшая после Трансамазоники дорога — так называемая Северная периметральная — рассекла, как уже отмечалось, последний почти чисто индейский район Бразилии, где обитают яноама. Одновременно со строительством дорог в Амазонии, особенно в бразильской, создаются или уже действуют несколько больших сельскохозяйственных и горнорудных комплексов — в Амапе, Рорайме, на севере Мату-Гросу, в Рондонии, на юго-западе штата Амазонас и т. п.

Вся эта деятельность по освоению Амазонии приводит к существенным экологическим изменениям, к деградации экосистем. Вырубаются леса, земли под пастбищами за несколько лет превращаются в безжизненную песчаную пустыню, загрязняются реки, уменьшается количество зверей, птиц, рыбы. Тем самым подрываются материальные основы существования индейских общин. Индейская культура на протяжении столетий хорошо приспособилась к амазонским экосистемам, и любые резкие нарушения последних, а именно это и происходит ныне, сказывается и на тех племенах, которые в большей или меньшей степени сохраняют традиционное земледельческо-промысловое хозяйство и самобытную культуру. По-прежнему верны и актуальны выводы британской комплексной (географо-биолого-этнографиче-

ской) экспедиции, работавшей на севере Мату-Гросу в 1967—1968 гг., согласно которым происходившее тогда в этом штате и распространившееся позднее на всю Амазонию разрушение экосистемы в результате плохо спланированного и непродуманного вмешательства не оставляет места для живущих здесь индейцев¹⁴.

Но аборигены в Амазонии теряют не только привычную среду обитания со сложившейся системой взаимосвязей природы и человека. Деформация или распад индейских племенных этносов в Амазонии, превращение их в люмпен-пролетариев происходят и в результате санкционированного государством в 60—70-х годах переселения индейцев из мест, где ведется строительство. Наряду с переселениями в широких масштабах происходил самовольный и не прикрытый даже видимостью законности захват земель коренных жителей частными предпринимателями, спекулянтами. Этот процесс столь же разрушительно действовал на индейские племена, как и плановые переселения. К разрыву внутриплеменных связей приводило также строительство дорог через индейские земли с выделением широких придорожных полос для сельскохозяйственной колонизации.

Таким образом, на наш взгляд, возможности для существования в Амазонии индейских племенных этносов сокращаются по мере роста числа и масштабов нарушений амазонской экосистемы. По-видимому, продолжение капиталистического освоения Амазонии будет способствовать прогрессирующему распаду местных индейских этнических и социальных общностей, разрушению среды их обитания.

Это разрушение зашло уже очень далеко. По утверждению бразильской Федерации охраны природы, только в ходе строительства Трансамазонии и подготовки сопутствующих ей колонизационных проектов было уничтожено свыше 1 млн кв. км растительности¹⁵. Расчищенные от леса полосы или, как их иногда называют, «коридоры», по утверждению компетентных специалистов не принесли ничего, кроме вреда амазонской экосистеме и коренному населению. Потерпела неудачу и вся схема колонизации, ориентированная на Трансамазонику. Вместо предполагавшихся 100 тыс. крестьян-переселенцев вдоль дороги поселились лишь 6 тыс. семей, да и те в значительной части бедствуют из-за незнания экологических особенностей ведения земледелия в Амазонии, отсутствия необходимой техники и денежных средств, плохой связи с городскими центрами, где можно было бы реализовать сельскохозяйственную продукцию¹⁶.

Эфемерными оказались и планы создания вдоль Трансамазонии рентабельных крупных животноводческих хозяйств. Большинство из разработанных или начатых осуществляться проектов развития животноводства были оставлены. Они послужили лишь для обогащения тех капиталистических компаний, которые получили под них всякие субсидии и огромные налоговые льготы от государства.

Причины неудачи планов колонизации и экономического развития полосы земель вдоль Трансамазоники и многих других районов Амазонии во многом кроются в том, что планировщики, как справедливо замечает исследовавший этот вопрос Н. Смит, не понимали амазонской земли, не знали экологии этих мест, не сумели оценить сложностей местного сельского хозяйства и жизни людей¹⁷.

В конце 70-х годов правительство Бразилии признало, что «интенсивное освоение обширных и практически не исследованных районов было преждевременным»¹⁸.

Ущерб, нанесенный экосистемам Амазонии из-за незнания особенностей этого региона, усугублялся хищническим характером его освоения. Как писал бразильский исследователь М. Миранда Нето, «в районе утвердился хищнический капитализм, который может привести всю систему к саморазрушению»¹⁹.

Все более остро встает вопрос: для кого осуществлялось развитие бразильской Амазонии в 70-х годах? Некоторые зарубежные ученые прямо говорят, что сведение лесов, вытеснение индейцев с их исконных земель соответствовали логике развития капитализма. Частное предпринимательство дорого обошлось государству, но почти ничего не дало мигрантам, переселившимся в Амазонию. Такая точка зрения обосновывалась, в частности, во вступительном докладе на состоявшейся в 1979 г. в Кембридже международной конференции «Развитие Амазонии в семи странах» (Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Перу, Эквадор). Развивая свою мысль, докладчик Ф. Барбира Сказоккио имела в виду не только Бразилию, но и другие перенаселенные страны²⁰.

Это мнение подтверждается тем фактом, что в 1976 г. 80% колонистов, приглашенных в Рондонию бразильским Институтом колонизации и аграрной реформы, не получили земли.

Несоразмерно мало по сравнению с масштабами проектов агробизнеса и предоставленных для их реализации частным компаниям государственных средств количество созданных рабочих мест. Так, при осуществлении животноводческих проектов Управления по развитию Амазонии создавалось менее двух рабочих мест на 1 тыс. га земли. При этом каждое место обходилось в 2 тыс. американских долларов. Всего в бразильской Амазонии за 10 лет налоговых льгот действовавшим там частным компаниям было создано лишь 40 тыс. рабочих мест, а по некоторым данным и того меньше — половина этого числа²¹.

Государственные вложения в Амазонию оказались убыточными. Отчуждение под сельскохозяйственные проекты крупных компаний 8—10 млн га земли тяжело ударило по крестьянам-посейрос (скваттерам) и особенно по индейцам, нанесло серьезный, а во многих случаях и непоправимый ущерб природной среде, но, как уже было сказано, практически ничего или почти ничего не дало миллионам безработных и безземельных бразильцев.

К концу 70-х годов нарушение экологической стабильности

во многих районах Амазонии в результате непродуманного и хищнического освоения стало уже не угрозой для будущего, а свершившимся фактом, с тревогой отмечавшимся не только бразильской, но и мировой печатью. Характерна статья, опубликованная в английской газете «Файнэншл таймс» в сентябре 1980 г. В ней, в частности, говорилось: «Экологический баланс многих районов Амазонии сейчас сильно расстроен. Фауна бассейна великой реки безжалостно истреблялась охотниками за звериными шкурами. Миллионы гектаров леса были вырублены под скотоводческие ранчо: участь редких пород деревьев никого не заботила. Ещё несколько лет назад расчищенные от джунглей просторы казались ответом на стремление Бразилии производить больше мяса. Однако предприятие оказалось экономически невыгодным. Сейчас эти районы — шрамы на зеленом теле Амазонии»²².

Для предупреждения дальнейшей дестабилизации амазонской экосистемы, создания основ рационального использования природных ресурсов Амазонии, а также для некоторых других целей восемь стран Латинской Америки (Бразилия, Боливия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Перу, Суринам и Эквадор) подписали в столице Бразилии в июне 1978 г. Амазонский пакт или, как он официально именуется, Договор об амазонском сотрудничестве.

В сферу действия договора официально включается не только бассейн Амазонки, но и «любая территория какого-либо участника, которая по своим географическим, экономическим и экологическим особенностям будет считаться тесно связанной с Амазонией»²³.

В соответствующих статьях амазонского пакта предусматривается ряд мер по сохранению флоры и фауны Амазонии в широком смысле этого слова. В частности, рекомендуется создание на указанной территории больших лесных заповедников. Решения об этом уже приняты Бразилией и некоторыми другими участниками пакта, например Боливией. В районах лесоразработок предусматриваются обязательные лесовосстановительные работы с использованием саженцев только местных пород деревьев. Поставлен вопрос об отмене или отсрочке всех проектов создания гидроэлектростанций на реках амазонской системы.

Участники пакта собираются объединить свои усилия в поисках пригодных для местных условий методов земледелия. В частности, предполагается использовать опыт индейцев по выращиванию скороспелых культур на затопляемых землях варзеи — амазонской поймы, по несколько месяцев в году находящихся под водой.

В амазонском пакте говорится и о необходимости сохранения национального суверенитета над этой территорией. Принято решение не допустить в дальнейшем возникновения здесь больших иностранных земельных владений, подобных имеющимся в Бразилии, например в штате Пара. По-видимому, в русле этих установок находятся некоторые изменения в бразильском земельном законодательстве, согласно которым площадь сельскохозяйствен-

ных земель, которые могут быть проданы частным компаниям, ограничивается в каждом случае 3 тыс. га. Только после предоставления компанией конкретного плана использования этой земли и указания источников финансирования ей дополнительно может быть продано еще 63 тыс. га.

В 1979 г. президент Бразилии утвердил решение о создании нескольких новых национальных парков в Амазонас, Пара и Рондонии. С целью сохранения лесов принято также решение ограничить предоставление частным компаниям контрактов на лесоразработки, а различные скотоводческие проекты осуществлять в дальнейшем в саванне, а не в лесной зоне²⁴.

Только будущее покажет, насколько участники амазонского пакта выполнят свои решения по охране природной среды.

Не стоит забывать, что той же Бразилией еще в 60-х годах было принято немало постановлений о сохранении природных богатств Амазонии. Как правило, они остались на бумаге. И это факт, единодушно признанный бразильской печатью. Например, к началу 70-х годов под национальные парки и другие заповедные территории было, по минимальным подсчетам, отведено 20 млн. га. Но все эти парки, за исключением небольшого Национального парка Шингу, существовали только на бумаге, констатировал корреспондент бразильского журнала «Реалидади», проехавший по формально отведенным для них землям²⁵.

По-видимому, если в ближайшие годы на основе выполнения решений, зафиксированных в амазонском пакте, в деле охраны природной среды Амазонии не произойдет существенных перемен к лучшему, не только исчезнет материальная база для продолжения существования индейских племен, что во многих случаях уже произошло, но будут подорваны возможности использования этой территории странами, которым она принадлежит, и прежде всего Бразилией, наиболее энергично и широкомасштабно преобразовывавшей в 70-х годах свои северные амазонские районы.

В статье мы в основном остановились на положении в бразильской Амазонии не только потому, что этой стране принадлежит большая часть интересующей нас природной зоны. В отношении экологии указанного района, расположенного на территориях Боливии, Перу, Венесуэлы, не говоря уже о Гайане или Суринаме, сравнительно мало материалов. Но судя по ним создается впечатление, что для этих стран характерны многие из процессов, протекающих в бразильской Амазонии.

¹ *Forbis E.* The Paleoamericans // *Prehispanic America*. L., 1974. P. 13—21.

² *Lanning E.* Eastern South America // *Ibid.* P. 89—96; *Lathrap D.* The Upper Amazon. L., 1970. P. 84—92.

³ *Cross D.* Protein capture and cultural development in the Amazon basin // *Amer. Anthropol.* 1975. V. 77, N 3. P. 526—549.

⁴ *Zucchi A.* Prehistoric human occupations of the Western Venezuelan Llanos // *Amer. Antiquity*. 1973. V. 38, N 2. P. 186—189; *Amer. Indigena*. 1980. V. XI, N 4. P. 614.

⁵ *Carvajal G.* The discovery of the Amazon, according to the account of Friar

- Gaspar de Carvajal and other documents. N. Y., 1934. P. 190, 198, 216—218.
- ⁶ *Broudbent S.* A prehistoric field system in Chibcha territory, Columbia // *Nawpa Facha*. 1968. N 6. P. 135—148.
 - ⁷ *Batchelor B.* Los Camellones de Cayambe en la Sierra de Ecuador // *Amer. Indigena*. 1980. V. XL, N 4. P. 671—687.
 - ⁸ *Palerm A., Wolf E.* Ecological potential and cultural development in Mesoamerica // *Studies in human ecology*. Wash., 1957. P. 28.
 - ⁹ *Hammond N.* Agricultural intensification in the Maya lowlands // *Actes du XLII Congr. Intern. des Americaristes*. P., 1979. V. VIII. P. 328; *Гуляев В. И.* Земледелие древних майя // *Природа*. 1982. № 9. С. 92.
 - ¹⁰ *Spiegel*. 1980. N 25. NASA radar experiment discovers Maya Canals // *EOS*. *Trans. Geophys. Union*. 1980. V. 61, N 26. P. 506—507; *Turner B.* II la agricultura intensiva de trabajo en las tierras mayas // *Amer. Indigena*. 1980. V. XL, N 4. P. 657—663.
 - ¹¹ *La agricultura intensiva prehispanica* // *Amer. Indigena*. 1980. V. XL, N 4. P. 616—617.
 - ¹² *Nations J., Nigh R.* The evolutionary potential of Lacandon Maya sustained-yield tropical forest agriculture // *J. Anthropol. Res.* 1980. V. 36, N 1. P. 1—30; *Meggors B.* Environment and culture in the Amazon basin: An appraisal of the theory of environmental determinism // *Studies in human ecology*. P. 85—86; *Dickinson J.* Una perspectiva ecologica sobre al desarrollo // *Inter-ciencia*. 1981. V. 6, N 1. P. 30—37; *Man in the Amazon*. Gainesville, 1974. P. 105—106.
 - ¹³ *Карнейро Р.* Переход от охоты к земледелию // *Сов. этнография*. 1969. № 5. С. 70; *Huxley M., Gara C.* Farewell to Eden. N. Y., 1964.
 - ¹⁴ *Smith A.* Mato Grosso: The last virgin land. L., 1971. P. 221—222, 281 and oth.
 - ¹⁵ *Paiva G. de.* Declarada a guerra ecologica na Amazonia // *Bol. FBCN*. 1980. N 15. P. 152—165.
 - ¹⁶ *Smith N.* Rainforest corridors: The Trans-Amazon colonization scheme. Berkeley, 1981; *Martine G.* Recent colonization experiences in Brazil: Expectations versus reality // *Land, people and planning in contemporary Amazonia*. Cambridge, 1980. P. 84—87.
 - ¹⁷ *Smith N.* Rainforest corridors; *Barbira-Scazocchio F.* From native forest to private property: The development of Amazonia for whom? // *Land, people and planning in contemporary Amazonia*. P. XII—XIII.
 - ¹⁸ Цит. по ст.: *Наумов А. С.* Сельскохозяйственное освоение бразильской Амазонии // *Лат. Америка*. 1983. № 6. С. 59; также см.: *Bourne R.* Assault on the Amazon. L., 1978.
 - ¹⁹ *Miranda Neto M.* O dilema da Amazonia. Petropolis, 1979. P. 152.
 - ²⁰ *Пришкольник Д. Б.* Экономико-географические особенности освоения новых районов во влажных тропиках Латинской Америки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 15; *Barbira-Scazocchio F.* From native forest to private property. P. X—XI, XV—XVI.
 - ²¹ *Barbira-Scazocchio F.* From native forest to private property. P. XII—XIII; *Kleinpenning J.* La colonisation recente de l'Amazonie bresilienne: Le role de l'etat et des entreprise publiques et privees // *Trav. et mem. Inst. Hautes Etudes Amer. Latine*. 1981. N 34.
 - ²² Цит. по: За рубежом. 1980. № 39. С. 21.
 - ²³ *Тарасов В. Б.* Новое объединение — Амазонский пакт // *Лат. Америка*. 1979. № 2; *Medina M. E.* Treaty for Amazonian cooperation: General analysis // *Land, people and planning in contemporary Amazonia*. P. 63 and oth.
 - ²⁴ *Kleinpenning J.* La colonisation recente de l'Amazonie bresilienne; *Barbira-Scazocchio F.* From native forest to private property. P. XV—XVI; *Criação de novos parques nacionais* // *Bol. FBCN*. 1979. N 14. P. 145—147.
 - ²⁵ *Realidade*. 1971. N 67. P. 168, 242.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНОЭКОЛОГИИ АМЕРИКАНСКОЙ АРКТИКИ

И. И. Крупник

Этноэкологические исследования в американской Арктике очень молоды: их история насчитывает не более трех десятилетий. Еще в 1955 г. в первой программной статье по проблемам экологии Арктики известная исследовательница культур эскимосов и алеутов М. Лэптис отмечала: «Хотя почти каждый, кто писал о культуре эскимосов, восхищался... ее адаптацией к среде обитания, практически никто за последние годы не изучал детально как-либо экологические проблемы, связанные с эскимосами. [Поэтому]... обзор имеющихся экологических публикаций по эскимосской культуре... может быть сделан очень быстро»¹.

В этой фразе, разумеется, содержалась известная доля преувеличения². И все же первый специальный проект по изучению экологии американских эскимосов действительно относится только к середине 50-х годов (программа Роберта Спенсера «Экология человека в арктической части Аляски», финансируемая в 1953—1955 гг. Арктическим институтом Северной Америки³). С этого времени мы, видимо, можем говорить о появлении «арктической этноэкологии»⁴ как самостоятельного научного направления.

В истории этноэкологического изучения американской Арктики отчетливо выделяются пять достаточно независимых источников развития. Хронологически первый из них был связан с осуществлением Проекта Chariot (букв. «колесница») — научной программы Комиссии по атомной энергии США, нацеленной на мирное использование ядерных взрывов для строительства каналов, искусственных гаваней и т. п. В 1958 г. для первого такого экспериментального взрыва был выбран участок у мыса Томпсон на северо-западном побережье Аляски, к югу от мыса Хоуп⁵. Вскоре выяснилось, однако, что как предложенный для эксперимента район, так и выбранный тип среды обитания (арктическая тундра) относятся к числу наименее изученных с географической, экологической и историко-культурной точек зрения. Поэтому в 1959—1962 гг. около сотни ученых различных специальностей работали в арктической Аляске по заданию Комиссии по атомной энергии США⁶. Ядерный взрыв у мыса Томпсон в итоге так и не был произведен (в том числе благодаря активным протестам коренного населения); но в рамках проекта Chariot родилась первая школа арктической этноэкологии, оказавшая огромное влияние на все ее дальнейшее развитие.

Становление этого направления связано с именем канадского ученого Дона Фута (1931—1969) — активного участника проекта Chariot, продолжавшего полевые этноэкологические исследования в различных районах американского Севера вплоть до своей тра-

гической гибели в 1969 г.⁷ Хотя сам Д. Фут называл себя «географом человека» (human geographer), а свой подход — «изучением географии человека в Арктике», объектом его анализа являлись современные и традиционные системы жизнеобеспечения коренных обитателей Арктики. Поэтому грань между этнографией и географией в понимании Д. Фута была очень условной, а многие использованные им приемы и методы носили чисто этнографический характер.

Д. Фут был убежденным сторонником системного анализа жизнедеятельности человека в Арктике. Его подход ориентировался на создание сложных экологических «моделей», включающих в качестве главных компонентов три независимые «подсистемы» — физическую (физико-географические компоненты ландшафта), биологическую (промысловые ресурсы) и социокультурную (все аспекты системы жизнеобеспечения человеческих коллективов)⁸. Совершенно независимо от основоположников так называемой новой экологии (А. Вайда, Р. Раппопорт и др.)⁹ и, по-видимому, даже несколько раньше их Д. Фут назвал главной задачей «географии человека» в Арктике количественный анализ функциональных связей между этими подсистемами, а его главным методом — изучение потока энергии от «физической» среды через популяции промысловых животных и растений к человеческому коллективу¹⁰.

Гораздо более важен, на мой взгляд, прямой вклад Д. Фута в методику этноэкологических исследований. Он был первым, кто подчеркнул важность исторического изучения аборигенных систем жизнеобеспечения и использования для их реконструкции литературных и архивных источников, устной традиции местного населения¹¹. Этот подход он блестяще продемонстрировал в своей оставшейся неопубликованной диссертации «Географические исследования и использование ресурсов в северо-западной арктической Аляске до 1855 г.»¹², где, помимо подробнейшего обзора источников, дал количественную реконструкцию систем жизнеобеспечения трех групп аляскинских эскимосов на середину XIX в. Неудивительно, что диссертация Д. Фута остается одной из наиболее цитируемых работ по экологии эскимосов вплоть до настоящего времени.

Д. Фут был пионером и в использовании других методов сбора материалов, получивших в дальнейшем весьма широкое распространение. Он первым стал применять как источник в этноэкологических исследованиях местную эскимосскую топонимику и судовые журналы американских китобойных судов конца XIX — начала XX в., собирать эскимосскую охотничью статистику, вести непосредственные наблюдения за популяциями промысловых животных (ранее этим интересовались только биологи). Ему принадлежат первые расчеты пищевой ценности и калорийности основных объектов добычи эскимосских охотников¹³. Фактически от работ Д. Фута берут начало сразу два направления арктической этноэкологии: историческое (точнее — этноис-

торическое, поскольку оно ставит своей целью реконструкцию традиционных систем жизнеобеспечения и образа жизни аборигенов по источникам и устной традиции¹⁴) и экономическое (анализ современных, смешанных форм жизнеобеспечения жителей Арктики)¹⁵. Оба они за последние два десятилетия получили быстрое развитие.

Вторым источником становления арктической этноэкологии послужили работы археологов в различных районах американской Арктики, а точнее — накопленный опыт интерпретации археологических материалов. С конца 50-х годов при объяснении истории локальных вариантов древнеэскимосских культур американские археологи начали все активнее использовать экологические данные, в первую очередь — свидетельства прежних изменений климата Арктики¹⁶. Такой поворот произошел главным образом благодаря началу широкого радиоуглеродного датирования и успехам палеогеографии и климатологии, заложившим основу для достоверных палеоклиматических реконструкций. В 60-е и особенно в 70-е годы «экологическая интерпретация» стала ведущей в археологии американской Арктики, вытеснив преобладавшие ранее концепции однонаправленной эволюции эскимосских культур, которые объясняли их развитие миграциями, вытеснениями в новые места обитания, культурными контактами с другими народами и т. п.¹⁷

Попытки археологов опереться на экологические данные потребовали выработки новых понятийных моделей и специального терминологического аппарата. И здесь американские археологи не просто воспользовались уже известными понятиями типа «жизнеобеспечение», «адаптация», «система расселения» (settlement pattern), но предложили их оригинальную интерпретацию. Появились и новые термины: «тип адаптации» и «северный приморский тип адаптации» (Northern maritime adaptation), «доисторические модели жизнеобеспечения», «стратегии добычи» (hunting или procurement strategies), «система пространственного освоения среды» (весьма приблизительный эквивалент термина subsistence-settlement system) и другие, в которых археологи вкладывают не только культурное, но и этническое содержание.

Понятен глубокий интерес археологов к главной теме арктической этноэкологии — реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения коренных обитателей Арктики. За последние два десятилетия ими опубликовано большое число работ чисто этнографических или «этноархеологических» по методу исследований¹⁸. Именно археологи выступили инициаторами нескольких крупных международных симпозиумов: «Доисторические приморские адаптации в циркумполярной зоне» (IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук, Чикаго, 1973), «Морская мегафауна: добыча и использование крупных морских животных в аборигенных обществах» (XI конгресс, Ванкувер, 1983), «Эскимосская культура туле — антропологическая ретроспектива» (Оттава, 1977) и других, имевших в целом

этноэкологическую ориентацию¹⁹. Наконец, экологическое изучение традиционных культур в ряде районов Арктики активно стимулировалось многолетними раскопками археологов или финансировалось в рамках археологических проектов. Особенно это относится к островам Алеутского архипелага, восточному побережью п-ова Лабрадор, побережью и внутренней части северо-западной Аляски²⁰.

Третий источник арктической этноэкологии появился неожиданно в конце 60-х годов. Вначале он лежал вне процессов внутреннего развития науки и был связан с политическим движением коренного населения американской Арктики, отстаивавшего свои права на землю (так называемые Native Land Claims). В текстах многих судебных исков и договоров, заключенных ассоциациями коренных жителей Аляски и канадского Севера с правительствами и местными властями в конце 60-х — начале 70-х годов, постоянно фигурировал термин subsistence, который в данном контексте чаще всего обозначал использование местным населением охотничье-промысловых ресурсов для собственного потребления. Однако его применение поначалу вызвало множество проблем, так как в юридической практике не было ясности в том, что считать «потребительским жизнеобеспечением» и кто имеет преимущественные права на использование местных промысловых ресурсов²¹.

Возникновение на рубеже 60—70-х годов региональных объединений (корпораций) коренного населения Аляски и Канады поставило понятие «жизнеобеспечение» (subsistence) в центр экономических, политических и духовных чаяний коренных обитателей американского Севера. Появился даже новый термин — «ценности жизнеобеспечения» (subsistence values), который включил весь комплекс методов, воззрений и норм, связывающих аборигенов Арктики со средой обитания и ее ресурсами. Резко возрос интерес к национальным традициям природопользования, экологическому опыту местных культур. Со второй половины 70-х годов региональные объединения американских эскимосов, алеутов и индейцев стали финансировать специальные программы по изучению и фиксации своего экологического наследия, в которых активно участвуют профессиональные этнографы и археологи²².

Эти программы включают: наблюдения за современными формами природопользования различных этнических групп американского Севера; запись рассказов представителей старшего поколения о прежних традициях жизнеобеспечения (включая проведение специально собираемых с этой целью конференций «старейшин» местных общин); сплошное археологическое обследование территорий, принадлежащих аборигенным корпорациям, с тщательной фиксацией всех культурных памятников, вплоть до самых поздних охотничьих стоянок середины XX в. (Cultural Resources Programme) и т. д.²³ Результаты их относительно мало известны в академических кругах, поскольку публикуются

в виде специальных отчетов или в малотиражных изданиях на средства местных корпораций и соответствующих государственных учреждений²⁴. Существует несколько периодических изданий (в основном региональных или общественно-политических), которые финансируются корпорациями коренного населения и регулярно печатают материалы этноэкологического содержания²⁵. Но все это, говоря словами американского этнографа Э. Берча, лишь «верхушка айсберга», слабое отражение широкой волны экологических исследований, которая охватила сейчас практически все районы американского Севера²⁶. Указанные работы уже принесли огромный объем новой информации, которая совершенно изменила прежний академический облик арктической этноэкологии, придав ей не только прикладное, но и ценностно-идеологическое звучание.

Быстро растущий интерес к проблемам местных форм и традиций жизнеобеспечения в 70-е годы привлек внимание к ним различных государственных ведомств и научных центров США и Канады, занятых охраной природных ресурсов (game management). В конце 70-х годов они фактически стали четвертым источником развития арктической этноэкологии. Наиболее активно в этой области действуют: Служба национальных парков США, Департамент охоты и рыболовства штата Аляска, Университет штата Аляска, Лаборатория морских млекопитающих Национальной океанографической и атмосферной службы США и др. Хотя главным объектом их интереса служат особо ценные или редкие виды промысловых животных (дикие олени карибу, гренландский и серый киты, водоплавающая дичь, тихоокеанские лососи и т. п.), эти организации также активно финансируют программы по изучению аборигенных систем жизнеобеспечения и традиций природопользования²⁷. Большим достоинством таких программ являются их комплексный, междисциплинарный характер (наряду с биологами в них участвуют или их консультируют профессиональные антропологи), обилие цифровой информации, постоянная обновляемость публикуемых статистических материалов. О размахе таких исследований дают представление специальные библиографии по проблемам «жизнеобеспечения», изданные в последние годы²⁸.

Таким образом, две черты определили облик арктической этноэкологии почти с самого момента ее становления — этноисторическая ориентация и прикладная направленность, имеющая сейчас особое ценностно-идеологическое звучание в свете движения коренного населения американского Севера за свои права. В общем потоке публикаций доля исследований, которые стимулируются теоретическими поисками в рамках самой этнографической науки, относительно невелика. Этим изучение этноэкологии коренного населения американской Арктики заметно отличается от аналогичных изысканий в других регионах — среди индейцев Центральной и Южной Америки, бушменов Южной Африки, папуасов Новой Гвинеи, австралийских аборигенов,

которые также активно развивались в 60—70-е годы. В Арктике такие академические исследования — их можно считать пятым источником развития арктической этноэкологии — посвящены опять-таки преимущественно аборигенным традициям и опыту природопользования или таким специфическим проблемам, как инфантицид, территориальная и социальная организация охотничьих коллективов, исторические варианты адаптивных стратегий и их отражение в письменных и иных источниках, современные формы смешанной промысловой экономики и т. п.²⁹

В настоящее время этноэкология американской Арктики — активная быстро развивающаяся область этнографических и прикладных исследований, насчитывающая уже сотни специальных публикаций, десятки монографий и защищенных докторских диссертаций. Статьи по арктической этноэкологии печатаются всеми зарубежными антропологическими журналами и в большом числе смежных изданий. В 70-е годы этноэкология была одним из ведущих направлений в этнографическом изучении американского Севера, в которое внесли свой вклад многие наши зарубежные коллеги-американисты. Тем большее значение приобретают для нас критическое осмысление накопленного ими опыта и использование его при описании традиционных и современных культур обитателей северных районов СССР.

¹ *Lantis M.* Problems of human ecology in the North American Arctic // *Arct. Res. Arct. Inst. North Amer. Spec. Publ.* 1955. N 2. P. 195.

² Назову лишь некоторые более ранние публикации, в которых рассматривались различные аспекты экологии традиционных культур американского Севера: *Steenby H. P.* An anthropogeographical study of the origin of Eskimo culture // *Medd. Grønland.* 1917. V. 53; *Ekbław E.* The ecological relations of the polar Eskimo // *Ecology.* 1921. V. 2, N 2; *Idem.* The material response of the polar Eskimo to their far Arctic environment // *Ann. Assoc. Amer. Geogr.* 1927. V. 17, N 24; 1928. V. 18, N 1; *Weyer E. M.* The Eskimos: Their environment and folkways. New Haven, 1932; *Mikkelsen E.* The East Greenlanders possibilities of existence, their production and consumption // *Medd. Grønland.* 1944. V. 134, N 2; *Larsen H., Rainey F.* Ipiutak and the Arctic whale hunting culture // *Anthropol. Pap. Amer. Mus. Natur. Hist.* 1948. V. 42; *Solecki R.* Archeology and ecology on the Arctic Slope of Alaska // *Annual Report of the Smithsonian Institution for 1950.* Wash., 1951; *Bank T.* Botanical and ethnobotanical studies in the Aleutian Islands. I. Aleutian vegetation and Aleut culture // *Pap. Mich. Acad. Sci.* 1952. V. 37; *Idem.* Ecology of prehistoric Aleutian village sites // *Ecology.* 1953. V. 34, N 2.

³ Ее итогом стала известная монография: *Spencer R.* The North Alaskan Eskimo: A study in ecology and society // *Bur. Amer. Ethnol.* 1959. Bull. 171.

⁴ Я употребляю здесь термин «этноэкология» как синоним «этнической экологии» и «экологической антропологии», не останавливаясь специально на смысловом различии этих трех понятий. О несколько иной трактовке термина *ethnoecology* в зарубежной антропологии см.: *Fowler C.* *Ethnoecology* // *Hardesty D.* *Ecological anthropology.* N. Y., 1977. P. 215—244.

⁵ *Environment of the Cape Thompson region, Alaska*/Ed. N. Wilimovski, J. Wolfe. Oak Ridge. 1966. P. III.

⁶ Результатом этих исследований стала энциклопедическая сводка: *Environment of the Cape Thompson region, Alaska.*

- ⁷ Краткую биографию Д. Фута см.: *Baird P. D. Don Charles Foote (1931—1969)* // *Arctic*. 1969. V. 22, N 2, P. 168.
- ⁸ Основные результаты исследований Д. Фута ввиду его преждевременной смерти остались неопубликованными. Краткое изложение его концепции см.: *Foote D. An Eskimo sea-mammal and caribou hunting economy: human ecology in terms of energy* // VIII Intern. Congr. of Anthropol. and Ethnol. Sci. Tokyo, 1970. V. III. P. 262—264.
- ⁹ Об этом направлении этноэкологических исследований см. подробнее: *Vayda A. P., Rapport R. Ecology cultural and non-cultural* // *Introduction to cultural anthropology*/Ed. J. A. Clifton. Boston, 1968; *Vayda A. P. On the «new ecology» paradigm* // *Amer. Anthropol.* 1976. V. 78, N 3.
- ¹⁰ *Foote D. An Eskimo sea-mammal...* P. 263; *Foote D., Greer-Wootten B. Man-Environment interactions in an Eskimo hunting system.* Wash., 1966. P. 3.
- ¹¹ В американской этнографии этот подход получил название «этноисторического». О вкладе в него Д. Фута см.: *Van Stone Дж. Этноисторические исследования на Аляске: обзор* // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 216—217.
- ¹² *Foote D. Exploration and resource utilization in Northwestern Arctic Alaska before 1855: Ph. D. diss.* Montreal, 1965. 400 p.
- ¹³ *Foote D. Exploration...* P. 350—363; *Idem. The East coast of Baffin Island, NWT: An area economic survey.* 1966. Ottawa, 1967. P. 139—152.
- ¹⁴ *Burch E. S. The traditional Eskimo hunter of Point Hope, Alaska: 1800—1875.* S. l., 1981; *Ellana L. Bering strait insular Eskimo: a diachronic study of economy and population structure* // *Alaska Dep. Fish and Game: Div. Subsistence. Techn. Pap.* 1983. N 73; *Hall E. S. Kangiguksuk: a cultural reconstruction of a sixteenth century Eskimo site in Northern Alaska* // *Arct. Anthropol.* 1974. V. VIII, N 1; *Taylor J. G. Labrador Eskimo settlements of the early contact period* // *Nat. Mus. Canada: Publ. Ethnol.* 1974. N 9; *Van Stone J. Ingalik contact ecology: an ethnohistory of the Lower-Middle Yukon, 1790—1935* // *Fieldiana: Anthropol.* 1979. V. 71.
- ¹⁵ *Burch E. S. Subsistence production in Kivalina, Alaska: a twenty-year perspective* // *Alaska Dep. Fish and Game. Div. Subsistence. Techn. Pap.* 1985. N 128; *Burgess S. The St. Lawrence islanders of Northwestern Cape: patterns of resource utilization*: Ph. D. diss. Fairbanks, 1974; *Elberg N., Hyman J., Hyman K., Salisbury R. F. Not by bread alone: the use of subsistence resources among James Bay Cree.* Montreal, 1975; *Kemp W. The flow of energy in a hunting society* // *Sci. Amer.* 1971. V. 225, N 3; *Riewe R. The utilization of wildlife in the Jones Sound region by the Grise Fiord Inuit* // *Truelove Lowland, Devon Island, Canada: A high Arctic ecosystem*/Ed. L. S. Bliss. Edmonton, 1977.
- ¹⁶ *Campbell J. M. Cultural succession at Anaktuvuk Pass, Arctic Alaska* // *Prehistoric cultural relations between Arctic and Temperate zones of North America.* Montreal, 1962; *Harp E. Ecological continuity on the Barren Grounds* // *Polar Notes.* 1959. N 1; *Giddings J. The archaeology of Bering Strait* // *Curr. Anthropol.* 1960. V. 1, N 2; *Knuth E. The Paleo-Eskimo culture of North-east Greenland elucidated by three new sites* // *Amer. Antiquity.* 1954. V. 19, N 4.
- ¹⁷ *Bockstoce J. A prehistoric population change in the Bering Strait region* // *Polar Rec.* 1973. V. 16, N 105; *Idem. The archaeology of Cape Nome, Alaska.* Philadelphia, 1979; *Fitzhugh W. Environmental archaeology and cultural systems in Hamilton Inlet, Labrador* // *Smithsonian Contrib. Anthropol.* 1972. N 16; *Idem. Environmental factors in the evolution of Dorset culture: a marginal proposal for Hudson Bay* // *Eastern Arctic prehistory: Paleoeskimo problems*/Ed. M. S. Maxwell. Salt Lake City, 1976; *McGhee R. Speculations on climatic change and Thule culture development* // *Folk.* 1969/1970. V. 11/12; *Idem. Climatic change and the development of the Canadian Arctic cultural traditions* // *Climatic changes in Arctic areas during the last 10,000 years*/Ed. Y. Vasari et al. Oulu, 1972; *Schledermann P. The effect of climatic/ecological changes on the style of Thule culture winter dwellings* // *Arct. and Alp. Res.* 1976. V. 8, N 1. Популярное изложение некоторых экологических концепций американских археологов см.: *Айгнер Дж. Первые*

- арктические поселения в Северной Америке // В мире науки. 1986. № 1.
- ¹⁸ *Amsden C. W.* Hard times: a case study from Northern Alaska and implications for Arctic prehistory // Thule Eskimo culture: An anthropological perspective/Ed. A. McCartney. Ottawa, 1979; *Anderson D. et al.* Kuuvamiut subsistence: Traditional Eskimo life in the latter twentieth century. Wash., 1977; *Binford L. R.* Nunamiut ethnoarchaeology. N. Y., 1978; *Idem.* Dimensional analysis of behavior and site structure: learning from an Eskimo hunting stand // Amer. Antiquity. 1978. V. 43, N 2; *Campbell J. M.* Aboriginal human overkill of game populations: examples from Interior Northern Alaska // Archaeological essays in honor of Irving B. Rouse/Ed. R. Dunning. E. Hall. The Hague, 1978; *Dumond D.* A chronology of native Alaskan subsistence systems // Alaska native culture and history/Ed. Y. Kotani, W. B. Workman. Osaka, 1980. (Senri Ethnol. Stud.; № 4); *Jarvenpa R., Brumbach H. J.* Ethnoarchaeological perspectives on an Athapaskan Moose kill // Arctic. 1983. V. 36, N 2 etc.
- ¹⁹ Prehistoric maritime adaptations of the Circumpolar zone/Ed. W. Fitzhugh. The Hague, 1975; Thule Eskimo culture; Prehistoric cultural relations...; Contributions to Anthropology: the interior peoples of Northern Alaska/Ed. E. S. Hall. Ottawa, 1976. (Archaeological Survey of Canada. Pap.; N 49); Anthropological archaeology in the Americas/Ed. B. Meggers. Wash., 1968.
- ²⁰ *Amsden C. W.* Op. cit.; *Binford L. R.* Nunamiut ethnoarchaeology; *Idem.* Dimensional analysis...; *Fitzhugh W.* Environmental archaeology...; *Idem.* Preliminary report on the Torngat archaeological project // Arctic. 1980. V. 33, N 3; *Kaplan S.* Neo-Eskimo occupations of the Northern Labrador coast // Ibid.; *Laughlin W.* Eskimos and Aleuts: their origin and evolution // Science. 1963. V. 142, N 3593; *Idem.* Aleuts: ecosystem, Holocene history and Siberian origin // Science. 1975. V. 189, N 4202; Studies in Aleutian-Kodiak prehistory, ecology and anthropology/Ed. W. Laughlin, W. G. Reeder // Arct. Anthropol. 1966. V. 3, N 2; *Laughlin W., Aigner J.* Aleut adaptation and evolution // Prehistoric maritime adaptations...; *McCartney A.* Maritime adaptations in cold archipelagoes: an analysis of environment and culture in the Aleutian and other island chains // Ibid.; *Yesner D. R., Aigner J.* Comparative biomass estimates and prehistoric cultural ecology of the southwest Umanak region, Aleutian islands // Arct. Anthropol. 1976. V. 13, N 1; *Харнер А.* История алеутской популяции // Сов. этнография. 1980. № 6.
- ²¹ См. подробнее: *Burch E. S.* Native claims in Alaska: an overview // Etudes/Inuit/Studies. 1979. V. 3, N 1. P. 21—22.
- ²² *Anderson D. et al.* Kuuvamiut subsistence; *Burch E. S.* The traditional Eskimo hunter...; *Fitzhugh W.* Indian and Eskimo/Inuit settlement history in Labrador: an archaeological view // Our footprints are everywhere/Ed. C. Brice-Bennett. Nain, 1977; Report: Inuit land use and occupancy project: 3 v./Ed. M. R. Freeman. Ottawa, 1976; *Nelson R. K. et al.* Tracks in the wildland: a portrayal of Koyukon and Nunamiut subsistence. Fairbanks, 1978.
- ²³ *Carnahan J. W.* Cross island: Inupiat cultural continuum. Anchorage, 1979; *Libbey D., Hall E. S.* Cultural resources in the Mid-Beaufort sea region. S. L., 1981; *Lowenstein T.* Some aspects of sea ice subsistence hunting in Point Hope, Alaska, S. L., 1984; Native livelihood and dependence: A study of land use values through time. Anchorage, 1979; The traditional land-use inventory for the Mid-Beaufort sea. Barrow, 1980. V. 1; *Schneider W., Pedersen S., Libbey D.* The Barrow-Atkasook report: A study of land-use values through time. Anchorage, 1980; *Silook R.* Seevookuk: stories the old people told on St. Lawrence island. Anchorage, 1976; *Spearman G.* Land use values through time in the Anaktuvuk Pass area. Fairbanks, 1979.
- ²⁴ *Burch E. S.* The ethnography of Northern North America: a guide to recent research // Arct. Anthropol. 1979. V. 16, N 1. P. 82.
- ²⁵ Tundra Times (Anchorage); Native Press (Yellowknife); Inuit Today (Ottawa); Alaska Native News (Anchorage); The Arctic Policy Review (Anchorage); Inuttituut (Ottawa) etc.
- ²⁶ *Burch E. S.* The ethnography... P. 82, 89—91.
- ²⁷ *Durham F.* Recent trends in bowhead whaling by Eskimos in the Western Arctic with emphasis on utilization. Wash., 1979; *Freeman M. R.* Studies in

maritime hunting. II: An analysis of walrus hunting and utilization: Southampton island, NWT, 1970 // *Folk.* 1974/1975. V. 16/17; *Ellana L.* Bering Strait insular Eskimos..., *Marquette W.*, *Braham H.* Gray whale distribution and catch by Alaskan Eskimos: a replacement for the bowhead whale? // *Arctic.* 1982. V. 35, N 2; *Mitchell E.*, *Reeves R.* The Alaska bowhead problem: a commentary // *Arctic.* 1980. V. 33, N 4; *Patterson A.*, *Ahwinona C.* Use and dependence upon walrus in the Bering Strait and Norton Sound area. Anchorage, 1980; *Prevett J. P.* et al. Waterfowl kill by Cree hunters of the Hudson Bay lowland, Ontario // *Arctic.* 1983. V. 32, N 2; *Worl R.* A synopsis of Alaska native subsistence economies and projections of research needs. Anchorage, 1982.

²⁸ A bibliography on Alaskan subsistence/Comp. M. Tuten, J. Eckhardt. Anchorage, 1977; Alaska subsistence bibliography/Comp. P. O'Brien McMillan. Anchorage, 1982; Regional subsistence bibliography/Comp. D. Andersen. S. I. V. I: North Slope, 1982; V. II: Interior, 1982; V. III: Northwest, 1984. (Alaska Dep. Fish and Game. Div. Subsistence. Techn. Pap.; N 1, 2, 94).

²⁹ *Balikci A.* Female infanticide on the Arctic coast // *Man.* 1967. V. 2, N 4; *Idem.* The Netsilik Eskimos: adaptive processes // *Lee R.*, *DeVore I.* Man the hunter. Chicago, 1968; *Damas D.* Environment, history and Central Eskimo society // *Nad. Mus. Canada Bull.* 1969. N 230; *Freeman M.* An ecological study of mobility and settlement patterns among the Belcher Island Eskimo // *Arctic.* 1967. V. 20, N 3; *Idem.* A social and ecological analysis of systematic female infanticide among the Netsilik Eskimos // *Amer. Anthropol.* 1971. V. 73, N 5; *Nelson R. K.* Hunters of the northern ice. Chicago, 1969; *Idem.* Hunters of the northern forest: Designs for survival among the Alaskan Kutchin. Chicago; L., 1973; *Idem.* Athapaskan subsistence adaptations in Alaska // *Alaska native culture...*; *Ray D.* Nineteenth century settlement and subsistence patterns in Bering Strait // *Arct. Anthropol.* 1964. V. 2, N 2; *Smith J.* Economic uncertainty in an «Original affluent society»: caribou and Caribou-eater Chipewyan adaptive strategy // *Arct. Anthropol.* 1978. V. 15, N 1; Boreal forest adaptations: The Northern Algonkians/Ed. A. T. Steegmann. N. Y., 1983; *Takashi Irimoto.* Chipewyan ecology: Group structure and caribou hunting system // *Senri Ethnol. Stud.* 1981. N 8; *Van Stone J.* Athapaskan adaptations: Hunters and fishermen of the Subarctic forest. Chicago. 1974 etc.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ. АДАПТАЦИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЭСКИМОСОВ И ИНДЕЙЦЕВ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РАЙОНА БЕРИНГОВА ПРОЛИВА

М. А. Членов

Вариативность биологических ресурсов и географической среды во многом определяет основные культурные параметры человеческих популяций, оказывает часто решающее влияние на характер расселения, направленность миграций, хозяйственный тип, структуру поселений и т. п. Обусловленность подобного рода особенно прослеживается в обществах, основанных на присваивающем хозяйстве, доминировавшем до самого недавнего времени в районах Крайнего Севера. Поэтому учет факторов среды оказывается необходимым в такой, казалось бы, далекой от этнической экологии области, как этническая история и реконструкция не зафиксированных письменными источниками этнических процессов.

В настоящей статье рассматривается несколько этноисторических построений, выведенных главным образом на основе анализа этнографического и этнолингвистического материалов, и предлагается экологический комментарий к ним. Все они касаются эскимосского населения азиатского и американского побережий и островов Берингова пролива. Под термином «район Берингова пролива» я понимаю сушу и акваторию, ограниченную с запада зоной хозяйственной эксплуатации традиционных обществ морских зверобоев восточного побережья Чукотского полуострова (приблизительно от Сиреников до Уэлена), с юга — воображаемой линией, соединяющей юго-восточный выступ Чукотского полуострова с о-вом Св. Лаврентия и этот последний — с устьем Юкона; с востока — аналогичной зоной хозяйственной эксплуатации морских зверобоев побережья п-ова Сьюард и залива Нортон; с севера — воображаемой линией, соединяющей мыс Принца Уэльского (Уэйлс) через острова Диомиды с Уэленом.

Этнолингвистические данные

Эскимосские языки, как известно, подразделяются на две крупные генетические единицы: инуитик (весь север Америки от Гренландии до Берингова пролива) и юпик (Чукотка, центральная и южная Аляска). В последнее время высказываются сообщения о том, что практически исчезнувший ныне старосирениковский язык, бытовавший еще в начале века на северном берегу Анадырского залива, возможно не относится ни к той, ни к другой группе, но представляет собой самостоятельную третью ветвь эскимосской семьи (устное сообщение американского лингвиста-эскимолога М. Краусса). Если оставить в стороне этот пока еще спорный вопрос, то к юпик-языкам относятся: так называемый чаплинский (или сибирский юпик, как его называют в США), распространенный сейчас на юго-восточной оконечности Чукотского полуострова и американском о-ве Св. Лаврентия; науканский язык, до 1958 г. бытовавший на мысе Дежнева, носители которого ныне живут дисперсно в поселках Чукотского района и городах и поселках городского типа Чукотки; центральный юпик на западном берегу Аляски от пос. Уналаклит на побережье залива Нортон на севере до бассейна р. Нушагак и озера Илиамна на юге; алютик, или сугшиак, на тихоокеанском берегу Аляски от п-ова Аляска до залива Принца Уильяма и на о-ве Кадьяк.

Ныне эти языки почти полностью окружают акваторию Берингова пролива. Разрыв этого кольца наблюдается только в северо-восточной части исследуемой территории, на п-ове Сьюард и островах Диомида, где эскимосское население говорит на языках группы инуитик (диалектах Берингова пролива и кавьярак). Существует ряд оснований полагать, что разрыв этот сложился в результате сравнительно недавних языковых миграций диалектов инуитик с северо-востока в район Берингова пролива.

До сих пор в двух поселках на южном берегу п-ова Сьюард, Головин и Элим, сохраняется юпикский диалект уналит, окруженный со всех сторон инуитским диалектом кавьярак¹. Существуют исторические свидетельства, что еще в прошлом веке уналит был распространен по всему восточному и северо-восточному берегу залива Нортон от форта Сент-Майкл до бухты Головина. В середине XIX в. передвижение носителей инуитских диалектов малимиут и кавьярак разделило сплошной ареал уналита на две части². Эта миграция, однако, была последней, завершившей проникновение инуитов в район Берингова пролива. Ряд лингвистических аргументов, в их числе просодическая система юпик-языков, анализ субстратных явлений и т. д., убеждают в том, что в прошлом побережье района Берингова пролива было заселено только юпикоязычными эскимосами; в связи с чем аляскинский центральный юпик, представленный, в частности, диалектом уналит, соединялся с науканским через цепь исчезнувших сейчас юпикских диалектов района Нома, Уэйлса и островов Диомида³.

Такая гипотеза побудила некоторых исследователей к реконструкции лингвистического континуума вокруг Берингова пролива, начиная с сирениковского через чаплинский — науканский — центральный юпик до алютика⁴. Отдельные элементы этого континуума с течением времени как бы коагулировались в самостоятельные языки. В подтверждение такого взгляда М. Краусс приводит результаты проведенного им эксперимента. Он дал двум группам эскимосов, одной с о-ва Св. Лаврентия, носителям чаплинского языка, а другой — носителям центрального юпика, прослушать пленку с записью науканской речи. «К нашему удивлению, — пишет он, — центральные юпики поняли текст столь же хорошо и даже еще лучше, чем жители о-ва Св. Лаврентия»⁵. По его мнению, этот факт подтвердил мнение Г. А. Меновщикова о наличии ряда общих черт у науканского и центрального юпика. Оспаривать данное положение не приходится, примечательно иное — что на самом деле звучание науканского показалось ближе аляскинским эскимосам, нежели чаплинским. Возможно, как мы попытаемся показать ниже, для этого имеются исторические основания.

Концепция континуума, пожалуй, подтверждается только аляскинским материалом, где, согласно утверждению американских лингвистов, существует лингвистический континуум между центральным юпиком и алютиком⁶, а в прошлом, вероятно, и между центральным юпиком и науканским. Вместе с тем, М. Краусс, изучив науканскую просодию, пришел к выводу, что этот язык сформировался на основе механического смешения нескольких юпикских диалектов⁷. Вообще же науканский, а тем более старосирениковский языки изучены весьма слабо, так что говорить об их взаимоотношении с остальными юпик-языками, наверное, преждевременно. Как справедливо утверждает А. Вудбери, «по мере того как мы все больше узнаем о науканском и сирениковском языках, бинарное противопоставление этого типа (речь идет о схеме, в которой три эскимосских языка азиатского берега противопоставлены как единство двум американским юпик-языкам. — М. Ч.) становится все менее вероятным, потому что становится все более трудным найти инновации, общие для всех трех сибирских языков и относимые ко времени, когда они были отличны от аляскинского юпика, но не друг от друга»⁸.

Суммируя современные представления о взаимоотношении разных юпик-языков между собой, мы можем представить приблизительно следующую схему: особняком стоит старосирениковский язык, чья принадлежность к группе юпик вообще может быть подвержена сомнению; такое же место занимает и чаплинский язык, в настоящее время обнаруживающий наибольшую близость все же к науканскому, хотя трудно сказать, отражает ли эта близость генетическое родство или она вызвана контактными явлениями; центральный юпик и алютик близки друг к другу и противопоставлены как единство прочим языкам; наи-

более неопределенно положение слабо изученного науканского, который вроде бы обнаруживает близость и к чаплинскому, и к аляскинским языкам. Таким образом, изучение науканского языка приобретает в свете этой схемы особую значимость.

В лингвистической и этнографической литературе бытует представление о том, что в недалеком прошлом ареал распространения всех трех азиатско-эскимосских языков был шире, нежели в середине XX в. При этом предполагается, что чаплинский был распространен на север до бухты Лаврентия и даже далее, науканский же — в северной части Чукотского полуострова⁹. Единственным письменным источником, по которому можно судить о языковых границах в регионе в конце XVIII в., является знаменитое описание обычаев и образа жизни чукчей, принадлежащее перу К. Мерка и давно уже привлекающее внимание исследователей¹⁰. Текст написан по материалам экспедиции 1785—1795 гг. и впервые полностью опубликован только в 1978 г. Из него мы узнаем, что язык «оседлых чукчей» (так К. Мерк называл азиатских эскимосов) делится на четыре «наречия» и совершенно непохож на корякский. Три из этих наречий были уже ранее отождествлены со старосирениковским, чаплинским и науканским языками¹¹. Четвертое наречие, уэленско-эскимосское, очевидно, исчезло за время, отделяющее нас от плавания Биллингса.

Изменились и границы распространения тех или иных языков. Так, например, К. Мерк пишет¹²: «...на втором говорят — от этого последнего (т. е. от стойбища Uigin.— М. Ч.) до стойбища Puuchta, которое лежит несколько севернее бухты Св. Лаврентия. На третьем, называемом Peekeisko, говорят от стойбища Пуухта до северо-восточного мыса, лежащего несколько южнее... на четвертом, называемом Uwelenskije, говорят от вышеупомянутого мыса до последнего стойбища на Шелагском мысе»*. Существуют независимые от этого источника данные, позволяющие предполагать, что еще в XVIII—XIX вв. на чаплинском языке говорили вплоть до районов, примыкающих с юга к мысу Дежнева¹³. Таким образом, можно утверждать, что в конце XVIII в. на чаплинском языке говорили (хотя необязательно сплошным массивом) на пространстве от мыса Чаплина до бухты Поутен. Третье наречие, упомянутое К. Мерком, резонно сопоставить с науканским. Неожиданна, однако, ситуация с четвертым наречием, уэленским. Не приводя здесь аргументацию, отмечу лишь, что глоссы этого языка, приведенные в уже упомянутой работе К. Мерка, почти совпадают не с науканским, как это предполагалось раньше, а с чаплинским языком, отличаясь от него только в специфических лексических разделах, таких, как, например, названия месяцев¹⁴. Поэтому лингвистическая

* Мое прочтение топонимов в этом источнике основано на исследовании оригинала и несколько отличается от версий, предложенных З. Титовой и И. Вдовиним¹⁵.

география конца XVIII в. на азиатском берегу Берингова пролива выглядит следующим образом. На всем береговом пространстве от мыса Чаплина или бухты Провидения на юге и до мыса Шмидта на севере (если не далее на запад до мыса Шелагского) существовали отдельные эскимосские группы, говорившие на диалектах чаплинского языка, большинство из которых к настоящему времени исчезло. Можно полагать, что число таких групп было невелико: в противном случае процесс их ассимиляции и вытеснения береговыми чукчами должен был бы затянуться на более длительный период. В юго-западной части ареала чаплинский язык соседствовал со старосирениковским, зона распространения которого тянулась на северо-запад до косы Мээчкын у входа в залив Креста. На северо-востоке, т. е. на самом выступе мыса Дежнева, жили носители науканского языка. Не очень ясны точные границы его распространения. К концу XIX в. он сохранялся только в пос. Наукап на мысе Дежнева. К. Мерк указывает бухту Поутен километрах в 30—40 южнее этого мыса.

Названная проблема пока еще не поднималась и требует дополнительного исследования. Пока можно отметить только, что субстратная эскимосская топонимика на территории берега между бухтой Поутен и южной оконечностью скалистого выступа мыса Дежнева, скорее, может быть отнесена к чаплинскому, нежели к науканскому языку. Таково эскимосское название мыса Верблюжий — Нын'лувак — «большая землянка» (от чаплин. *нын'лу* — «землянка», наукан, *ынлу*) и эскимосское название бывшего населенного пос. Дежнево, располагавшегося на берегу Берингова моря на южной оконечности впадины, отделяющей массив мыса Дежнева от Азиатского материка, — Кан'иск'ак' — «задняя дуга нарты» (от чаплин. *к'ан'иск'ак'* с тем же значением). Все эти данные указывают на то, что и в XVIII в. ареал науканского языка был анклавным, таким же, как и в середине XX в. и ограничивался племенной территорией пувукагмитов, т. е. массивом мыса Дежнева¹⁶.

Труднее очертить для конца XVIII в. языковую ситуацию на островах Диомиды. Выше уже упоминалось, что в середине XX в. население этих островов говорило на одном из инуицких диалектов, сохранившемся до сих пор на Малом Диомиде¹⁷. Некоторые топонимические и этнографические свидетельства указывают на то, что этот язык пытался некогда укорениться и на азиатском берегу, хотя и безуспешно. Недалеко от бухты Поутен находится скала с характерным названием Инук (от инуицк. *инук'* — «человек»); на самом мысе Дежнева один из мысов носит инуицское название Уйаг'ак' — «камень». Можно полагать, что инуицкий диалект островов Диомиды был распространен среди жителей бывшего пос. Нунак на мысе Пээк. Вместе с тем, К. Мерк пишет: «...наречие тех чукчей, которые живут на северо-восточном мысе, приближается к американскому наречию, являющемуся, собственно, наречием остро-

витян пролива»¹⁸. На тождественность науканского и диомидского наречий указывает и участник той же экспедиции 1785—1795 гг. сотник И. Кобелев, побывавший на о-ве Кинг (Укивак): «Разговор таков же, как и на Имаглине и у пеших чукоч, кои около восточного мыса живут». В другом месте он же отмечает, что жители п-ова Сьюард (с р. «Хеверен») говорили с жителями о-ва Кинг через переводчика¹⁹. Основываясь на этих данных, можно осторожно предположить, что в конце XVIII в. жители острова Диомида еще говорили на юпикском диалекте, близком к науканскому, вытесненному впоследствии инупикским диалектом мыса Принца Уэльского.

Экологический комментарий

Итак, приведенные этнолингвистические данные рисуют картину значительных языковых изменений, протекавших на обоих берегах Берингова пролива в последние столетия. Теоретически смена языка может быть следствием смены населения, т. е. миграции, но может происходить и независимо от передвижения людей. В последнем случае лингвистические процессы включают в себя такие формы, как появление языка-посредника, пиджинизацию, креолизацию, интенсивную языковую интерференцию и т. д. Нет надобности говорить, что условием языкового контакта в подобной ситуации должен быть основанный на совместной деятельности (при самом широком понимании этого слова) контакт между гетеролингвистическими общинами. Иными словами, смена языка, не сопровождающаяся миграциями, предполагает достаточно высокий уровень межобщинной интеграции и наличие достаточно сложных социальных структур, находящихся в иерархическом соподчинении друг другу и постоянном взаимодействии, обусловленном, например, торговлей, политическим и экономическим доминированием и т. д. Хотя подобная модель далеко не исключалась для рассматриваемого нами региона, особенно с XVIII в., когда зона Берингова пролива превратилась в своеобразный «мост» между двумя континентами, по которому с запада на восток двигались русские товары, попадавшие на Чукотку через Анюйскую ярмарку, а с востока на запад поступали меха из Аляски, все же на ранних этапах более частой была, по-видимому, смена языка, сопровождавшаяся миграциями и ассимиляцией, а иногда и уничтожением предшествующего населения.

Традиционная система жизнеобеспечения эскимосов района Берингова пролива, основанная на развитом промысле морских млекопитающих в сочетании с рыболовством, в меньшей степени с сухопутной охотой и сбором съедобных растений, предполагала сезонные миграции в пределах территории, закрепленной обычным правом за данной общиной²⁰. Они обуславливались разнообразием хозяйственной деятельности и необходимостью переключения с одного вида промысла на другой. Хозяйственные

циклы азиатских и аляскинских эскимосов достаточно хорошо описаны в специальной литературе²¹. Существенно в данном случае то, что традиционные адаптационные системы обладали достаточной устойчивостью при сохранении стабильных условий среды и не требовали от их носителей крупных несезонных миграций, а также не включали насильственное присвоение продукта соседей в качестве обязательного компонента. Поэтому следует рассматривать переселение на другую территорию и неизбежные при этом конфликты с другими общинами как реакцию на какое-то изменение среды, ставившее под угрозу само существование хозяйственного коллектива.

Район Берингова пролива — классическая зона охоты на крупных морских млекопитающих. Таежно-тундровый тип хозяйства, сложившийся в нижнем течении крупных аляскинских рек — Юкон, Кускоквим, Нушагак, не включал охоту на морского зверя как сколько-нибудь заметный элемент. В этом районе, где древнейшими насельниками, очевидно, являлись индейцы, вытесненные на грани эр мигрантами-эскимосами с севера, основу хозяйства составляли рыболовство (преимущественно лов лососевых), охота на карибу, а в более позднее время — и на пушных зверей²². Зависимость от ресурсов хинтерланда хотя и ослабевает по мере движения из этой зоны на север, но все же явно выражена почти на всем аляскинском побережье. Хозяйственная территория, закрепленная обычным правом за отдельными эскимосскими общинами, могла простираться иногда на десятки километров вглубь от берега или от места постоянного зимнего стойбища, причем территория эта была тем обширнее, чем меньшую роль в хозяйстве играл морской зверобойный промысел. Впрочем, данная закономерность прослеживалась не всегда: например, территория хозяйственной эксплуатации китобойной эскимосской общины Пойнт-Хоуп простиралась вглубь от берега до 200 км, Внушительным был и хинтерланд общины кингикмиутов на мысе Принца Уэльского²³.

Иное положение сложилось у охотников на морского зверя, живших на чукотском побережье. В период, который хоть как-то освещен источниками, основная хозяйственная деятельность здесь сосредоточивалась на берегу и в нескольких километрах вглубь. Отсутствие карибу делало ненужным освоение тундровых пространств в хинтерланде. Рыболовство, охота на птиц на базарах, сбор яиц и съедобных растений происходили или на самом берегу, или невдалеке от него. Кроме того, в течение нескольких последних столетий чукотская тундра осваивалась чукчами-оленоводами, которые вступали с морскими зверобоями в традиционные обменные отношения²⁴. Интересно, что сходную модель мы обнаруживаем и на о-ве Св. Лаврентия, в глубинной части которого нет никаких оленеводов. Жители этого острова, сивукахмиты, также сосредоточивают свою хозяйственную деятельность на берегу, оставляя хинтерланд неосвоенным²⁵. Примечательно, впрочем, что на острове, как и в хинтерланде азиатского берега,

ныне дикого оленя нет. Поселения морских зверобоев располагались обычно на галечных косах, отчленяющих лагуны от моря, в их слегка возвышенной части, откуда можно было обозревать прилегающую акваторию. Обязательным условием места для поселка являлась широкая пляжная полоса, обеспечивавшая хороший выход в море, возможность хранить байдары недалеко от полосы прилива, несложный подход от берега к жилищам. Относительно единообразными были и сами полуподземные жилища, построенные из китовых костей, плавника и засыпавшиеся сверху грунтом.

Наконец, весьма своеобразную форму адаптации мы обнаруживаем у жителей островов узкой части Берингова пролива и некоторых прилегающих участков материкового берега: укивагмиутов о-ва Кинг, имаглигмитов и ингалигмитов островов Диомида и науканцев-нувукагмитов мыса Дежнева. Этот мыс представляет собой не просто географическую точку крайней оконечности материка Евразии, но довольно крупный скалистый массив около 20 км длиной с севера на юг и около 10 км шириной с запада на восток, омываемый с трех сторон водами Берингова и Чукотского морей. Только с запада массив соединяется с материком, но отделен от его основной горной части низменным перешейком. Таким образом, физико-географически мыс Дежнева подобен острову и экологические характеристики его гораздо больше похожи на острова Диомида, нежели на азиатское побережье.

Для всех этих мест характерны горный рельеф, изобилие крутых скал, почти отвесно спускающихся к морю. Привычные лагуны и галечные косы здесь отсутствуют, пляжные полосы немногочисленны и узки. На мысе Дежнева единственное место, где есть относительно широкая пляжная полоса, позволяющая хотя бы временно хранить байдары на берегу, находится в самом Наукане. Но и там поселок был расположен на плато, возвышающемся на 10—12 м над берегом и круто обрывающемся к нему. Два других науканских поселка Нунак и Мамрохпак, располагались в местах, уже совсем недоступных. Пляжные полосы сейчас в Нунаке нет, лодки цепляют за прибрежные валуны. Тропа к поселку сразу же берет круто вверх, причем в некоторых местах идти приходится, помогая себе руками. Сам поселок помещался на пологой круче на высоте 10—12 м рядом с мощной каменной осыпью. Судя по виду с моря Мамрохпак был не более доступен. Науканская племенная территория кончалась там, где берег становился пологим. Первые две лагуны на западе от мыса Дежнева — Канискун с южной стороны и Уэленская с северной — расположены уже за пределами науканской территории.

Специфика островного типа культурной адаптации в районе Берингова пролива исследована слабо, хотя она и ярко выражена, проявляется во многих сферах материальной и духовной культуры, социальной организации. Весьма характерно, напри-

мер, жилище, отличное от материкового типа. На островах Диомиды оно строилось из камня, ненамного заглублялось в землю, перекрытия из китовых костей клались на каменную стену. На Малом Диомиде вначале воздвигалась коробка из досок, которая затем обкладывалась кольцом из грубо оббитых крупных валунов. Балки и перекрытия сооружались из китовых челюстей. Крыша покрывалась моржовой шкурой, и после этого вся конструкция засыпалась землей и дерном²⁶. Аналогичный тип жилищ бытовал и на о-ве Кинг, где наряду с ним в сравнительно недавнее время стали воздвигать сооружения на сваях, сделанные из моржовых шкур и строительной тары, привезенной с материка.

Я сам осматривал жилища «островного» типа в Нунаке на мысе Пэек. Они напоминают круглые каменные бастионы, образованы каменной стеной диаметром 7 м с каменным коридором длиной 3 м, что явно имитирует подземный выход из землянки. Толщина каменной кладки до 1 м, огромные валуны уложены в два ряда. На расстоянии 2,5 м от входа внутри кольца выложен поперечный ряд из камней, иногда обозначенный уступом и, возможно, отделявший полог от холодной части жилища. Такого типа строения, напоминающие яранги в самом Наукане, контрастировали с типом землянок и яранг в остальной зоне расселения эскимосов на азиатском и американском берегах пролива.

Выделенный нами островной регион зависел почти исключительно от охоты на морских млекопитающих. Специфика его заключалась в отсутствии удобного хинтерланда, где можно было бы ловить лосося, охотиться на карibu, собирать ягоды и т. д. Такое положение, с одной стороны, приводило к более высокой специализации, чем у прочих эскимосов, и отсутствию крупных сезонных миграций, с другой стороны, обуславливало большую зависимость островных популяций от материковых групп и слабую защищенность от вариативных изменений среды, по необходимости вынуждавших их к миграциям и экспансии там, где это получалось. Можно справедливо возразить, что все островные группы включали в свой хозяйственный цикл регулярные и даже долгосрочные поездки на материк как в западном, так и в восточном направлениях. Однако эти поездки носили не производственный, а обменный характер, что оказало важное влияние на островные группы, рано втянутые в систему торговли через пролив. Известно, что жители Уэйлса даже установили специальный торговый налог с эскимосов других племенных групп, желавших продавать и покупать товары в районе Берингова пролива²⁷. Это, впрочем, уже не относится к традиционным адаптационным моделям, которые мы сейчас рассматриваем.

В суровых условиях арктической и субарктической природы аборигенные культуры и хозяйственные системы обладали небольшим количеством альтернативных путей и, соответственно, невысоким уровнем гибкости, которые позволили бы им легко адаптироваться в изменившейся среде. Поэтому природные катаклизмы приводили либо к гибели отдельных популяций, либо

к их миграционной активности и изменению этнической и языковой ситуаций.

Середина текущего тысячелетия была отмечена серьезными климатическими сдвигами, сказавшимися на расселении, хозяйстве и социальной организации эскимосов восточной Арктики²⁸. Повсеместно сложившиеся в районе Берингова пролива и к северу от него достаточно сложные социальные формы, предполагавшие существование крупных поселков китобоев с числом жителей более 100, а в ряде случаев даже межпоселковой кооперации, уступили место атомарным небольшим поселениям, разбросанным по берегу и только иногда сезонно объединявшимся для ловли китов. На азиатском берегу этот процесс был подробно проанализирован нами на примере «Китовой аллеи»²⁹; на американском берегу глобальное похолодание Арктики привело к гибели постоянных крупных поселений на мысе Крузенштерна, смене их маленькими поселками, вначале бедствовавшими, а потом мигрировавшими на юг, где более доступным было рыболовство³⁰.

Несколько лет назад в книге «Китовая аллея» мы изложили гипотезу проникновения на азиатский берег первых носителей чаплинского языка³¹. Согласно нашему предположению, этот язык первоначально сформировался на о-ве Св. Лаврентия в изоляции от прочих юпик-языков, что объясняет отсутствие переходных звеньев в якобы существующем континууме старосирениковский — чаплинский — науканский языки. Хозяйственная специфика острова, как мы уже писали, заключалась в бедном и слабоосваивавшемся хинтерланде и отсутствии как дикого оленя, так и оленеводческих обществ вблизи территории расселения. Похолодание климата, понижение уровня моря, оскудение продовольственных ресурсов, согласно нашей гипотезе, вызвали миграцию на материк и привели к вытеснению предков старосирениковцев или каких-то иных эскимосских групп на пространстве от юго-восточной оконечности Чукотки до мыса Шелагского. Память об этих, безусловно, не одновременных миграциях, носивших антагонистический характер, сохранилась в целом пласте азиатско-эскимосского фольклора о войнах с сивукахмитами, т. е. жителями о-ва Св. Лаврентия³². Эти мигранты расселились в привычных для них местах: на побережье, по галечным косам, на берегу лагун с обширным и доступным для сбора растений и рыболовства тундровым хинтерландом. За пределами вновь освоенной территории остались открытое незащищенное океанское побережье к северо-западу от бухты Провидения и крутые, отвесные горные участки побережья, не имеющие лагун и кос, среди них массив мыса Дежнева.

Для «островного» типа адаптации климатический сдвиг XIV—XVI вв. должен был быть еще более тяжелым в силу специализации, о которой я упоминал выше, полного отсутствия удобного хинтерланда и зависимости от соседних групп. Очевидно, изменение среды вызвало миграционные движения и среди

островных групп, однако и они закреплялись в экологически привычной им зоне, так как другие места оказывались «занятыми» более сильными и многочисленными материковыми эскимосскими популяциями (на азиатском берегу это были группы, говорившие на диалектах чаплинского языка). Можно предположить, что науканцы представляют собой потомков мигрантов с островов Берингова пролива, которые в те же тяжелые для региона периоды климатических изменений сделали попытку закрепиться на материке в привычной для них горной среде выступа мыса Дежнева. Проникновение в другие районы закончилось либо их вытеснением, либо ассимиляцией чаплинцами. Свидетельство таких передвижений сохранилось в науканской топонимике на островах пролива Сенявина: мыс Инг'илюк'ак' и хребет Инг'исягыт от наукан. *ин'г'ик* — «гора»; коса Инк'ытук' от наукан. *ин'ки* — «подставка, подпорка»; осыпь Нашк'ак' от наукан. *нашк'ук'ы* — «лебедь»; о-в Нунан'иг'ак' от общеэскимос. *нун* — «земля» и наукан. деминутивн. суффикса *-г'ак'*; мыс К'ун'ук' от наукан. и инупик *к'ун'ук'* — «мертвец»; гора К'иювахпак от наукан. *к'ыйук* — «зелень»; холм К'ывак' от наукан. *к'ывак'ук'* — «середиться»; никаких других свидетельств о бытовании науканского языка в районе пролива Сенявина нам неизвестно.

Так или иначе, науканцы последними из трех этнолингвистических общностей азиатских эскимосов поселились на азиатском берегу. Произошло это, безусловно, еще до того, как п-ов Сьюард и острова Диомида перешли на инупикский язык, что дает нам некоторое основание для стратиграфии миграционных процессов. Проникновение этого языка на острова Диомида, возможно, произошло в последние два столетия под влиянием интенсифицировавшейся торговли в районе Берингова пролива и контроля над ней со стороны инупикоязычных групп.

Если принять предложенную мной этноисторическую схему, то окажется, что этнолингвистические характеристики часто накладываются на хозяйственно-экологические. Возникает своеобразная ситуация, при которой культурный, хозяйственный и даже языковой комплексы оказываются сопряженными с какой-то специфической природной зоной, а не только с людьми, ее населяющими. Границы природных зон в районе Берингова пролива чаще всего являются также этническими и языковыми границами.

¹ Krauss M. E. Native peoples and languages of Alaska: Map. Fairbanks, 1982.

² Ray D. J. The Eskimo of Bering Strait, 1650—1898. Seattle, 1975. P. 137—138; Woodbury A. C. Eskimo and Aleut languages // Handbook of North American Indians. Wash., 1984. V. 5: Arctic / Ed. by W. C. Sturtevant. P. 52.

³ Krauss M. E. Alaska native languages: Past, present and future. Fairbanks, 1980. P. 9—11. (Alaska Native Languages Cent. Res. Pap.; N 4); Woodbury A. C. Op. cit. P. 54.

⁴ Woodbury A. C. Op. cit. P. 51—56.

⁵ Krauss M. E. Alaska native... P. 10.

⁶ Ibid. P. 9.

⁷ Krauss M. E. Siberian Yupik Prosodic System and the Yupik Continuum

- (with Inupiaq Connections) // 3rd Inuit Studies Conference. London, Ont. 1982. P. 187–188.
- ⁸ Woodbury A. C. Op. cit. P. 55.
 - ⁹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960; Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. Л., 1965; Меновщиков Г. А. Местные названия на карте Чукотки. Магадан, 1972.
 - ¹⁰ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции, 1785–1795 гг. / Сост. З. Д. Титова. Магадан, 1978. С. 98–151.
 - ¹¹ Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1961. III. С. 52.
 - ¹² Цит. по: Этнографические материалы... С. 99.
 - ¹³ Аругюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея»: Древности островов пролива Сенявина. М., 1982. С. 87–88; Членов М. А., Крупник И. И. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII–XIX вв. // Ареальные исследования в языковедении и этнографии. Л., 1983. С. 133.
 - ¹⁴ Этнографические материалы... С. 153–154.
 - ¹⁵ Этнографические материалы... С. 99; Вдовин И. С. История изучения падеоазиатских языков. М.; Л., 1954. С. 76–77.
 - ¹⁶ Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов // Сов. этнография. 1979. № 2. С. 21.
 - ¹⁷ Меновщиков Г. А. Язык эскимосов Берингова пролива. Л., 1982.
 - ¹⁸ Этнографические материалы... С. 99–100.
 - ¹⁹ Там же. С. 163–164.
 - ²⁰ Крупник И. И. К количественной оценке традиционного хозяйства азиатских эскимосов // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978. С. 26.
 - ²¹ Крупник И. И. Освоение среды и использование промысловых угодий у азиатских эскимосов // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М., 1977; Аругюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея»; Freeman M. M. R. Arctic ecosystems // Handbook of North American Indians. V. 5: Arctic.
 - ²² Van Stone J. W. Mainland Southwest Alaska Eskimo // Handbook of North American Indians. V. 5: Arctic. Wash., 1984. P. 227–233.
 - ²³ Burch E. S. (jun.). The traditional Eskimo hunters of Point Hope, Alaska: 1800–1875. North Slope Borough, 1981. P. 50–60; Heinrich A. C. Eskimo type kinship and Eskimo kinship: An evaluation and a provisional model for presenting data pertaining to inupiaq kinship systems: Ph. D. diss. Ann Arbor (Mich.), 1963.
 - ²⁴ Крупник И. И. Природная среда и эволюция тундрового оленеводства // Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975.
 - ²⁵ Burgess S. M. The St. Lawrence Islanders of Northwest Cape: Patterns of resource utilization: Ph. D. diss. Ann Arbor (Mich.) 1974. P. 142–211; Wicker H.-R. Akkulturation der traditional-ökonomischer Struktur bei den Eskimos der St.-Lawrence – Insel, Alaska. Bern, 1974. P. 152–157.
 - ²⁶ Heinrich A. C. Eskimo type kinship... P. 395.
 - ²⁷ Ibid. P. 431.
 - ²⁸ Hume J. Sea-level changes during the last 2000 Years at Point Barrow, Alaska // Science. 1965. V. 150. P. 1165–1166.
 - ²⁹ Аругюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея». С. 136–160; Они же. Исторические закономерности и природная среда // Вестн. АН СССР. 1981. № 2.
 - ³⁰ Anderson D. Prehistory of North Alaska // Handbook of North American Indians. V. 5: Arctic.
 - ³¹ Аругюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея». С. 155–157.
 - ³² Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии. М., 1985. С. 324–326.

ИНФАНТИЦИД В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ АРКТИКИ: АДАПТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ИЛИ КУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ!

И. И. Крупник

Существование в прошлом у аборигенов Арктики своеобразной половозрастной структуры и особых механизмов регулирования численности и роста популяций считается признанным фактом этнографической науки. Брачные и репродуктивные нормы, отношение к детям и старикам у народов Крайнего Севера часто используются как пример для очень широких кросс-культурных аналогий и порой даже рассматриваются как модель для всех обществ охотников и собирателей. Более того, некоторые авторы считают демографическое поведение традиционных групп Арктики удобным источником для подкрепления различных концепций демографического развития в первобытности¹.

Однако в большинстве случаев цитируемые при этом документальные материалы ограничиваются территорией американской Арктики и даже более конкретно — центральным сектором арктического побережья Канады, областью расселения эскимосов нетсиллик, иглулик, медных, карибу и др. Данные по указанным группам не только представляются порой как «типично эскимосские» (и тем самым прямо или косвенно распространяются на весь огромный эскимосский ареал от северо-востока Сибири до Гренландии), но и сами эскимосы оказываются как бы единственными или «наиболее типичными» представителями обширного круга арктических народов, обитателей полярных окраин экумены. В специальной публикации я уже рассматривал на широком циркумполярном фоне один из классических стереотипов «арктической демографии»: соотношение мужчин и женщин в традиционных популяциях аборигенов Арктики как вариант адаптивной стратегии в экстремальной среде обитания². Здесь мне хотелось бы подробнее остановиться на механизме, который формирует эту стратегию. По мнению большинства зарубежных антропологов, таким механизмом в прошлом было регулярное убийство новорожденных девочек — селективный инфантицид.

Сведения о том, что эскимосы убивают новорожденных и малолетних детей, в особенности девочек, появились в литературе с последних десятилетий XIX в. и прочно вошли во все классические работы по этнографии американской Арктики³. Уже в первой сводной монографии об эскимосах Э. Вейер предложил экологическое объяснение практики селективного инфантицида, связав ее с известной теорией «оптимальной плотности» А. Карр-Саундерса⁴. Впоследствии Э. Хобель использовал пример инфантицида у эскимосов для построения своих концепций демографического процесса в первобытности, где важную роль играло при-

сущее якобы всем первобытным обществам стремление сокращать число своих непродуктивных членов путем убийства детей, стариков, инвалидов, больных и т. п.⁵

В 60—70-е годы интерпретация инфантицида как адаптивной (прежде всего экологической) стратегии аборигенных групп американской Арктики пользовалась большой популярностью в антропологической литературе⁶. Свое наиболее яркое выражение она получила в работах Дж. Бердселла, который утверждал, что арктические и — подобно им — верхнепалеолитические охотничьи коллективы убивали до 15—50% новорожденных девочек, регулируя таким образом свой естественный прирост и структуру популяции⁷.

Объяснения селективного инфантицида как адаптивной стратегии в условиях экстремальной среды обитания явно или неявно предполагали универсальность этой практики для всей Арктики или по крайней мере для всей территории обитания эскимосов⁸. Но аргументы, приводимые обычно в подтверждение, отнюдь нельзя было считать универсальными. Как и в случае с другими стереотипами «арктической демографии», дискуссия велась почти исключительно на примере эскимосов центральной части канадской Арктики (в первую очередь эскимосов нетслик)⁹. В то же время сведения по другим аборигенным группам Крайнего Севера и особенно по народам Северной Евразии были на удивление фрагментарными. Даже самые полные сводки цитировали главным образом устаревшие издания, случайные упоминания путешественников или попутные наблюдения участников различных экспедиций XVIII — начала XX в.¹⁰

Между тем проблема селективного инфантицида у эскимосов могла быть проанализирована на фоне гораздо более представительных материалов по другим народам Севера и прежде всего — по аборигенам сибирской Арктики. Подчеркну, что доступный массив демографической информации о традиционных группах Крайнего Севера Евразии огромен и по своему богатству намного превосходит имеющийся корпус данных об американских эскимосах. Статистический учет коренного населения Сибири был начат, как известно, еще в первые десятилетия XVII в., а арктических групп Европейского Севера — в XVI в. При всем несовершенстве сохранившегося с того времени фонда документальных материалов эти источники уже не раз весьма успешно использовались для реконструкции исторической динамики численности народов Сибири, начиная с XVII в. и вплоть до настоящего времени¹¹.

Русские архивные документы XVII — начала XX в. содержат огромное количество ценной демографической информации, включая сведения об общей численности аборигенных групп Сибири на разные годы, движении населения и даже различные виды подробных посемейных списков (групповых переписей) с указанием возраста многих сотен, порой тысяч людей. Этот материал может быть использован при решении вопроса об универ-

сальности инфантицида в аборигенных группах Крайнего Севера Евразии, который со времен сводок А. Карр-Саундерса (1922) и Л. Крживицкого (1934) в этнографической литературе специально не рассматривался¹².

Имеющиеся упоминания об инфантициде у народов Сибири, действительно, чрезвычайно скудны и касаются лишь немногих народов: чукчей, камчадалов (ительменов), юкагиров, нивхов¹³. Во всех отмеченных случаях они скорее свидетельствуют об эпизодичности этой практики или ее заведомо неселективном характере. Современные этнографические публикации практически не прибавляют новых сведений или сводят инфантицид к убийству уродливых, деформированных детей или оставлению грудных младенцев в случае преждевременной смерти матери (данные Г. М. Василевич об эвенках¹⁴).

В то же время ряд свидетельств имеет противоположный характер. В. Г. Богораз, например, отрицал существование селективного инфантицида у чукчей¹⁵, а Йохельсон (описавший инфантицид у юкагиров по данным фольклора) вообще не отметил его у приморских и оленных коряков. Нет никаких упоминаний об инфантициде в более поздних специальных работах о семейных отношениях или обрядах, связанных с рождением детей у различных аборигенных групп северной Сибири — энцев, кетов, долган, иганасан и др.¹⁶ Напротив, приводимые примеры имен близнецов мальчиков и девочек у энцев¹⁷ или искусственного вынашивания 7—8-месячных недоношенных младенцев у долган и эскимосов¹⁸ явно свидетельствуют об отсутствии этого обычая у аборигенных групп Сибири, по крайней мере в случаях, обычных для американских эскимосов.

В ходе моих полевых исследований среди азиатских эскимосов на юго-восточном побережье Чукотки (1975—1981) мне также не удалось найти убедительных свидетельств существования у них в конце XIX — начале XX в. регулярного селективного инфантицида. Прямые сообщения информантов, документальные источники этого времени, фольклорная и бытовая традиция эскимосов, их генеалогия, данные местной регистрации движения населения в 1920—1930 гг. не подтверждают его распространения в качестве социально признанного обычая, тем более имевшего жесткую селективную ориентацию. Правда, среди 144 зарегистрированных случаев смерти детей до 1 года в 8 эскимосских поселках в течение конца 1920-х — начале 1930-х годов — 65 мальчиков и 79 девочек. Но в тех населенных пунктах, где регистрация была наиболее полной (Сиреники, Имтук, Аван и Урелики), соотношение умерших мальчиков и девочек составило уже 33 : 31.

При составлении генеалогий эскимосских семей, уходящих в прошлое вплоть до второй половины XIX в., я столкнулся с неоднократными примерами выращивания грудных младенцев при усыновлении или преждевременной смерти матери, случаями доживания уродливых или физически неполноценных детей до

весьма взрослого возраста. Мне удалось также записать воспоминания информантов об искусственном вскармливании недоношенных младенцев в конце XIX — начале XX в., которые повторяли и дополняли уже цитированные описания В. Г. Богораза. Все эти факты если и не опровергают прямо существование инфантицида у азиатских эскимосов, то, безусловно, свидетельствуют о редкости или даже отсутствии подобной практики в ситуациях, типичных для эскимосов канадской Арктики.

Однако гораздо более обоснованно мы можем судить о существовании инфантицида у народов Крайнего Севера Сибири по статистическим источникам, которые дают нам фактическое численное соотношение мальчиков и девочек в различных аборигенных популяциях. В табл. 1 приведены сведения по 26 традиционным группам Северной Евразии, использованным мной ранее для анализа традиционной половозрастной структуры¹⁹. Взятые документальные источники имеют хронологический диапазон с конца XVIII до первой трети XX в. и в целом отражают тот период исторического развития народностей Крайнего Севера Евразии, когда они находились в условиях относительно стабильного состояния в составе (или сфере влияния) крупного централизованного государства. В этом смысле рассматриваемые группы можно условно считать стадиально синхронными: все они являлись трансформированными традиционными обществами, в той или иной степени удалившимися от состояния доконтактных аборигенных популяций. Впрочем, реальная степень аккультурации большинства из них вряд ли была заметно большей, чем у эскимосов западной Гренландии и Лабрадора в конце XVIII в., северных атапасков в конце XIX в. или австралийских аборигенов на рубеже XIX и XX вв.

Выводы из табл. 1, на мой взгляд, достаточно очевидны: соотношение мальчиков и девочек в самых младших возрастных группах у рассмотренных народностей Крайнего Севера Евразии никак не подтверждает тезис об «адаптивности» и «универсальности» селективного инфантицида в Арктике, по крайней мере для XIX — начала XX в. Подчеркну, что в равной мере это относится как к группам, находившимся в сфере заметного и устоявшегося русского культурного влияния (кольские саами, европейские ненцы, эвенки северо-запада Якутии), так и к тем народам Крайнего Севера, которые вплоть до начала XX в. сохраняли традиционные формы социального устройства, семейно-брачных отношений и религиозного мировоззрения (нганасаны, лесные ненцы, оленные чукчи и др.). Некоторые бросающиеся в глаза случаи превышения численности мальчиков над девочками относятся в большинстве как раз к давно христианизированным группам (эвенки, селькупы, европейские ненцы). Они связаны, очевидно, с неточным определением возраста при разграничении переписчиками «детей» и «подростков»²⁰.

Но там, где мы располагаем полными посемейными списками крупных коллективов, мы можем судить о возможности и рас-

Таблица 1. Число девочек на 100 мальчиков в аборигенных популяциях Северной Евразии по возрастным когортам

Группа, год	0—9 лет	10—19 лет	Общая численность группы (человек)
Азиатские эскимосы, 1895	98,3	79,3	1098
» » 1926	107,9	103,9	1274
» » 1937	90,1	98,3	1071
Чаунские оленные чукчи, 1850	92,7	72,5	1385
Анадырские чукчи, 1897	107,4	109,5	9596
Нижнеколымские юкагиры, 1861	120,0	103,8	386
Жиганские эвенки, 1836	111,1	101,4	1547
Нижнеленские эвенки, 1836	84,9	111,1	561
Газовские селькупы, 1801	86,5	109,8	773
Елогуйские кеты, 1821	100,0	75,0	186
Пуровские лесные ненцы, 1934	90,6	68,9	505
Канинские ненцы, 1883	87,5	92,5	421
Большеземельские ненцы, 1897	93,2	86,1	2765
» 1926	104,1	73,1	1325
	«Дети» *	«Подростки» **	
Азиатские эскимосы, 1901	97,7	81,8	436
» » 1933	100,8	96,6	816
Чукчи Берингова пролива, 1926	97,9	66,7	511
Оленные чукчи Чукотского полуострова, 1926	97,6	71,6	2081
Чаунские оленные чукчи, 1938	103,1	86,5	1411
Чаунские береговые чукчи, 1938	96,9	88,2	508
Пенжинские береговые коряки, 1926	83,7	64,9	994
Тигильские оленные коряки, 1926	107,1	57,9	1174
Авамские нганасаны, 1782		97,3	762
Авамские нганасаны, 1796	106,1	103,3	829
Малоземельские ненцы, 1924	97,9	70,6	495
Кольские лопари, 1866		95,9	2182

* Ниже в источниках «дети» — различные виды возрастных группировок от 0 до 9—13 лет.

** Ниже в источниках «подростки» — различные виды возрастных группировок от 9—13 до 15—18 лет.

пространенности селективного инфантицида не только по общему соотношению полов в различных возрастных когортах. Если селективный инфантицид был реальным регулятором полового состава популяции, мы вправе ожидать в ней достоверно большее число семей с преобладанием мальчиков и минимальное число семей, где были бы только девочки. Расчет такого распределения семей на основе полных списков достаточно прост; при этом он даже несколько занижает реальную долю девочек, по-

Таблица 2. Распределение семей по полу и числу детей в некоторых аборигенных группах Арктики

Брачные пары, имеющие детей, %	Север Сибири				Американская Арктика		
	эскимосы	чукчи	юкагиры	ненцы	Ангмагсалик	Лабрадор	медные эскимосы
Мальчиков	28,4	28,6	23,7	28,1	24,4	32,0	59,0
Девочек	22,7	20,9	30,5	19,1	28,0	24,0	16,9
Обоего пола	48,9	50,5	45,8	52,8	47,6	44,0	24,1
В том числе преобладают мальчики	20,5	18,1	16,9	26,9	14,6	24,0	7,2
преобладают девочки	7,9	17,1	12,0	12,4	12,2	20,0	0
поровну	20,5	15,2	16,9	13,5	20,7	0	16,9
Пары с двумя и более девочками	19,3	39,0	25,9	22,5	23,2	28,0	4,8
Всего пар с детьми	88	105	59	89	82	25	83

сколько обычно они выходили замуж и покидали родительские семьи намного раньше мальчиков.

Данные по четырем группам Крайнего Севера Сибири — азиатским эскимосам, чаунским чукчам, тундровым юкагирам и лесным ненцам — представлены в табл. 2²¹. Здесь же для сравнения я привожу аналогичным образом разработанные сведения по трем эскимосским популяциям американской Арктики — медным эскимосам начала XX в., эскимосам Лабрадора конца XVIII в. (1776—1777 гг.) и эскимосам восточной Гренландии в момент открытия их датской экспедицией Г. Хольма в 1884 г.²² Как известно, медные эскимосы, как и их соседи эскимосы нетсилик, считаются в этнографической литературе одним из наиболее убедительных примеров популяции, регулировавшейся селективным инфантицидом. Напротив, у эскимосов восточной Гренландии, по свидетельству Г. Хольма, не было обычной убивать новорожденных девочек; лишь изредка уничтожали больных, физически неполноценных младенцев или грудных детей в случае преждевременной смерти матери и отсутствия другой кормилицы²³. Имеющиеся сведения об эскимосах Лабрадора второй половины XVIII в. также не подтверждают распространения у них практики селективного инфантицида²⁴.

Как видно из табл. 2, сибирские группы при всех своих культурных, экологических и экономических различиях очень сходны между собой и практически не отличаются по всем выбранным показателям от эскимосов восточной Гренландии и Лабрадора. Напротив, они резко отличны от медных эскимосов как по общему распределению типов семей, так и особенно по числу брачных пар, имевших только девочек. Я могу найти этому лишь

одно объяснение: отсутствие обычая селективного (направленного на девочек) инфантицида или его минимальное влияние на структуру аборигенных сибирских популяций.

К сожалению, до появления аналогичных подсчетов по другим группам американской Арктики мы не имеем материалов для дальнейших сопоставлений. Однако уже сейчас видно, что селективный инфантицид никак нельзя считать «универсальной экологической адаптацией», тем более «продуманной стратегией освоения экстремальной арктической среды обитания», как это провозглашалось ранее²⁵. На широком циркумполярном фоне он выглядит скорее локальной культурной традицией эскимосов канадской Арктики, столь же своеобразной и рационально не объяснимой, как, например, традиционный запрет женщинам рожать в общем отапливаемом жилище у ненцев, обрекавший огромное число рожениц на смерть в зимние месяцы²⁶.

Даже в рамках эскимосского ареала селективный инфантицид видится результатом какой-то своеобразной местной культурной эволюции²⁷. Его отсутствие у весьма удаленных географически, но близкородственных по культуре и типу хозяйства эскимосских групп Чукотки, Гренландии и Лабрадора также подтверждает ограниченный характер подобной практики «демографического регулирования». Как справедливо отметили К. Шрайр и В. Штайгер, убийство девочек вряд ли можно назвать оптимальной формой адаптации коллектива к своей среде обитания, поскольку в любом обществе «всегда можно научить женщин добывать средства к существованию, но невозможно научить мужчин рожать детей»²⁸.

¹ См. подробнее: *Carr-Saunders A.* The population problem: A study in human evolution. Oxford, 1922; *Hoebel E. A.* The law of the primitive man. Chicago, 1961; *Birdsell J.* Some predictions for the Pleistocene based on equilibrium systems among recent hunter-gatherers // *Man the hunter*. Chicago, 1968; *Freeman M.* Not by bread alone: anthropological perspectives on optimum population // *The optimum population for Britain*. L.; N. Y., 1970; *Douglas M.* Population control in primitive groups // *Brit. J. Sociol.* 1966. V. 17, N 3; *Divale W.* Systematic population control in the Middle and Upper Palaeolithic: inferences based on contemporary hunter-gatherers // *World Archaeol.* 1972. V. 4, N 2.

² *Krupnik I.* The male-female ratio in certain traditional populations of the Siberian Arctic // *Etudes / Inuit / Studies*. 1985. V. 9, N 1. P. 115–127.

³ Обзор этих источников см.: *Weyer E. A.* The Eskimos: their environment and folkways. New Haven, 1932. P. 131–133; *Balikci A.* Female infanticide on the Arctic coast // *Man*. 1967. V. 2, N 4. P. 615–616; *Schrire C., Steiger W.* A matter of life and death: an investigation into the practice of female infanticide in the Arctic // *Man*. 1974. V. 9, N 2. P. 161–164.

⁴ *Weyer E. M.* Op. cit. P. 134–137.

⁵ *Hoebel E. A.* Op. cit.

⁶ *Balikci A.* Female infanticide...; *Idem.* The Netsilik Eskimos: adaptive process // *Man the hunter*; *Freeman M.* A social and ecological analysis of systematic female infanticide among the Netsilik Eskimo // *Amer. Anthropol.* 1971. V. 73, N 5; *Riches D.* The Netsilik Eskimo: a special case of selective female infanticide // *Ethnology*. 1974. V. 13, N 4.

⁷ *Birdsell J.* Some predictions... P. 236–239, 243; *Idem.* Human evolution:

- An introduction to the new physical anthropology. Chicago, 1972. P. 354–363. Те же взгляды в рамках более сложной концепции развивал В. Дайвел (*Divale W.* Op. cit. P. 223–227), используя в качестве модели индейцев аномало, но широко привлекая также данные об эскимосах (P. 238–241).
- ⁸ Ср.: *Weyer E. M.* Op. cit. P. 132, 135.
- ⁹ См. подробнее: *Schrire C., Steiger W.* Op. cit. P. 167; *Remie C.* Towards a new perspective on Netsilik Inuit female infanticide // *Etudes / Inuit / Studies.* 1985. V. 9, N 1. P. 67–68.
- ¹⁰ *Carr-Saunders A.* Op. cit. P. 196; *Krzywicki L.* Primitive society and its vital statistics. L., 1934. P. 155–156.
- ¹¹ *Патканов С.* О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // *Тр. Ин-та этнографии.* 1960. Т. 55; *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. // Там же. 1966. Т. 89; *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979; Этническая история народов Севера. М., 1982 и др.
- ¹² Совсем недавно краткий обзор известных литературных источников был сделан А. И. Пикой: *Пика А. И.* Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XVII–XIX вв.): реальность или иллюзия // *Сов. этнография.* 1986. № 3. С. 42.
- ¹³ *Сарычев Г.* Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. СПб., 1802. Ч. 2. С. 109; *Стеллер Г.* Описание страны Камчатки: пер. с нем. изд. 1774 // *Архив Ленингр. отд-ния Ин-та этнографии.* Ф. К-4. Оп. 1. Д. 304. Л. 349; *Jochelson W.* The Yukaghir and Yukaghirized Tungus. Leiden; N. Y., 1910. Pt 1. P. 105–106; *Пика А. И.* Указ. соч. С. 42.
- ¹⁴ *Василевич Г. М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки. Л., 1969. С. 169–170.
- ¹⁵ *Bogoras W.* The Chukchee. Leiden; N. Y., 1904. Pt 1. P. 48; 1907. Pt. 3. P. 513.
- ¹⁶ *Алексеевко Е. А.* Старинные обычаи кетов, связанные с рождением ребенка // *Крат. сообщ. Ин-та этнографии.* 1963. Вып. XXXVIII; *Афанасьева Г. М.* Демографическая характеристика авамских нганасан по источникам XVIII–XIX вв. // *Сов. этнография.* 1980. № 2; *Долгих Б. О.* Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени // *Крат. сообщ. Ин-та этнографии.* 1954. Вып. XX; *Попов А. А.* Семейная жизнь у долган // *Сов. этнография.* 1946, № 4; *Он же.* Нганасаны: Социальное устройство и верования. Л., 1984 и др.
- ¹⁷ *Долгих Б. О.* Старинные обычаи... С. 39.
- ¹⁸ *Попов А. А.* Семейная жизнь... С. 53; *Bogoras W.* Op. cit. P. 514.
- ¹⁹ Более полные сведения о выбранных группах и характеристику использованных статистических источников см.: *Krupnik I.* Op. cit. P. 117–119, 131–133.
- ²⁰ Об ошибках при определении возраста в аборигенных группах Арктики см.: *Schrire C., Steiger W.* Op. cit. P. 167–169. Напомню, что для всех народностей Крайнего Севера Евразии (за исключением чукчей и азиатских эскимосов) дополнительным фактором систематической ошибки было очевидное стремление населения занижать при административном учете возраст мальчиков и подростков, чтобы уменьшить число трудоспособных и будущих ясачных плательщиков.
- ²¹ Источники статистических данных: *Богораз В. Г.* Дневник во время путешествия и пребывания в Уныине, 1901 // *Арх. АН СССР.* Ф. 250/1. № 116. Л. 103–108 (эскимосы с. Унгазик, 1901, 436 человек); *Аргентов А.* Первая народная перепись чукчей, населяющих Чаванский край, 1850 // *Арх. Геогр. о-ва СССР.* Ф. 64/1. № 32 (чаунские оленные чукчи, 1850, 1385 человек – взяты первые 105 семей); *Исповедная роспись за 1861 год Нижне-Болымыской Спасской церкви* // *Гос. арх. Якутской АССР.* Ф. 225/1. № 369 (алазейские и нижнеколымские юкагиры и эвенки, 1861, 386 человек – список получен от О. А. Мурашко); Поименный семейно-хозяй-

ственный список Верхне-Пуровского нац. совета Пуровского р-на // Арх. Ямало-Ненецкого авт. округа. Ф. 12/1. № 128 (лесные ненцы, 1934, 505 человек — список получен от А. И. Пики). Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность О. А. Мурашко, А. И. Пике и В. В. Лебедеву, любезно предоставившим мне для статистической обработки копии архивных списков некоторых аборигенных групп Крайнего Севера.

- ²² *Rasmussen K.* Intellectual culture of the Copper Eskimos: Report of the 5th Thule Expedition. Copenhagen, 1932. V. 9. P. 78—85; *Holm G.* Ethnological sketch of the Angmassalik Eskimo: List of the inhabitants of the East coast of Greenland // *The Ammassalik Eskimo* / Ed. W. Thalbitzer. Copenhagen, 1914. P. 181—202; *Taylor J. G.* Labrador Eskimo settlements of the early contact period // *Nat. Mus. Canada. Publ. Ethnol.* 1974. V. 9. P. 68—69.
- ²³ *Holm G.* Op. cit. P. 62.
- ²⁴ *Taylor J. G.* Op. cit. P. 60.
- ²⁵ *Balikci A.* Female infanticide... P. 624—625.
- ²⁶ См.: *Белиловский К. А.* Женщина инородцев Сибири: Медико-этнографический очерк. СПб., 1894. С. 83; *Хомич Л. В.* Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1965. С. 184; *Якобий А. И.* Угасание инородческих племен Севера. СПб., 1893. С. 28.
- ²⁷ Ср.: *Riches D. O.* Op. cit. P. 359—361 и особенно последнюю гипотезу о резком усилении инфантицида у эскимосов нетселик под влиянием контактов с европейцами в конце XIX в.: *Remie C.* Op. cit. P. 72.
- ²⁸ *Schrire C., Steiger W.* Op. cit. P. 179—180.

АЛЕУТЫ И ИХ ЭКОСИСТЕМА

Р. Г. Ляпунова

В 70—80-е годы, как свидетельствует обширная зарубежная, особенно американская литература, большое внимание археологов, антропологов и этнографов привлекает теория развития приморских адаптаций, в которой последние рассматриваются как часть экологической системы и особый культурно-экологический тип¹. При этом особое внимание уделяется островным цепям, поскольку они составляют закрытые экологические системы и, следовательно, особенно удобные ареалы для рассмотрения взаимосвязи окружающей среды с плотностью населения, характером заселения, стратегией (т. е. способом) добывания средств существования и особенностями культуры². Большое значение имеет также то, что островные системы интенсивно изучаются био- и зоогеографами, которые выделяют основные биотические факторы в таких экосистемах.

Одну из привлекающих внимание исследователей приморских адаптаций охотников, рыболовов и собирателей, исключительно ориентированных на ресурсы моря, представляют алеуты — островной народ тихоокеанского Севера.

В советской исторической науке вопросы адаптации населения тихоокеанского Севера связываются с проблемой сложения здесь хозяйственно-культурного типа, представленного приморскими культурами Северо-Восточной Азии, американской и канадской Арктики и Субарктики с островными системами³. И советские, и зарубежные ученые широко используют сейчас экологи-

ческие исследования для определения адаптивных функций развития культуры, хотя подходят к проблеме с различных методологических позиций. Вопросы культурного родства в этом регионе продолжают быть предметом дискуссии, в которой важная роль отводится ранней истории алеутов.

О культурных приспособлениях, которые были выработаны алеутами в процессе освоения окружающей среды, свидетельствуют прежде всего материалы археологических раскопок; этнографические и этноисторические источники говорят о способах добывания жизненных средств и изготовления орудий и других изделий, а также о культурных феноменах, касающихся социально-экономических сторон жизни и области духовной культуры.

С 1970-х годов характерной чертой изучения ранней истории алеутов стало рассмотрение ее в экологическом и системном планах⁴. При этом одним из главных фокусов внимания археологов становится оценка биомассы добываемой пищи вместе с сырьем для разных необходимых в жизни изделий, приспособлений и т. п.⁵ Важным моментом в интерпретации археологических материалов явилось и то, что в указанные годы был произведен общий учет, составлены характеристики фауны Алеутских островов⁶, а также проведены углубленные изучения морских и наземных животных и растений⁷.

С развертыванием современных исследований, позволяющих количественно характеризовать функциональные особенности экосистем, прежде всего цепи питания, через которые осуществляется биологическая трансформация вещества и энергии, стали использоваться методы математического моделирования экологических систем; широкое внедрение математических методов, системного подхода началось и в изучении экологии человека, в частности этим методом была исследована экосистема Алеутских островов.

Значение экологических факторов в адаптации населения Алеутских островов начиная со времен древней Берингии (существовавшего в позднем плейстоцене сухопутного моста между Азией и Америкой) подробно освещается в работах В. С. Лафлина на материалах наиболее интересных и фундаментально обследованных археологических стоянок на Алеутских островах — Чалука и Анангула, а также по этнографическим данным⁸.

Многослойная стоянка Чалука на берегу Никольского залива о-ва Умнак (восточные Алеутские острова) является иллюстрацией к древней истории алеутов начиная с четырехтысячелетней давности и до XII в. (выше слоев с остатками древних поселений, в с. Никольском, и поныне живут алеуты). У того же залива к северо-западу от стоянки Чалука находится небольшой островок Анангула, отделенный от о-ва Умнак узким и мелководным проливом. О-в Анангула во времена Берингоморского моста был северо-западным продолжением о-ва Умнак и береговым мысом моста. Здесь расположена самая ранняя на Алеутских островах стоянка древнего человека, максимальный возраст которой

8700 лет. Открытие и исследование этой стоянки позволили отодвинуть начало приморской адаптации алеутов на островах к 8 тыс.—10 тыс. лет давности.

Таким образом, зарегистрированная продолжительность человеческого заселения вокруг Никольского залива, по утверждению В. С. Лафлина, указывает на стабильность как экосистемы, так и обитания здесь алеутов в качестве ее существенного компонента. Это объясняется благоприятными экологическими условиями. Южный конец о-ва Умнак очерчивается глубоким проливом Самалга (отмечавшим в древности конец юго-западного протяжения Берингии). Он расположен в регионе, который обладает одним из самых высоких в мировом океане процентов концентрации питательных веществ. Это связано с поднимающимися здесь глубоководными течениями из Тихого океана в Берингово море. Вынесенные с придонных горизонтов (где их особенно много) в поверхностные освещаемые солнцем слои питательные вещества становятся доступными для разнообразных жизненных форм, начиная с микроскопических. Громадное фауновое богатство морских вод проявляется в изобилии рыб, птиц, морских млекопитающих (котиков, сивучей, морских выдр, тюленей, китов) и беспозвоночных. Пролив Самалга служил как бы экологическим магнитом, привлекавшим население о-ва Умнак.

По краю Берингоморской платформы распространялись два главных приморских типа хозяйственно-культурной адаптации населения: берингоморские арктические охотники на морских животных на льду, и алеуты — морские охотники и собиратели более южной зоны Берингоморья, свободной ото льда.

Во времени открытия русскими Алеутских островов здесь проживало 16 тыс. человек постоянного оседлого населения (от самого западного п-ова Атту до алеутских селений на юго-западной оконечности п-ова Аляска). Алеуты имели свой особый расовый тип, язык, культуру. Примечательными достижениями их культуры были совершенные в своем роде кожаные лодки, искусство морской охоты и навигации, изобразительное искусство, традиционная медицина. Большая численность населения и сложная культура, по заключению Лафлина, были результатом того, что алеуты тщательно подбирали ключи к окружающей среде: «Они — классический пример человека в экосистеме, и их популяционная структура демонстрирует использование ресурсов, способствующее процветанию населения»⁹. По мнению Лафлина, плотность населения по всей цепи постоянна (3,2 человека на квадрат обитания в 1 милю) и связана с морским собирательством: разновидность и количество собираемой пищи и число потребителей составляют главные факторы в этом унифицированном эксплуатационном аспекте экосистемы.

Возможность добывать круглый год морских животных, птиц, рыб и беспозвоночных (особенно морских ежей и осьминогов) подтверждается зоологическими исследованиями¹⁰ и материалами раскопок археологических стоянок¹¹. Острова окружены

не замерзающим круглый год морем и имеют многочисленные бухточки, маленькие заливы, островки, рифы, отмели и проливы, что делало морских животных, дичь, рыбу и продукты морского собирательства значительно более доступными. При этом старики, старухи, женщины и дети могли собирать значительную долю своего пропитания прямо у берега, а не зависеть исключительно от промыслов мужчин-охотников. Прямой доступ всех групп населения к пищевым ресурсам — важный ключевой фактор в адаптации алеутов в этом ареале.

Богатые пищевые ресурсы окружающей среды и всеобщая доступность ко многим из них оказались в процессе адаптации решающим фактором и в увеличении продолжительности жизни алеутов, которая была значительно выше, чем у эскимосов¹². — более 60 лет. Диета, физические тренировки с раннего детства, практика охраны здоровья, медицинские знания способствовали их долгожительству.

Большинство зарубежных и советских ученых поддерживает концепции о возникновении приморской адаптации алеутов именно на Алеутских островах, расходясь во мнениях только по поводу времени ее появления, родства с другими культурами и особенностей распространения внутри архипелага. Так, Д. Дюмон полагает, что прибытие предков алеутов в данный ареал произошло уже после установления уровня моря, близкого к современному (IV—III тысячелетия до н. э.), сомневается в принадлежности стоянки Анангула именно предкам алеутов (относя ее к палеоарктической традиции)¹³.

Большое внимание в последние годы уделяется вопросу о родстве, параллельности, или конвергентности возникновения различных вариантов приморских культур северной части Тихого океана. В целом на этих вопросах останавливается Р. С. Васильевский, определяя развитие приморской экономики как адаптивную реакцию на перемены в экосистеме (в связи с сокращением и даже исчезновением крупных плейстоценовых животных)¹⁴. Современные исследования приморских культурных адаптаций как части экологической системы ставят эти проблемы на новую основу. Культуры Алеутских и Курильских островов в данном аспекте специально рассматриваются А. Маккартни. Он высказывает мнение, что у обитателей архипелагов в холодных водах развиваются сходные черты культуры и адаптивные системы, поскольку они обусловлены сходными геолого-топографическими условиями и одинаковой окружающей средой. На охотничье-собирательском уровне климатические и географические факторы, как считает Маккартни, будут воздействовать через флору и фауну, от которых человек зависит, заставив его эксплуатировать морские ресурсы для своих жизненных потребностей. Таким образом он и объясняет сходство культурных комплексов аборигенов Алеутских и Курильских (представителей охотской культуры) островов, поскольку эти островные цепи очень сходны по климату, фауне и флоре, видам каменных ресурсов и другим ха-

рактистическим. Сравнение изделий показывает, утверждает Маккартни, только общее сходство технологии их изготовления, но не позволяет обнаружить близких стилистических черт в пропорциях или даже категориях изделий, т. е. сходная окружающая среда обусловила сходную культурную адаптацию¹⁵. Внутри самого Алеутского архипелага, по мнению Маккартни, существует культурная гомогенность, вызванная общей экологической обстановкой на островах, общей ориентированной на море системой ресурсов, употреблением одних и тех же биологических видов — при географической изоляции цепи от внешних культурных влияний, исключая ее восточную окраину. Некоторые культурные различия внутри цепи островов Маккартни определяет как результат изоляции групп.

Вопросы предисторической культурной экологии и приморских адаптаций активно исследовал в 70-е годы Д. Р. Джеснер¹⁶. Он приводит 10 основных черт, характеризующих культурные адаптации на морском побережье вообще и у алеутов в частности: 1) большие и разнообразные ресурсы биомассы; 2) наличие большого числа экологических ниш, доставляющих пропитание тогда, когда биомасса предпочтительных ресурсов низка; 3) большая сезонная стабильность окружающей морской среды; 4) наличие ресурсов мигрирующих биологических видов (животных, рыб); 5) линейная протяженность береговых поселений для лучшей эксплуатации ресурсов береговой биомассы, причем предпочтительны ареалы с защищенными и богатыми пищевыми ресурсами заливами, с примыкающими речками и озерами, с приливно-отливной зоной, богатой моллюсками, и проч.; 6) оседлость, которая лучше способствует морскому собирательству, а при наличии лодок расширяет территорию поиска ресурсов; 7) сложность технологических средств промыслов и кооперация в эксплуатации ресурсов, так как рыболовство и особенно охота на морских животных требуют более сложных орудий, а также годных для морских плаваний лодок; 8) слабая зависимость малотрудоспособной части населения от активных членов общины; в подобных обществах наблюдается большая продолжительность жизни и отсутствуют такие регулирующие численность населения феномены, как детоубийство; 9) более высокая плотность населения группы по сравнению с находящимися в данном биогеоценозе или широтной зоне группами; так, например, эскимосы восточной Арктики со смешанной экономикой имеют средние величины демографических показателей, а алеуты, как исключительно приморский народ, — наивысшую плотность населения и самую большую продолжительность жизни среди северных циркумполярных обществ¹⁷; 10) контроль над определенными территориями с ресурсами, т. е. их нахождение в собственности у семейных общин и более крупных объединений.

Интересными представляются выводы Д. Джеснера о различиях западной и восточной частей Алеутских островов. Опираясь на анализ материалов раскопанных в разных частях архипела-

га стоянок, а также на биогеографические исследования, он отмечает богатство ресурсами восточной части островов (в зависимости от вертикальных течений в проливах между островами, идущих из Тихого океана в Берингово море). Этим Джеснер объясняет различие в количестве стоянок в восточной и западной частях архипелага, их размерах, т. е. констатирует большую плотность населения в восточной части островов, расположенных ближе к материку. Последнее представляется более убедительным, ибо соответствует ранним историческим сведениям о том, что восточные Алеутские острова были заселены гуще, чем западные.

Механизмы приспособления населения к имеющимся ресурсам Д. Джеснер анализирует через возможность эксплуатировать многие экологические ниши — там, где они имеются, что приводит к долговременным постоянным поселениям. В случае меньшего разнообразия ресурсов поселения представляли собой временные лагеря. Свои выводы он основывал на изучении фауных остатков нескольких археологических стоянок в юго-западной части о-ва Умнак¹⁸. Данные показывают, что дисбаланс между количеством населения и ресурсами разрешался перемещением селений с целью более интенсивной эксплуатации прибрежной зоны.

Основой для утверждений Джеснера о биомассе добываемой алеутами пищи в предысторический период и стратегии собирательства послужили также материалы и исследования Г. Деннистон¹⁹. В своей работе она анализирует фауные остатки кухонных куч как важные факторы для понимания состава пищевых ресурсов, их сезонного чередования, питательного содержания. Деннистон основывает свои исследования на материалах раскопок стоянки Ашишик-Пойнт на о-ве Умнак. Ею было выявлено следующее соотношение употребляемой алеутами пищевой массы (в частях): 1,0 — морские беспозвоночные; 1,8 — птицы, их яйца; 35,9 — рыба и 51,7 — морские животные. Морские и наземные растения, хотя и не были определены в остатках кухонных куч, но, вероятно, служили незначительным источником пищи.

На базе приморских адаптаций могут складываться и более сложные общества, пишет Джеснер. Неудовлетворительные ресурсы, отсутствие возможности миграций и проч. могут стимулировать, по его мнению, инновации, ведущие к развитию таких обществ. Пути к ним он называет разные: торговля, животноводство, огородничество. Таким образом, Джеснер с позиций неозволюционизма трактует вопрос о переходе общества на новую социально-экономическую формацию — от присваивающего хозяйства к производящим его типам.

Чисто экологические исследования по алеутской экосистеме были проведены экологами Д. Хеттом и Р. О'Нейлом²⁰. Авторы исходят из предпосылки, что алеуты образуют неотъемлемую часть целого — естественной экологической системы —

и не могут быть поняты вне этого контекста. Алеутскую экосистему они определяют как комплекс физических и биологических компонентов с продолжающимся переходом, аккумуляцией и движением материалов и энергии через систему. Техника анализа построена в этом изучении так, чтобы все компоненты и взаимодействующие силы алеутской экосистемы могли быть учтены одновременно. Для этого алеутское население рассматривается как один из компонентов биогеохимического углеродного цикла.

Хетт и О'Нейл рассматривают три вопроса: зависимость алеутов от различных компонентов системы (иными словами, установление степени чувствительности алеутского населения к небольшим изменениям в других компонентах окружающей среды); наличие присущих системе свойств, которые делают предпочтительным для алеутов употребление продуктов морской среды в противоположность наземной; важность для алеутов стабильности общей системы. Анализ полученных ими данных показал, что алеуты намного больше связаны с морской экосистемой. Можно предположить, что они в основном ориентировались на море как на более надежный источник пищи, не реагирующий на изменения в окружающей среде, чем на пищу, предоставляемую сушей. Кроме того, стабильность экосистемы почти не зависела или совсем незначительно зависела от активности населения.

В выводах авторы подчеркивают, что предложенная модель полностью подтверждает прежние предположения об ориентации системы жизнеобеспечения алеутов на море и о сравнительной стабильности морской экологической системы. Влияние алеутского населения на поддержание стабильности экосистемы было определено как сравнительно слабое.

В последние годы рассмотрены также вопросы о роли вулканической деятельности в морской адаптации алеутов. У. Воркман сравнивает значение вулканических пеплопадов для внутриматериковых жителей бассейна р. Юкон, характеризуемого низкой плотностью населения и его высокой мобильностью, в отличие от алеутов восточных Алеутских островов, имеющих высокую концентрацию населения, живущего в постоянных поселениях²¹.

Над территорией Юкона довольно редки пеплопады, но они резко снижают обеспечение жизненными средствами внутриматериковых обитателей, вызывая даже падение их численности. Исходя из этого можно было бы предполагать, как считает Воркман, что восточные алеуты, значительно чаще испытывавшие извержения вулканов, должны были бы ощущать на себе губительное их влияние. Но на деле этого не происходило, хотя вулканическая деятельность являлась причиной бедственных изменений во флоре и фауне литоральной зоны. Зависимость от морских ресурсов в этом случае нарушалась. Но жители, судя по ряду археологических данных и исторических свидетельств,

временно меняли места обитания на более безопасные и иногда на долгий срок, но позже возвращались обратно.

Согласно исследованиям Л. Т. Блэк, подводная вулканическая деятельность в ареале Алеутских островов оказывала разрушительный эффект на береговую биоту и на население, которое зависело от нее²². В то же время ученые отмечают, что в результате подводного вулканизма увеличивается питательное содержание ресурсов береговых зон²³. Это можно проиллюстрировать достоверными историческими свидетельствами относительно возникшего в 1796 г. к северу от о-ва Умнак нового вулканического острова — Богослова: через несколько лет здесь обитало огромное стадо сивучей (окружающие воды содержали богатую пищу для этого немигрирующего вида морских животных), а скалы, по свидетельству очевидцев, были буквально окутаны огромными стаями птиц²⁴.

Представленный в данной статье краткий обзор исследований последних десятилетий, касающихся алеутов и их экосистемы в связи с проблемой адаптации, позволяет говорить о большом интересе к вопросу формирования приморских культур северной части Тихого океана. Можно заметить, что в настоящее время преобладают выводы о конвергентном (а не независимом от культур Старого Света) развитии алеутской культуры, так же как и других древних американских культур. В связи с этим хотелось бы напомнить о некоторых свидетельствах, допускающих возможность древних этногенетических и этнокультурных связей алеутов с народами Дальнего Востока, а может быть, с южными островными системами и с австрало-океанийским миром. Подобные вопросы ставились ранее, ставятся они и теперь как советскими, так и зарубежными учеными. В. П. Алексеев говорит о влиянии на соматологические особенности алеутов каких-то элементов южного происхождения²⁵. Эта точка зрения подтверждается и южными аналогиями археологическому инвентарю Анангулы и Чалуки на тихоокеанском побережье Азиатского материка с прилегающими островами²⁶.

Анализ этнографических материалов приводит к выводу о длительном периоде развития культуры алеутов именно в экологических условиях Алеутских островов, позволяет определить специфику алеутской культуры в отличие от родственной ей культуры эскимосов, а также отметить любопытные свидетельства южного происхождения ряда элементов культуры алеутов²⁷. Остановимся здесь только на некоторых чертах, говорящих в пользу последнего предположения.

Единственный вид одежды алеутов — длинная парка из птичьих шкурок или шкур морских животных, покроя которой (так же как кишечных камлеек) отличается от эскимосских парок и камлеек, — при отсутствии поясной одежды (штанов) и обуви кажется привнесённым (и сохранившимся по традиции) из более южных мест расселения. Тип алеутской кожаной лодки может быть генетически связан с одним из вариантов амур-

ской берестяной лодки (с полужакрытой палубой). Криволинейный орнамент алеутов, состоящий из сочетаний завитков и спиралей, имеет, очевидно, неслучайное сходство с орнаментом народов Амура и Дальнего Востока в целом. Интересны в этом плане указания В. Р. Кабо на возможные связи амурского орнамента с характерным орнаментальным стилем народов Океании и Австралии²⁸. При этом он опирается на выводы А. П. Окладникова об особенностях петроглифов нижнего Амура с преобладающими в них спиральными мотивами: «Этнографические аналоги петроглифам Амура ведут нас... в южные моря Тихого океана»²⁹. Очень интересно утверждение Г. Коллинза о том, что в знаменитых алеутских масках с островов Шумагина вполне различимо японское культурное влияние³⁰.

Таким образом, современные комплексные исследования проблем экологии позволяют осветить неизвестные ранее аспекты этногенеза и этнической истории не только алеутов, но и всей древней «большой тихоокеанской этнокультурной общности»³¹.

¹ *Casteel R. W., Quimby G. F.* Maritime adaptations of the Pacific. The Hague, 1975; Prehistoric maritime adaptations of the Circumpolar zone / Ed. by W. W. Fitzhugh. Chicago, 1975; *McCartney A. P.* Maritime adaptations in cold archipelagoes: An analysis of environment and culture in the Aleutian and other island chains // Prehistoric maritime adaptations of the Circumpolar zone; *Laughlin W. S.* Ecology and populations / Ed. by G. A. Harrison, A. J. Boyce. Oxford, 1972; *Yesner D. R.* Maritime hunter-gatherers: ecology and prehistory // *Curr. Anthropol.* 1980. V. 21, N 6.

² *McCartney A. P.* Maritime adaptations...

³ *Васильевский Р. С.* Вопросы адаптации населения к прибрежным условиям на тихоокеанском Севере // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975; *Он же.* Древние культуры тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973; *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья. М., 1975; *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1977; *Он же.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.

⁴ *McCartney A. P.* Maritime adaptations...; *Idem.* Prehistory of the Aleutian Region // Handbook of North American Indians. Wash., 1984. V. 5: Arctic; *Laughlin W. S.* Holocene history of Nikol'skiy bay, Alaska and Aleut evolution // *Folk.* 1974/1975. V. 16/17; *Laughlin W. S.* Aleuts: Ecosystem, Holocene history and Siberian origin // *Science.* 1975. V. 189, 4202; *Idem.* Aleuts: Survivors of the Bering land bridge. N. Y., 1980; *Yesner D. R.* Maritime hunter-gatherers...

⁵ *Yesner D. R., Aigner J. S.* Comparative biomass estimates and prehistoric cultural ecology of the southwest Umanak region, Aleutian Islands // *Arct. Anthropol.* 1976. V. 13.

⁶ *Sekora P.* Aleutian Islands national wildlife refuge wildedness study report: Mimeo. S. I., 1973.

⁷ The environment of Amchitka Island, Alaska / Ed. M. L. Merritt, R. G. Euler. Wash., 1977.

⁸ *Laughlin W. S.* Notes on an Aleutian core and blade industry // *Amer. Antiquity.* 1951. V. 17. N 1; *Idem.* Aleutian Studies: Introduction // *Arct. Anthropol.* 1966. V. 3, N 2.

⁹ *Laughlin W. S.* Aleuts: Ecosystem... P. 508.

¹⁰ *Kenyon K.* Sea otter in the Eastern Pacific Ocean // *US Fish and Wild Life Serv. N. Amer. Fauna.* 1969. N 68.

¹¹ *Aigner J. S.* Bone tools and decorative motifs from Chaluka, Umanak Island // *Arct. Anthropol.* 1966. V. 3, N 2; *Laughlin W. S.* Archaeological in-

- vestigations on Umnak Island, Aleutians // *Arct. Anthropol.* 1962. V. 1, N 1.
- ¹² *Laughlin W. S.* Ecology and population structure... P. 379–392.
- ¹³ *Dumon D. E.* The Eskimos and Aleuts. L., 1977.
- ¹⁴ *Васильевский Р. С.* Вопросы адаптации населения...
- ¹⁵ *McCartney A. P.* Maritime adaptations on the North Pacific Rim // *Arct. Anthropol.* 1974. V. 11, Suppl.; *Idem.* A proposed western Aleutian phase in the Near Islands, Alaska // *Arct. Anthropol.* 1971. V. 8, N 2; *Dumon D. E.* The Eskimos and Aleuts... P. 77.
- ¹⁶ *Yesner D. R.* Maritime hunter-gatherers...; *Idem.* Archaeological applications of optimal foraging theory: Harvesting strategies of Aleut hunter-gatherers // *Hunter-gatherer foraging behavior*/Ed. by B. Winterhalder, E. Smith. Chicago, 1981.
- ¹⁷ *Harper A. B.* Aleut life expectancy and adaptation // *Amer. J. Phys. Anthropol.* 1976; V. 44, N 183; *Idem.* Life expectancy and population adaptation: The Aleut centenarian approach // *The first Americans: Origins, affinities and adaptations*/Ed. by W. S. Laughlin, A. B. Harper. N. Y.; Stuttgart, 1979.
- ¹⁸ *Yesner D. R.* Resource diversity and population stability among hunter-gatherers // *West. Canad. J. Anthropol.* 1977. N 7; *Yesner D. R., Aigner J. S.* Comparative biomass...
- ¹⁹ *Denniston G. B.* The diet of the ancient inhabitants of the Ashishik Points an Aleut community // *Arct. Anthropol.* 1974. V. 11, N 1.
- ²⁰ *Hett J. M., O'Neill R. V.* System analysis of the Aleut ecosystem // *Ibid.*
- ²¹ *Workman W. B.* The significance of volcanism in the prehistory of subarctic north-west North America // *Volcanic activity and human ecology*/Ed. by P. Sheets, D. Grayson. N. Y. 1979.
- ²² *Black L. T.* Volcanism as a factor in human ecology: The Aleut case // *Ethnohistory.* 1981.
- ²³ *Buljan M.* Deep submarine volcanism and the chemistry of the ocean // *Bull. Volcanol.* 1955. V. 17.
- ²⁴ *Зубкова З. Н.* Алеутские острова. М., 1948. С. 185–201; *Вениаминов И.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. 1. С. 29–39.
- ²⁵ *Алексеев В. П.* Алеуты Командорских островов // *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки.* М., 1981; *Алексеев В. П., Трубникова О. Б.* Некоторые проблемы таксонометрии и генеалогии азиатских монголоидов. Новосибирск, 1984. С. 73–76.
- ²⁶ *Васильевский Р. С.* Древние культуры тихоокеанского Севера...; *Окладников А. П., Васильевский Р. С.* По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976.
- ²⁷ *Ляпунова Р. Г.* Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975.
- ²⁸ *Кабо В. Р.* Север Тихого океана: этногенетические проблемы // *Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий.* Новосибирск. 1975.
- ²⁹ *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971. С. 92, 95–98, 106, 116–121.
- ³⁰ *Collins H. B.* Eskimo art // *The Far North.* Bloomington, 1974. P. 18.
- ³¹ *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. С. 121.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНЫХ АТАПАСКОВ

Г. И. Дзенискевич

В течение многих сотен лет внутриматериковые районы Аляски заселены индейцами атапасками. Здесь проходили становление и развитие их традиционной культуры, формировался ее адаптивный комплекс. Связь с естественной географической средой

определила стабильность общества индейцев на протяжении веков. Своеобразие природных условий содействовало развитию особенностей их экономики, образа жизни, бытового уклада. Экологическая среда предопределила систему хозяйства, способствовала формированию хозяйственно-культурного типа у атапасков.

Выработанная атапасками хозяйственно-культурная модель в целом характеризовалась экономикой, ориентированной на использование ресурсов внутриконтинентальных областей. Все северные атапаски были охотниками и рыболовами. Полного хозяйственного единообразия, однако, не наблюдалось, и причиной тому — наличие в экологической среде некоторых локальных вариаций.

Например, во внутренних районах, где всегда водилось больше крупных животных, охота преобладала над рыболовством, а для индейцев, обитавших ближе к морскому побережью, на берегах нерестовых рек, изобиловавших мигрирующим лососем, рыболовство по значению в хозяйстве почти приравнивалось к охоте. Поскольку ни один из источников существования не считался полностью надежным, индейцы стремились использовать все доступные им ресурсы и рационально приспосабливались к окружающей среде. Так, группа танаина успешно занималась зверобойным промыслом.

Комплекс охотничьих и рыболовных орудий индейцев был наилучшим образом приспособлен к среде. Копья, луки и стрелы для охоты в лесных районах делали небольшими, а колчаны — плоскими и из мягкой замши. Снаряжение для ловли рыбы на Аляске не требовало особой изобретательности, поскольку во время массового хода ее можно было просто черпать из воды корзинами и сачками. До прихода европейцев индейцы не знали ни сетей, ни сложных рыболовных ловушек. Большие сачки из ивовых прутьев использовались во время весенней и летней ловли, а удочка и острога — чаще всего зимой.

Секрет охотничьего успеха состоял не только в хорошо приспособленных промысловых орудиях, но и в знании местного ландшафта, особенностей погоды, животных. Многовековая охотничья практика породила определенные правила, которые способствовали сохранению экологического равновесия. Во время пребывания среди коюконов Р. Нельсон услышал от старой индеанки: «Прежде люди никогда не убивали зверей без надобности, потому что знали, что придет время, когда действительно появится необходимость убить животное, чтобы выжить»¹.

Как нельзя лучше отвечали требованиям среды традиционные средства передвижения: ступательные лыжи-лапки и плоскостонные берестяные каноэ. Зимой в засыпанной рыхлым снегом тайге охотник был бы беспомощным без специальных лыж, а летом единственными путями сообщения служили многочисленные реки и речки, иногда довольно мелкие.

Полукочевая жизнь в окружении лесов обеспечила традицию изготовления предметов домашней утвари из дерева и бересты. Из этих материалов делали посуду не только для пищи, но и для разных хозяйственных нужд. Атапаскские женщины хорошо владели искусством плетения из травы и ивового мочала.

Материал для одежды давала охота. Традиционный комплект атапаскской одежды включал рубаху, штаны, составлявшие одно целое с обувью, и головной убор в виде отдельного капюшона. Шили все из выделанных шкур лосей и оленей карибу. В целом, комплект одежды северных атапасков ближе к комплексу А (пончо, чулки, обувь), характерному для большинства северных народов, чем к комплексу В (плащ, бриджи, мокасины), распространенному у многих монголоидов и североамериканских индейцев. Традиционная одежда индейцев была настолько хорошо приспособлена к климатическим условиям края, что они очень долго, несмотря на старания европейских торговцев, не хотели от нее отказываться и покупать европейскую одежду, практическая ценность которой в условиях субарктической Аляски гораздо ниже.

Комплексное хозяйство, предусматривавшее сезонную смену промыслов, исключало полностью оседлые поселения. Как правило, селения локализовались у рек. Основные типы традиционных жилищ варьировали в зависимости от района и сезона. Самым распространенным из них была коническая палатка из шкур на остовах из жердей.

В доконтактный период наиболее часто встречались группы из двух или нескольких семей². Объединение в группы диктовали интересы охотничьего и рыболовного промыслов. Небольшие охотничьи группы, включавшие мужчин из нескольких семей, были эффективны в непромысловые сезоны, а также в районах со скудными промысловыми ресурсами. Во время миграций больших стад карибу (поздней осенью и весной) большой эффект давала коллективная охота, предусматривавшая загоны и окружение животных на путях их миграций. В таких случаях целесообразнее оказывались крупные промысловые объединения (до ста человек), поэтому несколько мелких охотничьих групп соединялись в одну. Указанный метод охоты был настолько целесообразен, что позволял многим семьям зимовать без кочевек, в то время как скудность пищевых запасов, напротив, принуждала локальные группы к передвижению. Как только истощались сезонные промыслы, лагерь индейцев передвигался в район новых промысловых угодий. Старые кучины, информаторы Р. Нельсона, вспоминали о своем детстве: «... мы всегда передвигались, никогда подолгу не задерживались на одном месте. Мы должны были передвигаться, иначе оставались бы без пищи. Если находилось озеро, полное рыбы, оседали около него до тех пор, пока можно было в нем ловить рыбу»³.

В отдельных случаях экология влияла и на нормы поселения. Недостаток пищевых запасов в доме родителей невесты

(для северных атапасков была характерна матрилокальность) принуждал молодых супругов в голодные годы переселяться к родителям жениха. Наиболее часто билокальность встречалась у ингаликов и коюконов.

Экологическая среда вызвала к жизни специфический комплекс культов и фольклорных циклов, характерных для лесных охотников. Важная роль в них отводилась представителям местной фауны. Особенно широко были распространены образы и представления, связанные с верой в существование добрых и злых духов, в том числе духов животных и растений. Многие традиционные церемонии основывались на вере в магическую связь между человеком и животным⁴.

Комплекс табу и система амулетов также предопределялись экологией. В прежние времена в районе Юкона было очень много тальника (мелкой кустарниковой ивы), и это обстоятельство обеспечило традицию культа данного растения и использования его ветвей в качестве оберегов. Яркий пример действия отмеченной традиции еще в прошлом столетии описан Л. А. Загоскиным. В районе Нулато он лично наблюдал, как индеец, приговоренный по законам своего племени к смерти за убийство соплеменника, оставался неприкосновенным только потому, что, опасаясь возмездия, «защитил» себя магическими оберегами в виде браслетов и ожерелья, свитыми из очищенных веток тальника. Этот наряд индеец был вынужден не снимать в течение целого года, так как он гарантировал безопасность, а «в противном случае индеец рисковал быть убитым от каждого собрата»⁵.

Все вышесказанное — лишь очень краткий перечень примеров, иллюстрирующих приспособленность традиционной культуры северных атапасков к природной среде Аляски, влияние и роль окружающей среды на становление и развитие адаптивного комплекса индейцев, проявляющегося в их материальной, социальной и духовной традициях.

На Аляске в течение многих сотен лет соседями атапасков были эскимосы. Оба народа используют (в пограничных районах во всяком случае) одни и те же ресурсные ниши экосистемы и отмечены сходством приспособительных реакций на сходный комплекс условий окружающей среды. Естественно, что существование столь давних контактов между атапасками и эскимосами не могло не привести к взаимовлиянию их культур и что эффект влияния заметнее там, где эти контакты были интенсивнее, т. е. на группы, непосредственно соседствующие. Со стороны индейцев — это ингалики, коюкон, кучины и танаина.

В традициях эскимосов и атапасков имеется целый комплекс сходных элементов культуры, конвергентно возникших и развившихся в близкой экологической среде. Наряду с ними немало и таких одинаковых элементов, которые могли появиться в результате заимствования. Кучины, например, использовали нож «улу», двойной рыболовный крючок, бородчатые наконеч-

янки, снеговые очки, орудия для подледного лова рыбы, собачью упряжку, меховую парку с капюшоном, одежду из кишок и другие традиционно эскимосские элементы⁶.

Тесно соседствуют с эскимосами ингалики, расселенные в районе среднего течения Кукоквима, и диффузия культур здесь отчетливо видна. Культура этой группы атапасков переполнена элементами эскимосской культуры. Ингалики переняли у своих соседей многие орудия промыслов, покрой одежды, лодки с кожаной обтяжкой, конструкцию зимних жилищ, общественные дома — «кажимы»⁷. Более того, они восприняли кое-какие особенности духовной культуры эскимосов, например обрядовую сторону некоторых праздников. Многочисленные примеры заимствования мы обнаруживаем и в культуре танаина. Почти все орудия морской охоты они изготовляли по эскимосским образцам⁸.

Диффузия двух соседствующих культур не была строго сбалансированной. Круг эскимосских заимствований почти во всех случаях оказывался значительно шире, чем заимствования из культуры индейцев. Как объясняют этот факт зарубежные специалисты? Многие из них едва ли не основную причину несбалансированного влияния склонны видеть в разной приверженности индейцев и эскимосов к своим традиционным культурным ценностям. Эскимосов считают более этноцентричными. Они, по мнению Р. Нельсона, например, принимают культурные изменения неохотно и стойко держатся за старые традиции⁹. Атапаскам, напротив, якобы свойственны преемственность к переменам, необычайная податливость к аккультурации, к внешним влияниям и реформизму. Они, сформулировал эту мысль Р. Нельсон, «имеют тенденцию терять свою специфику и подвергаться аккультурации»¹⁰. Отмеченное качество, кстати, стало рассматриваться как проявление особой гибкости адаптивной стратегии атапасков, их адаптивного мастерства.

Р. С. Васильевский, анализируя адаптивные способности алеутов, приходит к выводу, что культуры, связанные с прибрежной системой хозяйства, обнаруживают наиболее высокую устойчивость. «Чем глубже связь с побережьем, — считает он, — тем интенсивнее эксплуатация морских ресурсов, тем выше стабильность культуры»¹¹. Трудно возразить доводам, подкрепляющим эту мысль, но один из них — различные адаптивные способности у разных этнических групп — вызывает сомнение. Нам представляется не совсем верным акцент на неравные адаптивные способности разных этносов, на консерватизм одних и высокую преемственность к внешним влияниям других. Чаще всего в каждом отдельном случае неодинаковые адаптивные возможности находят объяснение в конкретных ситуациях этнической истории народов.

Имеется немало примеров, свидетельствующих о том, что культуре эскимосов присуща не меньшая гибкость и адаптивность, чем культуре индейцев. Одним из таких примеров может

служить адаптивная реакция кобукмиутов на перемены в экосистеме. Всего несколько столетий назад эта группа эскимосов обитала на северном побережье Аляски. Когда в результате подъема суши и обмеления морей в центральном секторе американской Арктики исчезли киты, а одни только моржи и тюлени не могли обеспечить пищей всех обитателей побережья, часть эскимосов ушла во внутренние районы Аляски¹². Одна эскимосская группа осела вдоль р. Кобук и оказалась в ближайшем соседстве с индейцами коюконами. Эскимосы (кобукмиуты) быстро адаптировались в новой среде, перешли от морской охоты к охоте на оленей карибу и к рыболовству во внутренних водоемах. В культуре кобукмиутов индейский компонент весьма значителен. Он обнаруживается в устройстве охотничьих лыж, лодок, в использовании охотничьих ловушек индейской конструкции, корзин из березовой коры, в некоторых религиозных запретах¹³. Те традиционные культурные элементы, которые не потеряли практической ценности в новой среде, эскимосы сохранили, а те, которые оказались здесь не очень полезными или вовсе непригодными, заменили на соответствующие индейские. То, как быстро и успешно кобукмиуты освоились в новых экологических условиях, свидетельствует о высокой восприимчивости и адаптивности их культуры.

Чем же, однако, объяснить более частые примеры несбалансированной диффузии культур эскимосов и индейцев на Аляске? Почему в условиях, когда и те и другие имели равные, казалось бы, возможности для заимствования, индейцы заимствовали, а эскимосы нет? Если дело не в разной преимственности к внешним влияниям, если восприимчивость нового и адаптивное мастерство обоих народов одинаково высоко развиты, то в чем же тогда дело? Прежде чем ответить на этот вопрос, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что эффект влияния эскимосской культуры на атапаскскую был сильнее в пограничных районах (на северо-западе Аляски, севере и на южном ее побережье), а также обратить внимание на конкретный круг заимствований. Ингалики, коюконы и кучины, как мы могли убедиться, прежде всего заимствовали из культуры эскимосов те компоненты, которые соответствуют проживанию в экстремальной арктической среде (полуподземное зимнее жилище, парка с капюшоном, снеговые очки и т. д.). Танайна восприняли у эскимосов орудия морской охоты.

По нашему мнению, тот факт, что на Аляске во всех пограничных районах культура атапасков содержит больше эскимосских компонентов, чем культура эскимосская содержит компонентов индейских, свидетельствует не о разной реакции этих народов на внешние влияния, а служит скорее одним из доказательств того, что индейцы сравнительно поздно продвинулись в указанные районы, в то время как для эскимосов эта среда издавна была привычным окружением и их культура, естественно, была наилучшим образом приспособлена к ее условиям. Индейцы,

как любые другие пришельцы, в поисках более легких и быстрых путей адаптации, ничего не изобретая, восприняли у коренных обитателей все самое целесообразное в новой для них экологической среде.

Образец сходного несбалансированного влияния мы наблюдаем в прибрежных районах Северо-Восточной Азии между эскимосами и чукчами, где последние также явились более поздними пришельцами на побережье и поэтому их адаптивный комплекс оказался менее эффективным в освоении арктической морской среды¹⁴.

Высокую восприимчивость атапасков Аляски можно объяснить еще одной причиной. Комплекс условий окружающей среды эскимосов (за исключением крайней арктической зоны их обитания) не столь уж резко отличается от привычной среды атапасков. Для коренного населения Крайнего Севера в целом, как известно, характерна сходная норма биологических реакций (например, генетически обусловленные механизмы газообмена, терморегуляции и проч.) на требования среды¹⁵. В Арктике, как и в других климатических зонах земного шара, существует свой зональный расовый адаптивный тип¹⁶. Хозяйство и быт аборигенов Арктики также обнаруживают, как мы отметили, черты сродства. Процесс приспособления в пределах арктической и субарктической Аляски различных северных этнических групп, естественно, не был таким продолжительным и трудным, каким тот же процесс мог стать здесь для любых южных этнических групп. В этом еще одна простая разгадка высокой степени гибкости и адаптивности культуры атапасков в пределах Аляски.

Несомненный интерес представляет временной показатель адаптации. К сожалению, пока не представляется возможным установить в целом время образования адаптивного комплекса особенностей культуры народов Севера. Наглядным временным примером микроадаптации к специфической зоне среды служат танайна. С документальной достоверностью мы можем проследить историю их приспособления к новой экосреде в течение нескольких столетий.

Танайна — единственная группа атапасков Аляски, расселенная на морском побережье. Согласно археологическим данным, индейцы — сравнительно недавние поселенцы на берегах залива Кука, а более древними обитателями их были эскимосы. Вплоть до XVI столетия они заселяли все побережье залива¹⁷. Как и для всех атапасков, исконным промыслом танайна был промысел крупного лесного зверя. Локальные условия среды южного побережья Аляски давали им возможность заниматься морским зверобойным промыслом. Причастность индейцев к этому занятию была документально зафиксирована первыми европейскими очевидцами, которые одновременно свидетельствовали о неустоявшейся традиции морской охоты у индейцев. В этом искусстве атапаски не могли равняться с эскимосами и алеутами. Об отсут-

ствии у танайна полной адаптации к морским условиям говорят следующие факты: 1. Индейцы были плохими мореплавателями, и в северной части залива они даже на тюленей иногда охотились на берестяных лодках; 2. Весь инвентарь охоты на морского зверя они заимствовали у эскимосов; 3. Индейцы не умели охотиться на китов¹⁸.

Район залива Кука изобилдовал не только морским зверем, но и рыбой. В весенне-летнее время, когда рыба шла нереститься из моря в реки, уловы были особенно обильны. За один день можно было выловить несколько сотен лососей, а за неделю сделать запасы на всю зиму. Атапаски, обитавшие в районе залива Кука в XVIII—XIX вв., максимально не использовали благоприятные условия среды. Они не прилагали особых стараний для заготовки рыбных запасов, а все то небольшое, что заготовили летом, полностью уничтожали за время осенних празднеств¹⁹. Еще в XIX в. танайна продолжали вести полукочевой образ жизни, хотя, как известно, занятия морским и рыболовным промыслами чаще всего приводят к оседлости.

Таким образом, несколько столетий оказалось недостаточно для полной адаптации в новой среде. Если бы культуре атапасков и в самом деле было свойственно исключительное адаптивное мастерство, мы вправе ожидать от нее более гармоничного приспособления и более полного использования благоприятных условий среды на южном побережье Аляски.

Подводя итог, еще раз хотелось бы подчеркнуть роль экологического окружения в формировании традиционной культуры атапасков Аляски. Свой адаптивный комплекс она выработала преимущественно в субарктической среде, и на протяжении всей истории ее отличала внутриматериковая специфика и лесная в основном ориентация. Осваивая новые ниши экосистемы Аляски, индейцы чаще всего подгоняли свою культуру к условиям среды путем заимствования ряда культурных ценностей у соседних эскимосских групп. Это, однако, вовсе не является свидетельством их тенденции к аккультурации, а служит, на наш взгляд, дополнительным доказательством того, что становление культуры атапасков проходило в несколько иных экологических условиях.

Едва ли справедливо подчеркивать и разную приверженность эскимосов и индейцев к их традиционным культурам. Даже в тех пограничных районах, где культура атапасков абсорбировала больше элементов эскимосской культуры, она все равно сохраняла облик, характерный для индейской культуры, и очертание его мало менялось после приспособления к условиям новой экологической среды. Их знание ресурсов окружающей экосреды, умение выбрать оптимальные варианты эксплуатации, не нарушив равновесия всей экосистемы, накопленные в течение многовекового пребывания в ней, как правило, не утрачивались и не теряли своей ценности.

- ¹ *Nelson R. K.* Make prayers to the raven: A Koyukon view of the northern forest. Chicago; L., 1983. P. 200.
- ² *Nelson R. K.* Hunters of the northern forest. Chicago; L., 1973. P. 281.
- ³ *Nelson R. K.* Hunters... P. 273.
- ⁴ *Van Stone J. W.* Athapaskan adaptations: Hunters and fishermen of the subarctic forests. Chicago, 1974. P. 63.
- ⁵ *Загоскин Л. А.* Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956. С. 253.
- ⁶ *Nelson R. K.* Hunters... P. 314.
- ⁷ *Загоскин Л. А.* Указ. соч. С. 216—218, 224.
- ⁸ *Osgood C. B.* The ethnography of the Tanaina. New Haven, 1937. P. 84—85.
- ⁹ *Nelson R. K.* Hunters... P. 289.
- ¹⁰ *Nelson R. K.* Relations between Eskimo and Athapaskan cultures in Alaska // Amer. Anthropol. 1974. V. 76. Suppl. P. 49.
- ¹¹ *Васильевский Р. С.* Вопросы адаптации населения к прибрежным условиям на тихоокеанском Севере // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 138.
- ¹² *Файнберг Л. А.* Происхождение эскимосов и алеутов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 228.
- ¹³ *Nelson R. K.* Relations... P. 49.
- ¹⁴ *Рычков Ю. Г., Шереметьева В. А.* Популяционная генетика народов Севера Тихоокеанского бассейна в связи с проблемами истории и адаптации населения // Вопросы антропологии. М., 1972. Вып. 42. С. 23—29.
- ¹⁵ *Алексеева Т. И.* Физиологические особенности человеческих рас и некоторые проблемы экологии человека // Расы и народы. М., 1983. Вып. 13. С. 65.
- ¹⁶ *Алексеев В. П.* Экология человека (взгляды антропологов) // Географические аспекты экологии человека. М., 1975. С. 115.
- ¹⁷ *Diamond R., Mace L.* An archaeological survey along Knik Arm // Anthropol. Pap. Univ. Alaska. 1968. V. 14. N 1. P. 14, 18, 19.
- ¹⁸ *Dzeniskevich G. I.* Ecology and chronology of Athapaskan settlement on the southern coast of Alaska // North American Indian studies: European contributions. Göttingen, 1981. P. 124.
- ¹⁹ *Хлебников К. Т.* Русская Америка в неопубликованных записках Хлебникова. Л., 1979. С. 49.

ВОЛОКУШИ ИНДЕЙЦЕВ РАВНИН В ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОМ И ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Е. А. Окладникова

В XVII—XVIII вв. индейцы чейены, черноногие, тетон-дакоты, кроу, кайова, команчи и другие создали типичную степную кочевую коневодческую культуру на территории равнин и прерий Северной Америки. Выделяя критерии оценки основных элементов культуры конных кочевников, американские ученые В. Стронг, К. Вильсон называли лошадь, Ф. Ру — переносное жилище, а К. Висслер — волокушу. В настоящее время собачья и конная волокуши являются яркими предметами быта индейцев Северной Америки, а в прошлом это были существенные элементы материальной культуры.

В американском отделе Музея антропологии и этнографии хранится собачья волокуша черноногих, присланная из Музея

национальной истории в Нью-Йорке в 1905 г. наряду с другими изделиями индейцев алгонкинов. К началу XX в. собачья волокуша была вытеснена из обихода кочевников вместе с лошадиной и заменена европейской телегой и фургоном, однако некоторые пожилые индейки продолжали изготавливать волокуши для личных целей.

Описания волокуш, которые содержат ранние литературные источники, не позволяют провести четкую грань между волокушами и санями (тоббоганом). В общих чертах к кругу транспортных средств индейцев равнин санно-волокушного типа можно отнести два вида волокуш — «настоящие» (или постоянные) и импровизированные (вязанки хвороста, колья для типи), а также тоббоганы и шкуры животных, в которые заворачивали мясо убитых на охоте зверей и волоком тащили в деревню¹.

В 1541 г. участники экспедиции Коронадо первыми из европейцев увидели на юге равнин (Канзас, Небраска, Вайоминг) волокуши индейцев кроу. Хронисты описали их как составленные из двух колея, на которые можно было положить до 40 фунтов груза². Последователи Коронадо, торговцы пушниной и путешественники указывали на широкое распространение волокуш в тех же районах³. В 1743 г. Ла Верандри отмечал, что равнинные ассинибойны Ред-Ривер использовали собак с волокушами для походов за хворостом; собак сопровождали женщины и дети, которые несли вязанки дров на себе⁴. В 1774 г. сиу, жившие на берегах Миссисипи, использовали собак для перевозки грузов столь же широко, как и лошадей. Собачья и лошадиная волокуши применялись сиу и ассинибойнами по р. Миссури в 1834—1838 гг. Принц Максимилиан видел груженные сани у индейцев черноногих летом 1833 г.⁵ Дж. Кэтлин наблюдал волокуши у прекрасно оснащенных лошадьми команчей⁶, а Дж. Фремонт в 1844 г. на р. Канзас — грузовые собачьи и лошадиные волокуши в среде индейцев сиу и чинни. К сожалению, по его записи трудно установить, были ли это настоящие волокуши, в которые впрягали собак, или тюки, навьюченные на спины животных. В 1857—1860 гг. волокуши для обоих видов животных широко употреблялись индейцами Саскачевана⁷. Фотографии зафиксировали волокуши у шононов в 1855 г.

К. Уисслер первым подробно описал волокушу для собак, применяемую индейцами черноногими⁸. Он отметил, что «настоящие» волокуши для собак использовались преимущественно племенами северной части прерий, но черноногие изготавливали этот тип транспортных средств как для собак, так и для лошадей. Аналогичные волокуши делали хидатса. К ним крепили вязанки хвороста длиной 60 см, поэтому 4—5 собак могли обеспечить дровами семью на неделю, а 15—20 собак — на месяц⁹ (рис. 3).

«Настоящие» волокуши, привязанные к лошадям, применяли для перевозки колея для типи, домашнего скарба, сена, про-

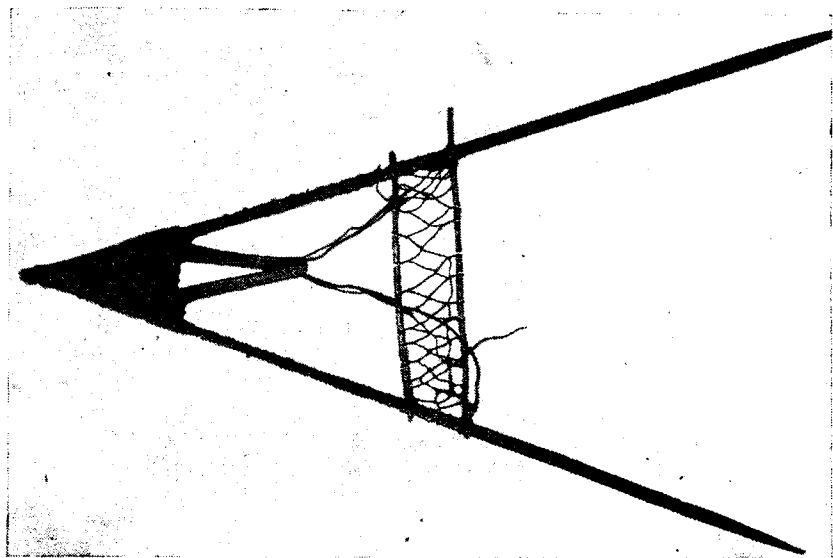

Рис. 3. Волокуша индейцев черноногих из собрания Музея антропологии и этнографии в Ленинграде

сушивания амулетов, шаманских трубок, индивидуальных ритуальных связок тетон-дакоты, равнинные кри, сарси, манданы, шошоны, не-персе, ассинибойны, сиу, чинни, хидатса. На волокушах сушили мясо, а поставленные вертикально под углом друг к другу волокуши использовали в качестве навесов от солнечных лучей и дождя. Хидатса устраивали из трех волокуш временное жилище с очагом в центре. С помощью волокуш индейки взбирались на типы для натягивания покрышек¹⁰. В период Пляски Солнца на волокуши набрасывали специальные накидки треугольной формы из прутьев ивы, оплетенных полосками кожи. У шошонов и команчей волокуши особенно часто применялись в качестве носилок для перевозки раненых и больных.

Помимо волокуш, транспортными средствами, необходимыми в условиях кочевой жизни на открытых пространствах равнин, в зимнее время у индейцев служили лыжи-ракетки, лодки типа лоханок с деревянным каркасом, обтянутым кожей бизона. В процессе экологической адаптации индейцы бассейна Миссури создали целый комплекс транспортных средств, применявшихся во время охоты. Например, хидатса брали с собой две лоханкообразные лодки, связывали их друг с другом; в первую садились участники охоты, во вторую клали имущество, а сверху грузили волокушу. Собаки располагались в первой лодке, рядом с хозяевами. Упакованный таким образом скарб не препятствовал мобильности семьи охотника и позволял совершать длительные путешествия как по суше, так и по воде¹¹.

Кардинальные отличия «настоящих» — постоянных волокуш от импровизированных заключались в том, что первые имели форму фиксированной рамы с настилом (грузовой площадкой) круглой, овальной или прямоугольной форм, а импровизированные были связками кольев для типи, вязанками хвороста, прикрепленными к седлу лошади или собачьей ляжке. Индейцы хидатса высверливали в кольях для типи раскаленными свинцовыми стержнями на расстоянии 6 см от концов кольев, дырочки, служившие для просовывания сыромятных ремешков, которые крепили к седлу лошади¹².

Дж. Юверс полагал, что «настоящая» волокуша была поздним изобретением и именно она явилась специальным транспортным средством, созданным на базе импровизированной волокуши. Ф. Ру, напротив, считал собачью волокушу наиболее древним видом транспорта, не служившим для перевозки кольев или типи, так как такой груз был слишком тяжелым для собаки¹³. Н. Макклинток называл «настоящими» волокуши из связок кольев, которые использовались для перевозки людей на лошадях¹⁴.

Материалом для изготовления «настоящих» волокуш были дерево и кожа. Колья делали из черного тополя, белого тополя, сосны, березы, ели. Аналогичные породы деревьев употребляли для кольев переносных жилищ¹⁵. По размерам колья для волокуш не превышали по длине 2,5 м. В работе они быстро изнашивались, и распространенным способом их ремонта было обрубание концов, стершихся при переездах. Колья с короткими передними выступами имели большой запас прочности и упругости. В верхней части их обматывали сыромятными ремнями кожи шириной 10—15 см. Полосы кожи покрывали колья волокуш до места крепления грузовой площадки, а свободные концы использовались для привязывания грузов. Сыромятные ремни предохраняли колья от рассыхания и растрескивания. Изготовлением ремней занимались специальные мастерицы. Особенно ценилось искусство женщин, которые могли сделать ремень из одной шкуры наиболее длинным и ровным по всей длине, а также тщательно очистить его от шерсти.

Индейцы равнин практиковали два основных способа соединения верхних концов волокуш — Х- и У-образно, причем Х-образная конструкция была более древней. Именно так крепились волокуши ассинибойнов и хидатса, а также волокуша черноногих из собрания МАЭ¹⁶. Верхние концы волокуши для собак вдевались в меховой «мешок», к которому крепился сыромятный ремень с ляжками, охватывавшими грудь собаки. Кроме них, в верхней части волокуши располагались другие ремни, также из сыромятной кожи, которые держали грузы.

Черноногие называли узел крепления кольев волокуши «мой груз», а грузовую платформу — «моя широкая дорога». Грузовая платформа сооружалась из обрубков жердей, более тонких, чем основные колья. Жердочки раскладывались параллельными рядами на расстоянии 5—6 см друг от друга. Бруски

поперечного настила изготавливались из веток березы, декорировались красной краской и резьбой по неочищенной коре. Различия в форме грузовой площадки объяснялись племенной принадлежностью мастеров. Сарси, арапахо делали грузовую площадку прямоугольной формы, кри, ассинбойны, дакота, хидатса и манданы — овальной. Многие племена использовали оба вида настила¹⁷. Над грузовыми площадками устанавливали навесы из прутьев, которые служили защитой от дождя, снега и солнечных лучей. В таких волокушах перевозили детей, больных, щенков.

Появление лошадей в хозяйстве индейцев равнин сказалось не только в удлинении кольев для типи (на лошадях стало возможным перевозить больше грузов), но и в разделении функций собак и лошадей в хозяйстве кочевника. Лошадей предпочитали использовать для езды верхом, на охоте, в военных походах и лишь кастрированных тяжеловозов и тихходных — для волокуш. Собак также кастрировали, прежде чем сделать тягловыми животными¹⁸.

Тренировали лошадей под волокуши при помощи сыромятной веревки, один конец которой привязывали к шее лошади, а другой — к волокуше из обычной шкуры бизона. Иногда веревку крепили непосредственно к хвосту лошади. Два-три индейца вели животное на поводу, а дети садились в шкуру. Веревка имела достаточную длину, чтобы лошадь не задевала копытом шкуру с детьми. Для тренировки выбирали луга с мягкой травой. Обучение могло длиться несколько дней, пока лошадь не привыкала к новой роли.

Собаки, которых запрягали в волокуши и использовали под вьюк, были крупнее и сильнее тех, что живут в индейских деревнях сегодня. Они больше напоминали одомашненных койотов¹⁹.

Использование собак в качестве тягловых животных являлось лишь одной из причин их domestikации, главной и первоначальной целью которой было использование собак на охоте. Охотничьи собаки широко применялись всеми племенами индейцев североамериканского континента. Индейцы «степных деревень» прерий, юга и особенно севера равнин в период «этнографической современности» наиболее последовательно использовали собачьи волокуши в своем хозяйстве²⁰.

К. Уисслер вслед за Маккензи одним из первых указал северное происхождение индейцев черноногих, локализовав их родину в районе Невольничьего озера и Скалистых гор. В этногенетических мифах черноногих, в частности в мифе о «Старике»-прародителе, первоначальное место обитания племени располагалось у Эдмонта. На зиму черноногие возвращались к подножию Скалистых гор, где когда-то вели жизнь бродячих охотников на бизонов²¹. С момента знакомства с лошадьёю (при посредстве кри в районе Эдмонта) они покинули леса и спустились к югу на равнины²². Собачьи волокуши как ар-

Рис. 4. Перекочевка племени черноногих (рисунок путешественника XIX в. Дж. Кэтлина)

хаический элемент культуры бродячих охотников вместе с переносным жилищем и одеждой из замши черноногие принесли с севера. Во второй половине XIX в. волокуши для собак широко использовались атапасками северных берегов Медвежьего озера. Хотя Дж. Дженнис и указывал, что индейцы р. Маккензи не употребляли в своем хозяйстве собачьих волокуш, кроме чипева, а эскимосы-медновцы грузили поклажу в тюках на спины собак, его статью иллюстрирует фотография, на которой изображена индейка с собакой, запряженной в У-образную волокушу²³. Волокушный транспорт в форме саней широко использовался в северных широтах без временных перерывов²⁴. Этому способствовали экологические условия, ориентация экономики на промысел крупных зверей и т. п. Единственным тягловым животным для тоббоганов в высоких широтах была собака (в Азии наравне с собакой использовались также олени). Благодаря древним контактам с северными соседями черноногие были лучше знакомы с санно-волокушным транспортом, чем индейцы юга — Техаса, Новой Мексики, Канзаса. Кри переняли от эскимосов технику изготовления собачьей нарты — тоббогана, состоящего из прямоугольной рамы из кольев и куска коры, изогнутого в верхней части²⁵. Тоббоганы, близкие к эскимосским собачьим нартам, употребляли индейцы Британской Колумбии: чилкат, тлинкиты, карриер, чилкотин, шусвап. Черноногие делали тоббоган для охоты на бизонов из куска коры: захав на нем в стадо бизонов, они расстреливали животных из луков и ружей.

Отсутствие дорог, видимо, затрудняло развитие волокушного транспорта у индейцев равнин, в частности применение волокуш

для миграций на далекие расстояния (рис. 4). Поэтому здесь наибольшее распространение получила переноска грузов на себе или во вьюках, укрепленных на спины собак²⁸. В литературе имеются указания на существование таких дорог, одна из которых, например, проходила через «Шаманскую гору» на территории индейцев кроу²⁷. Однако их число едва ли могло быть значительным.

Наблюдения А. Кробера, проследившего характер распространения санно-волокушного транспорта по территории Северной Америки, подтвердили не только гипотезу Маккензи—Уисслера о северном происхождении индейцев черноногих, но и картину распространения волокуш с севера на юг, с территорий, занятых северо-западными алгонкинами и атапасками²⁸. Достигнув южных районов, бродячие лесные охотники превратились в конных скотоводов. На их культуру оказывали влияние соседи с востока (разведение табака, появление племенной святыни — лопатки бизона²⁹), но земледелие так и не стало ведущей отраслью их экономики, традиционно базировавшейся на охоте.

Существуют лишь косвенные данные об использовании собак в хозяйстве палеоиндейцев, охотившихся на ископаемого бизона 10—12 тыс. лет назад, позже в связи с похолоданием климата (6—7 тыс. лет назад) — на более мелких животных, а с 2—4 тыс. лет назад — снова на бизонов (лесных бизонов), популяции которых восстановились в связи с потеплением³⁰. Иными словами, комплекс охотничьего хозяйства, ориентированного на промысел бизонов, включавший переносное жилище, собак, волокуши, сложился 2000—4000 тыс. лет назад. Раскопки стоянок Олд-Кроу и Драйк-Крик на Аляске позволили доказать, что собака была первым домашним животным, которое сопровождало первых американцев на их пути из Азии в Америку. Возраст костей собаки Олд-Кроу — 30 тыс. лет³¹. Группы палеоиндейского населения, продвигавшиеся с севера на юг между Кордильерским и Лаврентьевским ледниковыми щитами, были достаточно хорошо экипированы для освоения высоких широт. Появление в Северной Америке собаки может быть связано с первой из трех «волн» миграций населения из Азии в Америку раннего периода. Первая «волна» мигрантов была представлена исключительно таежным монголоидным населением, которых сменили немонголоиды, соотносимые антропологами с кавказоидами, т. е. европеоидами. Третья «волна» была также представлена монголоидным населением Азии. Население равнин Северной Америки представили две расы американских аборигенов: восточная и южная. Первая засвидетельствована сериями черепов с высокими сводами, вторая — с низкими³². Если с первой «волной» миграций можно связать культуру палеоиндейского населения Северной Америки, т. е. первых групп охотников на бизонов, северного оленя и мамонта, то со второй могут ассоциироваться те группы охотников, которые оставили следы своего пребывания в Прибайкалье. В дан-

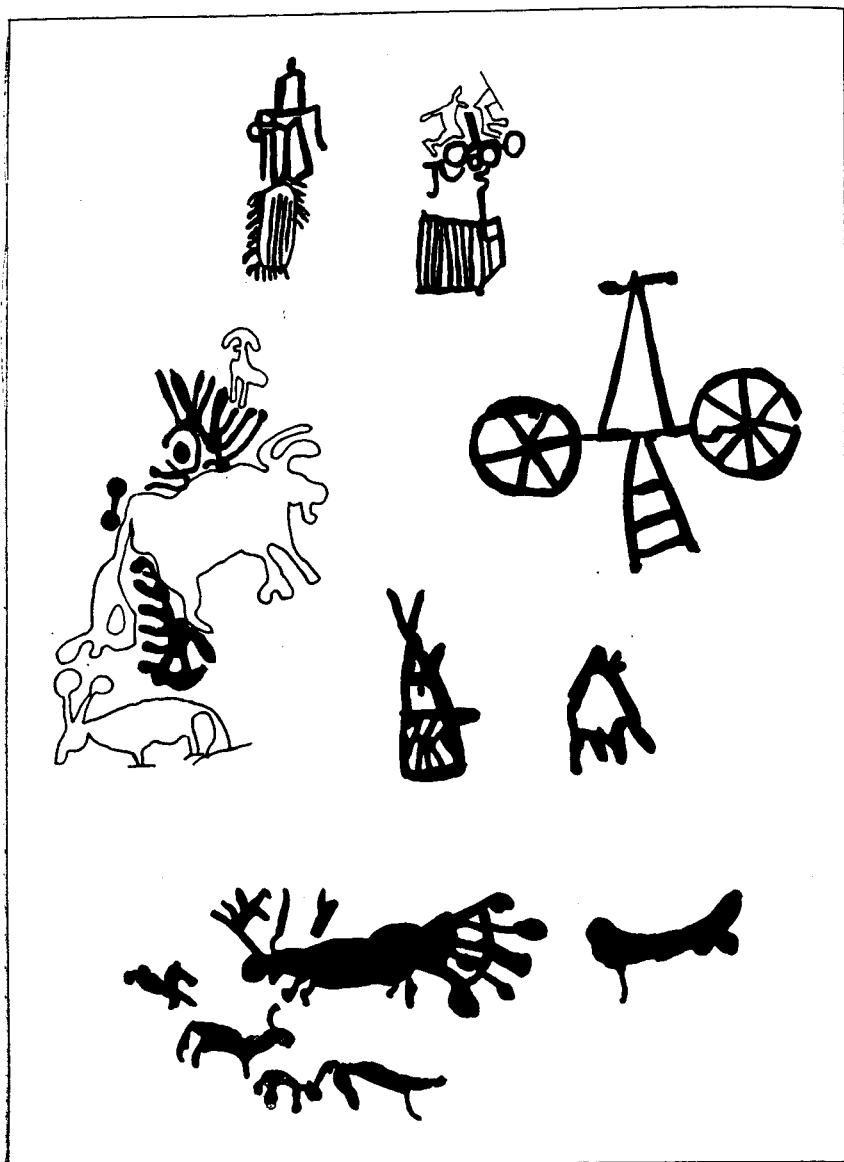

Рис. 5. Петроглифы Сибири, изображающие санный и колесный транспорт

ной связи определенный интерес представляет гипотеза С. Л. Николаева и С. А. Старостина относительно родства американских (народы на-дене северных районов Северной Америки и пенути Калифорнии) и азиатских (синокавказские, праенисейские и др.) языковых семей на ностратическом уровне³³.

С третьей «волной» миграций может ассоциироваться пласт населения, который сформировался в недрах Азии, на юге Сибири, севере Монголии. Хронологически эта «волна» может быть соотнесена с периодом продвижения племен бронзового века из Прикаспия через южную Сибирь в Северную Азию и далее по побережью океана в Америку. В распоряжении населения этой «волны» миграций были такие средства передвижения, как колесная повозка и волокуша. В данном аспекте интересны исследования остатков волокуш Пазырыкских курганов, а также изображения волокуш в наскальном искусстве Алтая и Хакасии³⁴. Есть все основания считать, что развитие колесного и санно-волокушного транспорта Евразии связано с культурами мезолита и неолита Прикаспия, Балкан, Ближнего Востока, а саней и волокуш Северной Америки — с культурами Сибири.

Конструктивные особенности волокуш индейцев равнин и древнейших сибирских волокуш, которые крепились к одноосным повозкам (петроглифы Сибири), демонстрируют определенное сходство. Волокуши индейцев прикреплялись также к мягкой ляжке, накинутой на круп оленя, как это демонстрируют петроглифы, изображающие оленя, запряженного в Х-образную волокушу (петроглифы долины р. Елангаш)³⁵ (рис. 5). Простая волокуша, близкая по форме к импровизированной американской, известна народам Сибири вплоть до настоящего времени. Такие волокуши представляют собой связки кольев или хвороста, которые крепятся по обеим сторонам седла лошади; другой формой волокуши иногда еще служит шкура яка, привязанная к жерди, с двумя длинными веревками, которые крепятся к лошади³⁶.

Древность происхождения этого вида транспортного средства очевидна. Волокуша имеет своим далеким предшественником вьюк. Поздняя форма волокуши — импровизированная — была приспособлена к лошади.

Северное происхождение конных индейцев — кочевников равнин, их связи с населением высоких широт в области материальной культуры, в частности использование санно-волокушного транспорта, а также совпадения в конструкциях волокуш Азии (Южная Сибирь) и Северной Америки, затрагивают проблему контактов населения двух материков. Использование вьючных собак для волокуш индейцами равнин и населением Аляски, находки костей домашней собаки, датируемые палеолитическим временем, позволяют высказать предположение о проникновении практики использования собак в транспортных целях вместе с первой «волной» мигрантов из Азии. Наиболее активно волокуши употреблялись в Америке 2000—4000 лет назад.

¹ Roe F. The indian and the horse. Norman, 1955. P. 25.

² Ibid. P. 20, 26; Coronado F. V. The journey of Coronado, 1540—1542. N. Y., 1922. P. 196.

- ³ *Dobie Y. F.* The mustangs. Boston, 1952. P. 39; *Hendrey A. (Hendey)*. The journal of A. Hendey // Proc. and Transl. Roy. Soc. Canada. Ser. 3. 1907. Sect. II. P. 343-348.
- ⁴ *Roe F.* Op. cit. P. 20.
- ⁵ *Maximillian*, Prince of Wied. Travels in the cluterior of North America, 1833-1834. V. XXII-XXIV. P. 104-141.
- ⁶ *Catlin G.* Letters and notes on the North American Indians. L., 1851. V. 2. P. 55.
- ⁷ *Roe F.* Op. cit. P. 61.
- ⁸ *Wissler C.* Material culture of the Blackfoot indians // Anthropol. Pap. Amer. Mus. Natur. Hist. 1910. V. V. P. 88-92.
- ⁹ *Wilson G.* The horse and dog in Indian culture // Ibid. 1924. V. XV, pt II. P. 208-209.
- ¹⁰ Ibid. P. 134-135. Fig. 26a; P. 136, 226. Fig. 52.
- ¹¹ Ibid. P. 254.
- ¹² Ibid. P. 193, 278-279.
- ¹³ *Roe F.* Op. cit. P. 17.
- ¹⁴ *MacClintock N.* The old north trail. L., 1910. P. 518.
- ¹⁵ *Skinner A.* Notes on the Eastern cree and Northern saulteaux // Anthropol. Pap. Amer. Mus. Natur. Hist. 1911. V. IX. P. 12.
- ¹⁶ *Wissler C.* Op. cit. P. 82-92.
- ¹⁷ *Wissler C.* North American Indians of the plains. N. Y., 1920. P. 32-39.
- ¹⁸ *Roe F.* Op. cit. P. 57, 62.
- ¹⁹ *Wissler C.* North American... P. 33.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid. P. 17.
- ²² *Roe F.* Op. cit. P. 123.
- ²³ *Jennes D.* The copper escimo // Report of the Canadian Arctic expedition, 1913-1918. Ottawa, 1923. V. XII. P. 234. Fig. 189.
- ²⁴ *Kroeber A.* Culture element distribution. XV. Salt, dogs, tobacco: Archaeological records // Univ. Cal. Publ. Amer. Archaeol. and Ethnol. 1941. V. 6. N 1.
- ²⁵ *Skinner A.* Op. cit. P. 144-146.
- ²⁶ *Roe F.* Op. cit. P. 16.
- ²⁷ *Wedel W.* Prehistoric man of the Great Plains. N. Y., 1955. P. 268, 299-310.
- ²⁸ Пример привнесения собачьей волокуши в материальную культуру кочевников юга демонстрируют равнинные алачи. Они происходят от атапасков северных территорий и пришли из Канады через равнины в Техас и Новую Америку. См. карту: *Driver H., Massey W.* Comparative studies of North American indians // Trans. Amer. Philos. Soc. 1957. V. 47, pt 2. P. 282.
- ²⁹ *Oliver S.* Ecology and cultural continuity as contributing factors in the social organization of the Plains Indians.
- ³⁰ *Wedel W.* Op. cit. P. 248-359.
- ³¹ *Canby T.* The search for the first Americans // Nat. Geogr. 1979. V. 156. P. 348.
- ³² *Newman G. R.* The origin of the prairie physical types // Mus. News W. H. Oliver Mus. 1952. V. XIII, N 5; *Hrdlička A.* Catalogue of human crania in US National museum collection // US Nat. Mus. Proc. 1927. V. LXIX, pt. 5.
- ³³ *Старостин С. А.* Гипотеза генетических связей сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. М., 1984. Ч. 4. С. 36.
- ³⁴ *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 234-235.
- ³⁵ *Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.* Петроглифы долины р. Елангап. Новосибирск, 1979. Табл. 62.
- ³⁶ Выражаю глубокую благодарность В. П. Дьяконовой за научные консультации и возможность ознакомиться с полевыми материалами.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ЮГО-ЗАПАДЕ США

П. М. Кожин

Качественные отличия экологии человека от экологии других биологических видов начинают проявляться тогда, когда созданная трудом человеческого общества материальная культура становится настолько совершенной и многообразной, что позволяет человеку оказывать активное воздействие на природу, прямо противопоставлять негативным с точки зрения человеческой биологии природным факторам (с целью обеспечения нормальной жизнедеятельности коллектива) ту техническую и хозяйственную вооруженность, а также те защитные бытовые средства (одежда, искусственное жилище, хранилища пищевых и прочих хозяйственных запасов), которые сложились в процессе трудовой деятельности человечества. Таким образом, с помощью созданной человеческим обществом (а первоначально отдельными его группами) материальной культуры человек становится способен создавать собственную искусственную экологию, что позволяет ему осваивать различные регионы планеты, которые были бы для него недоступны без этой культуры.

Конечно, переходы из одной естественной экологической зоны в другую были бы невозможны без мобильных перестроек как способов производства, так и форм материальной культуры. Такого рода перестройки становились тем более сложными и многоступенчатыми, чем в большей степени усложнялась культура. Причем далеко не все подобные перестройки могли кончатся благополучно для коллектива, который их претерпевал. Прежде всего та материально-техническая оснащенность, которая была в основном достаточной в стабильных условиях существования, обнаруживала в новых условиях определенные пробелы и недостатки (они могли проявляться даже в стабильных условиях обитания в случае стихийных бедствий: засухи, лесных пожаров, морозов, затянувшихся дождливых сезонов, наводнений, землетрясений и т. п.). Причем временной диапазон, в течение которого принципиальные противоречия между средой и обществом должны были быть устранены, всегда оказывался достаточно кратковременным, ибо в ином случае затянувшаяся дестабилизация грозила гибелью человеческой группе, очутившейся в соответствующих условиях. В лучших случаях подобная ситуация вела к полной перестройке хозяйственно-бытового уклада группы, а тем самым к потере накопленного опыта. В условиях чисто земледельческого хозяйства родо-племенных общин кризисная обстановка должна была разрешаться в течение сезонного цикла от жатвы до жатвы. При комплексных формах хозяйственной жизни и наличии крупных социальных образова-

ний (союзы племен, раннегосударственные образования) благополучное, с точки зрения возможности сохранения устойчивой культурно-хозяйственной традиции, разрешение кризиса могло происходить в течение жизни одного-двух поколений, т. е. при условии, что опыт поколения отцов, даже активно не использовавшийся, оставался еще в памяти детей.

По мере развития общественного сознания и усложнения структуры мышления, перехода от чисто биологических форм общения к его духовным формам, к речевой коммуникации, к систематизации, усвоению и запоминанию хозяйственного, социального и духовного опыта в сферу экологически полезного опыта вовлекается также и духовная культура. В сущности этот этап развития, когда духовная культура окончательно становится значимым фактором в социально-экономических отношениях, наступает ко времени становления основных форм производящей экономики — земледельческих, скотоводческих и скотоводческо-земледельческих форм хозяйства. Впрочем, в условиях оптимальной среды обитания, как показывает фактический материал позднелепалеолитического времени на Евразийском материке, значение духовной культуры может резко возрастать и в условиях охотничьего хозяйства. Однако на Юго-Западе США отчетливые проявления прогресса духовной культуры, приобретающей равное положение среди экологических факторов, наблюдаются именно со времени освоения прогрессивной земледельческой культуры — с середины I тысячелетия н. э.

Процесс возвышения духовной культуры до уровня хозяйственно значимого фактора находит выражение в двух формах. С одной стороны, полезный производственно-хозяйственный опыт, приобретенный в условиях длительного освоения определенных экологических ареалов, закрепляясь и повторяясь, превращается в традиционные формы культуры и культурной жизни, создает одну из жестких основ внутреннего взаимодействия в определенном этнокультурном единстве, действующую на всех уровнях — от малой семьи до крупных родо-племенных групп. С другой стороны, минимальный ошибочный опыт, накапливающийся параллельно с предыдущим и связанный с непониманием и превратным толкованием законов природы и их частных проявлений, формирует традиционные предрассудки и древнейшие формы религий, в которых человек видит, как и в предыдущей разновидности опыта, «надежную защиту» от стихийных сил природы¹, от нарушений экологического баланса.

Таким образом, культура человеческого общества во всех своих формах предстает изначально не только и не просто как функция определенной группы, связанная с удовлетворением ее материальных и духовных потребностей, но и как защитное средство, выравнивающее или преобразующее отрицательный экологический баланс в положительный.

Историческая картина эволюции культуры туземного населения Юго-Запада США, так называемой культуры пуэбло или бо-

лее широко — культуры анасази, может служить достаточно яркой иллюстрацией длительного автохтонного развития единого этнокультурного массива, в котором усилия человеческих коллективов были направлены на достижение возможно более гармоничного экологического оптимума.

Развитие раннего земледелия повлекло за собой медленные, но целенаправленные изменения материальной культуры и образа жизни населения культуры анасази. Практически переход к культуре пуэбло классического типа с многокомнатными и многоэтажными жилыми домами длился с V в. н. э. до середины XI в.² Он охватывает несколько периодов, начиная от III периода культуры корзинщиков и до конца II периода культуры пуэбло³. За это время происходят различные изменения в устройстве жилищ и структуре поселений. От пещерных и полужемляночных жилищ круглых очертаний осуществляется постепенный переход к прямоугольным жилым постройкам. Вначале они остаются однокамерными, затем начинают выстраиваться в ряды. Таких рядов, расположенных параллельно, могло быть три⁴, для групп пуэбло тева количество рядов ограничивалось двумя⁵. Помещения объединялись в единые хозяйственно-бытовые комплексы благодаря наличию между ними дверей и проходов. Есть все основания полагать, что единство хозяйственной жизни в пределах поселения было явлением постоянным. Обычно в поселениях пуэбло строилось несколько небольших подземных культовых круглых помещений (кива), которые, по этнографическим данным, всегда использовались для проведения обрядов и ритуалов отдельными родственными группами. Большая кива служила для сбора всего мужского населения поселка. Рост поселений в высоту, появление многоэтажных поселков достоверно фиксируются для III и IV периодов культуры пуэбло. В данном конкретном варианте развития поселенческой структуры закономерно проявляется лишь одна из типологических линий формирования многоэтажных поселков.

Резкий рост численности населения при строго ограниченных размерах площади поселения вызывал необходимость сооружения над нижними рядами следующих более высоких. Сам по себе естественно выработавшийся территориальный масштаб планировки поселков, как представляется, обусловлен был в первую очередь необходимостью сохранить возможно большую территорию вокруг поселка для полевых работ, которые необходимо было осуществлять если и не всегда в пределах видимости (из поселка), то во всяком случае на таком расстоянии от него, чтобы обеспечить транспортировку урожая с полей в течение светового дня. Это становилось особенно настоятельной необходимостью по мере увеличения численности кочевых племен (данный фактор превращается в доминирующий только в колониальный период, после освоения кочевниками верховой езды). Аналогичные причины вели к появлению многоэтажных построек во всем поясе земледельческих культур Старого Света. Одна-

ко там был представлен и другой вариант формирования многоэтажных поселений. Он был связан с тем, что в предгорных районах по мере перехода от пещерных жилищ к наземным поселениям эти последние, располагаясь по склонам холмов и предгорий, постепенно уплотняясь, естественно образовывали многоэтажные структуры, которые затем воспроизводились на склонах равнинных теллей, превращавшихся в процессе длительного обживания в искусственные глиняные холмы. Со временем предельные границы и размеры поселений стали определяться и сложной системой ритуальных правил, в основе которых лежала рациональная идея о допустимых пределах численности населения, сосредоточенного в одном поселке. Эти пределы диктовались размерами полей и возможностями раннеземледельческого хозяйства. Строгость и стойкость традиционных ритуальных правил подчеркиваются и трехрядной структурой помещений поселка, и размещением помещений кива в определенных местах, и преобладающей ориентацией рядов строений с запада на восток.

В течение охарактеризованного выше полутысячелетнего периода развития культуры древнего населения Юго-Запада США скорость хозяйственных и культурных перемен неоднократно резко менялась. Впрочем, колебания между строгим следованием традициям и стремлениями к новшествам заметны и в разных частях огромного ареала культуры анасази, и в отдельных отраслях производства. Так, характернейшей чертой культуры корзинщиков было производство для хозяйственных нужд большого числа разнообразных плетеных корзин, которые, как показывает этнография калифорнийских индейцев, являлись одним из важнейших подсобных средств в собирательском хозяйстве⁶. Однако с момента появления керамического производства начинается медленная и неуклонная деградация этого ремесла⁷, ибо основные функции корзин переходят к глиняным сосудам. Правда, плетеные сосуды, особенно плоские блюда, приобретают немаловажную роль в самом процессе керамического производства. Это было особенно важно в первых опытах изготовления керамики, когда форма указанных сосудов воспроизводилась в глиняных изделиях, вероятнее всего, изготовливавшихся прямо в плетеных сосудах. В дальнейшем некоторое время (особенно в течение VII в. рисунок плетения повторял рельеф на внешней поверхности глиняных изделий, а затем уже на керамике гладкая роспись стала воспроизводить геометрические узоры плетений, которые, впрочем, со временем все больше теряли четкость прямолинейных и прямоугольных очертаний, свойственных геометрическим орнаментам плетенок⁸.

Сельскохозяйственное производство, связанное с выращиванием кукурузы, тыкв (форма которых также оказала значительное влияние на формы керамики), бобов, было, несомненно, заимствовано у южных соседей — носителей культур могольон и хохокам. По поводу происхождения керамического производ-

ства единого мнения нет. Расходятся исследователи и во мнениях о первоначальном сложении отдельных стилей росписи и особенностей керамической производственной технологии. Однако факт, что в южных районах культуры анасази в ранний период преобладает керамика с коричневой поверхностью, аналогичной изделиям культуры могольон, а на севере изготавливается серая керамика, говорит о том, что керамическое производство было изначально заимствовано у соседей, а затем диффузно распространилось. Причем отличие в цвете у северных керамических образцов объяснимо, видимо, тем, что там не успели еще освоить технологии обжига, применявшейся в более южных районах. Во всяком случае нет необходимости при построении общей классификации и типологии керамического производства Юго-Запада постулировать фазу применения необожженной керамики⁹, что является косвенным подтверждением изначально независимого происхождения керамического производства на этой территории. Реальностью является другое обстоятельство. Керамика, производство которой здесь связано с началом земледельческой экономики, прочно утверждается в быту и хозяйстве, чему способствует в первую очередь оптимальная «керамическая экология» данного региона. Этот неудачный термин, предложенный Ф. Матсоном¹⁰, биологизирующий самый процесс, может быть расшифрован в понятиях, характеризующих реальный производственный процесс.

Во-первых, на территории Юго-Запада представлены виды глин, оптимально пригодных для лепки из лент и для формовки наковальней и лопаткой керамических сосудов (последняя техника требует особенно тонких беспримесных глин и отощителей порошкового типа, ибо крупные включения искусственных и естественных примесей в керамическом тесте нарушают целостность стенок сосудов)¹¹. Во-вторых, недостаток растительного топлива, свойственный засушливым и полупустынным регионам, вызвал к жизни появление достаточно экономичных относительно высокотемпературных печей, которые легко было переоборудовать для обжига керамики (в дальнейшем проблема была окончательно решена применением угля). В-третьих, соки местных растений, служивших для изготовления корзин, давали при невысоких температурах обжига четкий и относительно стойкий карбонизированный узор. В-четвертых, в регионе был выявлен экспериментальным путем достаточно большой набор цветных глин, применявшихся как для укрепления и даже частичного глазурирования внешних поверхностей сосудов, так и для выполнения на них эффектных первоначально монохромных, а затем и полихромных росписей¹².

Расшифровка искусственного понятия «керамическая экология» представляется существенной именно потому, что керамика как важный элемент ранних культур, как одно из их подсобных производственных средств имеет реальное значение в качестве экологического фактора, как феномен, способствующий

щий становлению устойчивого взаимодействия между человеческим бытом и общественным производством и той продукцией, в первую очередь пищевыми средствами, которые человек получает из окружающей природы. Обычно в связи с началом применения керамики принято говорить о начале использования жидкой пищи, хотя это положение справедливо только отчасти: ведь с помощью раскаленных камней жидкую пищу стали готовить уже в герметично плетеных корзинах. Правда, такой способ приготовления в условиях ареала, сравнительно бедного запасами топлива, был неэкономичен, невыгоден, что само по себе немаловажно. Жаростойкая керамическая посуда внесла прогресс и в эту бытовую сферу. Однако важнее оказались изменение способов хранения пищевых запасов, появление новых способов консервации жидких и сырых продуктов, использование для приготовления пищи и получения новых пищевых продуктов процессов брожения, ферментации, окисления и т. п., что содействовало расширению рациона питания, тонкости и разнообразию его вкусовых качеств и т. п.¹³ Кроме того, возможность сильного нагревания продуктов непосредственно в керамических сосудах с последующей герметической закупоркой их на длительный срок предохраняла запасы от порчи, повреждения вредителями. Последнее обстоятельство неизбежно возвращает нас к одной из существенных для древнего человека функций орнаментации, выполнявшейся на керамике. Чаще всего в исследованиях отмечаются ее смысловой характер¹⁴, связь с различными мифологическими и историко-эпическими представлениями, что, несомненно, верно в отношении ритуальной утвари, предназначенной для жертвоприношений, погребальных обрядов и другой религиозно-магической практики. Однако орнаментация бытовых сосудов и хозяйственной керамики могла иметь магическое значение, но цель этой магии была охранительной. В силу неверно трактованного традиционного опыта человек видел в узорах керамики средство, предохранявшее жизненно важные для него материальные ценности, пищевые запасы, от порчи и его самого от отравления и прочих бед. Таким образом, и орнаментация керамических изделий вовлекалась в сферу экологического опыта (пусть и неправомерного в данном отношении), которым оперировал человек древности.

Перестройка структуры, изменение размеров поселений, освоение прогрессивных форм аграрной экономики, совершенствование материальной культуры — все эти явления находят прямое отражение в развитии системы отношений между человеческими коллективами и природной средой Юго-Запада США. Керамическое производство как особая область материальной культуры, имеющая к тому же прямое отношение к духовной жизни общества, также оказывается вовлеченным в поток экологических перемен, становится одним из факторов стабилизации экологии населения Юго-Запада США и одновременно одним из наглядных индикаторов развития культуры региона.

- ¹ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 328—329.
- ² *Breternitz D. A.* An appraisal of tree-ring pottery in the Southwest // *Anthropol. Pap. Univ. Ariz.* 1966. N 10.
- ³ *McGregor J. C.* Southwestern archaeology. N. Y., 1941; *Martin P. S., Quimby G. I., Collier D.* Indian before Columbus. Chicago, 1947. P. 97—129.
- ⁴ Chapters in the prehistory of Eastern Arizona. II // *Fieldiana. Anthropol.* 1964. V. 55. P. 15.
- ⁵ *Ortiz A.* Dual organization as an operational concept in the Pueblo Southwest // *Ethnology.* 1965. V. IV, N 4. P. 389—396.
- ⁶ *Кожин П. М.* Керамика индейцев пуэбло // *Культура и быт народов Америки: Сб. МАЭ. Л., 1967. Т. XXIV. С. 140—146.* Следует заметить, что, кроме коллекций, рассмотренных в этой работе, большое собрание керамических изделий индейцев пуэбло имеется в Государственном Эрмитаже.
- ⁷ *Morris E. H., Burgh R. F.* Anasazi Basketry. Wash., 1941.
- ⁸ *Кожин П. М.* Плетеные сосуды индейцев Калифорнии // *Культура и быт народов Америки. С. 124—139; Он же.* Этнографические наблюдения И. Г. Вознесенского в Калифорнии // *Очерки истории этнографии, фольклористики и антропологии. Л., 1977. Вып. VII. С. 68—69.*
- ⁹ *Martin P. S., Quimby G. I., Collier D.* Indian before Columbus. P. 114—116. Находки отдельных необожженных глиняных сосудов в сопровождении привозной керамики вовсе не свидетельствуют о существовании особой фазы керамического производства.
- ¹⁰ *Matson F. R.* Ceramic ecology: An approach to the study of the early cultures of the Near East // *Ceramics and man/Ed. by F. R. Matson.* Chicago, 1965. P. 202—217; *Arnold D. E.* Ceramic ecology of the Ayacucho Basin, Peru: Implication for prehistory // *Curr. Anthropol.* 1975. V. 16, N 2.
- ¹¹ *Gifford E. W.* Pottery making in the Southwest // *Univ. Cal. Publ. Amer. Archaeol. and Ethnol.* 1928. V. 23, N 8. P. 353—373; *Кожин П. М.* О технике выделки фатьяновской керамики // *Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1964. № 101. С. 53—55.*
- ¹² *Shepard A. O.* Ceramics for the archaeologist. Wash., 1956. Publ. 609.
- ¹³ Ср.: *Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М., 1981. С. 232—249.*
- ¹⁴ *Guthe K. E.* Pueblo pottery making: A study at the village of San Ildefonso. New Haven, 1925. P. 87, fig. 11.

ГОДОВОЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЦИКЛ ТЛИНКИТОВ

А. В. Гринев

Природа северо-западного побережья Северной Америки богата и разнообразна. Теплое Аляскинское течение делает климат этого района мягким и влажным. Густые хвойные и смешанные леса покрывают берега островов, фиордов и склоны гор. В лесах водятся олени, медведи, волки, куницы и другие животные, а в море у побережья — различные виды рыб и морских млекопитающих (тюленей, каланов, китов и т. п.). С марта по октябрь сюда приходят на нерест многочисленные косяки ценных промысловых рыб — сельдей, лососевых и др.

Относительно мягкий климат, богатая флора и фауна создавали благоприятные условия для развития на северо-западном по-

бережье оригинальной индейской культуры. Тлинкиты были самым северным племенем этого культурного региона.

К началу европейской колонизации в конце XVIII в. индейцы тлинкиты населяли полосу материкового берега от Портленд-Канала на юге (55° с.ш.) до залива Якутат на севере (60° с.ш.). Естественными этническими границами их территории на востоке были Скалистые горы, а на западе — Тихий океан. Традиционное хозяйство тлинкитов, как и других племен северо-западного побережья, ориентировалось на речное и морское рыболовство (прежде всего лов лососевых). Меньшее значение имели охота и собирательство.

Первое довольно подробное описание хозяйственного цикла тлинкитов было дано еще в конце XVIII в. унтер-офицером Горного корпуса Дмитрием Тархановым, который вместе с несколькими русскими зимовал у индейцев залива Якутат в 1795/96 г.¹ Позднее отдельные сведения по этому вопросу попадали на страницы работ некоторых ранних русских авторов, в частности они встречаются у «летописца Русской Америки» К. Т. Хлебникова². После продажи Аляски США в 1867 г. хозяйственный цикл тлинкитов долгое время оставался практически вне поля зрения этнографов-профессионалов. Правда, отрывочные данные о функционировании индейского хозяйства в определенные периоды года содержатся в монографии о тлинкитах немецкого этнографа А. Краузе, побывавшего на Аляске в начале 1880-х годов³, а также в работе крупного американского исследователя Дж. Р. Свэнтона⁴. Значительно позднее годовой хозяйственный цикл тлинкитов был рассмотрен американской исследовательницей этнографом Ф. де Лагуна в ее монументальном труде по истории и культуре индейцев залива Аляска⁵. Наиболее полно этот вопрос освещен в работе К. Оберга⁶. В советской исторической науке указанная тема была затронута в самых общих чертах в монографиях Ю. П. Аверкиевой⁷.

Данные о хозяйственном цикле тлинкитов у большинства названных авторов отрывочны и носят, как правило, описательный характер. Кроме того, в их работах обычно отсутствуют сведения, приводимые по этому вопросу у других исследователей.

Прежде чем приступить к анализу хозяйственного цикла тлинкитов, следует, пожалуй, выделить традиционные единицы времени, которыми они пользовались. Год был, очевидно, наиболее крупной единицей экологического времени, известной им. Естественная смена времен года нашла свое отражение в сознании индейцев: они различали зиму («таку»), весну («такуити», букв. «место, где была зима»), лето («кутан») и осень («еес») ⁸. Кроме того, год делился на месяцы — «дис» или «диси», что значит «луны». Первоначально тлинкиты пользовались, по-видимому, лунным календарем и их год состоял из тринадцати месяцев. Однако такой календарь приводится только Дж. Р. Свэнтоном⁹ и то наряду с двенадцатимесечным. По дан-

ным других исследователей, тлинкитский год состоял из двенадцати месяцев¹⁰ и даже из десяти¹¹.

Сами индейцы к началу XX в. уже нечетко представляли себе месяцы своего традиционного календаря. Это наглядно демонстрируют два параллельных календарных списка Дж. Р. Свэнтона. К середине нашего века названия некоторых месяцев оказались забытыми и индейцы — информаторы Ф. де Лагуна обозначали их как «седьмой месяц», «восьмой месяц» и т. д., а сохранившимся традиционным названиям давали противоречивые толкования¹². Очевидно, именно поэтому число и названия месяцев у разных информаторов и исследователей не совпадают.

Большинство названий месяцев тлинкитского календаря фиксирует изменения, происходящие в природе, и прежде всего — относящиеся к жизнедеятельности животных и растений¹³. Например, августу соответствовал месяц, который по-тлинкитски звучал как «квакаха'дис» («месяц, когда все животные готовят свои норы»), а марту — «хин та'нах кай'ни диси» («месяц, когда водоросли растут из-под воды») ¹⁴.

Начало «календарного» года, по данным К. Оберга и Ф. де Лагуна, приходилось на июль¹⁵, а по сведениям А. Краузе и Дж. Р. Свэнтона, — на август¹⁶. Это время, когда в реки Аляски устремляется на нерест лосось — основной продукт питания индейцев северо-западного побережья. Не случайно именно указанный период, игравший первостепенную роль в жизни тлинкитов, стал естественным хронологическим рубежом. Однако собственно хозяйственный год начинался у индейцев, как сообщает К. Оберг, в марте¹⁷, а по материалам ранних русских авторов, — в феврале¹⁸.

Расхождения в этих датах у разных авторов объясняются, видимо, следующими причинами. Во-первых, привлекая данные ранних русских источников, следует помнить, что их авторы пользовались старым стилем летосчисления. Во-вторых, хозяйственный год тлинкитов не укладывался в четко зафиксированные хронологические рамки, поскольку зависел от неуправляемых, хотя и регулярных, природных явлений (прежде всего — от прихода на нерест различных пород промысловых рыб). Изменение климатического режима и ряд других геофизических или биологических факторов могли «сдвинуть» наступление очередного хозяйственного цикла, а также его отдельного периода в ту или иную сторону. Нельзя забывать и об экологических особенностях различных районов обитания тлинкитов, так как их традиционная этническая территория была вытянута в меридиональном направлении почти на 5° широты. Названными причинами можно объяснить порой довольно значительные разногласия в сообщениях исследователей о конкретных этапах хозяйственного цикла. Так, нерест сельди на Аляске, по сведениям К. Т. Хлебникова, начинался в феврале¹⁹. Лейтенант Унковский, побывавший в Русской Америке, писал: «14 марта [1815 г.] показались сельди и вместе с появлением оных начали собираться для ловли

оных дикие американцы (тлинкиты.— А. Г.)»²⁰ А Краузе отмечал, что сельдь подходит к побережью Аляски в середине апреля²¹. При указании отдельных этапов хозяйственной деятельности тлинкитов нами учитывались прежде всего данные К. Оберга, поскольку он наиболее подробно рассмотрел этот вопрос.

Хозяйственный год описываемой группы местных индейцев начинался в конце февраля, когда у побережья Аляски появлялись огромные косяки сельди, шедшей на нерест. «Заготовление пищи у ситхинских колош (тлинкитов о-ва Ситха, совр. о-в Баранова.— А. Г.) начинается в феврале месяце, с привалом сельдей,— писал в 1820-х годах старожил Русской Америки К. Т. Хлебников.— Но сию рыбу они впрок не запасают, потому что скоро портится от плесени и горчит. Они обыкновенно запасают икру сельдевую: зная время, когда сельди должны метать икру, колоши рубят древесную хвою и, перевязав оную, опускают с камнем в воду вблизи берега. Испущенная икра облипает ветки, которые вынимают из воды и сушат на солнце или на воздухе и по высушении околачивают от ветвей и сберегают для употребления»²².

В марте продолжался лов сельди и заготовление икры. В этом месяце у побережья островов добывались палтус и треска, а на материке ловили в горных речках форель. Женщины занимались собирательством в прибрежной полосе. Д. Тарханов писал по этому поводу: «На лайдах (берег, обнажавшийся во время отлива.— А. Г.) збирают ракушки белые, репки, больших красных круглых раков (крабов), маленьких черных ракушек, в коих бывают в иных жемчуг белый и темно-голубой мелкий»²³. Большое количество съедобных моллюсков (у которых лучшие вкусовые качества именно в марте) сушили, коптили и запасали впрок. В марте же тлинкиты отправлялись на весеннюю охоту, добывая при помощи различного рода ловушек волков, лисиц, куниц, сурков. Ходили и на медведей, когда те только пробуждались от зимней спячки и еще не успевали набрать достаточно сил, чтобы стать опасными для охотников²⁴. В горах индейцы охотились на снежных коз и горных баранов, а на побережье, в заливах и бухтах,— на каланов и тюленей²⁵.

Апрель был месяцем заготовки водорослей. Их собирали женщины, сушили и укладывали в герметически закрывавшиеся ящики, сберегая для дальнейшего потребления. Мужчины продолжали ловить треску и палтуса, заниматься трапперством и охотиться на перелетных птиц, многочисленные стаи которых в апреле летели с юга на север.

В мае, в период бурного цветения растений, тлинкитки отправлялись в лес на сбор дикого ревеня, клевера, клубней камчатской лилии (сараны) и различных корней. Индейцы запасали впрок внутреннюю мягкую кору хэмлока (хвойные растения из рода тсуга семейства сосновых), которую отбивали специальными колотушками в четырехугольные лепешки²⁶. Подобно индейцам лесных областей востока Канады и США, тлинкиты вес-

ной собирали сладкий древесный сок, но только не клена, а хэмлока ²⁷.

Май был одним из самых важных месяцев в хозяйственном цикле тлинкитов. К устьям больших рек подходят для нереста косяки рыбы-свечи (зулахон), из которой индейцы вываривали в больших количествах ценный рыбий жир ²⁸. Д. Тарханов, наблюдавший процесс получения этого продукта, писал, что выловленную рыбу-свечу тлинкиты «кладут в кучи, чтоб прокисла; потом в корытах через воду парят калеными камнями и сверху жир сымают в посудины» ²⁹. Этот жир тлинкиты использовали не только в большинстве блюд своей традиционной кухни, но и для консервации ягод, корней, трав, а также обменивали на него у внутриматериковых племен шкуры оленя и лося, самородную медь и другие предметы межплеменной торговли.

Июнь — месяц, когда запасы рыбьего жира уже сделаны, а нерест лосося еще не наступил — тлинкиты использовали для торговых экспедиций к соседним племенам (максимальных по продолжительности и протяженности маршрута), для военных рейдов и поездок на особые церемонии — «потлачи» ³⁰. В этом месяце женщины продолжали активно заниматься собирательством. Кроме того, индейцы часто ездили на островки к береговым утесам для поисков яиц морских птиц. Некоторые семьи переселялись в охотничьи лагеря на побережье для охоты на тюленей ³¹.

Июль, август и сентябрь — апогей хозяйственной деятельности тлинкитов. В эти месяцы колоссальные косяки лососевых (чавычи, нерки, горбуши, кижуча и кеты) устремляются в реки Аляски для нереста. Их регулярный приход на северо-западное побережье был основой стабильности и постоянства традиционного образа жизни индейцев. Во время нереста лосося тлинкиты переселялись обычно из своих зимних селений в рыболовные лагеря для сбора своеобразного рыбного «урожая» ³². Об их хозяйственной деятельности в этот период года писал русский морской офицер В. П. Романов, побывавший в начале 1820-х годов на Аляске: «Постоянное запасение корму (у тлинкитов.—А. Г.) начинается со входом в речки морской рыбы разных пород (лосось.—А. Г.), что обыкновенно следует в июле месяце. Преимущественно запасают горбушу, которую, отделив от кости, сушат на воздухе или коптят в дыму. Они стараются сего продукта запастись на круглый год, и такого запаса почти всегда достает до новой рыбы» ³³.

В то время как мужчины занимались рыбной ловлей, женщины чистили и коптили лососей, собирали и заготавливали лесные ягоды на зиму, заливая их рыбьим и тюленьим жиром. Вплоть до октября тлинкиты ловили и перерабатывали рыбу, создавая большие запасы сушеного и копченого лосося — «хлеба» индейцев северо-западного побережья, за счет которого они существовали в суровые зимние месяцы. Создав достаточные запасы рыбы, тлинкиты отправлялись на осеннюю охоту.

Октябрь — месяц охотников, когда индейцы промышляли в лесах и горах оленей, медведей, горных баранов и снежных коз, на побережье бухт и заливов — тюленей и каланов. В это же время тлинкиты совершали короткие торговые экспедиции в глубь материка, пока горные перевалы были еще свободны от снежных заносов³⁴.

Подобно тому, как у земледельческих народов после сбора урожая наступала пора праздников и церемоний, у тлинкитов вторая половина осени и зима становились периодом наиболее активной религиозно-церемониальной жизни³⁵, пик которой приходился на ноябрь. В этом месяце после окончания рыбной путны главы тлинкитских домохозяйств созывали своих родственников и друзей на потлачи, которые продолжались и в декабре, хотя внимание индейцев начинало уже переключаться на сортировку или заготовку сырья, необходимого для производства ремесленных изделий.

В январе церемонии окончательно уступали место ремеслу. Мужчины изготавливали различные орудия труда, утварь, оружие, церемониальные принадлежности, каноэ и тотемные столбы, а женщины плели корзины, шляпы, циновки, шили одежду и ткали свои знаменитые накидки «чилкат»³⁶. Запасы продуктов, сделанные летом и осенью, давали индейцам возможность просуществовать в зимнее, наиболее неблагоприятное время года.

В начале и середине февраля тлинкиты занимались понемногу прибрежным рыболовством, охотой, ремеслом. В конце февраля индейцы начинали новый хозяйственный год.

Анализируя ежегодный цикл функционирования хозяйства тлинкитов, можно сделать вывод, что он определялся в основном ходом на нерест различных промысловых рыб. Подобный цикл (с небольшими локальными отличиями) был характерен и для других племен северо-западного побережья (хайда, цимшиан и др.).

Природа диктовала людям определенный хозяйственный ритм. Однако объективные условия функционирования экономики дополнял субъективный фактор. В старину хозяйственный цикл основной экономической единицы тлинкитского общества — домохозяйства — регулировался его главой. Он указывал сроки начала охоты, время и маршрут торговых экспедиций, определял место и время заготовки рыбы членами своего домохозяйства. Выполняя обязанности хранителя родовых угодий, глава одновременно заботился об экологических ресурсах: охотникам, как правило, категорически запрещался промысел стельных животных и самок с детенышами.

Соблюдение всех стадий хозяйственного цикла имело для тлинкитов жизненно важное значение. В противном случае им угрожал голод и даже голодная смерть. Так, необходимость своевременной заготовки жира рыбы-свечи явилась одной из главных причин, побудивших тлинкитов пойти на перемирие с русскими в 1802 г. у устья р. Алцех³⁷.

Хозяйство индейцев северо-западного побережья Америки было хорошо приспособлено к местным природным условиям. Техника рыболовства достигла у них большого совершенства. Не случайно после прихода сюда европейцев традиционные орудия труда индейцев претерпели минимальные изменения, прежде всего в ведущей отрасли индейского хозяйства — рыболовстве. Более того, исследователь Аляски прошлого века И. Петров писал, что рыболовные орудия тлинкитов были более эффективными, чем европейские³⁸.

Четкий ход хозяйственного механизма шлифовался на протяжении тысячелетий. Периодичность прихода промысловой рыбы и частая непогода, препятствовавшая рыболовству, заставляли индейцев добывать большее количество рыбы, чем ее нужно было для непосредственного кратковременного потребления. Рыбу надо было не только поймать, но и, переработав, сохранить на достаточно длительный срок, так же как и продукты охоты и собирательства. Все это требовало от людей определенных усилий и навыков. Природные условия северо-западного побережья в целом и их сезонные изменения способствовали оптимальному сочетанию регулярного и интенсивного труда и развитой промысловой техники с наличием значительного отрезка времени, которое посвящалось развитию ремесла, товарообмена, церемониальной жизни и искусства. Богатые экологические ресурсы и высокая специализация индейского хозяйства создавали благоприятную возможность для производства существенных излишков пищевых продуктов. Наличие прибавочного продукта обусловило появление в тлинкитском обществе имущественного и социального неравенства, возникновение патриархального рабства.

Экология, таким образом, явилась фундаментальным фактором, определившим достаточно высокую степень развития тлинкитского общества на базе присваивающего хозяйства, сравнимую с уровнем раннеземледельческих народов. При этом можно отметить, что хозяйственный цикл тлинкитов (как хронологический аспект взаимосвязи экологии и экономики) структурно очень напоминал производственный цикл земледельцев средних широт, для которого характерен сдвиг максимальной активности по производству жизненно важных продуктов на май — октябрь, а ремесленной и религиозно-церемониальной деятельности — на ноябрь — март.

¹ Отдел рукописей Гос. публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ОР ГПБ). Сб. Q. IV. 311. Л. 64—66.

² Хлебников К. Т. Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск // Сост., предисл., коммент. и указ. С. Г. Федоровой. М., 1985. С. 81—82.

³ Krause A. The Tlingit Indians. Seattle; L., 1956.

⁴ Swanton J. R. Social conditions, beliefs and linguistic relationship of the Tlingit Indians // Annu. Rep. BAE. 1908. N 26. P. 391—512.

⁵ Laguna F. de. Under mount Saint Elias: The history and culture of Yakutat Tlingit. Wash., 1972. Pt 1—3.

- ⁶ *Oberg K.* The social economy of the tlingit indians. Seattle; L., 1973.
- ⁷ См., например: *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 135.
- ⁸ *Laguna F. de.* Op. cit. Pt 2. P. 799.
- ⁹ *Swanton J. R.* Op. cit. P. 426.
- ¹⁰ *Laguna F. de.* Op. cit. Pt 2. P. 799—801; *Oberg K.* Op. cit. P. 65—73.
- ¹¹ *Krause A.* Op. cit. P. 238.
- ¹² *Laguna F. de.* Op. cit. Pt 2. P. 800—801.
- ¹³ *Ibid.* P. 800.
- ¹⁴ *Swanton J. R.* Op. cit. P. 426.
- ¹⁵ *Oberg K.* Op. cit. P. 65; *Laguna F. de.* Op. cit. Pt 2. P. 799.
- ¹⁶ *Krause A.* Op. cit. P. 238; *Swanton J. R.* Op. cit. P. 426.
- ¹⁷ *Oberg K.* Op. cit. P. 65.
- ¹⁸ *Литке Ф. П.* Путешествие вокруг света, совершенное... на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах... СПб., 1834. Ч. I. С. 163—164.
- ¹⁹ *Хлебников К. Т.* Указ. соч. С. 81.
- ²⁰ *Унковский С. Я.* Из «истинных записок моей жизни» лейтенанта С. Я. Унковского // *Лазарев М. П.* Документы. М., 1952. Т. I. С. 33.
- ²¹ *Krause A.* Op. cit. P. 123.
- ²² *Хлебников К. Т.* Указ. соч. С. 81—82.
- ²³ ОР ГИБ. Сб. Q. IV. 311. Л. 64—65.
- ²⁴ *Oberg K.* Op. cit. P. 66—67.
- ²⁵ *Laguna F. de.* Op. cit. Pt 1. P. 360.
- ²⁶ *Niblack A. P.* The coast indians of Southern Alaska and Northern British Columbia // Annual Report of the United States National Museum, 1888. Wash., 1890. P. 277—278.
- ²⁷ *Jacobs M. (jun.), Jacobs M. (sen.)*. Southeast Alaska native foods // Raven's bones/Ed. by A. Hobe (III). Sitka, 1982. P. 129.
- ²⁸ Впервые в году в небольшом количестве эта рыба появляется в водах юго-восточной Аляски на короткий период в конце февраля (*Krause A.* Op. cit. P. 122).
- ²⁹ ОР ГИБ. Сб. Q. IV. 311. Л. 64—65.
- ³⁰ *Oberg K.* Op. cit. P. 69—70.
- ³¹ *Laguna F. de.* Op. cit. Pt 1. P. 360.
- ³² *Oberg K.* Op. cit. P. 70.
- ³³ *Романов В. П.* О колюжах или колошах вообще // Сев. архив. 1825. № 17 (XVII). С. 25. По сведениям А. Краузе и М. Джекобса, ббльшим предпочтением у тлинкитов пользовалась не горбуша, а нерка и кижуч (*Krause A.* Op. cit. P. 120; *Jacobs M. (jun.), Jacobs M. (sen.)*. Op. cit. P. 114—115).
- ³⁴ *Oberg K.* Op. cit. P. 72.
- ³⁵ Д. Тарханов писал, что «более шаманство производят зимой» (ОР ГИБ. Сб. Q. IV. 311. Л. 70).
- ³⁶ *Oberg K.* Op. cit. P. 74—75.
- ³⁷ К истории Российско-Американской компании: Сб. документ. материалов. Красноярск, 1957. С. 108—111.
- ³⁸ *Petroff I.* Report of the population, industries and resources of Alaska (10th US Census, 1880). Wash., 1884. V. VIII. P. 67—69.

III ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНДЕЙСКИХ ОБЩЕСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ДОКОЛУМБОВУ ЭПОХУ

АЯКУЧО И ХУНИН — ДВА МИКРООЧАГА ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В ПЕРУАНСКИХ АНДАХ

В. А. Башилов

Центральные Анды являются одним из мировых центров происхождения производящего хозяйства. В ботаническом аспекте это еще в 30-е годы было отмечено академиком Н. И. Вавиловым. При всех модификациях его построений указанная территория неизменно выделялась им в качестве самостоятельного центра возникновения земледелия. В докладе на Дарвинской сессии Академии наук СССР в 1939 г.¹ он рассматривал андский центр как зону независимого земледельческого развития, разделяя его, так же как и центры в других районах мира, на очаги — «собственно андийский, чилоанский и боготанский». В этой одной из последних работ Н. И. Вавилова отразилось его понимание центров происхождения мирового земледелия как совокупности ряда более мелких очагов со значительным различием между ними².

В настоящее время археологические материалы, касающиеся становления производящего хозяйства в Центральных Андах, довольно обширны. Они включают результаты исследований как на побережье, так и в горной части Перу и позволяют ставить вопрос о существовании ряда микроочагов этого процесса в пределах выделенного Н. И. Вавиловым большого «собственно андийского» очага. Мы будем касаться только второго из указанных регионов, который уже дал принципиально новые материалы для понимания общих закономерностей исторического процесса в разбираемую эпоху. Нужно помнить, что Н. И. Вавилов особо подчеркивал значение высокогорных районов Андской области как первичного земледельческого центра. Поливное земледелие перуанского побережья он считал вторичным явлением³.

В горной части Центральных Анд есть три района, где получены интереснейшие материалы, относящиеся к процессу станов-

ления производящего хозяйства. Это долина Аякучо, Пуна-де-Хуниин и Кальехон-де-Уайлас. В статье речь пойдет лишь о первых двух.

Природные условия и степень изученности

Долина Аякучо была изучена экспедицией под руководством известного американского археолога Р. Макнейша, который ранее досконально исследовал процесс становления земледелия в Северной и Центральной Мексике. В результате его работ сложилась определенная картина освоения биологических ресурсов долины Аякучо⁴.

Район расположен между $12^{\circ}50'$ и $13^{\circ}15'$ юж. широты и 74° и $74^{\circ}30'$ зап. долготы. Это бассейн р. Уарпа, притока р. Мантаро, образованной слиянием трех рек — Качи, Томаренга и Понгар. Долину окружают горы высотой более 4000 м над уровнем моря, в значительной степени загораживающие ее от дождевых облаков. Дно долины находится на высоте 1800—2100 м над уровнем моря. Климат засушливый, хотя достаточно четко выделяют дождливый и сухой сезоны.

Долина имеет хорошо выраженную вертикальную зональность⁵: I. Зона тундры и альпийских лугов; II. Зона влажных низкорослых лесов; III. Зона сухих колючих кустарников; IV. Зона степей с колючими кустарниками; V. Зона субтропической пустыни.

Все зоны были досягаемы для населения каждой из них, поскольку находились в пределах 50—70 км. В этом районе разведками экспедиции Р. Макнейша обнаружено более 200 памятников. В соответствии с задачами экспедиции, нацеленной на комплексные археолого-ботанические исследования, прежде всего были изучены пещеры, где находки растительных и других органических остатков наиболее вероятны. Те памятники, которые были раскопаны и дали материалы эпохи возникновения земледелия, распределяются по зонам следующим образом: Ас 300-Тамбо, Ас 351-Тотомачай или Тукумачай⁶ — зона I; Ас 335-Хайвамачай — зона II; Ас 100-Пикимачай, Ас 102-Айямачай, Ас 240, Ас 244 — зона III; Ас 117, Ас 158-Пуэнте — зона IV. В зоне V памятники этой эпохи не обнаружены.

Район Пуна-де-Хуниин исследовался в 70-х годах археологами, работавшими главным образом в рамках руководимого Р. Матосом Мендьетой проекта широкого изучения долины р. Мантаро, а также и вне его⁷. В результате этих работ получены новые крайне интересные данные о становлении скотоводства в Центральных Андах⁸.

Пуна-де-Хуниин лежит между $10^{\circ}52'$ и $11^{\circ}15'$ юж. широты и $75^{\circ}50'$ и $76^{\circ}14'$ зап. долготы на высоте от 3600 до 4400 м над уровнем моря. Весь район относится к одной высотной зоне. Это плоскогорье, поверхность которого носит следы действия ряда оледенений, продолжавшихся здесь до конца XV — начала

XIV тысячелетия до н. э. На плоскогорье много озер ледникового происхождения, крупнейшим из которых является Хунин, болотистых мест, ручьев и рек.

Климат холодный. Средняя температура сухого сезона (май—октябрь) $+5^{\circ}$, дождливого (ноябрь—апрель) $+7^{\circ}$. Однако это не препятствует круглогодичному произрастанию травянистой растительности, являющейся кормовой базой для травоядных животных. Здесь их две основные группы: олени нескольких видов (*Odocoileus virginianus*, *Mazama gouazoubira*, *Hippocamelus antisensis*) и ламы—гуанако (*Lama guanicoe*), викунья (*Lama vicugna*). Обе группы животных использовались древнейшими обитателями этих мест.

К настоящему времени на территории Пуна-де-Хунин известно до сотни археологических памятников интересующей нас эпохи, располагающихся преимущественно по ее периметру, вблизи склонов речных долин. Это пещеры и открытые стоянки и поселения. Около 20 из них исследованы шурфами и траншеями. Изученные памятники находятся в трех основных районах — на западном берегу озера Хунин (Пачамачай, Куримачай, Ондорес и др.), на юге Пуна-де-Хунин, в районе Тиларниок (Паналагуа, Учкучачай и др.) и в ее восточной части, в районе г. Сан-Педро-де-Кахас. Результаты исследований Л. Уртадо де Мендосы, Р. Матоса Мендьеты, Д. Лавалье и М. Жульена, П. Каулике, Дж. Рика и других опубликованы в ряде работ, данные которых далеко не полны и иногда плохо или вовсе не согласуются между собой, особенно в отношении хронологии отдельных конкретных комплексов. Тем не менее определенная картина становления производящего хозяйства в этом районе уже начинает вырисовываться.

Исследования археологических памятников продолжают здесь до сих пор, и публикация их результатов, несомненно, внесет существенные изменения в общую картину.

Процесс сложения производящего хозяйства по данным раскопок

В долине Аякучо только три пещеры подверглись раскопкам широкой площадью — Ас 335-Хайвамачай, Ас 100-Пикимачай и Ас 158-Пуэнте. На остальных памятниках заложены шурфы различного размера.

В пещере Ас 100-Пикимачай три раскопа имели общую площадь около 300 кв. м. Стратификация культурного слоя мощностью местами более 3 м позволила построить стратиграфические колонки и увязать их между собой. К эпохе возникновения земледелия относятся слои f—g₁ южного, F—W центрального и VI—VIII северного раскопов. В слоях южного раскопа были найдены совершенно новые материалы, связанные с эпохой заселения Центральных Анд.

Разрушенная пещера Ас 158-Пуэнте, где располагался рас-

коп общей площадью более 80 кв. м., имела культурный слой мощностью от 1 до 6 м. Стратификация раскопа дала возможность выделить 36 слоев (от I до XIII с дополнительными подразделениями), относящихся к эпохе становления производящего хозяйства.

В пещере Ас 335-Хайвамачай было вскрыто около 60 кв. м. В культурном слое мощностью до 3 м выявлены 18 слоев, из которых к интересующей нас эпохе относятся 12 (от С до К).

На основании материалов этих и других памятников построена стратиграфическая колонка долины Аякучо от времени заселения Центральных Анд до инкского периода. К эпохе становления производящего хозяйства относится ряд фаз, в датировке которых в различных публикациях Р. Макнейша и его соавторов есть довольно значительные расхождения, приведенные ниже (годы до н. э.):

Фаза	MacNeish, 1969	MacNeish a. o., 1970	MacNeish a. o., 1975
Качи	2700—1700	2800—1700	3100—1750
Чиуа	3800—2700	4300—2800	4550—3100
Пики	5000—3800	5500—4300	5800—4550
Хайва	6300—5000	6600—5500	7100—5800
Пуэнге	8000—6300	7700—6600	9000—7100
Уанга	Не выделена	8800—7700	Не выделена

Такие расхождения между отчетом 1969 г., когда в распоряжении авторов раскопок было всего несколько датировок по С-14, и отчетом 1970 г., в котором серия дат увеличена до более 20 определений, вполне объяснимы. Но изменению хронологии в сторону удреждения в книге 1975 г. не дано никакого обоснования. Поэтому, как и в предыдущих работах, я буду придерживаться схемы 1970 г.⁹ Кроме того, мне представляется, что следует избегать впечатления крайней хронологической точности, возникающей при использовании радиоуглеродных датировок, выраженных в цифровых значениях с точностью до года, как это повсеместно принято в археологии. Думается, надо более осторожно выражать даты фаз в тысячелетиях и их частях. Например, фаза Хайва — не 6600—5500 гг. до н. э., а вторая половина VII — первая половина VI тысячелетия до н. э.

Для нашей работы особый интерес представляют характеристики хозяйства каждой из фаз, насколько его можно реконструировать по археологическим данным.

Фаза Уанга (IX — начало VIII тысячелетия до н. э.). По набору каменного инвентаря (наконечники метательных орудий, скребки, резцы, сверла и т. п.) и остаткам фауны (ископаемые олени, лошади, ламы или другие верблюдовые) можно заключить, что основой экономики населения этого времени была охота.

Фаза Пуэнге (вторая четверть VIII — середина VII тысячелетия до н. э.). В каменном инвентаре многие типы скребков и

наконечников повторяют существовавшие в фазе Уанта, но появляются и новые формы. Однако судя по составу орудий и находкам костей ламы и оленя, экономика вряд ли значительно отличалась от предшествующей фазы. Ее основой была охота на водившихся здесь животных современных видов.

Фаза Хайва (середина VII—середина VI тысячелетия до н. э.). Типологически каменные орудия этой фазы отличаются от орудий предшествующей, но их набор изменился незначительно: все те же наконечники метательных орудий разных типов, скребки, резцы. Появляются орудия и изделия из кости: шилья, трубчатые бусы-пронизки, подвески. Находки зернотерок говорят о возрастании роли растительной пищи, что подтверждается и составом остеологических и ботанических находок. Наряду с костями оленя, ламы и морской свинки были обнаружены семена ачиоте, остатки двух разновидностей тыкв и, возможно, перца. В человеческих капролитах встречены стебель какой-то ягоды, зерно травы и растительные волокна.

Эти находки позволяют говорить о сосуществовании в экономике древних обитателей долины Аякучо охоты и собирательства с использованием растений. Согласно мнению Р. Макнейша, не исключено, что именно в это время начался процесс доместикировки животных — ламы и морской свинки¹⁰. Распределение находок по природным зонам позволило Р. Макнейшу предположить возможность сезонных перекочевок обитателей долины из одной зоны в другую¹¹.

Фаза Пики (середина VI — конец V тысячелетия до н. э.). Орудийный комплекс (наконечники метательных орудий, скребки) включает и ряд типов, появившихся еще в предыдущей фазе. Однако набор орудий, связанных с обработкой растительной пищи, становится разнообразнее: зернотерки, терочники, ступки. Есть также каменный утяжелитель для палки-копалки.

Находки остатков растений — зерен киноа, двух разновидностей тыкв, перца — позволяют предполагать, что обитатели долины Аякучо, вероятно, уже освоили возделывание растений¹². Одновременно Р. Макнейш считает, что уже были доместцированы лама и морская свинка и роль охоты в хозяйстве уменьшилась. Для этого времени также предполагаются сезонные перекочежки групп населения с использованием соответствующих ресурсов различных высотных зон¹³.

Фаза Чуа (конец V — начало III тысячелетия до н. э.). Комплекс орудий достаточно разнообразен. В него входят около 20 типов наконечников метательных орудий, скребков, чопперов и т. п. Одновременно он включает ступки, песты, зернотерки, терочники и утяжелители для палок-копалок.

В слоях этой фазы найдены остатки доместцированных растений: тыкв, фасоли, киноа, амаранта, хлопка, ряда тропических фруктов и, может быть, картофеля. Важнейшей находкой явились небольшие по размеру початки кукурузы, которая определена как предшественница расы *Confite Mogocho*¹⁴.

Экономика населения долины Аякучо на фазе Чиуа оценивается Р. Макнейшем как сочетание сезонного возделывания растений с животноводством, охотой и собирательством. Сезонные перекочевки, возможно, уже сосуществовали с большими круглогодичными поселениями¹⁵.

Фаза Качи (вторая четверть III—начало II тысячелетия до н. э.). В инвентаре резко уменьшается ассортимент орудий из колотого камня, хотя основные формы — наконечники метательных орудий, скребки — достаточно обычны. В то же время появляется такое важное земледельческое орудие, как мотыга. Встречаются также зернотерки и терочники. В памятниках фазы Качи найдены остатки кукурузы, хлопка, различных видов фасоли и тыквы, тропических фруктов и других домашних растений. По-видимому, здесь уже существовало настоящее земледельческое хозяйство¹⁶.

Во времена описываемой фазы в нижней части долины Аякучо уже имелись круглогодичные земледельческие поселения. В высотных зонах сохранялась сезонная специализация памятников. Хозяйство их обитателей, по мнению Р. Макнейша, было связано с выпасом стад лам и возделыванием картофеля. Обе формы хозяйства составили в сочетании единую экономическую систему, использовавшую все разнообразие природных ресурсов в условиях вертикальной зональности¹⁷.

Итак, при всей ограниченности данных, которыми мы располагаем, есть возможность представить себе основные вехи процесса становления производящего хозяйства в долине Аякучо.

В IX — первой половине VII тысячелетия до н. э. основной экономики местного населения была охота — сначала на уже исчезающие виды животных позднего плейстоцена (фаза Уанта), потом на представителей современной фауны — оленя, ламу (фаза Пуэнте). Охота, несомненно, дополнялась собирательством. С середины VII тысячелетия (фазы Хайва и Пики) начался процесс освоения и доместикации растений и животных. Одновременно уменьшалась роль охоты в хозяйстве, а возделывание растений становилось его полноправной отраслью. К этому же времени относится изменение образа жизни, когда, по-видимому, появляются систематические сезонные перекочевки групп населения в пределах различных природных зон своего микрорайона.

Критическим моментом рассматриваемого процесса стала фаза Чиуа (конец V — начало III тысячелетия до н. э.), когда население уже обладало основным пищевым комплексом Нового Света (кукуруза, фасоль, тыква) и в экономическом балансе возделывание растений начало теснить охоту. Изменился образ жизни — появились круглогодичные поселения, пока еще наряду с сезонными стоянками. К середине III тысячелетия процесс завершается и в долине Аякучо уже существуют постоянные земледельческие поселения (фаза Качи). Их экономика базируется на возделывании широкого ассортимента культурных растений. Одновременно существует и четкая специализация в рамках вер-

тикальной зональности. Высокогорные зоны специализируются на разведении лам, являясь, по-видимому, основным поставщиком продуктов животноводства для поселений нижней части долины и потребителем их земледельческой продукции. Роль охоты в экономике значительно снижается, что подтверждает и резкое сокращение ассортимента каменных орудий, связанных с этой отраслью хозяйства.

В Пуна-де-Хуни, как уже упоминалось, подверглись раскопкам около 20 памятников. Несмотря на то что площадь шурфов и траншей была здесь крайне незначительной, публикации носят предварительный характер, а содержащаяся в них информация часто бывает противоречива, мы все же располагаем некоторыми сведениями об опорных памятниках.

В первую очередь — это пещера Пачамачай, находящаяся к западу от озера Хуни. В 1969—1970 гг. ее копали Р. Матос Мендьета и Л. Уртадо де Мендоса, прорезавшие площадку перед пещерой траншеей площадью 15 кв. м. В 1973 г. П. Каулике заложил шурф у ее нижнего конца, а в 1974—1975 гг. Дж. Рик прирезал к траншее шурф внутри пещеры и небольшой (9 кв. м) раскоп в верхней части площадки. Общая площадь вскрытого культурного слоя составила 27 кв. м. Его мощность достигала 2,49 м в раскопе Дж. Рика и 3,5 м в траншее Р. Матоса Мендьеты.

К сожалению, монографически опубликованы только материалы Дж. Рика, но они практически несопоставимы с информацией, содержащейся в предварительных публикациях Л. Уртадо де Мендосы и Р. Матоса Мендьеты. Так, например, последним в траншее было выделено 15 слоев¹⁸, а Дж. Риком — 27 слоев в шурфе и 33 в раскопе. При этом докерамические слои 18—27 шурфа в пещере синхронны слоям 11—18 раскопа, а слои 19—33 раскопа внутри пещеры не представлены¹⁹.

Пещера Учкумачай находится на юге Пуна-де-Хуни, в районе Тиларниок. Траншеей размером 10,5×1,0 м от стены пещеры через площадку перед ней культурный слой был прорезан на глубину до 1,2 м. Он содержал материалы начиная с конца эпохи заселения (слои 1—7). Три верхних слоя нарушены²⁰.

Сведения о пещере Паналагуа, тоже находящейся в южной части Пуна-де-Хуни, и о раскопках в ней практически отсутствуют. В публикациях есть только сообщения о большой древности ее материалов²¹ и о костных остатках в ее верхних слоях²².

Пещера Телармачай расположена в восточной части Пуна-де-Хуни. Здесь был заложен небольшой шурф глубиной 1,3 м, не доведенный до материка. Выявлены пять слоев, нижний из которых относится к эпохе становления производящего хозяйства²³. В этом же районе Д. Лавалье и М. Жульен исследовали еще ряд памятников интересующего нас времени. На некоторых из них, так же как и на отдельных памятниках других районов Пуны, были заложены небольшие шурфы.

Для древностей Пуна-де-Хуни Р. Матос Мендьета предложил периодизацию, опирающуюся на хронологию памятников долины Аякучо в ее хронологическом варианте 1970 г.²⁴ В работах Дж. Уиллер и ее соавторов использовалась хронологическая схема Р. Макнейша и других 1975 г. Я буду, однако, придерживаться первоначальных датировок.

Дж. Рик разработал свою периодизацию, где докерамический период разделен на пять фаз, датируемых с X по середину II тысячелетия до н. э.²⁵ Эта схема опирается только на материалы пещеры Пачамачай и полученную там серию из 10 радиоуглеродных дат. Но ее практически невозможно сопоставить с другими памятниками и колонкой Р. Матоса Мендьеты.

Фаза Паналагуа была древнейшей в этой колонке. Ее материалы обнаружены в нижних слоях пещер Паналагуа, Учкучумачай и, вероятно, Пачамачай. По своему облику они близки к материалам фазы Уанта в Аякучо. Не исключено, что фаза Паналагуа началась несколько раньше, чем Уанта.

Набор каменных орудий этого времени — односторонне обработанные ножи различных форм, скребки, изредка наконечники метательных орудий и т. п. — типичный инвентарь охотников на вымерших ныне животных. Их кости тоже встречены в слоях описываемой фазы. Здесь найдены остатки ископаемой лошади, гигантского ленивца, пещерного медведя, ископаемого оленя.

Фаза Хуни выделена по материалам, найденным в нижних слоях пещеры Пачамачай, напоминающим материалы фазы Пуэнте в Аякучо. Орудийный комплекс, включающий ножи различных форм, с односторонней и двусторонней обработкой, разнообразные наконечники метательных орудий, большие бифасы, скребки, резцы и т. п., тоже представляет собой набор типично охотничьего инвентаря.

Фаза Пачамачай представлена более обильными материалами, обнаруженными в пещерах Пачамачай, Паналагуа (слой 7), Учкучумачай (слой 6), Куримачай и, может быть, Кучимачай²⁶. Эти материалы сближаются с фазой Хайва в Аякучо.

В комплексе орудий продолжают традиции предшествующего времени. Встречаются ножи и разнообразные наконечники, односторонне и двусторонне обработанные. Очень характерны большие плосковыпуклые скребки. Это позволяет заключить, что и в данной фазе обитатели Пуны продолжали вести охотничий образ жизни, что подтверждается и составом фауны. В слое 6 пещеры Учкучумачай кости лам составляют 54,9%, а кости оленя — 41,7% всех остеологических находок, т. е. их количество примерно равно, а в слое 7 Паналагуа соотношение, соответственно, 26,0 и 74,0%, т. е. кости оленя преобладают.

Фаза Тиларниок выделена по материалам трех пещер в районе Тиларниок. Возможно, одной из них была пещера Учкучумачай, слой 5 которой относится к этому времени, так же как и слои 4—6 Паналагуа. Материалы фазы находят аналогии в фазе Пики долины Аякучо.

В публикациях не дается развернутой характеристики фазы Тиларниок. Можно только предположить, что она является продолжением предыдущей. Однако именно в это время происходит существенное изменение в составе остеологических находок. Соотношение костей лам и оленей сильно меняется и составляет в слое 5 пещеры Учкумачай 82,3 и 17,3%, а в слоях 4—6 пещеры Паналагуа — 87,6 и 12,3%, т. е. кости лам значительно преобладают. В этих же слоях обеих пещер найдены кости домашней собаки (*Canis familiaris*) — древнейшей в Центральных Андах.

Фаза Келька-Уаси характеризуется материалами, найденными в местности того же названия, в Паломайок, Пари и Ондорес. К этому времени относятся и находки в слое 4 Учкумачай, слоях 1—3 Паналагуа и, может быть, в слоях 8—12 Пачамачай²⁷. Материалы данной фазы находят аналогии в фазе Чуа долины Аякучо.

Комплекс орудий фазы Келька-Уаси восходит к традициям предшествующего времени (различные наконечники, скребки, ножи). Однако с ней связан и ряд важных новшеств в жизни обитателей Пуна-де-Хуни. Именно тогда появляются первые признаки использования растительной пищи. В слоях с материалами этой фазы найдены семена перца, тыквы и некоторых других растений, вероятно, привнесенных сюда извне.

Фаунистические остатки фазы Келька-Уаси показывают явное преобладание костей ламы под костями оленя: 84,8 к 14,0% в слое 4 Учкумачай, 85,8 к 13,9% в слоях 1—3 Паналагуа и 97,8 к 2,0% в слоях 8—12 Пачамачай. Р. Матос Мендиета полагает, что в это время лама была уже одомашнена, так же как и морская свинка²⁸.

В фазу Келька-Уаси меняется образ жизни населения Пуны. Наряду с небольшими пещерными стоянками начинают использоваться и открытые поселения. Появляются и первые постройки — стены и загородки из кольев и камней в пещерах и жилища из камня, земли и соломы на открытых поселениях.

Фаза Чупака-Ондорес известна более по памятникам долины р. Мантаро, где она называется Чупака. В Пуна-де-Хуни тоже встречаются памятники этого типа, именуемого здесь Ондорес, но содержащаяся в публикациях информация о них очень скудна. Лучше опубликованы материалы из восточной части Пуны, где к тому же времени относятся слой 6 шурфа 2 пещеры Кучимачай, слои 2—4 шурфа 1 и слой 2 шурфа 3 скального навеса Акомачай А, слои 1—3 шурфа у навеса Акомачай В, слой 5 пещеры Телармачай. Слои 3—7 пещеры Пачамачай тоже относятся к этой фазе. Находки на памятниках сопоставимы с материалами фазы Качи в Аякучо.

Материалы фазы Ондорес включают наконечники различных форм и другие орудия, говорящие о том, что охота продолжает оставаться одной из отраслей хозяйства. Однако основной объем

мясной пищи давали стада лам, уже определенно domesticiрованных. Соотношение костей ламы и оленя на памятниках этого времени²⁹ таково (в %): Пачамачай, слои 3—7 — 96,1 и 2,7; Акомачай А, шурф 1, слои 2—4 — 94,1 и 5,9; Акомачай В, шурф 1, слои 1—3 — 88,9 и 7,9; Телармачай, шурф 1, слой 5 — 84,8 и 13,5; Кучимачай, шурф 2, слой 6 — 77,2 и 21,0.

В пользу завершения domestикации ламы говорят материалы пещеры Телармачай, где 2/3 костей животного принадлежали молодняку³⁰. Суммарные данные Э. Уинг по верхним слоям пещеры Пачамачай тоже демонстрируют преобладание молодняка лам³¹.

Р. Матос Мендьета пишет и о существовании земледелия в фазу Ондорес. Но никаких конкретных данных по этому вопросу в его публикациях не приводится.

Археологические, палеоботанические и палеозоологические данные по району Пуна-де-Хуниг еще очень неполны и крайне разрознены. Тем не менее уже можно попытаться представить себе в самом первом приближении процесс становления производящего хозяйства.

При всей неполноте сведений о развитии орудийного комплекса можно констатировать, что охотничий инвентарь сохраняется, модифицируясь, у населения района от X—IX до начала II тысячелетия до н. э., что отражает, видимо, существование охоты как отрасли хозяйства на всем рассматриваемом отрезке времени. До середины VI тысячелетия (фазы Паналагуа, Хуниг, Пачамачай) она была основным способом добывания пищи, в пользу чего свидетельствует и примерно равное количество костей ламы и оленя или даже преобладание последних в слоях, относящихся к фазе Пачамачай.

Во второй половине VI—V тысячелетия до н. э. (фаза Тиларниок) наблюдается резкое изменение в соотношении остеологических материалов. В слоях, относящихся к этой фазе, количество костей ламы значительно (примерно в 5 раз) превосходит количество костей оленя. Такое соотношение сохраняется до конца рассматриваемого периода. Во второй четверти III — начале II тысячелетия до н. э. (фаза Чупака-Ондорес) мы встречаемся уже с полной domestикацией ламы.

Такая картина вполне согласуется с моделью процесса domestикации камелидов, предложенной Дж. Уиллер и ее соавторами³². Она состоит из следующих основных ступеней: 1) специализированная охота на лам в размерах, не приводящих к их истреблению; 2) контроль за территорией обитания полудомашненных лам (образцом для авторов послужили здесь стада полудиких оленей у чукчей); 3) стадное содержание одомашненных лам, включая контроль за их скрещиванием.

Первой из упомянутых ступеней соответствует, видимо, фаза Тиларниок. Резкое увеличение процента костей лам в слоях этого времени можно связывать с переходом к специализированной охоте на комелидов. Промежуточная ступень полудомашненных

лам приходится на IV тысячелетие (фаза Келька-Уаси) — период, который Э. Уинг также считает критическим в процессе доместикации ламы.

Тогда же на памятниках Пуна-де-Хуниин появляются первые культурные растения (перец, тыква). Возможно, они были занесены на высокогорье из лежащих ниже районов, например из долины Мантаро. Это время связано и с изменением образа жизни — с появлением в Пуне открытых поселений, более или менее долговременных построек. Все сказанное позволяет считать, что именно фаза Келька-Уаси является переломным моментом в процессе становления производящей экономики в районе озера Хуниин.

Процесс завершился в середине III тысячелетия до н. э. (фаза Чупака-Ондорес), когда основой жизни населения уже были стада лам, и возможно, возделывание растений в пределах климатических возможностей высокогорья. К сожалению, картофель — важнейшее пищевое растение — и другие корнеплоды, произрастающие в этих местах, совершенно не прослеживаются археологически. Но возможность их использования исключить нельзя.

Общие и специфические аспекты «неолитической революции» в Аякучо и Хуниине

Сравнение путей, которыми протекало становление производящего хозяйства в долине Аякучо и Пуна-де-Хуниин, позволяет сделать некоторые выводы общего характера. Прежде всего обращает на себя внимание параллельность процессов в обоих районах, хотя их природные условия и связанные с ними биологические предпосылки «неолитической революции» значительно различаются.

Мне уже приходилось говорить о принципах определения границ «неолитической революции»³³ и о том, что она представляет собой ограниченный во времени, достаточно быстрый (в исторических масштабах) процесс, начинающийся не ранее того момента, когда сложился весь комплекс его предпосылок, а не с первого появления культурных растений, как обычно считается. Попытка подойти с этими мерками к материалам долины Аякучо привела к выводу о том, что здесь «неолитическая революция» проходила между рубежом V—IV — началом III тысячелетия до н. э. (фаза Чиуа).

Публикации памятников района Хуниин содержат недостаточное количество данных для выявления границ «неолитической революции». Однако указанные выше аналогии материалов фазы Келька-Уаси материалам фазы Чиуа, позволяющие более или менее синхронизировать их, и главным образом ее переломный характер дают, конечно, в предварительном порядке основание думать, что именно в это время на территории Пуна-де-Хуниин проходила «неолитическая революция». Сложившиеся в результа-

те хозяйственная система и образ жизни населения сопоставимы по уровню развития с раннеземледельческой фазой Качи в Аякучо.

Если это предположение верно, то можно считать, что временем складывания предпосылок «неолитической революции» в Хунине был период специализированной охоты на лам (согласно модели Дж. Уиллер), т. е. фаза Тиларниок. Таким образом, в обоих разбираемых районах процесс становления производящего хозяйства прошел через одни и те же основные рубежи и привел ко вполне сравнимым результатам.

Тем не менее в каждом из сравниваемых районов этот процесс имел много специфического. В Аякучо он пошел по пути перехода от охотничье-собираательской экономики к земледельческо-скотоводческой, а в Хунине, видимо, — к преимущественно скотоводческой с возможным использованием возделывания картофеля и других растений. Это вполне соответствовало природному потенциалу каждого из районов.

Географические условия долины Аякучо, включавшей ряд высотных зон с различным набором природных ресурсов, давали естественный импульс к комплексному их использованию. Сначала оно имело форму сезонных перекочевок, а позднее вылилось в установление постоянных обменных связей внутри этого замкнутого района.

Памятники Пуна-де-Хуни свидетельствуют о большей хозяйственной однородности, хотя и здесь возможны сезонные перекочевки. Лишь начиная с фазы Келька-Уаси можно говорить о начале связей с более низко расположенными районами долины Мантаро, а наверняка они установлены лишь для фазы Чупака-Ондорес. В отличие от Аякучо эти связи были направлены за пределы первоначально экономически замкнутого района.

Все вышесказанное подтверждает вывод Н. И. Вавилова о существовании внутри единого центра ряда мелких очагов становления производящего хозяйства. При этом роль природно-географической специфики конкретных районов заключается прежде всего в том, что она определяет формы хозяйственного развития в рамках единого палеоэкономического процесса.

¹ Вавилов Н. И. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина: Доклад на Дарвинской сессии АН СССР 28. XI 1939 г. // Избр. труды. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 168.

² Подробное изложение эволюции взглядов Н. И. Вавилова на проблему центров происхождения земледелия см.: Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984. С. 387–397.

³ Вавилов Н. И. Ботанико-географические основы селекции: (Учение об исходном материале в селекции) // Избр. труды. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 56; Он же. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения // Там же. С. 170.

⁴ MacNeish R. S. First annual report of the Ayacucho Archaeological-Botanical Project. Andover, 1969; MacNeish R. S., Nelken-Terner A., García Cook A. Second annual report of the Ayacucho Archaeological-Botanical

- Project. Andover, 1970; *MacNeish R. S., Patterson Th. C., Browman D. L.* The Central Peruvian prehistoric interaction sphere // Papers of the R. S. Peabody Foundation for Archaeology. Andover, 1975. V. 7.
- ⁵ Характеристику экологических зон на территории Центральных Анд см. в кн.: *Tosi J. A.* Zonas de vida natural en el Perú: Memoria explicativa sobre el Mapa ecológico del Perú // Instituto interamericano de ciencias agrícolas de la OEA. Zona Andina. Proyecto 39, Programa de cooperación técnica. Boletín técnico. Lima, 1960. N 5.
- ⁶ Название пещеры Ac 351 дано по отчетам 1969 и 1970 гг. соответственно.
- ⁷ *Hurtado de Mendoza L., Ramírez Tazza J.* Industrias líticas del valle de Palcamayo // Actas y memorias del XXXIX congreso internacional de americanistas, Lima, 1970. Lima, 1971. V. 3; *Hurtado de Mendoza L.* Paleo-Indian occupations at Junín, Perú // Actas del XLI congreso internacional de americanistas, México 2 a 7 de sept. de 1974. México, 1976. V. 3; *Matos Mendieta R.* Estudios arqueológicos en Junín - Perú // *Ibid.*; *Idem.* Prehistoria y ecología humana en las punas de Junín // Revista del Museo Nacional. Lima, 1975. T. XLI; *Lavallée D., Julien M.* El habitat prehistórico en la zona de San Pedro de Cajas. Junín // *Ibid.*; *Pires-Ferreira E., Wheeler J., Kaulicke P.* Utilización de animales durante el periodo precerámico en la cueva de Uchcuchay y otros sitios de los Andes Centrales del Perú // Actes du XLII-e Congrès International des Américanistes, Paris, 2-9 sept. 1976. P., 1977. Vol. hors-série; *Rick J. W.* Prehistoric hunters of the High Andes. N. Y. etc., 1980.
- ⁸ *Wing E.* Informe preliminar acerca de los restos de fauna de la cueva de Pachamachay en Junín, Perú // Revista del Museo Nacional. Lima, 1975. T. XLI; *Idem.* Hunting and herding in Peruvian Andes // Archaeological Studies: Pap. of the archaeol. conf. 1974, held at the Biologisch-Archaeologisch Instituut of the State University of Groningen. Amsterdam, 1975; *Flannery K. V.* La fauna de la región de Junín // Revista del Museo Nacional. Lima, 1975. T. XLI; *Wheeler J., Pires-Ferreira E.* La fauna de Cuchimachay, Acomachay A, Acomachay B, Tellarmachay y Utcó I // *Ibid.*; *Wheeler Pires-Ferreira J., Pires-Ferreira E., Kaulicke P.* Preceramic animal utilization in the Central Peruvian Andes // Science. 1976. V. 194, N 4264; *Idem.* Domesticación de los camélidos en los Andes Centrales durante el período precerámico: un modelo // Actes du XLII-e Congrès International des Américanistes, Paris, 2-9 sept. 1976. V. hors-série.
- ⁹ См., например: *Башилов В. А.* Появление культурных растений в древнейших земледельческих центрах Америки // Лат. Америка. 1980. № 5; *Он же.* Появление производящего хозяйства в Центральных Андах // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
- ¹⁰ *MacNeish R. S.* et al. Second annual report... P. 37.
- ¹¹ *Ibid.* P. 36; *MacNeish R. S.* et al. The Central Peruvian... P. 21-24.
- ¹² *MacNeish R. S.* et al. Second annual report... P. 37, 38.
- ¹³ *MacNeish R. S.* et al. The Central Peruvian... P. 26-28.
- ¹⁴ *MacNeish R. S.* First annual report... P. 31; *MacNeish R. S.* et al. Second annual report... P. 38.
- ¹⁵ *MacNeish R. S.* et al. The Central Peruvian... P. 30, 31.
- ¹⁶ *MacNeish R. S.* et al. Second annual report... P. 39.
- ¹⁷ *MacNeish R. S.* et al. The Central Peruvian... P. 35.
- ¹⁸ *Matos Mendieta R.* Prehistoria y ecología... P. 48, 49.
- ¹⁹ *Rick J. W.* Prehistoric hunters... P. 57-65.
- ²⁰ *Wheeler Pires-Ferreira J.* et al. Preceramic animal utilization... P. 483-487; *Pires-Ferreira E.* et al. Utilización de animales...
- ²¹ *Matos Mendieta R.* Prehistoria y ecología... P. 35, 36; *Idem.* Estudios arqueológicos... P. 556.
- ²² *Wheeler Pires-Ferreira J.* et al. Preceramic animal utilization... Tab. 2; *Pires-Ferreira E.* et al. Utilización de animales... Fig. 1.
- ²³ *Lavallée D., Julien M.* El habitat prehistórico... P. 94, 95.
- ²⁴ *Matos Mendieta R.* Prehistoria y ecología... P. 54-58; *Idem.* Estudios arqueológicos... P. 556, 557.
- ²⁵ *Rick J. W.* Prehistoric hunters... P. 316-322.
- ²⁶ Древнейшие слои этого памятника Д. Лавалье и М. Жульен относят к

концу докерамического периода (*Lavallée D., Julien M. El habitat prehistórico... P. 109*).

- ²⁷ В предварительном описании раскопок в Пачамачай упоминаются две даты по C-14 — 6000 лет до н. э. для слоя 10 и 5000 лет до н. э. для слоя 8. Однако точных их значений не приводится. Соотношение слоев этой пещеры с выделенными фазами тоже остается далеко не ясным. См.: *Matos Mendieta R. Prehistoria y ecología... P. 50*.
- ²⁸ *Matos Mendieta R. Estudios arqueológicos... P. 557*.
- ²⁹ Для слоя 5 в Телармачай имеется дата по C-14 — Gif-3482 4400±200 (2450 г. до н. э.).
- ³⁰ *Wheeler J., Pires-Ferreira E. La fauna... Cuad. 5. P. 125*.
- ³¹ *Wing E. Hunting and herding... Tab. 1. P. 306*. Нужно иметь в виду, что расчеты Э. Уинг делались по минимальному числу особей и за 100% бралось только число лам. Но тем более доказательно общее совпадение ее результатов с данными Дж. Уиллер и ее соавторов, опиравшихся на простое соотношение количества костей.
- ³² *Wheeler Pires-Ferreira J. et al. Precegeramic animal utilization... P. 487—489; Idem. Domesticación de los camélidos... Дж. Рик высказал мнение о том, что население Пуна-де-Хуни продолжало оставаться охотничьим вплоть до середины II тысячелетия до н. э. и лишь во второй половине этого тысячелетия здесь, возможно, появилось пастушеское ламоводство. Поскольку в рамках данной статьи нет возможности подробно разбирать аргументы сторон дискуссии, я отсылаю читателя к материалам полемики по книге Дж. Рика: *MacNeish R. S. Rev.: John W. Rick. Prehistoric hunters of the High Andes. N. Y., 1980 // Amer. Sci. 1980. V. 68, N 6; Paterson Th. C. Rev.: John W. Rick. Prehistoric hunters of the High Andes. N. Y., 1980 // Amer. Anthropol. 1981. V. 83, N 3; Wheeler J. Rev.: John W. Rick. Prehistoric hunters of the High Andes. N. Y., 1980 // Amer. Antiquity. 1984. V. 49, N 1; Rick J. W. Punas, pundits and archaeology // Ibid.**
- ³³ *Башилов В. А. Общие закономерности и специфика «неолитической революции» в Перу // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979. С. 107, 108; Он же. Периодизация и темпы исторического процесса «неолитической революции» на Переднем Востоке и в Новом Свете // Археология Средней Азии и Ближнего Востока: II Сов.-амер. симпоз.: Тез. докл. Самарканд, 8—12 сент. 1983 г. Ташкент, 1983; Он же. Темпы исторического процесса в важнейших центрах «неолитической революции» Нового и Старого Света // Исторические судьбы американских индейцев: Проблемы индеанистики. М., 1985.*

МЕЗОАМЕРИКАНСКИЙ ОЧАГ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ (проблемы формирования)

В. А. Шнирельман

В науке давно высказывалась догадка о том, что в Мексике и Центральной Америке располагался один из важнейших очагов сложения вначале земледелия, а затем и цивилизации в доколумбовой Америке¹. Эта гипотеза обрела твердую научную почву благодаря широким биогеографическим исследованиям, в которых активно участвовали и советские ботаники под руководством Н. И. Вавилова². Однако лишь в течение последних десятилетий были проведены археологические раскопки, открывшие возможность придать процессу становления земледелия до-

статочны четкие пространственно-временные рамки. Результаты этих работ неоднократно обсуждались, и многие авторы привлекали их для детального анализа процесса формирования древнейшего земледелия и его внутренних механизмов³. Вместе с тем характер растительных остатков, найденных на древнейших мезоамериканских памятниках, их хронологическое положение и культурно-историческое значение по-разному оцениваются как палеоботаниками, так и археологами. Это заставляет еще раз вернуться к фактологической основе современных представлений о процессе становления земледелия в Мезоамерике.

В американистике издавна дискутируется проблема о том, где впервые появилось древнее земледелие — в низменностях или в горах и было ли оно основано соответственно на разведении маниока (Э. Пейн, К. Соэр и др.)⁴ или маиса (П. Мангелсдорф, Р. Макнейш, К. Флэннери и др.)⁵.

Современные данные о географии важнейших культурных растений и их диких сородичей показывают, что биологические предпосылки для возникновения земледелия имелись в Мезоамерике и в горных районах, и в низменностях. К сожалению, проблема древних ареалов предков культурных растений остается в американистике практически неизученной. Между тем хорошо известно, что границы этих ареалов в прошлом не являлись постоянными как из-за климатических колебаний, так и благодаря человеческой деятельности. Особенно важным рубежом явился переход от плейстоцена к голоцену, завершившийся 10 000 лет назад и значительно видоизменивший облик нашей планеты. Его последствия проявились и в Мезоамерике, где на рубеже VIII—VII тысячелетий до н. э. наступила более теплая и влажная климатическая фаза, а вместе с ней сложились и современные природные условия⁶. Так как подавляющее большинство полезных растений были введены в культуру в течение голоцена, представляется правомерным руководствоваться данными о современных границах расселения их диких сородичей. Разумеется, эти границы и на протяжении голоцена могли колебаться. Судя по данным, полученным из горных долин Мексики, в V—IV тысячелетиях до н. э. там наблюдался мягкий влажный климат, а в III тысячелетии до н. э. — сложились более засушливые условия, причем в некоторых районах на рубеже II—I тысячелетий до н. э. было еще суше, чем ныне⁷. Однако дихотомия горы/низменности в целом сохраняла свое значение, так как на распространение отдельных видов флоры влияли также топография, близость океана, господствующие ветры и т. д. (рис. 6).

Наибольшее число древних растительных остатков было обнаружено в долине Теуакана на юге мексиканского штата Пуэбла⁸. Эта долина лежит в горах на высоте 1500—1700 м, и сейчас здесь наблюдается сухой жаркий климат. При раскопках пещеры Кошкатлан и некоторых других памятников археологи обнаружили остатки более 25 видов различных растений, как диких, так и культурных; что дает возможность детально проследить про-

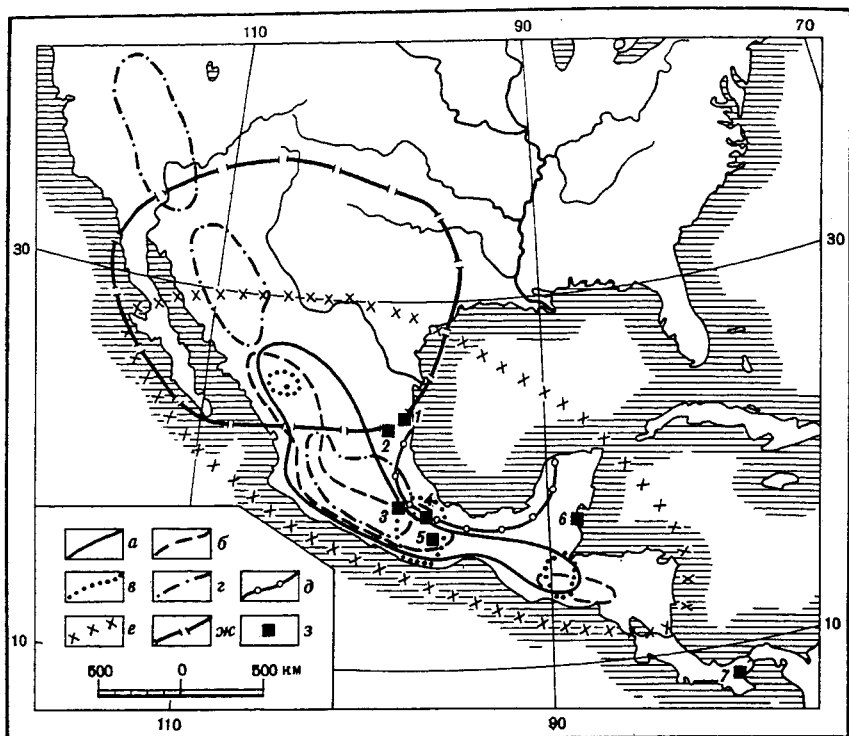

Рис. 6. Центры происхождения и ареалы распространения древнейших культурных растений Мезоамерики

а — теосинте (*Zea mexicana*); б — фасоль обыкновенная (*Phaseolus vulgaris*); в — амарант (*Amaranthus cruentus*); г — амарант (*A. hypochondriacus*); д — хлопчатник (*Gossypium hirsutum*); е — перец обыкновенный (*Capsicum annuum*); ж — кабачок (*Cucurbita pepo*)

Археологические памятники (з): 1 — пещеры Сьерра-де-Тамалипас; 2 — пещеры Сьерра-Мадре; 3 — Зоапилько; 4 — Кошкатлан; 5 — Гила-Накиц; 6 — Куэлько; 7 — Куэва-де-лос-Ладронес

цесс становления земледелия. Одной из древнейших находок являлись маленькие початки маиса, которые фиксировались в пещере Кошкатлан с конца VI тысячелетия до н. э. Первоначально они были отнесены к дикому маису, но в последние годы это определение все чаще оспаривается. Дело в том, что происхождение маиса окончательно не установлено и П. Мангелсдорф, изучавший теуаканские початки, исходил из представления о существовании дикого маиса⁹. Однако в последние годы у ботаников крепнет убеждение, что дикого маиса никогда не существовало, а культурный маис возник в результате мутации местной мексиканской травы теосинте¹⁰. Если П. Мангелсдорф подчеркивал отличия древнейшего теуаканского маиса от теосинте, то его

ученик У. Гейлинет пишет о сходстве теуаканской находки с гибридом маиса и теосинте, а Дж. Бидл видит в нем переходную форму от теосинте к маису. Другие специалисты (Б. Пикерсгилл, Ч. Хейзер, К. Флэннери и др.) также склонны считать теосинте предком маиса¹¹. Все это имеет первостепенное значение для изучения истории древнего мезоамериканского земледелия, так как крупные зерна пыльцы, которые ранее приписывались дикому маису, теперь следует рассматривать как возможное свидетельство его ранней культивации.

В настоящее время долина Теуакана лежит восточнее ареала теосинте. Из этого и исходит У. Гейлинет, считая, что, будучи принесен человеком в новую обстановку, теосинте мог быстро преобразиться в маис в силу эффекта генетического дрейфа и изоляции. В последующем благодаря искусственному отбору маис еще более видоизменился, и во второй половине IV — первой половине III тысячелетия до н. э. в долине Теуакана появился тот его вид, который является родоначальником примитивных рас Чапалоте и Наль-Тель, до сих пор встречающихся на крестьянских полях в Мезоамерике. К этому периоду относятся и первые свидетельства гибридизации маиса с западномексиканской травой *Tripsacum*, которая отсутствует в долине Теуакана, что указывает на определенную роль западных связей. Все перечисленные ранние виды маиса отличались малой урожайностью. По расчетам специалистов, самый ранний теуаканский маис давал не более 60—80 кг/га, к 3000 г. до н. э. его урожайность поднялась до 90—120 кг/га, и лишь в первой половине II тысячелетия до н. э. появились разновидности, дававшие по 200—250 кг/га¹².

В долине Теуакана рано начали разводить тыквы, однако в точности неизвестно, когда это произошло. Самые ранние надежные данные о мускатной тыкве (*Cucurbita moschata*) относятся к III тысячелетию до н. э. Находки из нижележащих слоев пещеры Кошкатлан, по мнению К. Флэннери, не внушают доверия, хотя Т. Уайтейкер, основываясь на них, и датирует интродукцию этих тыкв V—IV тысячелетиями до н. э.¹³ Сложен вопрос и с другим видом тыквенных — *C. mixta*. По сообщению Т. Уайтейкера, указанный вид присутствовал в долине Теуакана еще до 5200 г. до н. э. К. Флэннери и другим авторам это кажется сомнительным; по их мнению, *C. mixta*, безусловно, разводилась здесь с рубежа IV—III тысячелетий до н. э., а более ранние даты требуют проверки¹⁴.

В публикациях материалов из долины Теуакана в качестве одного из самых ранних культурных растений фигурировала тыква обыкновенная (*C. pepo*). Эти данные показались некоторым авторам не вполне надежными, и сейчас вслед за ними Т. Уайтейкер датирует начало ее культивации II тысячелетием до н. э. Перечисленные виды тыквенных представляют интерес и потому, что в настоящее время в долине Теуакана они не встречаются. Тыква обыкновенная, хотя и может расти в горах, тяготеет к се-

верной Мексике, а мускатная тыква и *C. mixta* обитают преимущественно в низменностях, причем первая — в южной Мексике, а вторая — в северной¹⁵. Как бы то ни было, эти растения могли проникнуть в долину Теуакана только с человеком и уже в окультуренном виде. Ранние тыквенные имели деревянистый околоплодник и в целом были несъедобны. Их разводили главным образом для производства посуды, хотя иногда питались их семечками. Интересно, что древнейшие остатки тыквенных в копролитах датируются III тысячелетием до н. э., что соответствует приведенным выше данным.

Особый вид тыкв, который во многих районах мира издавна разводился для производства посуды, — горлянка (*Lagenaria siceraria*). Ее происхождение неизвестно, а в долину Теуакана она была занесена откуда-то извне на рубеже VI—V тыс. до н. э.

В Мексике были введены в культуру несколько видов фасоли. Важнейший из них — фасоль обыкновенная (*Phaseolus vulgaris*). Ее древнейшие остатки обнаружены в пещере Кошкатлан в слое, датированном 4000 г. до н. э. К. Флэннери считает эту находку не вполне надежной. Но и он признает, что фасоль обыкновенная уже произрастала в долине Теуакана к концу IV тысячелетия до н. э. Все же вполне достоверной может считаться и более ранняя дата, так как остатки фасоли были встречены также в копролитах, происходящих из слоев V — первой половины IV тысячелетия до н. э. Не вполне ясно, является ли эта фасоль дикой или культурной. Определявший ее Л. Каплан поначалу считал ее культурной, но позже высказал определенные колебания. Судя по одной из последних его работ, безусловно, культурная фасоль обыкновенная выращивалась в долине Теуакана лишь с рубежа н. э.¹⁶ Как бы то ни было, основная масса находок фасоли датируется I тысячелетием н. э. На более ранних памятниках остатки фасоли встречались лишь в единичных случаях, и там она, по-видимому, не имела большого хозяйственного значения.

Полагая, что ареал диких фасолей локализуется в западной Мексике и Гватемале, археолог Р. Макнейш считал теуаканскую фасоль интродуцированной со стороны¹⁷. Однако ботаник Л. Каплан, специально занимавшийся этой культурой, включает долину Теуакана в ареал ее диких видов. Следовательно, она могла быть окультурена здесь на месте. Однако, если это так, кажется странным полное отсутствие фасоли в ранние периоды и малочисленность ее остатков вплоть до начала I тысячелетия н. э.

По-видимому, одновременно с фасолью обыкновенной обитатели долины Теуакана начали использовать и фасоль тепари (*Ph. acutifolius*), многочисленные остатки которой были обнаружены в слое конца IV тысячелетия до н. э. в пещере Кошкатлан. Сейчас это растение в диком и культурном состояниях широко распространено в северных и западных районах Мексики, где, видимо, и произошла его domestикация. Два других вида фасо-

лей — многоцветковая (*Ph. coccineus*) и лима (*Ph. lunatus*) — появились в долине Теуакана поздно (соответственно к 250 г. до н. э. и к 1450 г. н. э.). Это вызывает некоторое удивление, так как оба вида широко представлены в горах Мексики. Они вполне могли использоваться местными обитателями задолго до указанного времени. Сложность определения фасоли с памятников Теуакана состоит в том, что здесь на протяжении тысячелетий не фиксировалось никаких изменений размеров зерен, обычно сопутствующих доместикации. Л. Каплан объясняет это тем, что увеличение размеров зерен могло произойти в Мексике еще до 5000 г. до н. э. в условиях интенсивного собирательства. Исходя из такой логики все теуаканские находки должны относиться к культурной фасоли, однако, как признает сам Л. Каплан, специалисты еще слабо представляют облик дикой фасоли. Поэтому вопрос о состоянии фасолей остается открытым.

Еще одним зернобобовым, которое начали использовать достаточно рано, является канавалия (*Canavalia* sp.). В настоящее время ее дикие сородичи обитают в основном в Южной Америке, но кое-где встречаются и в Мезоамерике. Это влаголюбивые растения, ареал которых тяготеет к низменностям и предгорьям, расположенным у морских побережий. Ее дикий предок, *C. brasiliensis* появился в долине Теуакана в первой половине III тысячелетия до н. э., куда попал, по-видимому, откуда-то с востока¹⁸.

В качестве зернового растения обитатели долины Теуакана широко использовали амарант, или щирицу. В Северной Америке выращивали два вида амаранта — багряный (*Amaranthus cruentus*) и *A. hypochondriacus*. В соответствии с ареалами их диких видов первый из них мог быть окультурен в центральной Мексике, а второй — в горных пустынях и каньонах Западных Кордильер. Действительно, зерна амаранта регулярно встречались на памятниках Теуакана с VI тысячелетия до н. э. Р. Макнейш считает, что его выращивали здесь с самого начала, однако, по мнению специалистов-ботаников, древнейший культурный амарант появился лишь в IV—III тысячелетиях до н. э. Это был местный амарант багряный. Другой вид (*A. hypochondriacus*) занесен сюда с северо-запада значительно позже — в конце I тысячелетия до н. э. или в середине I тысячелетия н. э.¹⁹ По размерам зерен дикие и культурные разновидности не отличаются, их можно дифференцировать лишь по цвету, поэтому очень трудно судить о начале культивации амаранта по археологическим находкам.

Большую роль в хозяйстве местного населения на ранних этапах играло просяное растение — щетинник (*Setaria macrostachya*). Его остатки регулярно встречались на памятниках VII — первой половины IV тысячелетия до н. э., составляя до 70—77% флоры, обнаруженной в копролитах этого времени. В дальнейшем пищевое значение щетинника резко сократилось (до 14% в копролитах). По мнению С. Смита и Э. Коллена, он мог быть

одним из самых древних растений, выращивавшихся в долине Теуакана, однако здесь щетинник так и не превратился в настоящее культурное растение, будучи рано вытеснен маисом и некоторыми другими более урожайными видами флоры²⁰. Никаких изменений в размерах зерен щетинника на протяжении тысячелетий в долине Теуакана не наблюдалось. Поэтому, считая малонадежными подсчеты пищевого рациона по копролитам, Р. Макнейш сомневается в том, что щетинник могли когда-либо выращивать²¹. Как бы то ни было, по крайней мере в дождливые годы люди могли собирать значительные урожаи щетинника, тем самым разнообразя свой рацион. Однако по пищевым качествам это растение проигрывало многим другим зерновым и зернобобовым и не имело шансов прочно закрепиться в культуре²².

Остатки перца (*Capsicum annuum*) известны в долине Теуакана со второй половины VI тысячелетия до н. э. Морфологически его ранние образцы относятся к дикой разновидности. Дикий перец широко распространен в Мезоамерике, однако, по мнению С. Смита, он не мог расти в природных условиях долины Теуакан без помощи человека. Действительно, дикий перец не вынес бы нынешних засушливых условий долины, но он хорошо чувствовал себя на лесистых склонах гор, окружающих ее. Кроме того, как отмечалось выше, в раннем и среднем голоцене климат в горах мог быть более влажным. Тем самым вопрос о начале культивации перца остается открытым. Возможно, он был окультурен к 4000 г. до н. э., когда по облику уже напоминал современный вид²³. Однако, по мнению некоторых палеоботаников (Ч. Хейзера и Б. Пикерсгилл), безусловно, культурный перец появился здесь только в I тысячелетии до н. э.²⁴

Жители долины Теуакана с ранних пор активно использовали плодовые деревья. Древнейшие находки, происходящие с памятников VII—VI тысячелетий до н. э., включают остатки плодов авокадо (*Persea americana*). Авокадо — влаголюбивое растение, и сейчас в долине Теуакана оно не могло бы расти без помощи человека. Вот почему отдельные авторы включают его в список ранних культивируемых растений. Впрочем, как и перец, авокадо могло в глубоком прошлом расти в долине Теуакана и в диком виде. Поэтому нелегко определить момент, когда оно стало культурным растением. Р. Макнейш считает, что уже в VII—VI тысячелетии до н. э. размеры косточек авокадо значительно варьировали, и это как будто бы говорит о начале культивации. Б. Берг предполагает, что искусственный отбор на крупные плоды начался только 6000 лет назад. А по мнению К. Флэннери, культурная крупноплодная разновидность возникла лишь к середине II тысячелетия до н. э.²⁵

С VII тысячелетия до н. э. обитатели долины использовали и фрукты чупандильи (*Cyrtocarpa proserpa*). Много косточек ее плодов найдено в слоях V—IV тысячелетий до н. э., и С. Смит предполагает, что тогда ее могли выращивать. Этому будто бы соответствует постепенное увеличение размеров косточек. На про-

тяжении всех исторических периодов, начиная с самого раннего, люди собирали и плоды мексиканской сливы — хокоте (*Spondias mombin*), остатки которых особенно многочисленны на памятниках V—IV и рубежа III—II тысячелетий до н. э.

В первой половине IV тысячелетия до н. э. обитатели долины Теуакана использовали плоды белой (*Casimiroa edulis*) и черной (*Diospyros digyna*) сапоты. Сейчас эти два влаголюбивых вида не растут в долине, и, как отмечают С. Смит и Р. Макнейш, могли быть занесены сюда из более влажных районов. Однако оба они здесь не привились и в более поздние периоды уже не встречались.

С VII—VI тысячелетий до н. э. в долине Теуакана широко использовали в пищу съедобные части (плоды, листья или стебли) таких растений, как туна (кактус рода *Opuntia*), магей (*Agave* sp.), альгароба (*Prosopis juliflora*). Они имели большое значение на ранних этапах развития до V—IV тысячелетий до н. э. С. Смит и Э. Коллен высказывают догадку, что именно с выращивания этих растений в долине Теуакана началось земледелие. Более осторожен Р. Макнейш, справедливо указывающий на легкость их сбора в долине, где они и ныне встречаются в диком состоянии. Для собирателей и ранних земледельцев туна и магей должны были представлять особый интерес, так как это единственные местные растения, которые давали человеку пищу в сухой сезон²⁶. Остатки в копролитах неопровержимо свидетельствуют об их пищевом использовании в самые ранние периоды.

Одним из волокнистых растений, вошедших в культуру в Мезоамерике, был хлопчатник-упланд (*Gossypium hirsutum*). Он мог быть окультурен только в южной Мексике в районе залива Кампече, где есть его дикие сородичи²⁷. Древнейшие находки остатков хлопчатника происходят из слоя пещеры Кошкатлан, датированного серединой VI тысячелетия до н. э. Однако в месте их обнаружения стратиграфическая картина была нарушена позднейшими перекопами. Поэтому более надежной датой появления хлопчатника считается последняя треть IV тысячелетия до н. э., когда соответствующие данные происходят сразу из двух пещер — Кошкатлан и Сан-Маркос. Впрочем, стратиграфическое положение этих находок тоже не вполне ясно. Первые хлопчатобумажные изделия (веревки и т. д.) происходят только из слоев второй половины II тысячелетия до н. э. Ясно, что хлопчатник был интродуцирован в горы с востока.

В I тысячелетии до н. э. в долине Теуакана появились три новых растения. Остатки двух из них зафиксированы только в копролитах. Это маниок (*Manihot* sp.) и физалис (*Physalis* sp.). Маниок — влаголюбивое растение, тяготеющее к невысоким предгорьям, однако некоторые его дикие разновидности прекрасно уживаются и в горах, если там для них хватает влаги. Происхождение маниока до сих пор остается неизвестным, однако предполагается, что его сладкая разновидность могла быть вы-

ведена в Мезоамерике, где встречается не менее десятка его диких сородичей. К сожалению, теуаканский маниок не получил видового определения, поэтому говорить о его происхождении или связи с земледелием затруднительно. Впрочем некоторые авторы даже саму эту находку считают спорной²⁸. Что же касается физалиса, то это высокогорное растение, тяготеющее к высоте 2300 м над уровнем моря, откуда оно и могло попасть в долину Теуакана. Большой роли в мезоамериканском земледелии физалис никогда не играл. Третьим растением была древесная тыква (*Crescentia cujete*), происходившая из влажных тропических низменностей, с жителями которых горцы уже поддерживали оживленные контакты.

В литературе неоднократно поднимался вопрос о древних связях между земледельцами Мезоамерики и Южной Америки. Единственный, безусловно, южноамериканский вид — арахис, или земляной орех (*Arachis hypogaea*) — появился в долине Теуакана только в I тысячелетии н. э. и не оказал существенного влияния на развитие местного земледелия. К этому же времени относятся и древнейшие остатки гуайявы (*Psidium guajava*), которая в диком виде встречается и в Мезоамерике, и в Южной Америке. Но начиная с I тысячелетия до н. э. в Мезоамерику проникали южноамериканские расы маиса, что ощущалось и в долине Теуакана.

У. Брей предпринял попытку классифицировать растения, обнаруженные в долине Теуакана, в зависимости от места их обитания и оценить их роль в становлении земледелия²⁹. Приведенные выше данные в целом, за редкими исключениями, подтверждают его выводы. Первоначально на протяжении VII—VI тысячелетий до н. э. жители долины Теуакана использовали только местные растения, обитающие в самой долине или на склонах примыкающих к ней гор (магей, туна, альгароба, щетинник, чупандилья, мексиканская слива, перец, амарант багряный и, возможно, фасоль обыкновенная). Первые надежные данные о культивации растений начали появляться с конца VI тысячелетия до н. э., причем среди древнейших культур встречались как местные виды (амарант, перец и, возможно, фасоль обыкновенная, авокадо и чупандилья), так и интродуцированные из других горных районов (маис, в том числе гибридизированный с *Tripsacum*, фасоль тепари, белая и черная сапота, и, видимо, тыква обыкновенная). Видов, заимствованных из предгорий и низменностей, было гораздо меньше, и они попали в долину Теуакана позже; мускатная тыква и *S. mixta* — в III тысячелетии до н. э., хлопчатник — в конце IV тысячелетия до н. э. или в середине II тысячелетия до н. э., канавалия — в первой половине III тысячелетия до н. э., гуайява — в I тысячелетии н. э.

Как эти данные соотносятся с материалами, полученными из других районов Мексики и Центральной Америки? К югу от долины Теуакана также в южной Мексике расположена долина Оахаки. По природной обстановке она напоминает долину Теуа-

кана: лежит на высоте 1550 м над уровнем моря, осадки здесь составляют 500—700 мм в год. Долина Оахаки интересна тем, что она входит в ареал теосинте, хотя и располагается на самой его окраине. Поэтому особый интерес представляют растительные остатки, обнаруженные в пещере Гила-Накиц на высоте 1926 м над уровнем моря в слоях IX—VIII тысячелетий до н. э. С помощью палинологического анализа Дж. Шонветтер определил наличие пыльцы тыквенных и маиса или теосинте и зафиксировал постепенный рост ее размеров от нижележащих слоев к вышележащим. Наряду с рядом других наблюдений это дало ему право писать о культивации маиса и каких-то тыквенных³⁰. В отношении тыквенных это полностью подтвердилось. В самом нижнем слое были обнаружены остатки тыквы обыкновенной (*C. pepo*), а выше — в слоях второй половины VIII тысячелетия до н. э. — наряду с ними встретились и остатки тыквы горлянки. В обоих случаях было зафиксировано увеличение размеров зерен, что недвусмысленно свидетельствовало о культивации³¹. Так как в отношении тыквенных палинологические и палеоботанические выводы полностью совпали, можно полагаться и на надежность заключения о начале культивации маиса. Это следует особенно подчеркнуть, ибо в целом специалисты до сих пор не выработали бесспорных критериев отличия пыльцы маиса и теосинте. Данные из Гила-Накиц подтверждают гипотезу У. Гейлинета о том, что маис мог попасть в долину Теуакана уже в культурном или полукультурном виде, а туда был принесен с юга, где в предшествующее время произошло превращение теосинте в маис³². В долине Оахаки пыльца маиса или теосинте была обнаружена и на открытой стоянке Гео-Ших, датированной V тысячелетием до н. э.

Находка холодолюбивой тыквы обыкновенной в долине Оахаки еще раз подтверждает, что в IX—VIII тысячелетиях до н. э. климат в Мексике был холоднее и суше. Вместе с тем это позволяет заново оценить «сомнительные» данные о ее культивации в долине Теуакана в ранний период. Так как окультуренные маис и горлянка появились здесь на рубеже VI—V тысячелетий до н. э., то вместе с ними сюда могла попасть и окультуренная тыква обыкновенная. Напротив, ее дикая разновидность вряд ли прижилась бы в жарких условиях долины Теуакана.

Иначе обстоит дело с фасолью. В пещере Гила-Накиц в слоях рубежа VIII—VII тысячелетий до н. э. было встречено много ее остатков, но все они относились к дикой разновидности. Дикая фасоль встречалась здесь вплоть до 900 г. н. э., когда в долине Оахаки впервые широко распространилась культурная фасоль обыкновенная³³. Тыква фиголистная (*C. ficifolia*) и тыква *C. mixta* начали разводиться в долине тоже только в течение I тысячелетия н. э. К концу этого периода здесь появилась культурная фасоль-канавалия.

Подобно теуаканскому населению, обитатели долины Оахаки в древнейший период широко использовали желуди, сосновые

орешки, дикий лук, а также плоды каркаса, альгаробы, туны, магей и т. д.³⁴

Таким образом, в раннеземледельческий период набор культурных растений в долине Оахаки был довольно беден. В первой половине I тысячелетия до н. э. здесь выращивали в основном маис и, возможно, авокадо. Культурная фасоль встречалась, но крайне редко. Поэтому в питании населения большую роль продолжали играть дикie растения: марь, амарант, магей, некоторые плодовые деревья и т. д.³⁵

К северо-западу от долины Теуакана лежит другая горная долина с иными природными условиями. Это — долина Мехико, расположенная на высоте 2200 м, благодаря чему там всегда отмечался более мягкий климат. В V тысячелетии до н. э. долина и примыкающие горные склоны были покрыты влажными лиственными лесами и осадки в этом озерно-речном районе достигали 1400 мм в год. При раскопках в пещере Зохапилько³⁶ в слое V тысячелетия до н. э. были обнаружены зерна и пыльца мари (*Chenopodium* sp.), амаранта (видимо, *Amaranthus hypochondriacus*), физалиса (*Physalis* sp.), портулака (*Portulaca* sp.) и теосинте (*Zea mexicana*). Все эти виды и ныне представлены в местной флоре. Особенно следует отметить, что долина Мехико расположена на восточной окраине ареала теосинте. Здесь до сих пор встречается его крупнозерная разновидность, древнейшие остатки которой и зафиксированы на стоянке Зохапилько, где люди поселились 7 тыс. лет назад³⁷. Среди находок в раннем слое пещеры Зохапилько тыквенные представлены всего одним зерном, не получившим точного видового определения. Никаких твердых оснований для утверждения о наличии земледелия эти материалы не дают.

Зато в следующий период (2300—1800 гг. до н. э.) обитатели пещеры Зохапилько уже, безусловно, занимались земледелием. В это время отмечался рост размеров пыльцы *Zea*, что свидетельствует о культивации маиса. По мнению автора раскопок Ч. Нидербергер, тогда же появились такие культурные растения, как перец обыкновенный (*Capsicum annuum*), амарант (*A. hypochondriacus*, или *A. leucocarpus*) и физалис (*Physalis* sp.). Правда, культивация амаранта и физалиса ставится некоторыми специалистами под сомнение³⁸. Однако появление этих видов в долине Теуакана во второй половине I тысячелетия до н. э., куда они попали, вероятно, именно из долины Мехико, свидетельствует о том, что к середине I тысячелетия до н. э. они уже, безусловно, выращивались. Кстати, ботаники давно предполагали, что родиной культурного физалиса была долина Мехико³⁹.

Обитатели пещеры Зохапилько в поздний период использовали также какие-то тыквы (*Cucurbita* sp.), чайот (*Sechium edule*) — вид из разряда тыквенных, а также масличное растение чиа (*Salvia chia*). Среди перечисленных культур нет ни одной, которая была бы занесена сюда извне.

В раннеземледельческих поселках долины Мехико на рубеже

II—I тысячелетий до н. э. выращивали мелкопочаточный лопающийся маис типа Чапалоте или Наль-Тель и фасоль (видимо, *Ph. vulgaris*), причем фасоль встречалась гораздо реже маиса⁴⁰.

Данные о раннем земледелии были получены также из северо-восточной Мексики, где в штате Тамаулипас археологи раскопали несколько пещерных стоянок (Ромеро, Ла-Перра и др.), расположенных в сухих горах на высоте 1500 м⁴¹. Этот район находится вдали от ареалов диких сородичей многих культурных растений. Поэтому появление здесь остатков таких растений независимо от их морфологических характеристик может свидетельствовать об их культивации. Пещеры Тамаулипаса лежат далеко к востоку от современного ареала теосинте и трипсакума, и маис стали разводить здесь относительно поздно. В пещере Ла-Перра в слое середины III тысячелетия до н. э. были обнаружены початки, напоминающие расу Наль-Тель. Несколько позже (2350—1850 гг. до н. э.) маис стали культивировать и обитатели пещер каньона Инфернильо. Там древнейшие початки обнаружили сходство с расой Чапалоте. В этих же пещерах в слоях II тысячелетия до н. э. найдены остатки теосинте и трипсакума, а к третьей четверти II тысячелетия до н. э. относились початки маиса с яркими признаками гибридизации с теосинте⁴². Маис вместе со своими спутниками (теосинте и трипсакум) был принесен сюда с запада или юго-запада и уже сильно отличался от своего дикого предка.

Наиболее древним из тыквенных, найденных в пещерах Тамаулипаса, являлась тыква обыкновенная (*C. pepo*), известная здесь с VII—VI тысячелетий до н. э. Она могла расти в северо-восточной Мексике в диком виде. Ее остатки, встреченные в самых ранних слоях, происходят от очень маленьких плодов, тогда она, видимо, еще не была полностью окультуренной. О культивации надежно свидетельствует появление нескольких разновидностей тыквы обыкновенной в первой половине II тысячелетия до н. э. Она могла быть окультурена здесь в V—III тысячелетиях до н. э., но судя по более ранним находкам в пещере Гила-Накиц не следует исключать и вероятности ее интродукции с юго-запада.

В пещерах Тамаулипаса были найдены остатки еще двух видов тыквенных — мускатной тыквы (*C. moschata*) и *C. mixta*. Первая занесена сюда, безусловно, с юга, во второй или, возможно, первой половине II тысячелетия до н. э. Более ранняя дата, приведенная в недавней статье Т. Уайтейкера, несомненно, ошибочна⁴³. *C. mixta* появилась только в I тысячелетии н. э., что вызывает удивление, так как в диком виде она встречалась в северной Мексике. Как бы то ни было, оба эти вида тыкв представлены крайне немногочисленными находками и большой роли в местном хозяйстве, очевидно, не играли. Тыква-горлянка обнаружена в некоторых пещерах в слоях VII—VI тысячелетий до н. э.

Самая ранняя находка бобовых в пещерах Тамаулипаса принадлежит многоцветковой фасоли (*Phaseolus coccineus*). Ее зерна здесь собирали с VII—VI тысячелетий до н. э., но никаких попыток культивации не предпринимали. Шелуха фасоли обыкновенной (*Ph. vulgaris*) впервые появилась в слоях IV—III тысячелетий до н. э., однако вплоть до начала н. э. ее остатков было крайне мало⁴⁴. Таким образом, с уверенностью можно говорить о широком выращивании фасоли лишь со II в. н. э. Обычай ее разведения пришел сюда с запада или юго-запада. С канавалией обитатели пещер Тамаулипаса познакомились незадолго до испанского завоевания. Во второй половине III тысячелетия до н. э. здесь впервые появился амарант, родина которого расположена к юго-западу отсюда. В слоях VII—VI тысячелетий до н. э. в некоторых пещерах были обнаружены семена, принадлежавшие, по предварительному определению, перцу обыкновенному (*Capsicum annuum*). Их наличие было бы неудивительно, так как перец рос в северной Мексике в диком виде. Однако, по мнению С. Смита, он появился здесь не так рано⁴⁵.

В I тысячелетии н. э. в северо-восточной Мексике началось разведение подсолнечника и табака, что уже говорит о связях с более северными районами.

В ранний период большую роль в местном хозяйстве, как и в долине Теуакана, играли туна (*Opuntia* sp.), магей (*Agave* sp.), некоторые другие зерновые и орехоплодные, а также щетинник (*Setaria* sp.). Особенно велико было значение щетинника, который в IV—III тысячелетиях до н. э. являлся едва ли не главным зерновым растением и судя по анализу копролитов служил одним из важнейших видов пищи. Отдельные встреченные зерна отличались особенно крупными размерами, и, как считает Э. Коллен, местные жители могли выращивать щетинник до появления здесь майса⁴⁶.

Наконец, определенный интерес представляет маниок. Остатки его листа и семечко удалось обнаружить в слоях первой половины I тысячелетия до н. э. Некоторые специалисты приписывают эти остатки сладкому маниоку (*Manihot esculente*), в диком виде неизвестному⁴⁷. Однако район Тамаулипаса входит в ареал диких маниоков, и по определению С. Смита, рассматриваемые образцы относятся к одному из них⁴⁸.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. население Тамаулипаса начало разводить хлопчатник, запесенный сюда, несомненно, с юга.

Сопоставление данных, полученных из пещер северо-восточной Мексики, с материалами из горных долин центральной и южной Мексики показывает, что первые, безусловно, лежали вне первичного центра становления земледелия. Местное население рано начало использовать местную форму (тыкву обыкновенную, многоцветковую фасоль, туну, магей, щетинник, перец и др.), но ни об одном из этих растений нельзя с уверенностью сказать, что именно в ранний период оно было окультурено. Растения,

составившие основу местного земледелия (маис и его спутники, фасоль обыкновенная и, возможно, амарант), появились здесь лишь в III тысячелетии до н. э. и были интродуцированы со стороны — из горных долин, лежащих на юго-западе.

Как и в долине Теуакана, растения, окультуренные в низменностях, попали сюда относительно поздно: мускатная тыква, происходящая с юга, — по-видимому, во II тысячелетии до н. э., хлопчатник — во второй половине II тысячелетия до н. э., а *S. mixta* и канавалия — значительно позже.

Территория Панамы лежала в Центральной Америке вне основного очага сложения земледелия, и многие происходящие отсюда находки говорят о распространении земледелия вширь. Особый интерес представляют работы в пещере Куэва-де-лос-Ладронес, расположенной у побережья Тихого океана на высоте 350 м. В докерамических слоях здесь были обнаружены фитолиты и пыльца маиса, свидетельствующие о его разведении по меньшей мере с V—III тысячелетий до н. э.⁴⁹ С этой точки зрения заслуживают внимания результаты палинологического анализа, проведенного 20 лет назад в зоне Панамского канала. Тогда найденные здесь крупные зерна пыльцы, датированные концом VI—V тысячелетием до н. э., были отождествлены с диким маисом⁵⁰. Однако если исходить из гипотезы о происхождении маиса от теосинте и учесть данные о доместикации маиса в долине Оахаки в VIII тысячелетии до н. э., можно предполагать, что разведение маиса в Панаме могло начаться еще в конце VI—V тысячелетия до н. э. Как бы то ни было, недавно были получены новые данные, судя по которым в районе Панамского канала маис разводили на рубеже IV—III тысячелетий до н. э.

Древнейшие початки маиса, остатки фасоли обыкновенной и тыквы были встречены в Панаме на западном побережье и в долине р. Санта-Мария на памятниках второй половины I тысячелетия до н. э. Аналогичная картина наблюдалась в то время и в горах западной Панамы на высотах 1200—2000 м⁵¹. Местный маис имел еще примитивный облик и напоминал расы Чапалоте и Наль-Тель. В горных поселках были встречены и косточки плодов авокадо.

Пальцевые данные из зоны Панамского канала дают также интересную информацию о культивации клубнеплодов. Начиная со слоя, датированного концом II тысячелетия до н. э., здесь регулярно фиксировалась пыльца ипомеи (*Promoea* sp.), вид которой, к сожалению, определить не удалось. А в слое II в. н. э. была обнаружена пыльца культурного маниока (*Manihot esculenta*)⁵². Существенным представляется тот факт, что пыльца маиса появилась здесь значительно раньше, чем пыльца маниока. Таким образом, по крайней мере в зоне Панамского канала маис начали разводить задолго до маниока. Следует, правда, учитывать, что этот район находится на периферии ареала маниоков Мезоамерики.

Важные данные о начале земледелия в низменностях проис-

ходят из северного Белиза. Там при раскопках пос. Куэлльо в слоях II тысячелетия до н. э. были найдены остатки таких культурных растений, как маис и мускатная тыква. Установлено также, что местные жители активно использовали каркас (*Celtis* sp.), перец пимент (*Pimente dioica*), а также плодовые деревья: авокадо (*Persea americana*), мексиканскую сливу (*Spondias* sp.) и нансе (*Byrsonima crassifolia*). В первой половине I тысячелетия до н. э. к этому списку добавились хлопчатник (*Gossypium hirsutum*), перец (*Capsicum annuum*) и мармеладная слива (*Calocarpum mammosum*), а во второй половине I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. — фасоль (*Phaseolus vulgaris*), какао (*Theobroma cacao*), уискойол (*Bactris* sp.), гуайява (*Psidium guajava*), саподилья (*Manilkara zapota*), индигофера (*Indigofera suffruticosa*) и т. д. Пыльца маиса и хлопчатника, а также остатки дикой тыквы (*Crescentia*), авокадо, нансе, сливы и копала (*Protium copal*) обнаружены и в некоторых других местах северного Белиза⁵³. Разведение канавалии зафиксировано в низменностях в IV в. до н. э.⁵⁴ Из этого списка лишь маис и, возможно, авокадо являлись горными видами, остальные встречались в низменностях, где часть их и была введена в культуру местными обитателями.

Существенно, что маис II тысячелетия до н. э., найденный в Куэлльо, отличался большой вариативностью. Специалисты установили по меньшей мере три его разновидности, которые по своему облику напоминали образцы, встреченные в горных районах Мексики во второй половине III—II тысячелетии до н. э., а также некоторые находки на побережье Перу I тысячелетия до н. э. Маис Куэлльо являлся дериватом горных форм, более приспособленным к условиям влажных тропических низменностей⁵⁵.

Таким образом, судя по имеющимся данным раньше всего в VIII—VI тысячелетиях до н. э. земледелие возникло в горах южной Мексики, где появились древнейший культурный маис, а вместе с ним — тыква обыкновенная и тыква горлянка. Позже, в V—III тысячелетиях до н. э., здесь были введены в культуру и другие горные растения: отдельные виды фасоли, амарант, перец, а также некоторые плодовые деревья (авокадо и др.). В горах различные виды полезных растений обитали на разных высотах, и наиболее активно и широко их могли использовать бродячие или полубродячие охотники и собиратели, которые тем самым обладали наиболее полными познаниями о местной флоре. Они же имели и самые веские основания для начала культивации, так как были заинтересованы в том, чтобы максимально приблизить разнообразие природных ресурсы к своим базовым поселкам. Вот почему земледелие ранее всего возникло у бродячих обитателей долин Оахаки и Теуакапа, а не у оседлого населения долины Мехико, которое проживало в более богатой природной среде и долгое время вполне довольствовалось тем, что давала дикая природа. Жители пещеры Зохапилько начали разво-

дять растения лишь в период ухудшения климатической обстановки, создавшего кризисную ситуацию для их прежней системы хозяйства.

Горная Мексика предоставляла людям гораздо более разнообразные растительные ресурсы, чем, например, древняя Передняя Азия. Но мексиканские растения обладали меньшей урожайностью и обитали более локально. Это создавало предпосылки для возникновения отдельных микроочагов древнего земледелия, где в культуру были введены разные виды флоры. Вместе с тем горные микроочаги развивались отнюдь не в изоляции: между ними с ранних пор наблюдались контакты и происходил обмен культурными растениями, причем новая информация первоначально распространялась прежде всего в меридиональном направлении вдоль горных цепей. Благодаря этому в каждой горной долине достаточно рано мог складываться свой комплекс культурных растений, состоящий как из местных, так и из интродуцированных видов.

Характерно, что известные сейчас горные микроочаги раннего земледелия располагались на периферии ареалов диких сородичей культурных растений. В литературе давно высказывалась гипотеза о том, что древнейшее земледелие возникло именно на таких окраинах, где необходимость в нем ощущалась наиболее остро⁵⁶. Приведенные выше данные как будто подтверждают эту идею, хотя следует отметить, что в западной Мексике и горной Гватемале, где локализуется максимальное разнообразие диких предков важнейших культурных растений, еще не проводилось сколько-нибудь серьезных археологических работ, связанных с проблемой формирования земледелия.

Когда горное земледелие начало распространяться из своего первичного очага? Судя по рассмотренным выше данным это могло происходить с конца VI—V тысячелетия до н. э., а в IV—III тысячелетиях до н. э., когда были выведены новые более урожайные и менее капризные разновидности маиса, он широко распространился не только в Мезоамерике, но и далеко за ее пределами. В IV—III тысячелетиях до н. э. он встречался на некоторых горных стоянках в Перу и, видимо, в Эквадоре. Важно подчеркнуть, что, по определению специалистов, древнейший маис, найденный в Перу и Эквадоре, был в той или иной степени родственным мезоамериканскому маису⁵⁷. Во влажных тропических низменностях маис появился относительно поздно — не ранее, чем возникли его особые влаголюбивые разновидности. К началу II тысячелетия до н. э. их уже разводили в северном Белизе.

Так как ранее земледелие распространялось из разных микроочагов, обладавших своей спецификой, то и последовательность появления различных культурных растений во вторичных очагах была далеко не идентичной. Например, в пещерах Тамаулипаса первыми культурными растениями, занесенными с юга, были тыква горлянка и, возможно, тыква обыкновенная, позже появи-

лась фасоль обыкновенная, а еще позже — маис. По-видимому, на первых порах люди пытались разводить здесь и некоторые виды местной флоры (щетинник и т. д.), однако последние не выдержали конкуренции с интродуцированными культурными растениями. Зато в других районах Мезоамерики среди первых культурных растений встречался маис, а фасоль и ряд других видов культурной флоры появились позднее.

В низменностях земледелие возникло позже, чем в горах. Наиболее ранние данные о нем происходят из горных долин, куда с конца IV и до II тысячелетия до н. э. были интродуцированы мускатная тыква, *C. mixta*, канавалия, хлопчатник. Однако отмеченные виды тыкв росли в предгорьях на низких высотах, и в горные долины их могли занести сами горцы, время от времени навещающие предгорья. Надежные материалы о древнем земледелии в низменностях происходят из северного Белиза, где почти все ранние остатки растений относились к тем видам, которые разводились или встречались в диком виде в горах (маис, мускатная тыква, авокадо, мексиканская слива). Лишь впоследствии в ходе развития местного земледелия оно обрело более специфический облик: здесь начали использовать хлопчатник, канавалию, какао, индигоферу, местные плодовые деревья и пр. Никаких остатков маниока и батата в Белизе обнаружено не было. В других районах маниок изредка встречался на археологических памятниках, но все его находки относились к довольно позднему времени. Поэтому нет основания говорить о раннем введении маниока в культуру и о сколько-нибудь существенной его роли в сложении мезоамериканского земледелия.

К. Флэннери уже отмечал, что для окончательного перехода к земледелию в Мезоамерике требовалось выведение более урожайных сортов маиса. Первые круглогодичные земледельческие поселки появились здесь в тот период, когда маис стал давать по 200—250 кг/га. Однако один лишь маис и тогда вряд ли мог обеспечить все потребности населения в растительной пище. Помимо него, необходимо было выращивать и другие растения. Выше было показано, что тыквы и фасоль имели второстепенное значение в питании древних земледельцев. Их роль повысилась только в течение I тысячелетия н. э. Следовательно, известный по литературе комплекс «маис—тыква—фасоль» сложился далеко не сразу и не определял характер самого раннего земледелия. Зато большую роль в нем играли разнообразные местные растения — злаки (амарант и, возможно, марь и щетинник), плодовые (авокадо и др.) и т. д., которым в американистике до сих пор не уделялось достаточного внимания. Немалое значение имели дикорастущие растения и сорняки.

Таким образом, земледелие в Мезоамерике формировалось как поликультурное, включающее представителей многих родов и семейств. Этим-то, в частности, и объясняется некоторая затянутость процесса его становления: различные растения требовали весьма разнообразных методов ухода, характера почв, водного

режима и т. д. Системы земледелия, которые создали материальную основу для процесса классообразования в Мезоамерике, были далеко не примитивны и не сводились к подсечно-огневому земледелию, как считалось еще недавно. В последние годы этот факт особенно наглядно продемонстрирован на примере сложных земледельческих систем древних майя.

- ¹ *Kroeber A. L. Anthropology. N. Y., 1923; Wissler C. The American Indian. N. Y., 1922; Idem. The relation of nature to man in aboriginal America. N. Y., 1926.*
- ² *Вавилов Н. И. Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света // Избр. произв. Л., 1967. Т. I.*
- ³ *Гуляев В. И. Новые данные о происхождении земледельческих культур Мезоамерики // Сов. этнография. 1966. № 1; Он же. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972; Он же. Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике // Проблемы зарубежной археологии. М., 1984; Башилов В. А. Появление культурных растений в древнейших земледельческих центрах Америки // Лат. Америка. 1980. № 5; Flannery K. V. Archaeological systems theory and early Mesoamerica // Prehistoric agriculture. N. Y., 1971; Idem. The origins of agriculture // Annu. Rev. Anthropol. 1973. V. 2; Meyers J. T. The origins of agriculture: an evaluation of three hypotheses // Prehistoric agriculture. N. Y., 1971; Hammond N. The early history of American agriculture: recent research and current controversy // The early history of agriculture. L., 1976; Bushnell G. H. S. The beginning and growth of agriculture in Mexico // Ibid.; Bray W. From foraging to farming in Early Mexico // Hunters, gatherers and first farmers beyond Europe. Leicester, 1977.*
- ⁴ *Payne E. J. History of the New World called America. N. Y., 1892; Sauer C. Agricultural origins and dispersals. N. Y., 1952.*
- ⁵ *Mangelsdorf P. C., MacNeish R. S., Willey G. R. Origins of agriculture in Middle America // Handbook of Middle American Indians. Austin, 1964. V. 1; Flannery K. V. Preface // Maya subsistence: Studies in memory of Dennis E. Puleston. N. Y., 1982.*
- ⁶ *Flannery K. V. Vertebrate fauna and hunting patterns // The prehistory of the Tehuacan valley. Austin, 1967. V. 1. P. 139; Schoenwetter J. Pollen records of Guila Naquitz cave // Amer. Antiquity. 1974. V. 39, N 2. P. 295—298.*
- ⁷ *MacNeish R. S. Preliminary archaeological investigations in the Sierre de Tamaulipas, Mexico // Trans. Amer. Philos. Soc. 1958. V. 48, pt 6. P. 139 ff.; Flannery K. V., Schoenwetter J. Climate and man in Formative Oaxaca // Archaeology. 1970. V. 23, N 2. P. 148; Niederberger C. Early sedentary economy in the Basin of Mexico // Science. 1979. V. 203. P. 133, 137, 138.*
- ⁸ *The prehistory of the Tehuacan valley. Austin, 1967. V. 1.*
- ⁹ *Mangelsdorf P. Corn: Its origin, evolution and improvement. Cambridge, 1974.*
- ¹⁰ *Beadle G. W. The origins of Zea mays // Origins of agriculture. The Hague, 1977; Idem. Origin of corn: pollen evidence // Science. 1981. V. 213, N 4510; Galinat W. C. The origin of corn // Corn and corn improvement. Madison, 1977; Iltis H. H. From teosinte to maize: the catastrophic sexual transformation // Science. 1983. V. 222, N 4626; Galinat W. C. Domestication and diffusion of maize // Prehistoric food production in North America. Ann Arbor, 1985; Культурная флора СССР. М., 1982. Т. 6: Кукуруза.*
- ¹¹ *Pickersgill B., Heiser C. B. Origins and distribution of plants domesticated in the New World tropics // Origins of agriculture. The Hague, 1977; Heiser C. B. Origins of some cultivated New World plants // Annu. Rev. Ecol. and Systematics. 1979. V. 10; Flannery K. V. The origins of agriculture; Hammond N. The early history of American agriculture... P. 123.*

- ¹² Flannery K. V. The origins of agriculture. P. 299.
- ¹³ Flannery K. V. The origins of agriculture. Tab. 2; Whitaker T. W. Archaeological cucurbits // Econ. Bot. 1981. V. 35, N 4. Tab. 1.
- ¹⁴ Flannery K. V. The origins of agriculture. Tab. 2; Pickersgill B., Heiser C. B. Origins and distribution... P. 814.
- ¹⁵ Whitaker T. W., Knight R. J. Collecting cultivated and wild cucurbits in Mexico // Econ. Bot. 1980. V. 34, N 4.
- ¹⁶ Kaplan L. Archaeological Phaseolus from Tehuacan // The prehistory of the Tehuacan valley. V. 1; *Idem*. What is the origin of the Common Bean? // Econ. Bot. 1981. V. 35, N 2. Fig. 1.
- ¹⁷ MacNeish R. S. A summary of the subsistence // The prehistory of the Tehuacan valley. P. 293.
- ¹⁸ Sauer J. D., Kaplan L. Canavalia beans in American prehistory // Amer. Antiquity. 1969. V. 34, N 4. P. 419.
- ¹⁹ Sauer J. D. Grain Amaranth // Evolution of crop plants. L., 1976; Pickersgill B., Heiser C. B. Origins and distribution... P. 807, 808.
- ²⁰ Smith C. E. Plant remains // The prehistory of the Tehuacan valley. P. 249; Callen E. O. Analyses of the Tehuacan coprolites // *Ibid*. P. 287; *Idem*. The first New World cereal // Amer. Antiquity. 1967. V. 32, N 4.
- ²¹ MacNeish R. S. A summary of the subsistence. P. 291, 300, 301.
- ²² Flannery K. V. The origins of agriculture. P. 297.
- ²³ Smith C. E. Plant remains. P. 250; Pickersgill B., Heiser C. B. Origins and distribution... P. 823; Bray W. From foraging to farming... P. 242; MacNeish R. S. A summary of the subsistence. P. 292.
- ²⁴ Heiser C. B. Peppers // Evolution of crop plants. L., 1976; Pickersgill B. Migrations of Chili peppers, Capsicum spp., in the Americas // Pre-Columbian plant migration. Cambridge, 1984. P. 115.
- ²⁵ MacNeish R. S. A summary of the subsistence. P. 292, 293; Bergh B. O. Avocado // Evolution of crop plants; Flannery K. V. The origins of agriculture. Tab. 2.
- ²⁶ Smith C. E. Plant remains. P. 250, 251; MacNeish R. S. A summary of the subsistence. P. 291; Flannery K. V. Archaeological systems theory... P. 83-85; Гуляев В. И. Становление производящего хозяйства... С. 87, 88.
- ²⁷ Stephens S. G. Geographical distribution of cultivated cottons relative to probable centers of domestication in the New World // Gens, enzymes and populations. N. Y., 1973; Phillips L. L. Cotton // Evolution of crop plants.
- ²⁸ Pickersgill B., Heiser C. B. Origins and distribution... P. 817.
- ²⁹ Bray W. From foraging to farming... P. 242.
- ³⁰ Schoenwetter J. Pollen records of Guila Naquitz cave; Schoenwetter J., Smith L. D. Pollen analysis of the Oaxaca Archaic // Guila Naquitz: Archaic foraging and early agriculture in Oaxaca, Mexico. Orlando, 1986.
- ³¹ Whitaker T. W., Cutler H. C. Cucurbits from preceramic levels at Guila Naquitz // *Ibid*.
- ³² Galinat W. C. The origin of corn. P. 9-11.
- ³³ Kaplan L. What is the origin... P. 247, 248.
- ³⁴ Smith C. E. Preceramic plant remains from Guila Naquitz // Guila Naquitz.
- ³⁵ Ford R. I. Carbonized plants remains // Drennan R. D. Fabrica San Jose and Middle Formative society in the valley of Oaxaca. Ann Arbor, 1976. P. 261-268; Messer E. Zapotec plant knowledge: classification, uses and communication about plants in Mitla, Oaxaca, Mexico // Prehistory and human ecology of the valley of Oaxaca. Ann Arbor, 1978. V. 5. Pt 2. P. 89.
- ³⁶ Niederberger C. Early sedentary economy in the Basin of Mexico // Science. 1979. V. 203. P. 131-142.
- ³⁷ Flannery K. V. The origins of agriculture. P. 295.
- ³⁸ Smith C. E., Tolstoy P. Vegetation and man in the Basin of Mexico // Econ. Bot. 1981. V. 35, N 4. P. 432.
- ³⁹ Медведев П. Ф. Физалис // Культурная флора СССР. М.; Л., 1958. Т. 20. С. 489, 490.
- ⁴⁰ Smith C. E., Tolstoy P. Vegetation...
- ⁴¹ MacNeish R. S. Preliminary archaeological investigations in the Sierre de Tamaulipas, Mexico // Trans. Amer. Philos. Soc. 1958. V. 48, pt 6.

- ⁴² *Mangelsdorf P. C.* Corn. P. 152–157.
- ⁴³ Cp.: *Whitaker T. W., Cutler H. C., MacNeish R. S.* Cucurbit material from three caves near Ocampo, Tamaulipas // *Amer. Antiquity*. 1957. V. 22, N 4; *Whitaker T. W.* Archaeological cucurbits. Tab. 1.
- ⁴⁴ *Kaplan L.* What is the origin...
- ⁴⁵ *Smith C. E.* Plant remains. P. 253.
- ⁴⁶ *Callen E. O.* The first New World cereal... P. 535, 536.
- ⁴⁷ *MacNeish R. S.* A summary of the subsistence. P. 294; *Renvoise B. S.* The area of origin of *Manihot esculenta* as a crop plant: A review of the evidence // *Econ. Bot.* 1972. V. 26, N 4. P. 355.
- ⁴⁸ *Flannery K. V.* The origins of agriculture. P. 273.
- ⁴⁹ *Piperno D. R.* A comparison and differentiation of phytoliths from maize and wild grasses: use of morphological criteria // *Amer. Antiquity*. 1984. V. 49, N 2. P. 374, 375; *Piperno D. R.* et al. Preceramic maize in Central Panama: phytolith and pollen evidence // *Amer. Anthropol.* 1985. V. 87, N 4.
- ⁵⁰ *Bartlett A. S., Barghoorn E. S., Berger R.* Fossil maize from Panama // *Science*. 1969. V. 165. P. 390.
- ⁵¹ *Linares O. F., Sheets P. D., Rosenthal E. J.* Prehistoric agriculture in tropical highlands // *Science*. 1975. V. 187. P. 142.
- ⁵² *Bartlett A. S., Barghoorn E. S., Berger R.* Fossil maize... P. 390.
- ⁵³ *Turner B. L. (II), Miksicek C. H.* Economic plant species associated with prehistoric agriculture in the Maya Lowlands // *Econ. Bot.* 1984. V. 38, N 2; *Pohl M., Miksicek C. H.* The development and impact of Ancient Maya agriculture // *Prehistoric lowland Maya environment and subsistence economy*. Cambridge, 1985.
- ⁵⁴ *Sauer J. D., Kaplan L.* Canavalia... P. 419.
- ⁵⁵ *Miksicek C. H.* et al. Preclassic lowland maize from Cuello, Belize // *Nature*. 1981. V. 289. P. 56–59.
- ⁵⁶ *Harlan J. R., Zohary D.* Distribution of wild wheat and barley // *Science*. 1966. V. 153. P. 1079; *Flannery K. V.* Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East // *Domestication and exploitation of plants and animals*. L., 1969. P. 80; *Шнирельман В. А.* Экологические аспекты неолитической революции в Передней Азии // *Актуальные проблемы этнографии*. М., 1973. С. 33.
- ⁵⁷ *Galinat W. C.* The origin of corn. P. 32; *Smith C. E.* Ancient Peruvian highland maize // *Guitarrero cave: Early man in the Andes*. N. Y., 1980. P. 141, 142; *Pearsall D. M.* Analysis of an archaeological maize kernel cache from Manabi Province, Ecuador // *Econ. Bot.* 1980. V. 34, N 4. P. 344–351.

ЭКОЛОГИЯ И УРБАНИЗМ В ДОИСПАНСКОЙ МЕЗОАМЕРИКЕ

В. И. Гуляев

Проблемы сложных взаимоотношений человека и природы, роль географического фактора в развитии древнего общества всегда занимали важное место в исследованиях ученых как естественно-го, так и гуманитарного профилей. Особенно значительный размах получили эти исследования в последние годы. За рубежом из рамок единой археологической науки выделилась особая так называемая экологическая археология¹. И археологи, работающие в данном направлении в тесном содружестве с представителями других научных дисциплин, добились уже довольно весомых результатов, изучая древние культуры Старого и Нового Света².

Во многом близкое к «экологическому» направление в современной археологической науке представляет так называемая поселенческая археология³. Изучение меняющегося на протяжении определенных отрезков времени характера человеческих поселений — от крохотных стоянок первобытных охотников, рыболовов и собирателей до величественных руин древних городов — неотъемлемая часть анализа адаптивного взаимодействия между человеком и его природным окружением. Характер поселений, как известно, определяется многими факторами, важнейшими из которых являются природная среда, система хозяйства, социально-политическая структура общества, уровень развития его технологии и т. д.

Особый быстро прогрессирующий за последние годы раздел мезоамериканской археологии составляет исследование древних городов, сложных процессов урбанизации в рамках местных раннеклассовых цивилизаций. Прежде всего значительно обогатилось и расширилось общее количество археологических материалов, освещающих историю мезоамериканского города — от первых истоков этого феномена (I тысячелетие до н. э.) до появления уже вполне сформировавшихся городских центров в начале нашей эры. Здесь следует особо отметить многолетние и плодотворные работы ученых Мексики и США в Теотиуакане (долина Мехико): проект «Долина Мехико», возглавляемый У. Сандерсом⁴, «картографический проект» Р. Миллона⁵ и раскопочно-реставрационные исследования мексиканских специалистов под руководством И. Бернала⁶. Важную роль в изучении мезоамериканского урбанизма сыграли и экспедиции Пенсильванского университета (г. Филадельфия) и один из наиболее крупных культурных центров низменной лесной зоны майя — Тикаль (департамент Петен, северная Гватемала)⁷. Если добавить сюда недавно законченный археологический проект по изучению Монте-Альбана и долины Оахака в целом⁸, где в I тысячелетии н. э. находилась столица третьей крупной цивилизации Мезоамерики — сапотекской, то даже этот короткий перечень успехов археологов в исследовании проблем местного урбанизма выглядит весьма внушительно.

Несомненный прогресс в изучении древних мезоамериканских городов состоит не только в быстром накоплении фактического материала, но и в разработке новых теоретических и методических приемов по анализу городских поселений. Особой популярностью пользуются некоторые модели и концепции, заимствованные археологами у экономической географии, в первую очередь методы пространственного и регионального анализа: определение расстояния до ближайшего соседнего поселения, «теория центрального места» (В. Кристаллера) и т. д.⁹ Однако, по мнению американского археолога Р. Блантона, наиболее важным вкладом в изучение развития древнего города явились работы, связанные с иерархией поселений. Исходя из этого постулата он формулирует общее определение города для всех времен и народов: «го-

род» — это населенный пункт, занимающий наиболее высокое место в любой из иерархий поселений¹⁰.

Использование моделей пространственно-регионального характера, взятых у географов, для анализа древнего города при объективном и критическом отношении к ним могут принести определенную пользу. Однако это увлечение зашло у некоторых зарубежных авторов слишком далеко, а работа с такими моделями превратилась в самоцель: «многоугольники Тиссена», «шестиугольники Кристаллера», «древовидные иерархии» и т. д. Сложившееся положение беспокоит уже и многих западных ученых¹¹.

Вместе с тем, несмотря на обилие всякого рода теоретических и методических публикаций, общего синтеза характерных черт урбанизма в доиспанской Мезоамерике до сих пор не создано¹². В этой связи представляется весьма полезным сопоставить два разных варианта наиболее раннего мезоамериканского города I тысячелетия н. э. — Теотиуакан и Тикаль, чтобы выявить общие и особенные черты местного урбанизма.

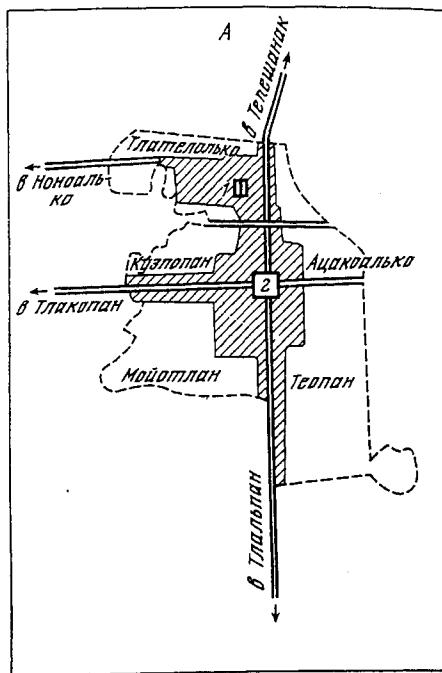
Теотиуакан

Руины древнего города находятся примерно в 40 км к северо-востоку от столицы Мексики, на территории штата Мехико, в небольшой горной долине, являющейся ответвлением долины Мехико, на высоте 2280 м над уровнем моря. Эту плодородную аллювиальную долину замыкают со всех сторон высокие горные хребты — «трехтысячники». Климат здесь крайне сухой и теплый. Главным источником воды служат мелководная река Сан-Хуан-Теотиуакан и впадающие в нее речки и ручьи, большая часть которых летом пересыхает. Минеральные ресурсы района довольно бедны, но важнейшее сырье для изготовления орудий труда и оружия в древности — обсидиан (вулканическое стекло) — в изобилии встречается вокруг Теотиуакана. Кроме того, город стоял на кратчайшем и удобном пути из долины Мехико в долину Пуэбла и далее на юг. Видимо, благоприятные природные факторы — наличие воды, плодородных земель и залежей обсидиана плюс выгоды географического положения предопределили как выбор места для будущего поселения, так и его последующий быстрый рост. Во всяком случае так во многом объясняют «феномен урбанизации» в Теотиуакане представители «культурно-экологического» направления (У. Сандерс, Э. Вольф, А. Палерм, Р. Сантли и др.)¹³.

Выполненный этой группой в 60—70-х годах проект по сплошному обследованию всех памятников доколумбовой эпохи по всей территории долины Мехико (около 7000 кв. км), бесспорно, одно из самых впечатляющих археологических предприятий в истории мезоамериканской археологии. В результате удалось проследить основные этапы развития местных поселений (включая и период расцвета Теотиуакана) на фоне изменений в окружающей при-

родной среде. Вместе с тем, признавая на словах значение торговли и войн в становлении сложных городских обществ, главными факторами этого процесса представители «культурно-экологического» направления считают все же экологически обусловленное интенсивное земледелие и вызванный им быстрый рост населения, переходящий в давление избыточного количества людей на местные ресурсы и местную экономику. Именно это и вызывает в конечном счете, появление стратифицированных обществ и «гидравлических» (в духе К. Виттфогеля) государств¹⁴.

Тем не менее общая динамика исторических процессов, полученная в долине Мехико, представляет для нас несомненный интерес. Оседлая жизнь началась здесь около 1200 г. до н. э., когда в долине возникло несколько постоянных деревушек. В 800—500 гг. до н. э. население долины растет, появляются новые поселки, привязанные обычно к плодородным, наиболее благоприятным для земледелия участкам земли; площадь их не превышает 0,25—0,50 га. На протяжении 500—200 гг. до н. э. происходят заметные изменения. Некоторые поселения долины приобретают большие размеры, нежели их соседи. В 200 г. до н. э.—100 г. н. э., на юге долины достигает своего максимального расцвета ритуально-административный центр Куикуилько, имевший, по подсчетам исследователей, около 400 га площади и до 20 тыс. жителей. В это время там было возведено несколько больших облицованных камнем платформ-пирамид, служивших основаниями для храмов. Обнаружены ирригационные каналы. Но общая планировка поселения остается во многом неясной, так как оно перекрыто потоками окаменевшей вулканической лавы. В северной части долины быстро начинает набирать силу новый центр — Теотиуакан, превратившийся к концу I тысячелетия до н. э. в значительный населенный пункт с несколькими тысячами человек, общественной (культовой) архитектурой умеренного масштаба и многочисленными мастерскими по обработке обсидиана. Но лишь после I в. до н. э., когда самый серьезный соперник Теотиуакана — Куикуилько был уничтожен катастрофическим извержением вулкана Шитли, начинается бурный рост этого северного центра. Около 100 г. н. э. Теотиуакан представлял

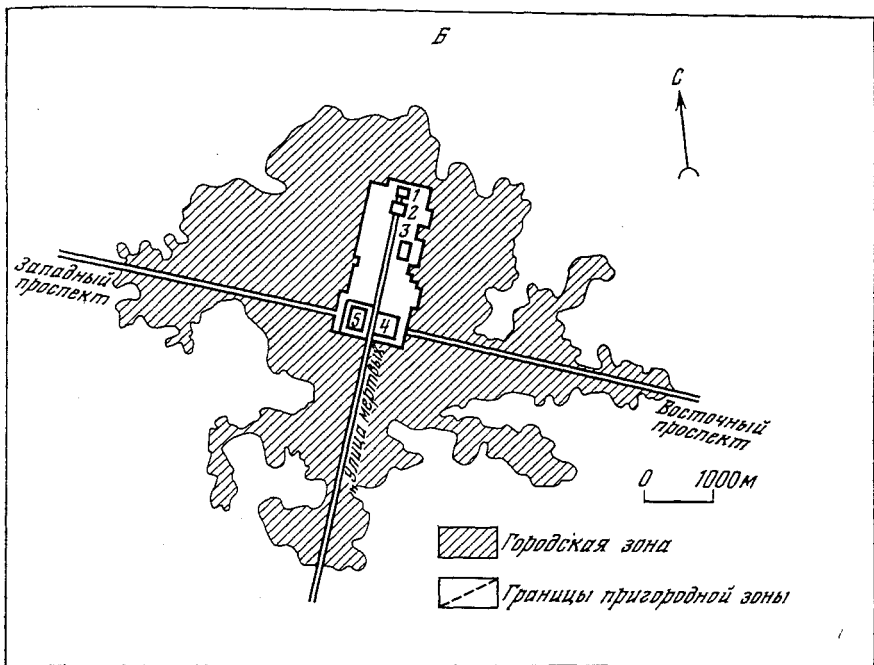

Рис. 7. Планы Теночтитлана (А) и Теотиуакана (Б)

А: 1 — рынок и храмово-дворцовый комплекс; 2 — ритуально-административная зона; Б: 1 — Пирамида Луны; 2 — Площадь Луны; 3 — Пирамида Солнца; 4 — Храм Кецалькоатля; 5 — Большой рынок

собой подлинный город площадью свыше 17 кв. км и с населением от 30 тыс. до 60 тыс. человек. Основная часть его была тщательно спланирована вдоль двух пересекающихся под прямым углом проспектов «осей». Заканчивается сооружение двух гигантских храмовых пирамид — Солнца и Луны¹⁵ (рис. 7).

За счет чего же происходит этот неслыханно быстрый рост?

Как показывают данные, собранные У. Сандерсом и его коллегами, столь стремительное развитие Теотиуакана осуществлялось за счет остальной долины Мехико: большая часть ее населения, особенно из восточной части (до 80—90%), была перемещена в пределы новой столицы¹⁶. Таким образом, осуществилась насильственная ломка всей сложившейся на протяжении веков иерархии поселений: старые значительные центры и многие деревни были уничтожены, а оставшееся сельское население равномерно распределилось по всей долине в небольших вновь построенных селениях, редко превышавших 500 человек¹⁷.

Наиболее полное представление о характере Теотиуакана (ввиду полного отсутствия письменных источников для этого периода) дает его морфология — планировка, характер застройки и типы зданий, следы хозяйственной деятельности т. д.

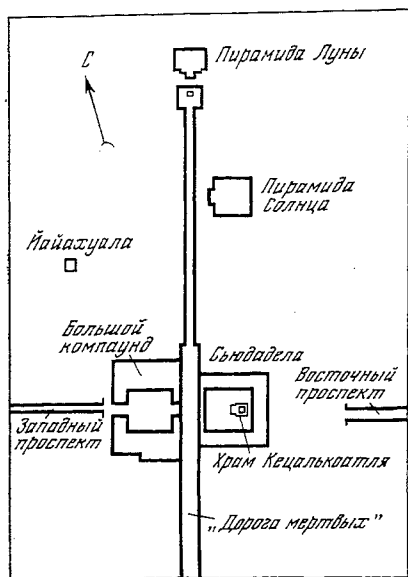

Рис. 8. Схематический план центральной части Теотиуакана

По линии север — юг главную «ось» планировки образует длинный (до 3,5 км) и шириной (до 50 м) проспект — «Улица мертвых». На северном конце ее расположен гигантский массив Пирамиды Луны — пятиярусного сооружения с каменной облицовкой и с плоской вершиной, где стоял когда-то храм. Высота пирамиды 42 м. Вдоль проспекта, по обеим его сторонам, были возведены свыше сотни храмов (в том числе и Пирамида Солнца — 63 м в высоту и 1 млн куб. м по объему) и десятки «дворцов»¹⁸ (рис. 8).

«Улицу мертвых» пересекает под прямым углом широкий проспект, разбитый на два отрезка — «Западный» и «Восточный», которые образуют гигантскую поперечную ось всей городской планировки по линии запад — восток. Общая их длина около 3 км. Эти пересекающиеся «оси» составляют внутренний каркас всей планировки Теотиуакана. Остальные улицы разбиты параллельно указанным проспектам, образуя правильную сетку квадратов, где отдельные комплексы построек представлены в виде одинаковых жилых блоков 57—60 м длиной.

Близ пересечения «осей», в самом центре города, находится обширный комплекс построек, известных под названием «Сьюдадела» (исп. «цитадель»). Это гигантская квадратная платформа около 400 м длиной, окруженная по внутреннему краю четырьмя другими. На каждой из платформ, ориентированных по странам света, стоит по четыре пирамиды. Доступ ко всему комплексу обеспечивает широкая лестница с западной стороны. На внутрен-

Прежде всего Теотиуакан — один из немногих городов доиспанской Мезоамерики, который был полностью картографирован. В момент своего наивысшего расцвета, около 600 г. н. э., он занимал территорию около 20 кв. км и состоял как бы из двух частей: центральной, тщательно спланированной, плотно застроенной и заселенной зоны площадью примерно 7—8 кв. км и периферийной, более аморфной и реже заселенной площадью около 12 кв. км. Строительство в центральной зоне, где находилось и ритуально-административное ядро города, осуществлялось по регулярному плану — в виде двух перекрещивающихся под прямым углом огромных прямых проспектов — «осей», ориентированных по странам света.

ней площади «Сьюдаделы» расположен один из главных храмов города — «Храм Кецалькоатля», представляющий собой шести-ярусную каменную пирамиду, пышно украшенную по фасаду каменной скульптурой (главный мотив ее — «Пернатый Змей» — Кецалькоатль и Тлалок — бог воды и дождя). Западнее «Сьюдаделы» находится «Большой Комплекс» — обширная прямоугольная площадь, окруженная платформами и зданиями не ритуального характера. На основе некоторых косвенных данных и параллелей с ацтекским Теночтитланом предполагается, что «Сьюдадела» — это «текпан» (ацтек. «дворец») правителя города, а «Большой Комплекс» — главный городской рынок¹⁹.

До недавнего времени Теотиуакан считался «открытым» типом города, не имевшим никаких внешних укреплений — стен, валов, рвов, палисадов и т. д. И лишь несколько лет назад экспедиция Р. Миллона обнаружила к западу и северу от Пирамиды Луны остатки нескольких длинных каменных стен. Кроме того, с той же стороны группа больших обнесенных глухими стенами жилых блоков — «компаундов» почти сплошной преградой закрывала доступ к центру города. В 1 км к югу от центральной зоны, а также к востоку и западу от нее город был защищен крутыми берегами и руслом реки. Да и обнесенные высокими стенами жилые блоки и общественные здания (пирамидальные храмы и дворцы) сами по себе являлись хорошими «мини-крепостями»²⁰. Следовательно, Теотиуакан был отнюдь не беззащитен перед внешним врагом, а его «открытость» весьма условна.

Горожане жили в одноэтажных крупных блоках — компаундах, более 2 тыс. которых удалось нанести на карту (правда, раскопано всего 20). Каждый компаунд — самостоятельная единица площадью 60×60 м, окруженная глухими (без окон) стенами снаружи и отделенная от соседей узкими прямыми улочками. Внутри компаунд состоит из жилых помещений, кладовых, кухни, зала и одного или нескольких храмов (или святилищ), размещенных вокруг открытых внутренних дворики, с подземной дренажной системой каналов для вывода наружу дождевой воды. Компаунды строились из камня на известковом растворе, адобов и дерева. Внутри и снаружи стены штукатурились и иногда расписывались. Количество и назначение комнат свидетельствуют о том, что компаунды являлись резиденциями многосемейных родственных групп или объединений нескольких родственных домохозяйств. В каждом таком жилом блоке помещалось, по подсчетам специалистов, от 60 до 100 человек²¹. В целом это очень напоминает компаунды — «агболе» городов нигерийских йоруба в доколониальную эпоху (совместно проживающая группа родственных большесемейных коллективов)²² (рис. 9).

Строились жилые компаунды не по единому плану. И хотя они имели черты внешнего формального сходства, заметно различались по размерам, внутренней структуре и пышности отделки. Очевидно, что сооружало их не государство, а корпоративные

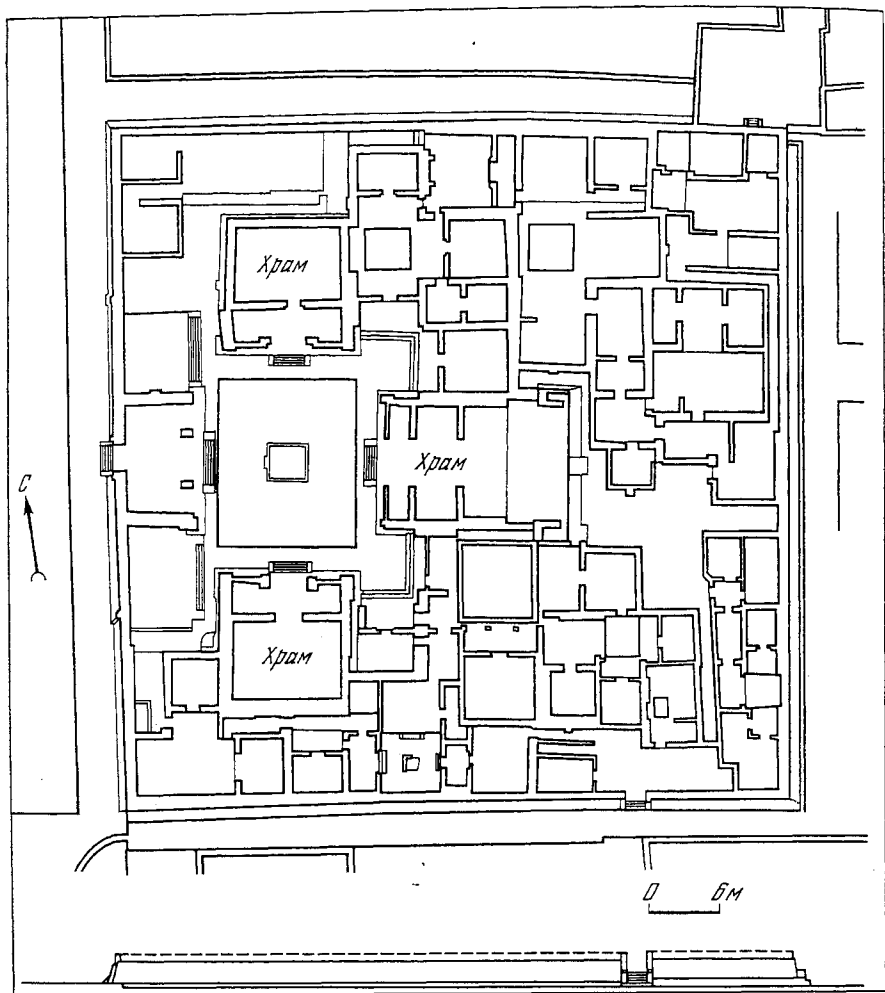

Рис. 9. Типичный жилой компаунд Теотиуакана

(общинные) группы, имевшие различный социальный и имущественный статус²³.

Компаунды группировались в скопления типа кварталов (баррио), похожие на то, что мы встречаем в ацтекском Теночтитлане. В ряде случаев такие кварталы имели определенную специализацию: в каком-либо виде ремесла (обработка обсидиана, гончарное дело, мастера по изделиям из дерева и т. д.), в торговле и т. д. Часто внутри квартала выделялся более богатый и пышный компаунд, внутри которого обычно находился и самый крупный храм данного городского подразделения²⁴.

«Малые» кварталы, видимо, входили составными частями в четыре «больших» квартала или «района», которые были образо-

ваны перекрещивающимися «осями» — проспектами, на манер больших «кварталов» Теночтитлана ацтеков.

В Теотиуакане в ходе исследований найдено до 500 ремесленных, мастерских (из них свыше 300 — по обработке обсидиана, много гончарных и т. д.). По мнению некоторых ученых, почти 1/4 часть многотысячного населения города специализировалась в различных видах ремесленной деятельности²⁵.

О большом развитии внешней торговли и важной ее роли в жизни города говорят как широкое распространение теотиуаканского экспорта (прежде всего керамики и изделий из обсидиана) по всей Мезоамерике и даже южнее, вплоть до Коста-Рики, так и наличие кварталов чужеземных торговцев (сапотеков и майя) в самом Теотиуакане²⁶. Вместе с тем 75% населения города, достигавшего, как считают некоторые авторы, в 300—700 гг. н. э. 150 тыс. человек, занимались различными видами земледелия, работая за пределами собственно Теотиуакана²⁷.

Определение точных границ и общей численности населения Теотиуакана до сих пор представляет серьезную проблему для исследователей. По данным Р. Миллона (техника его подсчетов неизвестна), в центральной зоне города на территории 5 кв. км (остальные 2 км приходятся на долю улиц, площадей и ритуально-административных построек) в середине I тысячелетия н. э. проживало до 40 тыс. человек. Средняя плотность населения составляла здесь таким образом до 8 тыс. человек на 1 кв. км²⁸. Точных сведений о периферийной зоне (12 кв. км) пока нет, правда, Р. Миллон называет априори цифру в 3 750 человек на 1 кв. км. Таким образом, общая численность населения достигает 85 тыс. Есть и другие расчеты, колеблющиеся в пределах 50 тыс.— 20 тыс.

Не подлежит сомнению и тот факт, что экономической основой теотиуаканской цивилизации, как и других государств доколумбовой Мезоамерики, служило высокопродуктивное интенсивное земледелие. Однако парадоксальность ситуации состоит в том, что представители «культурно-экологической» школы во главе с У. Сандерсом — основные (наряду с Р. Миллоном) исследователи города — не могут привести ни одного прямого доказательства наличия в зоне Теотиуакана или в его окрестностях интенсивного, «гидравлического» земледелия типа «плавающих садов» — «чинамп» тольтеков и ацтеков, хотя в той же долине Теотиуакана в XVI в., накануне прихода испанцев, существовала разветвленная сеть оросительных каналов, питавших водой территорию в 3600 га²⁹.

По данным пыльцевых анализов с конца I тысячелетия до н. э., в связи с некоторым потеплением климата земледелие в зоне Теотиуакана вообще было невозможно без искусственного орошения. На дне старых каналов в «чинамповом» районе Сочимилько далеко к юго-западу от Теотиуакана, но в пределах долины Мехико удалось найти несколько обломков теотиуаканской

керамики и статуэток³⁰. Но все фактические данные для выводов о продуктивности земледелия берутся из практики современных «чинамповых» плантаций в окрестностях г. Мехико (Сочимилько и др.)³¹, пригодность которых для доиспанского периода археологически не проверена и не доказана.

С другой стороны, весьма перспективными, хотя и не бесспорными, представляются попытки У. Сандерса и его коллег изучить такие важные для процесса доиспанской урбанизации в долине Мехико факторы, как проблемы транспорта и трудовых затрат на различные виды ремесленной продукции. Исследователи опираются при этом на этнографические данные, сведения письменных источников XVI—XVII вв. и собственные экспериментальные работы (моделирование древних технологических процессов)³². Как известно, в доколумбовой Америке не было вьючных и тягловых домашних животных, а следовательно, — колесного транспорта. Единственным способом транспортировки грузов по суше были люди-носильщики. Испанские документы XVI в. приводят полезные сведения о затратах труда у ацтеков при торговле на дальние расстояния. В среднем груз, переносимый профессиональным индейским носильщиком — «тамене» (tamene), весил 23 кг, а пройденное за день расстояние (дневной переход) составляло примерно 30 км³³. Указывается также, что таменес работали по 6 часов в день, что предполагает среднюю скорость их передвижения не более 5 км в час. По подсчетам современных исследователей, в древности носильщик-мужчина среднего веса (до 50 кг) тратил в целом за день 3600 килокалорий энергии для переноса груза в 23 кг на 30 км по пересеченной местности. Если перевести эти килокалории в маисовое выражение, то одному тамене требовалось в день около 1 кг зерна маиса. По данным «Кодекса Мендосы» (список дани для ацтекской столицы из зависимых областей), почти вся получаемая воинственными ацтеками дань происходила с территории радиусом менее 150 км или, грубо говоря, — 5 дней пешего пути от Теночтитлана. Предположив еще 1 день на отдых по прибытии на место, все время, необходимое для такого путешествия в оба конца, составит 11 дней. Следовательно, один тамене потратит за тот же срок почти 11 кг маиса на пропитание, или 46% своей ноши. Это, видимо, и составляло максимальное расстояние для транспортировки продуктов питания, которое экономически себя как-то оправдывало³⁴. Практически же расстояния, которые отделяли место производства продуктов питания (деревню) от места их потребления (город), в доиспанской Мезоамерике составляли 10—20 км, т. е. 1 день пути в оба конца или чуть более.

Однако эффективность транспортировки громоздких грузов повышалась во много раз в случае использования водных путей — рек, озер, каналов, морей на лодках и плотах. По этнографическим данным XX в., один крестьянин-индеец на небольшой лодке мог перевезти за день сразу 500—700 кг маиса на расстояние свыше 25 км, а лодка с двумя гребцами — 2 500 кг зерна, заме-

няя в таком случае, соответственно, более 30 и более 108 таме-нес. Это обстоятельство, если учесть широкую сеть мелководных озер в долине Мехико, во многом объясняет, по мнению У. Сандерса, факт появления здесь крупнейших городов доколумбовой Мезоамерики — Теотиуакана и Теночтитлана³⁵.

Точно так же (но уже больше с помощью моделирования и эксперимента) «культурные экологи» рассчитали и трудовые затраты для производства обсидиановых орудий и керамики, доказав неизмеримо большую выгоду первого над вторым, а соответственно — и большую выгоду торговли обсидианом на дальние расстояния³⁶.

На основании всего вышесказанного У. Сандерс и Р. Сантли делают вывод о том, что очень часто роль торговли на дальние расстояния для снабжения крупных населенных центров продуктами питания и сырьем в доиспанской Мезоамерике преувеличивается, если учесть ограничения, накладываемые на нее существовавшими в древности средствами транспорта. Снабжение городских центров всем необходимым осуществлялось из непосредственно примыкавшей к ним «зоны обеспечения» радиусом до 15 км³⁷.

К сожалению, нельзя ничего определенного сказать о типе Теотиуаканского государства, о системе его верховной власти, внутренней структуре и т. д. ввиду отсутствия соответствующих источников.

Правда, некоторые авторы, ссылаясь на широкое проникновение отдельных черт теотиуаканской культуры в южные области Мезоамерики (Оахаку, горную Гватемалу и равнинную лесную зону майя), выдвигают гипотезы о существовании в середине I тысячелетия н. э. обширной «Теотиуаканской империи», контролировавшей всю добычу и торговлю обсидианом от Рио-Гранде до Гондураса³⁸. Р. Миллон, например, считает, что политические и экономические владения Теотиуакана в 300—700 гг. н. э. составляли примерно 25 тыс. км с населением 300 тыс.—350 тыс. человек³⁹. Однако для столь решительных выводов у нас нет пока никаких данных. Анализ мотивов искусства и типов построек (дворцы) позволяет предполагать наличие в городе светской военной аристократии и жречества. Джойс Маркус, ссылаясь на существование в «Сьюдаделе» двух совершенно одинаковых и одновременных дворцовых комплексов, высказывает предположение о дуальной системе верховного правления в городе, наподобие той, что мы знаем у ацтеков и горных майя в XVI в.⁴⁰

Что касается типологии поселений, то Теотиуакан, по мнению некоторых зарубежных авторов, целиком подходит под так называемую солярную модель, когда в регионе господствует один крупный центр, окруженный лишь зависимыми поселениями, стоящими намного ниже и по размерам, и по значению⁴¹.

Если в Центральной Мексике I тысячелетия н. э. сам факт существования городов не вызывает сомнений и речь идет лишь об изучении их внутренней структуры и других особенностей, то с городами майя того же периода все обстоит иначе. Так, довольно значительная группа авторитетных исследователей исходя из сугубо экологических и экономических факторов отрицают за крупными поселениями майя «подлинно городской» статус и называют их «ритуальными центрами» без большого постоянного населения, плотной застройки и заметной торговоремесленной деятельности. Основанием для такого вывода послужили прежде всего экономические особенности низменной лесной зоны майя, якобы крайне неблагоприятной для жизни человека, развития городской цивилизации и даже враждебной им. Вся эта обширная территория, включавшая южные штаты Мексики (Чьяпас, Табаско, Кампече, Юкатан, Кинтана-Роо), Белиз и департамент Петен на севере Гватемалы, считалась одной единообразной и нерасчлененной экологической зоной, без ярко выраженных субрегионов. Такая природная среда тормозила развитие культуры, мешала торговле, и попавшие в нее пришлые племена медленно деградировали⁴².

С другой стороны, эти ученые утверждали, что появление древних городских цивилизаций в Мезоамерике связано только с горными областями центральной Мексики, где издавна существовало интенсивное ирригационное земледелие. И поскольку майя, как считалось до недавних пор, всегда практиковали у себя только экстенсивные формы подсечно-огневого земледелия (система «мильпа»), то на их территории не было достаточно плотной концентрации населения, а следовательно, и городов. Повсюду господствовала двоичная система поселений: ритуальный центр, где постоянно жили лишь правящая каста жрецов и их слуги, и мелкие разбросанные по лесам деревушки — место обитания земледельцев-общинников, снабжавших эти «центры» всем необходимым⁴³.

Однако именно равнинные лесные области юга Мексики и севера Гватемалы стали колыбелью многочисленных городских центров майя в I тысячелетии н. э. Люди пришли сюда еще во II тысячелетии до н. э. Они не только освоили эти «гиблые», с точки зрения современного человека, лесные пространства, но и создали там блестящую цивилизацию, просуществовавшую по меньшей мере 10 веков! Нужны ли после этого какие-то другие доказательства их полной адаптации к окружающей природной среде?

Не соответствует действительности и весьма распространенное мнение о каком-то однообразии природных условий в низменных лесных областях майя. «Эта зона,— пишет английский археолог У. Брей,— экологически не едина. Количество осадков, растительный покров, толщина почв и период восстановления их

плодородия значительно варьируют от одного района к другому. Поэтому любое исследование по экологии должно принимать во внимание наличие таких экологических микрорайонов, как берега озер, возвышенные участки речных долин, ежегодно затопляемые поймы рек, травянистые саванны и болотистые низины, точно так же как и разницу в самом характере леса»⁴⁴. Такое разнообразие природной среды обусловило разнообразие приемов и методов главной хозяйственной системы древней Мезоамерики — земледелия.

Проблемы города и цивилизации (включая и их экономическую основу) в низменных тропических областях майя лучше всего рассматривать на примере наиболее крупного и хорошо изученного памятника I тысячелетия н. э. — Тикаля.

Руины этого древнего города находятся в Петене, северная Гватемала, в зоне влажных тропических лесов, занимая широкую известняковую равнину, пересеченную грядами каменистых холмов, болотами и оврагами.

При взгляде на карту видно, что в момент своего наивысшего расцвета (VIII в. н. э.) Тикаль занимал довольно значительную территорию и состоял из двух четко выраженных частей: а) политико-административного и ритуального центра (свыше 1 кв. км) и б) районов интенсивной жилой застройки вокруг него (6—7 кв. км). В пределах центрального ядра, разбитого вокруг «Главной площади» города, сосредоточены почти все его крупные общественные здания — храмы и дворцы (до 300), подавляющая часть резных монументов (стел, алтарей и притолок) и все известные до сих пор пышные захоронения в гробницах. Важнейшие ансамбли построек соединены между собой широкими каменными дорогами — дамбами. Постройки здесь либо стоят на высоких пирамидальных основаниях, либо группируются на вершинах искусственных и естественных холмов с крутыми откосами — «акрополях». Наличие «акрополя» (или нескольких) — характерная черта планировки почти всех крупных классических городов Центральной области майя (рис. 10).

Жилые районы Тикаля распадаются на отдельные скопления и группы построек, общее число которых еще точно не установлено. Есть здесь и отдельные ритуально-административные здания второстепенного (по сравнению с центром) значения. Очаговый характер планировки Тикаля объясняется прежде всего изрезанным рельефом местности — наличием большого числа болотистых низин, оврагов и холмов. Здесь нет и не могло быть длинных прямых улиц. Основной связывающей единицей, вокруг которой группировались все жилые постройки, служил прямоугольный дворик, ориентированный, как правило, по сторонам света. Общее число жилых построек в каждом таком микроансамбле обычно 2—5. Это дает все основания предполагать, что данная группа является археологическим отражением большесемейного домохозяйства, состоящего из нескольких парных семей (отец — мать и их женатые дети и внуки). Несмотря на

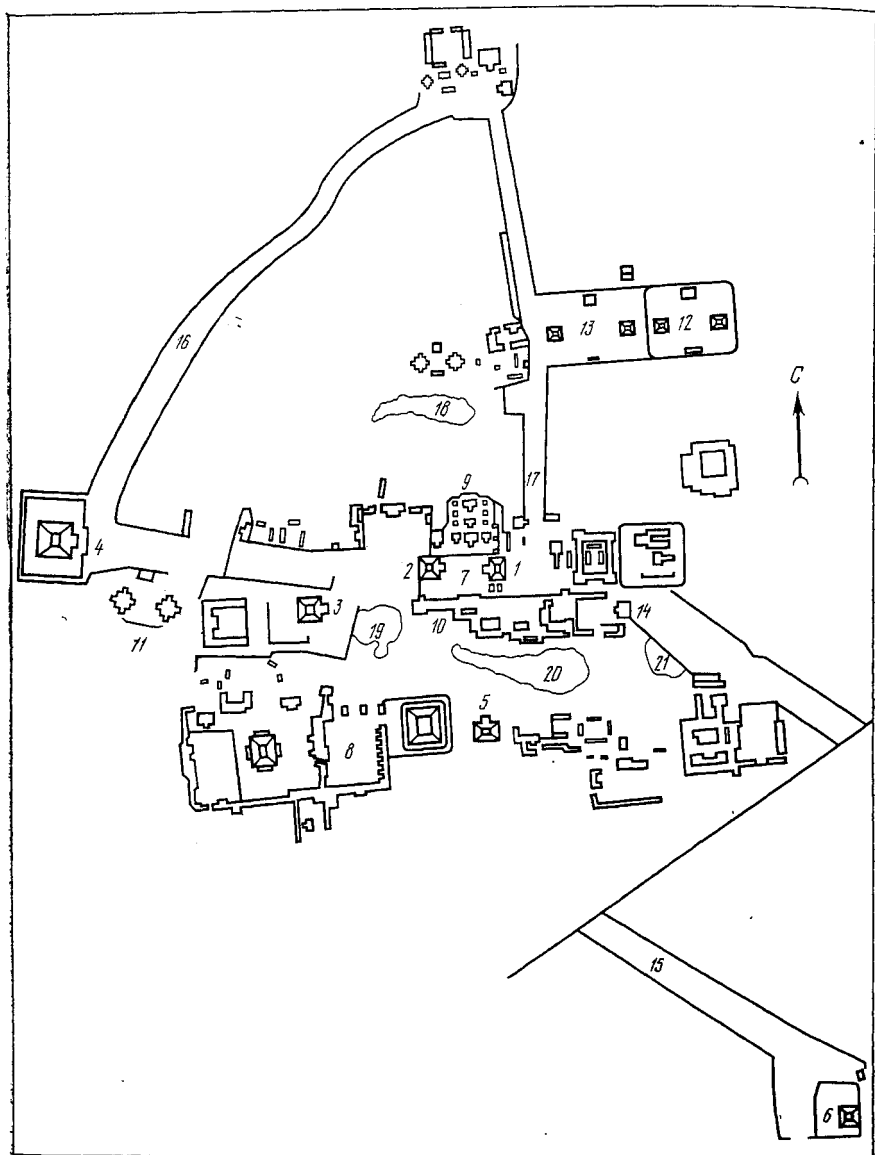

Рис. 10. План центральной части Тикаля

1 — Храм I; 2 — Храм II; 3 — Храм III; 4 — Храм IV; 5 — Храм V; 6 — Храм VI;
 7 — Главная Площадь; 8 — Площадь Семи Храмов; 9 — Северный Акрополь; 10 —
 Центральный Акрополь; 11 — Комплекс Пирамид-близнецов («Комплекс N»); 12 —
 «Комплекс Q»; 13 — «Комплекс R»; 14 — Храм в теотиуаканском стиле; 15 — Дам-
 ба Мендеса; 16 — Дамба Муудсли; 17 — Дамба Малера; 18 — Водоем у дамбы; 19 —
 Храмовый водоем; 20 — Дворцовый водоем; 21 — Скрытый водоем

внешне беспорядочное расположение этих жилищ на местности, они, во-первых, имеют тенденцию увеличиваться в числе по мере приближения к центру, а во-вторых, ставились в подавляющем большинстве случаев лишь на сухих возвышенных местах, облегчавших естественный дренаж в сезон дождей. Индивидуальные жилища Тикаля, обычно группировавшиеся по 2—3—5 в пределах одного домохозяйства, концентрировались в более крупные территориальные объединения (от 17 до 33 домов), где отмечено также наличие небольшой «дворцового» (административного) типа нежилой постройки с ритуальными приношениями в тайниках и небольшого храма. Общая численность населения такой «группы» составляли, по-видимому, несколько сотен человек⁴⁵. Этот факт, а также присутствие локальной общественной постройки и храма напоминает небольшие «квартальные» деления (барриос, тлашилакалли) ацтекской столицы. Важно отметить, что в отличие от ряда других крупных городов майя I тысячелетия н. э. (например, Алтар-де-Сакрифисьос, Вашактун), где налицо все признаки «кочующего» в пределах городских границ политико-административного центра (что связано, вероятно, со сменой царских династий и строительством в связи с этим новой резиденции и сопутствующих ей храмов), в Тикале основной центр всегда оставался неизменным — в районе Главной площади и прилегающих к ней участков (Северный и Центральный «акрополи» и др.)⁴⁶. Общий силуэт центральной части Тикаля определяли шесть больших башнеобразных храмов и несколько каменных дворцовых ансамблей. Под некоторыми из этих храмов обнаружены пышные захоронения (храм 1, погребение 116) представителей правящей династии города. Судя по явной взаимосвязи комплекса храм—пирамида — гробница (где гробница занимает главное место) и по некоторым этноисторическим данным, мы имеем здесь дело с запуюкойными храмами или с храмами царских предков⁴⁷.

Дворцы—многокомнатные, каменные (со ступенчатым сводом), одноэтажные и двухэтажные постройки, стоящие на высоких платформах-фундаментах и расположенные вокруг внутренних дворигов. Другие типы архитектурных сооружений — жилые дома на низких каменных платформах, паровые бани, площадки для ритуальной игры в мяч, каменные широкие дорожки-дамбы, искусственные резервуары для воды и т. д.

Все основные архитектурные ансамбли центра города были связаны между собой высокими каменными дорогами-дамбами длиной до 1 км и шириной до 60 м. Были они предназначены для облегчения повседневного движения людей и грузов или только для торжественных ритуальных шествий от храма к храму — сказать пока трудно.

Информация о развитии ремесел в Тикале представлена достаточно хорошо. Найдены остатки керамических мастерских, например изготовление терракотовых статуэток в группе 4G-1, бытовой и парадной посуды в группе 4H-1. Мастерские по обра-

ботке обсидиановых и кремневых изделий открыты в группах 4F-1 и 4F-2. Исходя из изображений на фресках и росписях керамики, а также из скульптур и резьбы по дереву и нефриту можно предполагать наличие в городе профессиональных ремесленников по изготовлению вещей из перьев, ювелиров, столяров, резчиков по камню, скульпторов, художников и т. д.

Есть археологические доказательства существования в Тикале развитой торговли: в город в большом количестве ввозились извне, часто из отдаленных мест, соль, обсидиан, твердые породы камня и предметы роскоши⁴⁸. Кстати, в гробницах знати нередко встречаются теотиуаканские привозные глиняные сосуды и изделия из теотиуаканского обсидиана. В городе отмечены также в одном из районов несколько маленьких каменных храмов в чисто теотиуаканском архитектурном стиле (возможно, это говорит о наличии в городе квартала теотиуаканских торговцев или послов)⁴⁹.

Анализ мотивов искусства, пышных гробниц под основаниями храмов и дворцовых ансамблей в центральной части города (группа А) позволяет предполагать существование здесь уже с I в. до н. э. династий наследственных обожествляемых правителей. На рельефах, стелах и росписях Тикаля эти правители запечатлены в обычных для них сценах и занятиях; восшествие на престол, дворцовые аудиенции, победоносные войны с соседними городами, ритуальные обряды и т. д.

В центре «Восточной площади», к западу от платформы 5 E-1 обнаружен архитектурный комплекс, служивший, по мнению исследователей, главным рынком Тикаля: группы длинных и низких зданий вокруг большой прямоугольной площади⁵⁰.

Таким образом, в составе городского населения Тикаля были представлены правитель и светская аристократия, жречество, ремесленники, торговцы, чиновники, писцы, воины и т. д. Однако большинство жителей Тикаля было, несомненно, земледельцами.

За последние 10 лет в наших представлениях о характере земледелия древних майя произошел решительный перелом. Если ранее считалось почти аксиомой, будто местные индейцы, как и теперь, питались чуть ли не одним маниоком, а для его выращивания использовали исключительно подсечно-огневое земледелие, то сейчас картина заметно изменилась. В 1972 г. А. Сименс и Д. Пьюлстон с помощью аэрофотосъемки впервые обнаружили так называемые приподнятые поля (ridged-fields) вдоль р. Канделарии, штат Кампече, Мексика: это искусственно сделанные длинные и узкие земляные гряды (или платформы), окруженные каналами и затопляемые частично или полностью во время паводков водами реки. В целом они напоминают знаменитые «плавающие сады» (чинампы) ацтеков и способны давать большие урожаи несколько раз в год, не теряя своего плодородия⁵¹. Вскоре такие же «приподнятые поля» были найдены в Беллизе — вдоль рек Ондо и Нью, а также в Кинтана-Роо (Мексика)⁵². С помощью воздушного радара остатки сотен древних

каналов (и следы «приподнятых полей») в лесах Белиза и северной Гватемалы увидел археолог Ричард Адамс (США). Наземная проверка подтвердила наличие этих сложных систем⁵². Самое интересное, что многие из указанных сооружений (каналы и «приподнятые поля») были привязаны не к рекам, а к болотистым низинам — «бахос», столь распространенным в этой зоне майя. Не остался без внимания и тот поразительный факт, что вблизи бахос часто находятся и руины майяских городов, включая такие крупные, как Тикаль. Это позволило предполагать, что не только долины рек, но и болота — бахос образовывали благоприятные экологические ниши для сооружения «приподнятых полей»; тем самым объясняется и локализация вблизи них древних майяских поселений⁵⁴.

В настоящее время ведется интенсивное изучение «гидравлических» систем майя в бахос Тикаля, Накума и северного Белиза (проект «Пуллтраузер свамп») ⁵⁵. В ходе указанных работ выяснилось, что система «приподнятых полей» майя в данном регионе была построена на периодических паводках (либо разливы рек, либо переполнение болот водой в сезон дождей), обновлявших почву⁵⁶. Система каналов, связанная с этими «полями», «выводила» лишнюю воду, сохраняя оставшуюся на нужном уровне. Каналы, видимо, служили и удобными путями для перевозки сельскохозяйственной продукции с «полей» к поселениям на лодках и плотах. Этнографические и экспериментальные данные показывают, что за один урожай (период созревания очень короткий) на «полях» такого типа можно получить 4 т сухого зерна маиса с 1 га, тогда как при обычном подсечно-огневом земледелии первый урожай и на лучших землях давал в Петене не более 1,5 т маиса⁵⁷.

Вся зона каналов, болотистых низин, рек, озер и «приподнятых полей» создавала максимум благоприятных условий для жизни рыб, моллюсков, водоплавающей птицы, пресмыкающихся (включая ящериц, змей и крокодилов), которые заметно расширяли пищевые ресурсы местных индейцев. Неудивительно, что эти сюжеты и темы оставили заметный след в искусстве и религии древних майя: частое изображение в иконографии I тысячелетия н. э. рыб, водяных лилий, черепах, улиток, крокодилов и т. д.⁵⁸

Что касается непосредственно Тикаля, то в ходе прокладки «просек» и изучения характера застройки в центре и на периферии города Д. Пьюлстон установил, что в конце восточной «просеки» (на удалении 7—12 км от центра) наблюдается значительная концентрация жилых построек: по его расчетам, там жило до 1406 человек на 1 кв. км земли. Но большая часть этого отрезка «просеки» проходила как раз по болотистой зоне — «бахо де Санта-фе». Подсечно-огневым земледелием заниматься здесь было нельзя. Остается предполагать наличие «приподнятых полей». Кстати, явственные их остатки обнаружены к западу от Тикаля, за пределами западной 12-километровой

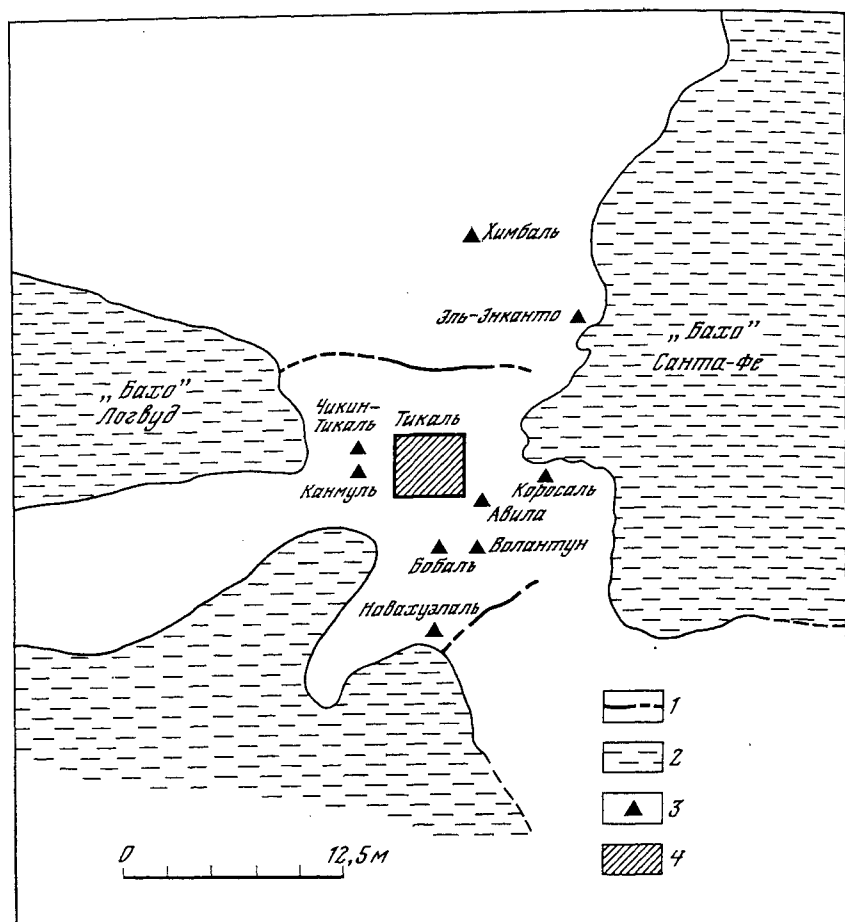

Рис. 11. Тикаль и его округа (план-схема)

1 — линия внешних укреплений; 2 — болота; 3 — малые центры; 4 — Тикаль

«просеки»⁵⁹. По мнению специалистов, система «приподнятых полей» обеспечивала в среднем продуктами свыше 700 человек на 1 кв. км⁶⁰. Таким образом, растет число материалов и фактов, доказывающих, что именно местные индейцы были создателями «гидравлической» цивилизации⁶¹.

В Тикале после широких работ по расчистке руин от растительности удалось нанести на карту около 16 кв. км в центре и вокруг него, что и позволило некоторым исследователям рассматривать эту территорию в качестве основной при определении границ города. Ситуация изменилась в 1965 г., когда лесную чашу в районе Тикаля прорезали четыре 12-километровые просеки (500 м шириной), разбитые строго по странам света. Цель

этого трудоемкого проекта состояла в том, чтобы определить степень концентрации построек в центральной зоне города и на его периферии. И здесь неожиданно выяснилось, что в 4,5 км к северу и в 8 км к юго-востоку от центра Тикаля имеется полоса внешних оборонительных сооружений в виде валов и рвов. С этой находкой ученые вроде бы получили вполне осязаемые границы древнего города: на севере и юге — это линия укреплений, а на западе и востоке — естественные границы в виде обширных болот (бахос). Неудивительно, что уже в 1970 г. один из авторов проекта в Тикале — У. Хевиленд — выступил с утверждением, что площадь города в момент его наивысшего расцвета (около 770 г. н. э.) составляла не менее 123 кв. км. Это именно та площадь, которая ограничена линией внешних укреплений⁶². Правда, другие исследователи доводят территорию, занимаемую Тикалем, до 163 кв. км⁶³.

На мой взгляд, здесь смешаны два разных понятия: сам город как таковой и его округа. Внешняя линия укреплений ограждала не Тикаль, а всю его земельную территорию вместе с населенной округой (девятью городками и селениями). Укрепления служили одновременно и четким пограничным знаком тикальских владений, и защитой от набегов врагов.

Какую же территорию занимал в таком случае собственно Тикаль? Очевидно, район наиболее интенсивной концентрации построек в Тикале — это зона вокруг центра города площадью примерно 8 кв. км. За ее пределами плотность застройки сразу уменьшается в несколько раз. Это и есть собственно Тикаль — столица довольно крупного города-государства. Остальные свыше 115 кв. км приходятся на его округу, включая и территорию зависимых городков и селений (рис. 11).

На площади 16 кв. км «центральной зоны» Тикаля имеется до 3 тыс. построек разного назначения и величины. Примерно 300 из них (т. е. 10%) составляют здания дворцового типа и храмы, сразу же исключенные из дальнейших расчетов. Оставшиеся 2700 зданий небольших размеров представляют собой, видимо, жилые дома разных групп городского населения. Однако при интенсивных раскопках 117 таких построек выяснилось, что не все они были домами; до 16% общего их числа приходится на всякого рода вспомогательные и нежилые здания: кухни, кладовые, бани, семейные святилища и т. д. Исключив из 2700 построек 16% на эту категорию, мы получим 2200 «чистых» жилищ на площади 16 кв. км. В действительности же эта площадь будет значительно меньше, так как примерно 25–30% всей территории Тикаля приходится на долю необитаемых болотистых низин и оврагов.

Раскопки, шурфовка и сбор подъемного материала на значительной части этих 2200 построек позволили У. Хевиленду предположить, что все они были обитаемы к 770 г. н. э. Автор на основе современных этнографических наблюдений за юкатанскими майя взял цифру 5,6 человека на 1 семью (1 дом) для своих

расчетов по древнему Тикалю. В итоге получилась цифра в 10—11 тыс. человек для «центральной зоны» в 16 кв. км. Для всей же территории города (120—163 кв. км) он предполагает исходя из тех же принципов численность населения в 45 тыс. человек. По данным У. Хевиленда, средняя плотность населения в «центральной зоне» Тикаля (63 кв. км) составляла в среднем 600—700 человек на 1 кв. км, а в «периферийной зоне» (60 кв. км) — не более 100 человек на 1 кв. км⁶⁴.

На мой взгляд, цифра 5,6 человека на одну семью несколько занижена. Исходя из данных крупнейшего мексиканского этнографа А. Вильи Рохаса (6,3 человека на одну семью майя) я предлагаю округленную цифру — 6 человек. Это дало бы 13 200 жителей для зоны в 16 кв. км при условии ее равномерной застройки. Но, как мы знаем, застройкой была занята далеко не вся эта площадь (25—30% ее приходится на необитаемые болотистые низины — бахос), и, следовательно, фактическая плотность будет еще выше (до 1100 человек на 1 кв. км). Далее, собственно Тикаль занимает не 16, а только до 8 кв. км, остальное же — его округа. Исходя из средней плотности 1100 человек на 1 кв. км. мы получим, таким образом, для городской зоны Тикаля население в среднем до 8800 человек. Сюда же нужно добавить обитателей дворцов, чиновников, воинов, жрецов и их слуг, живших в ритуально-административном центре (рис. 12).

Таким образом, для собственно Тикаля наши подсчеты в целом составят 11,5—12 тыс. человек. Эта цифра вполне отвечает средней численности древнейших городов Месопотамии (Ур, Хафадж) и полностью совпадает с данными по Майяпану — городу юкатанских майя XIII—XV вв., описанному в письменных источниках и раскопанному. Перед нами — типичный город-государство, или «ном»: столица и ее населенная округа с девятью селениями, включая городки типа Волантун и Эль-Энканто, имевшие каменную архитектуру и резные стелы. Строить предположения о более крупном государственном объединении и даже «империи» во главе с Тикалем без прочтения иероглифических текстов, найденных в городе, пока явно преждевременно.

Что касается формы правления в Тикале, то недавно К. Коггинс (США) высказала интересную догадку о наличии дуальной системы верховной власти в городе (т. е. двух равных соправителей), что сближает Тикаль не только с горными майя, но с ацтеками и теотиуаканцами⁶⁵.

Приведенные факты свидетельствуют о полном совпадении основных городских функций, осуществлявшихся Теотиуаканом и Тикалем: политико-административной, религиозной и хозяйственной (торгово-ремесленной и т. д.). Сходной (несмотря на различие в частности, объясняемое различиями в экологическом окружении) была и экономическая база обоих городов — интенсивное, «гидравлическое» земледелие разных типов, сочетавшееся у майя (там, где это было выгодно) с подсечно-огне-

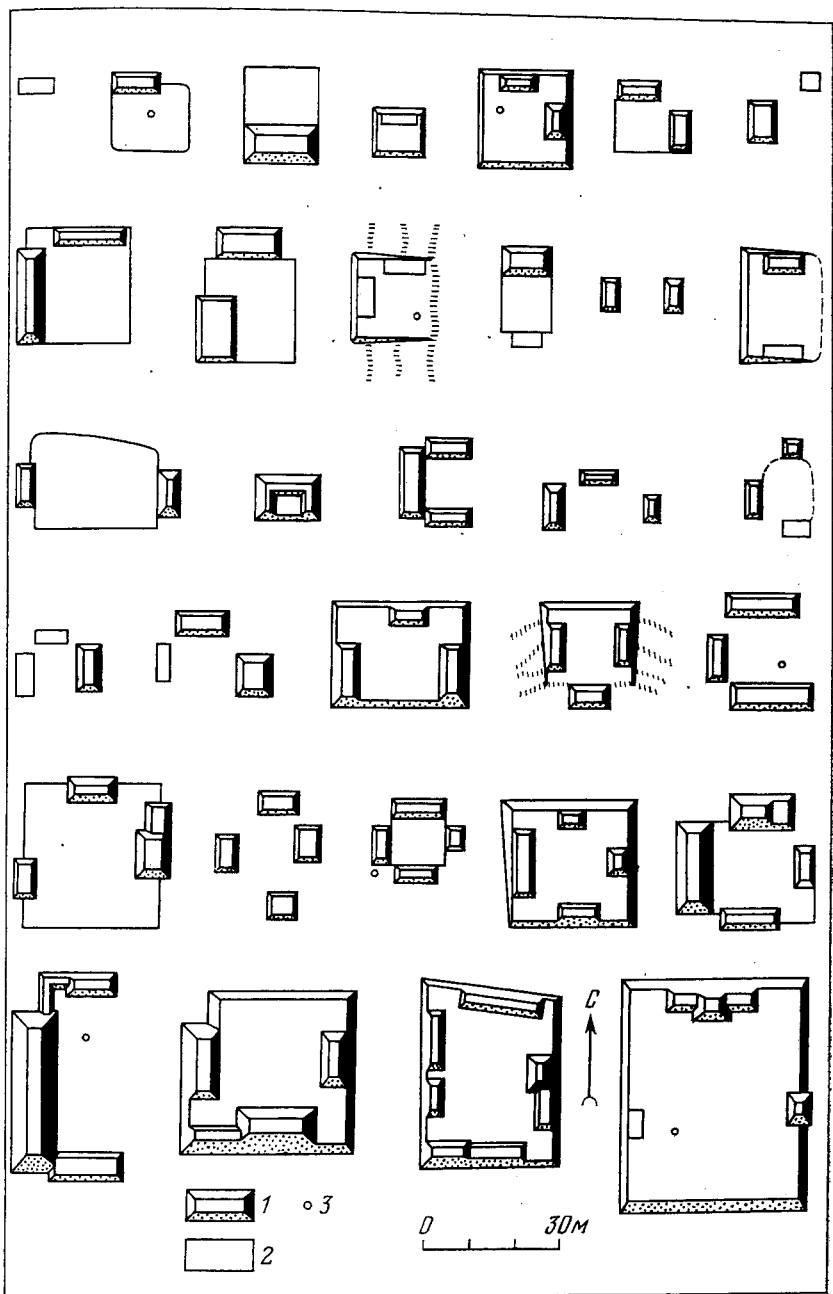

Рис. 12. Основные типы жилых построек — домохозяйств майя в классический период (города северной Гватемалы)

1 — пирамиды; 2 — площадки; 3 — сеноты

вым. Близки и некоторые морфологические признаки: в планировке — наличие ритуально-административного ядра и района компактной жилой застройки вокруг него и более аморфной периферии; квартальное и четырехчленное (четыре «района», или «больших квартала») деление городов, находившее (как в Теотиуакане и Теночтитлане) и не находившее (как у юкатанских майя XIII—XV вв. — Майяпан, Ицамканак, Тайясаль) прямого отражения в реальной планировке; в основных типах архитектуры — храм, дворец, жилые постройки и т. д. Налицо сходство в социальной структуре, если исходить из типов и пространственного размещения жилых построек: большая патрилинейная семья — группа больших родственных семей (часто равная «линиджу») — территориальная община-квартал (баррио) — город-государство.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания и на некоторые различия между этими городами. Тикаль отличается более аморфной и разбросанной жилой застройкой; вместо теотиуаканских крупных блоков-компаундов там представлена меньшая единица — «патиогруппа» (несколько жилых построек большесемейной общины, разбитых вокруг внутреннего дворика). Теотиуакан имеет более развитое ремесло (судя по количеству и специализации мастерских). Наконец, у этого города-гиганта шире сфера культурного, экономического (торговля и т. д.) и, видимо, политического влияния на соседние и даже довольно далекие области Мезоамерики.

- ¹ *Evans I. G.* An introduction to environmental archaeology. N. Y., 1978; *Hardisty D.* Ecological anthropology. N. Y., 1977; *Jochim M. A.* Breaking down the system: recent ecological approaches in archaeology // *Advances in archaeological method and theory*. N. Y., 1979. V. 2. P. 77—119.
- ² *McAdams R. C., Nissen H. I.* The Uruk countryside: the natural setting of urban societies. Chicago, 1972; *McAdams R. C.* The heartland of cities. Chicago, 1981; *The valley of Mexico* / Ed. E. R. Wolf. Albuquerque, 1976.
- ³ *Settlement archaeology* / Ed. K. C. Chand. Palo Alto, 1968.
- ⁴ *Sanders W. T., Parsons J. R., Santley R. S.* The Basin of Mexico: ecological processes in the evolution of a civilization. N. Y., 1979.
- ⁵ *Millon R.* Urbanization at Teotihuacan, Mexico. Austin, 1973. V. 1: The Teotihuacan map, Pt 1.
- ⁶ *Bernal I.* Teotihuacan. Mexico, 1963.
- ⁷ *Haviland W. A.* Tikal, Guatemala and mesoamerican urbanism // *World archaeology*. L., 1970. V. 2. P. 186—198.
- ⁸ *Blanton R. E.* Monte Alban: settlement patterns at the ancient Zapotec capital. N. Y., 1978.
- ⁹ *Marcus J.* On the nature of the mesoamerican city // *Prehistoric settlement patterns: Essays in honor of G. R. Willey* / Ed. E. Z. Vogt, R. M. Leventhal. Cambridge (Mass.), 1983. P. 214.
- ¹⁰ *Blanton R. E.* The rise of cities // *Supplement to the handbook of Middle American Indians* / Ed. J. A. Sabloff. Austin, 1981. V. 1. P. 393—394.
- ¹¹ *Bernal I.* The effect of settlement pattern studies on the archaeology of Central Mexico // *Prehistoric settlement patterns*. P. 398.
- ¹² В известной мере эту лауну заполняют две полезные обобщающие статьи: *Marcus J.* On the nature... и *Blanton R. E.* Anthropological studies of cities // *Annual review of anthropology*. Palo Alto, 1976. V. 5. P. 249—264.

- 13 The valley of Mexico / Ed. E. R. Wolf; *Sanders W. T., Parsons J. R., Santley R. S.* The Basin of Mexico.
- 14 *Willey G. R.* Recent researches and perspectives in mesoamerican archaeology // Supplement to the handbook... P. 12; *Bray W.* Rev.: The valley of Mexico / Ed. E. R. Wolf // *Amer. Antiquity*. 1978. V. 43, N 1. P. 127.
- 15 *Bray W.* From village to city in Mesoamerica // The origins of civilization / Ed. P. R. Morrey. Oxford, 1979. P. 82–84.
- 16 *Parsons J. R.* Teotihuacan, Mexico and its impact on regional demography // *Science*. 1968. V. 162. P. 872–877.
- 17 *Bray W.* From village... P. 84.
- 18 *Hardoy J.* Pre-Columbian cities N. Y., 1973. P. 53.
- 19 *Adams R. E. W.* Prehistoric Mesoamerica. Toronto, 1977. P. 193–194.
- 20 *Millon R.* The study of urbanism at Teotihuacan, Mexico // *Mesoamerican archaeology: New approaches* / Ed. N. Hammond. Austin, 1974. P. 347.
- 21 *Willey G. R.* Recent researches... P. 12.
- 22 *Кочакова Н. Б.* Города-государства йорубов. М., 1968.
- 23 *Willey G. R.* Recent researches... P. 13.
- 24 *Ibid.*
- 25 *Bray W.* From village... P. 98.
- 26 *Millon R.* The study of urbanism... P. 348–352.
- 27 *Willey G. R.* Recent researches... P. 13.
- 28 *Millon R.* Urbanization at Teotihuacan... V. 1.
- 29 *Coe M. D.* The chinampas of Mexico // *Sci. Amer.* 1964. V. 211, N 1. P. 96.
- 30 *Ibid.*
- 31 *Bray W.* Rev. P. 127.
- 32 *Sanders W. T., Santley R. S.* A tale of three cities: energetics and urbanization in pre-hispanic Central Mexico // *Prehistoric settlement patterns*. P. 243–246.
- 33 *Litvak King J.* Cihuatlan y Tepecoacuilco: provincias tributarias de Mexico en el siglo XVI. Mexico, 1971.
- 34 *Sanders W. T., Santley R. S.* A tale... P. 246–247.
- 35 *Ibid.* P. 248. Tab. 11.3.
- 36 *Ibid.* P. 250–253. Tab. 11.4.
- 37 *Ibid.* P. 287.
- 38 *Willey G. R.* Recent researches... P. 14.
- 39 *Ibid.*
- 40 *Marcus J.* On the nature... P. 228.
- 41 *Bray W.* Landscape with figures: settlement patterns, locational models and politics in Mesoamerica // *Prehistoric settlement patterns*. P. 176–177.
- 42 *Coe M. D.* Social typology and tropical forest civilizations // *Comp. Stud. Soc. Hist.* 1961. V. IV, N 1. P. 67; *Meggers B.* Environmental limitations to the development of culture // *Amer. Anthropol.* 1954. V. 56, N 5.
- 43 *Sanders W. T.* The cultural ecology of the Lowland Maya: a reevaluation // *The classic Maya collapse* / Ed. T. P. Culbert. Albuquerque, 1973. P. 326–365.
- 44 *Bray W.* Land-use, settlement pattern and politics in prehispanic Middle America: a review // *Man, settlement and urbanism*. L., 1972. P. 909.
- 45 *Haviland W. A.* Tikal, Guatemala...
- 46 *Гуляев В. И.* Города-государства майя. М., 1979. С. 105–107.
- 47 *Гуляев В. И.* Культ предков у древних майя // *Религии мира*. М., 1984. С. 72–75.
- 48 *Haviland W. A.* Maya settlement pattern: a critic review // *Middle Amer. Res. Inst. Publ.* 1970. N 26. P. 35.
- 49 *Coe W. R.* Tikal: ten years of study of a Maya ruin in the Lowlands of Guatemala // *Expedition*. 1965. V. 8, N 1. P. 40.
- 50 *Coe W. R.* Tikal, Guatemala: Guía de las antiguas ruínas Mayas. Philadelphia, 1971. P. 73.
- 51 *Siemens A. H., Puleston D. E.* Ridged-fields and associated features in Southern Campeche: new perspectives on the Lowland Maya // *Amer. Antiquity*. 1972. V. 37, N 2.

- ⁵² *Vogt E. Z.* Some new themes in settlement pattern research // Prehistoric settlement patterns. P. 4–5.
- ⁵³ *Adams R. E. W.* Swamps, canals and locations of ancient Maya cities // *Antiquity*. 1980. V. 54, N 212. P. 206–214.
- ⁵⁴ *Ibid.*
- ⁵⁵ *Turner B. L., Harrison P. D.* Pulltrouser swamp: Ancient Maya habitat, agriculture and settlement in Northern Belize. Austin, 1983.
- ⁵⁶ *Vogt E. Z.* Some new themes... P. 6.
- ⁵⁷ *Ibid.*
- ⁵⁸ *Puleston D. E.* The art and archaeology of hydraulic agriculture in the Maya Lowlands // *Maya archaeology and ethnohistory* / Ed. N. Hammond, G. R. Willey. Austin, 1979.
- ⁵⁹ *Dahlin B. H.* Preliminary investigations of agronomic potentials in «bajos» adjacent to Tikal (Petén, Guatemala) // *Actes du XLII-e Congrès International des Americanistes*. P., 1979. V. VIII. P. 308–309.
- ⁶⁰ *Dahlin B. H.* Op. cit. P. 309.
- ⁶¹ *Denevan W. M.* Hydraulic agriculture in american tropics: forms, measures and recent research // *Maya subsistence: Studies in memory of D. E. Puleston* / Ed. K. V. Flannery. N. Y., 1982. P. 198.
- ⁶² *Haviland W. A.* Tikal, Guatemala... P. 190.
- ⁶³ *Coe W. R.* Tikal, Guatemala. P. 107.
- ⁶⁴ *Haviland W. A.* Tikal, Guatemala... P. 190–196.
- ⁶⁵ *Coggins C.* A new order and role of the calendar // *Maya archaeology and ethnology* / Ed. N. Hammond, G. R. Willey. Austin, 1976. P. 43–46.

АРЕАЛЫ СОБИРАТЕЛЕЙ — РЫБОЛОВОВ — ОХОТНИКОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ НА АНТИЛАХ В ДОКОЛОНИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Э. Г. Александренков

При изучении древней истории обитателей Антил возникает ряд вопросов, касающихся отношений человеческих коллективов, находившихся на разных уровнях доклассового общества, с окружающей средой в условиях тропического климата и моря. Какими путями попал человек на острова? Какие экологические факторы способствовали этому? Каким образом пришельцы приспособлялись к местным условиям, в какой мере эти условия повлияли на изменения в хозяйстве, на производительные силы и в конечном счете — на развитие общественных отношений? Что было решающим в разных формах приспособления: наличие специфических пищевых ресурсов или сырья для получения орудий? Как распространилось на острова земледелие? Что способствовало и что сдерживало это распространение?

Острова, расположенные между Северной и Южной Америкой, образуют цепь, идущую от северного побережья Южной Америки на север — от Тринидада до Ангилы. Затем она поворачивает на запад и как бы расщепляется: в западном направлении находятся Виргинские острова, Пуэрто-Рико, Гаити и Куба, на северо-западе от Гаити Багамские острова, к югу от Кубы лежит Ямайка. Протяженность островной дуги от Тринидада до

западного окончания Кубы составляет около 3 тыс. км. Расстояния между соседними островами редко превышают 100 км: 160 км отделяет Барбадос от ближайших островов, 150 км — Ямайку от Кубы. При благоприятных условиях в пределах видимости оказываются острова, удаленные на десятки километров один от другого, что могло способствовать их открытию и поддержанию контактов между ними.

Антильские острова находятся в поясе тропического климата со среднегодовой температурой 25—26°. Геологическая история их неодинакова, что сказалось на формировании сред, к которым должен был приспособиться древний человек: горы, равнины, болота, леса, саванны, разной ширины и глубины шельф и т. д. В пределах одного и того же острова, даже в цепи Малых Антиль, встречаются различные природные зоны. Отличаются почвы, средние температуры, влажность, что в свою очередь отражается на растительном и животном мире. Естественно, что наиболее разнообразны зоны на больших островах. Условия среды влияли на возможность получить ту или иную пищу и использовать местные источники сырья для изготовления орудий труда и предметов обихода, а в более позднее время — на практикование земледелия, развитие ремесла и поддержание обмена.

Заселение островов не было изолировано от демографических процессов, имевших место в материковых регионах полушария и часто связанных с экологическими процессами. Судя по современному данным, первое проникновение человека на Антилы относится к так называемому переходному периоду, длившемуся от 8 до 5 тыс. до н. э. В экологическом отношении самой характерной чертой его является исчезновение крупных плейстоценовых животных. На больших пространствах Американского материка человеческие коллективы все интенсивнее занимались собирательством и ловлей рыбы, известными и в предыдущих периодах. Видимо, с усилением роли собирательства и необходимостью переработки разнообразного пищевого сырья непосредственно связано появление новых каменных орудий (ступки, песты, топоры) и других предметов (сосуды), а также новых приемов обработки камня — шлифования и полирования. На морских побережьях возник такой специализированный вид хозяйства, как морское собирательство, где в пищевом балансе главную роль стали играть моллюски. Наиболее древние раковинные кучи на побережье датируются 6—5 тысячелетиями до н. э. В это же время начинается интенсивная эксплуатация пресноводных моллюсков¹.

На островах, прилежащих к карибскому побережью Южной Америки, наиболее древним памятником описываемого периода является раковинная куча Бануари-Трейс на Тринидаде — начало обитания этого места определяется по радиоуглеродному методу такими датами, как 5400 и 4750 лет до н. э. Здесь найдены орудия из кости и раковины, многочисленные каменные песты и каменные шлифованные топоры. Были замечены временные изме-

нения в хозяйственной деятельности обитателей стоянки — от собирания моллюсков и охоты к собиранию моллюсков и рыбной ловле². Бануари-Трейс можно считать одним из этапов переориентации хозяйственной деятельности тех коллективов, которые до выхода к побережью практиковали преимущественно охоту. На самом побережье и прилегающих островах, каким является и Тринидад, при наличии соответствующих условий (мелководье с изобилием моллюсков и рыбы) большая часть пищи могла добываться из моря. Море давало и новое сырье для орудий и предметов обихода — раковины моллюсков.

До настоящего времени самые древние следы обитания человека на островах, не считая Тринидада, найдены на Больших Антилах. Есть несколько радиоуглеродных датировок конца IV — начала III тысячелетия до н. э. и одна колагенная начала IV тысячелетия до н. э.; еще более раннее время появления человека на островах (V тысячелетие до н. э.) выводится на основе стратиграфии некоторых стоянок и форм находимых на них орудий. Пока что древнейшая, колагенная, датировка происходит с Кубы со стоянки Себоруко (муниципийа Маяри провинции Ольгин) на северо-востоке острова — 3930 г. до н. э. Для орудий этого памятника характерны крупные кремневые остроконечники на пластинах длиной до 12 см. Там же, в бассейне р. Маяри, обнаружено еще более 30 докерамических памятников. К востоку, в бассейне р. Левиса, также известно около 10 стоянок сходного с Себоруко облика; из них Левиса-8 — настоящая мастерская, где у входа в пещеру рассеяны тысячи кремневых предметов — нуклеусы, остроконечники, ножевидные пластины. Некоторые пластины с этих стоянок достигают очень больших размеров — до 30 см³. Радиоуглеродные образцы, взятые из VII и V слоев стоянки Левиса-1, показали 3190 и 1510 лет до н. э.⁴ Наиболее древние стоянки о-ва Гаити найдены на юге Доминиканской Республики. Это Мордан (по другой классификации Баррерас-II) с радиоуглеродными датировками 2610, 2450, 2190 и 2165 лет до н. э. и Рио-Педерналес — 2590 лет до н. э.⁵ Сходные стоянки есть и в других районах острова. Их кремневый инвентарь похож на материалы упомянутых кубинских стоянок, что дало возможность польскому археологу Я. Козловскому объединить их в одну культуру — Себоруко—Мордан⁶.

По аналогии с материковыми областями ученые предположили, что древнейший кремневый инвентарь Кубы и Гаити оставлен охотниками на крупных животных⁷. В самом деле, попавшие на Большие Антильские острова люди могли найти там крупную добычу — на суше водились ныне вымершие гигантские ленивцы, вес которых достигал 100 кг. В морских и пресных водах обитали ламантины, черепахи, крокодилы (в разной степени водятся и сейчас), а также местный вид тюленя (вымер). Однако анализ материалов с наиболее древних (по состоянию на 70-е годы) памятников двух островов показал, что собирательство уже в ту пору играло у древних антильцев основную роль,

хотя главная добыча бывала различной как на разных памятниках, так и в разные эпохи на одном и том же памятнике. Обитатели Баррерас, хотя и проживали недалеко от мангров, употребляли в пищу преимущественно вид устриц, населявших песчаные берега. Морские двустворчатые раковины изобиловали и на Рио-Педерналес. В пищевых остатках Левисы-1 преобладали наземные ракообразные, хотя были известны и моллюски (наземные и водные), рыба, наземные млекопитающие (грызуны и насекомоядные), пресмыкающиеся, черепахи и птицы в очень небольших количествах⁸. Древние обитатели Антиль употребляли в пищу также плоды растений — их остатки встречаются в культурных слоях.

Даже если предположение о том, что первые жители островов (для которых характерны крупные кремневые орудия) были охотниками на крупных животных, занесенными случайно на острова, совершенно очевидно, что в новых условиях они должны были в конце концов переориентироваться в добывании пищи. Логичнее, однако, предположить, что на острова скорее могли попасть не охотники на крупных животных, а обитатели морских побережий континента, комбинируя охоту с собирательством и ловлей рыбы. Тем не менее на островах отказ от крупных кремневых орудий произошел не сразу, а в некоторых местах их производство, видимо, даже процветало⁹.

На более поздних стоянках в качестве сырья для изготовления орудий и предметов утвари начинает применяться раковина. Особенно известны такие находки с Кубы: разного рода ёмкости, условно называемые «чашами» и «блюдами», а также пробойники, ударники, долота и скребки из раковины *Strombus gigas*. Два объяснения может быть этому феномену — приход новых групп людей с материка, где известны подобные находки в более раннее время, или адаптация островитян к местному сырью. Показательно, что с IV тысячелетия до н. э. увеличивается число раковинных куч на континентальном побережье (отмечено в Венесуэле и южной Бразилии). В это время уровень моря в указанных областях был на 3,5 м выше современного, что способствовало, по мнению североамериканских археологов Б. Меггера и К. Эванса, заполнению водой мелких прибрежных районов и распространению сферы обитания моллюсков. Тем же явлением они объясняют наличие раковинных куч на Кубе и Гаити около III тысячелетия до н. э.¹⁰

К более позднему времени, чем появление самых древних стоянок на островах, относятся памятники, на которых преобладающими орудиями являются всякого рода терочные камни, песты и ступки, а также топоры: Эль-Порвенир в Доминиканской Республике, начало которого датируется 2100 г. до н. э., несколько памятников на Пуэрто-Рико и стоянка Крум-Бей на Виргинских островах, датируемые гораздо более поздним временем, чем Эль-Порвенир, — от 450 г. до н. э. до 40 г. н. э.¹¹ Сходные памятники, чаще всего недатированные, известны и из других мест на Гаити, а также на Кубе.

Упомянутые выше орудия из раковин и камня не вытеснили целиком кремневые орудия. Тем не менее с течением времени крупные орудия из кремня исчезли совершенно и даже более того — на островах появились кремневые комплексы, которые Я. Козловский отнес к микролитическим¹². Различия в комплексах орудий, прослеживаемые на островах и имеющие диахронные и синхронные параметры, могут свидетельствовать, помимо предполагаемого появления новых групп пришельцев и зависимости от сырья, о преобладании того или иного хозяйственного занятия. Известно, что различные занятия могут быть синхронными и иметь место в пределах разных сред обитания даже одного и того же человеческого коллектива¹³.

В последние годы география памятников докерамического периода на Антилах заметно расширилась. Они обнаружены на Сент-Китс (Сент-Кристофер), где даты из двух слоев показали время 2150 лет до н. э. и 225 лет до н. э. На лежащем недалеко-о-ве Саба орудия из раковин датированы 1205 г. до н. э. Недатированные находки, относимые к докерамическому периоду, найдены на островах Антигуа, Мартиника и некоторых Багамских¹⁴. Они все еще не известны на Ямайке и в южной части цепи Малых Антил.

На островах собиратели, охотники и рыболовы имели в целом благоприятные условия для обеспечения себя пищей — климат без резких перепадов температуры, отсутствие наземных хищников и ядовитых змей. Наибольшую угрозу должны были представлять крокодилы и крупные хищники морских вод, акулы и барракуды. Определенные неудобства могли создавать насекомые, особенно в районах болот и мангровых зарослей. Но судя по тому, что во многих случаях именно в этой среде находятся скопления стоянок, их обитатели умели защищаться от укусов. Из письменных источников известно, что защитой от насекомых, как и от морской воды и солнца, могло служить натирание тела какой-либо краской¹⁵. Исследование костных останков древних обитателей Антил обнаружило в некоторых случаях высокий процент травматизма — у 18,5% особей (более всего страдали конечности) — и другие патологические изменения. Высок был также процент детской смертности. Максимальный возраст людей достигал 35 лет, а средняя продолжительность жизни — менее 15 лет. Эти данные получены относительно самых ранних групп обитателей Гаити. Вероятно, их можно применить и к другим сходным по образу жизни группам. Есть, однако, точка зрения, согласно которой приведенные данные отражают частный случай неудачной адаптации¹⁶.

Если брать некерамические памятники Антил как совокупность, то на них встречаются остатки, видимо, всех островных млекопитающих, пресмыкающихся, черепах, ракообразных, моллюсков (птиц и рыб труднее идентифицировать). Из письменных источников, в которых имеются сведения о неземледельческом населении Антил, известно, что поедались и некоторые насеко-

мые. Таким образом, использовались практически все доступные источники животной пищи, хотя и избирательно от группы к группе. О разнообразии растительной пищи можно судить с меньшей уверенностью, так как ее остатки сохранились хуже. Обитатели Гаити, по крайней мере некоторые группы, употребляли в пищу и ядовитые растения, в частности гуайнгу (*Zamia* sp.), корни которой, богатые углеводами, содержат ядовитый алкалоид, разрушаемый действием высокой температуры или ферментацией. Следы растения найдены в Эль-Порвенире, где они датируются 1250 г. до н. э.¹⁷

Не все микросреды, освоенные собирателями, рыбаками и охотниками Антиль, были одинаково продуктивны. Специальные исследования показали, что наиболее оптимальны для добывания пищи районы мангров, где сочеталось обилие моллюсков, ракообразных и птиц и где бывали представлены и млекопитающие (из письменных источников известно, как на них охотились: стряхивали в воду и затем подбирали)¹⁸.

Видимо, богатство источников пищи способствовало тому, что в некоторых местах происходила концентрация населения. Так, на п-ове Гуанаакаибес, длина которого около 100 км, а ширина по большей части не превышает 10 км, к середине 70-х годов было найдено более 60 памятников, оставленных охотниками, собирателями и рыбаками. Известны концентрации некерамических памятников и в других местах Кубы и Гаити. Древнейшие жители островов обитали в гротах, пещерах и на открытых местах. Некоторые из стоянок были заняты длительное время, о чем говорят датировки из разных слоев и многометровые отложения культурных слоев. При нынешнем состоянии археологических раскопок нельзя утверждать, что эти стоянки были обитаемы оседлым населением. Тем не менее концентрация памятников и несомненная долговременность их обитания могли стать предпосылкой полной оседлости или такой ее степени, которая при обилии разнообразных пищевых ресурсов давала возможность уделять часть времени и трудовых затрат на «непроизводительные» сферы. В условиях неземледельческого хозяйства оседание человеческих коллективов и достаточность пищевых ресурсов должны были играть особо важную роль в усложнении социальных отношений и духовного мира. Свидетельства этих процессов, хотя и не всегда четко улавливаемые, встречаются на памятниках Больших Антиль.

Так, появление орнаментированных предметов на Гаити доминиканский исследователь М. Велос Махьоло относит к I тысячелетию до н. э. Объясняет он это, правда, несколько механистически — слиянием трех, по его словам, «схем» образа жизни, представленных вначале изолированными коллективами с акцентом на разное сырье для орудий (кремень, раковина и галька). Процесс «технологической и культурной гибридизации» начался, по мнению М. Велоса Махьоло, с 1800 г. до н. э. и привел к увеличению разнообразия орудий и потребляемой пищи¹⁹.

Усложнение инвентаря поздних некерамических комплексов, свидетельствующее об усложнении общественных отношений, наблюдается и на Кубе. Помимо предметов, которые могут быть орнаментальными (всякого рода подвески, ожерелья из раковин, камней, позвонков рыб и зубков акул), там найдены предметы, ритуальное назначение которых не вызывает сомнений, — это так называемые каменные кинжалы и каменные шары (известны и с Гаити).

На вопрос, откуда и как пришли первые люди на Антилы, нельзя еще ответить с уверенностью. Из письменных источников известно, что языки (или один язык, сказать трудно) обитателей Антиль, не знавших земледелия, не относились к аравакской семье²⁰. Однако никакого словарного фонда после них не осталось, а возможности топонимики занимаемых ими в конце XV в. районов пока не проверены. Есть несколько гипотез происхождения первых насельников Антиль, постоянно меняющихся в зависимости от последних находок. Критерием для предположения района исхода служит обычно сходство предметов из сравниваемых стоянок. Одно время считалось, что древнейшими обитателями Антиль были выходцы с Флориды. Выдвигалась гипотеза первичного заселения из Центральной Америки, а также продвижения с Тринидада на север. Находили сходство между предметами комплекса Кайо-Редондо на Кубе и памятниками Юго-Запада США и Мексики, между ребристыми гальками-терочниками Пуэрто-Рико и северного побережья Южной Америки²¹. Главные препятствия для принятия той или иной версии заселения Антиль (можно допустить и многократность проникновения человека на острова) — отсутствие промежуточных звеньев, стоянок со сходным материалом в южной части цепи Малых Антиль или на Багамах, а также, пожалуй, множественность альтернатив. Все же мысль о возможности прямых плаваний от материка к Большим Антилам в доземледельческий период уже имеет немало сторонников.

Недавно на Гаити датирована керамика, относящаяся к позднему этапу доземледельческого периода, — от 360 г. до н. э. до 175 г. н. э. Связать эту керамику именно с неземледельческим населением позволяет отсутствие в ее составе таких диагностических для земледельцев Антиль и некоторых областей Южной Америки элементов, как глиняные сковороды, на которых готовили лепешки из маниоки. Керамика, не содержащая сковород, найдена и на Кубе, при этом в разных ее частях — как на востоке, так и на западе. Она встречена на тех же памятниках, что и упомянутые выше микролитические орудия, и предположительно датируется от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э.²² Некоторые исследователи находят сходство между ранней керамикой Антиль (а именно с Эль-Каймито, Доминиканская Республика) и более древней керамикой памятников атлантического побережья Колумбии (примеси в пасте из размельченных черепков, нарезной орнамент в виде широких ли-

ний, заканчивающихся ямками, и др.) и предполагают возможность транскарибского расселения ее носителей²³. В связи с нахождением подобной керамики на Больших Антилах выдвигается гипотеза о передвижении носителей керамической серпи «седеньоиде» со среднего течения Ориноко через речную сеть запада Венесуэлы до побережья и оттуда к Большим Антилам²⁴. Основанием для подобных предположений, как и в других случаях, служит отсутствие сходных материалов на Малых Антильских островах.

Для подтверждения предположений о широких контактах между Северной и Южной Америкой привлекается в постулируемое Дж. Гренберри родство языков тимукуа Флориды и гуарауно дельты Ориноко²⁵.

Растущее число памятников с керамикой, относимой к доземледельческому населению Антиль, послужило основанием для выделения промежуточного периода в древней истории островов, располагаемого между неземледельческим и земледельческим периодами. Он получил название «предземледельческий» (протоагрикола)²⁶. В силу того что земледелие на островах распространялось не одновременно, длительность «предземледельческого» периода в различных районах Антиль могла быть неодинаковой. Кроме того, случаи заимствования керамики островными охотниками, собирателями и рыбаками у островных земледельцев могли иметь неоднократный характер и случаться в разное время. Примером служат находки крашеной керамики, датированной стратиграфически и радиоуглеродным методом IX—XII вв. н. э., в контексте явно неземледельческого комплекса (Маяри, Куба)²⁷.

Область исхода земледельцев Антиль хорошо известна — это восточные районы северного побережья Венесуэлы. Движение их прослеживается по движению керамики так называемого саладоидного типа со следами влияния другой керамической традиции нижнего Ориноко — барранкоидной. Наиболее характерные черты этой керамики: колоколовидная форма сосудов, красно-белая роспись на них, антропо- и зооморфные украшения в виде головок. На о-ве Антигуа самая ранняя керамика такого облика датируется I в. н. э., на Пуэрто-Рико — II в. н. э. Памятники указанного времени обычно располагались на лучших для земледелия местах, поблизости от береговой линии²⁸. О том, что носители саладоидной керамики на Малых Антилах занимались разведением маниоки, говорит наличие глиняных сковород, а многочисленные терочные камни могут свидетельствовать о возделывании маиса. Земледелие здесь явно доминировало над охотой и рыбной ловлей, так как среди отбросов найдено мало костей животных и рыб. Тем не менее было развито наземное собирательство, и находки остатков крабов столь многочисленны, что дали повод выделить целую «крабовую культуру». На предпочтении того или иного способа добывания пищи сказывались, конечно, конкретные условия каждого из островов (в частности, на Доминике нет мангров). Прослежены и общие, временные изменения, главное из которых состояло во все большей ориента-

ции на добывание пищи из моря. Это отразилось на перемещении памятников ближе к морской линии и на смене состава употреблявшейся в пищу фауны — от земноводных позвоночных к мелководным, а затем, в конце саладоидного периода, к глубоководным. В конечном этапе периода замечена интенсификация сбора моллюсков, пришедшая на смену ловле крабов. Показательно, что в конце саладоидного периода на о-ве Сент-Китс (Сент-Кристофер) был занят и засушливый полуостров, не освоенный прежде земледельцами.

Такую переориентацию объясняют по-разному — изменением климатических условий или приходом новых групп населения с юга. Более детальные исследования показали замедленность процесса — таким образом, снимается вопрос о второй миграции²⁹. Высказано также предположение, что усиленная эксплуатация морских ресурсов была вызвана отрицательным влиянием подсечного земледелия на окружающую человека среду и демографическим ростом на некоторых островах начиная с V в. н. э. Вполне вероятно, что именно с этими явлениями связаны движение населения в горные долины Пуэрто-Рико и появление в середине I тысячелетия земледельцев — носителей саладоидной керамики на востоке о-ва Гаити³⁰.

На рубеже VII и VIII вв. земледельцы достигли запада о-ва Гаити и Ямайки, несколько позже — Кубы и Багамских островов. На Больших Антилах начинается развитие местных керамических стилей, происходит и их смена, отраженная как в орнаментации, так и в формах сосудов (этот процесс выявлен и на Малых Антильских островах). По мнению ряда исследователей, изменения в антильской керамике могут отражать какие-то южноамериканские влияния и даже приход новых групп разного этнического происхождения. На том основании, что начиная с I тысячелетия наблюдается сходство некоторых элементов керамики о-ва Гаити (чикоидная керамика) и памятников северного побережья Венесуэлы и что этих элементов нет на Малых Антилах (ситуация, сходная с описанными выше), Б. Меггерс и К. Эванс предположили прямые плавания через Карибское море. Однако европейцами в конце XV — начале XVI в. такие путешествия не засвидетельствованы, в то время как походы обитателей Малых Антил на материк и Большие Антилы случались не раз.

Хотя место происхождения первых земледельцев Антил определено достаточно ясно, их этническая принадлежность не бесспорна. Испанцы в конце XV в. застали на Больших Антильских островах земледельческие группы, говорившие на близкородственных языках или диалектах аравакской семьи. Малые Антилы в то время занимало также аравакоязычное население (современники называли его «карибами»), в языке которых было заметно влияние карибоязычных пришельцев более позднего (приблизительно XII в.) времени. Языковая принадлежность первых земледельцев Антил определяется в зависимости от того, как

археолог интерпретирует смену керамических стилей на островах, в особенности на Малых. Если усматриваются медленные трансформации ранней (саладоидной) керамики, то допускается, что первые земледельцы были араваками, если более резкие, — то «доараваками». То же самое относительно прихода карибов. Одни археологи считают надежным показателем их прихода появление керамики стиля суази, другие — нет. Недавно на основании некоторых черт керамики, найденной на Малых Антилах, было предположено проникновение туда немногочисленных групп тупи на рубеже I и II тысячелетий н. э.³¹

С того времени как на островах появились земледельцы, ареал обитания островных охотников, собирателей и рыболовов стал неизменно сокращаться. На Малых Антилах вытеснение доземледельческих групп шло более быстрым темпом (об этом говорят датировки поздних некерамических памятников — I в. н. э. — на Виргинских островах и Пуэрто-Рико), а в некоторых районах Гаити и Кубы они дожили до конца XV в. Начальное расселение земледельцев должно было быть более избирательным, чем их предшественников, так как они были ограничены, помимо общих для двух групп факторов, наличием удобных для обработки земель. Однако их столкновение со старыми обитателями островов должно было проходить во всех средах. Антильские земледельцы, как это видно из археологических и письменных источников, широко практиковали охоту, собирательство и ловлю рыбы. Некоторые виды охоты были весьма специфичны: на попугаев с помощью подсадной птицы и накидной петли, а также дыма от жженого перца, на диких гусей с помощью пустых тыкв, в которые скрывали головы охотники, погрузившиеся в воду; на черепах с помощью рыбы-прилипалы и т. д. Отдельные приемы охоты походили на собирательство. Так, млекопитающее, известное под индейским названием «гуабиникинах» (скорее всего одно из насекомоядных, кости которых встречают археологи на древних стоянках), вылавливали в манграх: индейцы на лодках пробирались в мангровые заросли и стряхивали животных в воду, откуда затем их вылавливали³².

Вполне вероятно, что некоторые из этих способов охоты были заимствованы земледельцами у их предшественников, от которых они, вероятно, узнали о полезных свойствах местных растений. Земледельцы принесли с собой из Южной Америки такие культурные растения, как маниок, маис, батат, земляной орех, тыкву, бобовые, хлопок, табак, некоторые плодовые деревья и кустарники. Тем не менее, как видно из письменных источников, они употребляли в пищу и дикие растения (одни постоянно, другие — в случае нужды), о чем подробно писал Овьедо. Особый интерес представляет способ изготовления лепешек из ядовитых корней гуаййги: их растирали, давали массе закиснуть до появления червей и затем жарили вместе с червями, т. е. как заметил М. Велос Махоло, в одном блюде сочетались белки и углеводы³³. Зная об употреблении в пищу гуаййги неземледель-

цами (о чем сказано выше), можно предположить, что земледельцы заимствовали у них такой сложный процесс обработки пищевого сырья. Скорее всего это случилось через посредство местных женщин, которые обычно занимались приготовлением пищи. На данном примере отчетливо прослеживается важный момент: захват местных женщин пришельцами в качестве жен, наложниц или служанок (известный и в других районах мира), становится одной из форм, весьма специфической и, вероятно, наиболее эффективной в условиях доземледельческих и раннеземледельческих обществ, адаптации к местным условиям. Знание женщинами (обычно собирательницами, но также и участницами земледельческих работ) местной среды становилось достоянием захвативших их групп, и адаптация пришельцев должна была проходить быстрее.

Этнографические материалы говорят о том, что деревни земледельцев в низменных тропических районах Южной Америки должны перемещаться не реже 5—7 лет из-за истощения почв на возделываемых участках и истребления добычи. Известны и исключительные случаи, когда деревня находилась на одном месте целый век. При этом основной стабилизирующей причиной явилось обилие рыбы в соседнем озере³⁴. Значительная глубина отложений на ряде земледельческих памятников Антиль, в особенности Больших, говорит о длительности их обитания. В свою очередь указанный факт свидетельствует и о том, что поля переносились не так часто, как можно было бы предполагать для подсечно-переложного земледелия, практиковавшегося на Антилах. Вероятно, стабилизации возделываемых участков, а с ними и мест обитания могли способствовать некоторые приемы земледелия, не свойственные простой подсеке. Современные исследователи основываясь на анализе письменных источников и данных археологии, сумели выделить несколько таких форм, применявшихся в зависимости от особенностей среды и рассматриваемых сейчас как «специфические адаптивные механизмы»: земледелие на скалистых грунтах, на заливных поймах рек, на специально возводимых насыпях, на искусственно орошаемых землях с применением плотин и дренажа³⁵. Европейцев конца XV в. особенно заинтересовало возделывание маниока и батата. По словам очевидцев, для них возводились специальные холмики земли с диаметром основания около 2,5 м и высотой до колен человека. Уже в XIX в. было высказано предположение о многозначности функций таких холмиков: они служили для собирания земли там, где слой гумуса был невелик; защищали корнеплоды от излишней влажности; во время дождей и паводков между ними стекала вода³⁶.

Важной причиной стабильности земледельческих поселений могли быть и источники пищи, не связанные с земледелием. Овьедо в середине XVI в. усматривал такую связь. Он заметил, что в южной части о-ва Пуэрто-Рико находились очень хорошие места ловли рыбы и по этой причине там (до прихода испан-

цев) проживал главный вождь острова. Насколько важной представлялась земледельцам Гаити возможность ловить рыбу можно судить по тому факту, что споры из-за рыбных угодий были одной из немногих причин, по которым у них случались войны. О существенной роли рыболовства и собирательства в жизни земледельцев Антиль времени первых контактов с европейцами говорит и состав их пищи, как он определяется по письменным источникам. Овьедо несколько раз подчеркивал большую приверженность индейцев к рыбе (*pescado*) из рек и морей, указав, что это была их самая обычная пища. Под словом *pescado* он понимал не только саму рыбу, но и моллюсков, ракообразных, а также морских животных (черепах, ламантинов и др.). В другом месте тот же автор самой главной и необходимой пищей индейцев назвал маис и касаве (маниоковые лепешки)³⁷. В этих противоречивых, на первый взгляд, утверждениях, отражена, по всей вероятности, равнозначность той и другой пищи. Сходен был и рацион обитателей Малых Антиль, как он известен по источникам XVII в.: обычной едой были маниоковые лепешки, рыба, крабы и соусы из сока маниоки с растертым перцем (в то время островитяне употребляли в пищу уже и лимонный сок, заимствованный у европейцев)³⁸.

Как можно судить по археологическим и письменным источникам, обитатели островов, знавшие земледелие, использовали одновременно не все доступные им источники пищи. Ограничения могли быть временными (всякого рода запреты, связанные с половозрастными и другими социальными разграничениями) и постоянными, отличавшие одни группы населения от других. Более всего заметны такие различия по отношению к мясу некоторых животных между обитателями Больших и Малых Антиль. Конечно, их можно отнести за счет неадекватности источников, дошедших до нас: так, на Малых Антилах европейцы находились среди коренного населения дольше и могли полнее познакомиться с их бытом. Но есть данные, достоверность которых бесспорна. Известно, что обитатели Больших Антиль, в том числе земледельцы, употребляли в пищу мясо игуан, черепах, некоторых грызунов, ламантинов и т. д. В то же время «карибы» Малых Антиль вообще не ели мяса черепах, ламантинов и рептилий³⁹, т. е. не использовали наиболее, может быть, доступные и обильные источники мяса (правда, они употребляли в пищу птицу).

Можно попытаться объяснить пищевые ограничения (временные или постоянные) способом адаптации к среде, опосредованным физиологическими потребностями человека и социальными связями, хотя на уровне имеющихся сведений такие попытки останутся весьма натянутыми. Тем не менее ясно, что большие размеры островов давали (пусть не в момент прихода европейцев, а ранее) больше возможностей для охоты и получения мясной пищи, и не было необходимости ограничивать их добычу. Может быть, косвенным подтверждением этой мысли служит

тот факт, что запреты и ограничения чаще, если не всегда, касались животной, а не растительной пищи.

Воздействие земледельцев на окружающий ландшафт вплоть до его изменения заметно отличало их зоны обитания от тех областей, где жили собиратели, охотники и рыболовы. Еще Х. Колумб во время первого плавания не раз отмечал в дневнике, что видимые им земли «очень обработаны» или «совсем обработаны». Сведение девственных лесов под огороды и для разбивки поселений, устройство оросительных систем и дорог (в некоторых случаях), большое число поселений и иногда их величина (до тысячи человек; при этом поселение включало в некоторых случаях несколько церемониальных площадок) — все это преобразило естественное окружение человека.

Общественное развитие земледельцев в разных районах Антиль было неодинаковым к моменту появления европейцев. Наиболее высокого уровня оно достигло на Гапти и Пуэрто-Рико; этот уровень классифицирован как предклассовый, предгосударственный. Среди условий расслоения первобытного общества наиболее важными считаются возможности получения прибавочного продукта, а также его сохранения и накопления. Зависящий от самого человека более высокий технический уровень (на Гапти) представлен орошением, возведением насыпей для посадок, а также более широким применением мужского труда в земледелии (видимо, на всех Больших Антилах по сравнению с Малыми). Плодородие почв благоприятствовало получению высоких урожаев, а разнообразие географических условий могло способствовать обмену как сырьем, так и продуктами труда. Что касается консервации возможного излишка пищевых продуктов, то один из основных, маниоковый хлеб, в виде лепешек мог храниться до года и более. Другой важный продукт, рыбу, коптили и солили. Специфической формой эксплуатации рыбных ресурсов было накопление живой рыбы и черепах в специально построенных затонах⁴⁰.

Можно говорить и о развитии ремесел у земледельцев Антиль. Помимо стандартных форм некоторых глиняных сосудов, об этом свидетельствуют изделия из дерева (среди них известные ритуальные скамеечки), камня (особенно впечатляюще массивные каменные «ярма» с антропоморфными личинами) и раковины (фигурки и вкладыши в другие изделия). Материалы обрабатывались сверлением, пилением, шлифованием и полировкой. Была известна и холодная ковка самородного золота. Некоторые исследователи связывают расцвет культуры на островах с внешними влияниями, в частности из Мезоамерики⁴¹. Однако конкретных находок, подтверждающих эти связи, пока нет. Более определенны контакты с Южной Америкой через Малые Антилы.

Земледельческое население сумело, в конечном счете, лучше приспособиться к разнообразию условий на Антильских островах за счет того, что оно обладало таким стабильным и вари-

тивным источником пищи, как возделывание целого комплекса растений. На островах, особенно на больших, для земледелия имелись благоприятные условия. Распространение земледельцев привело к тому, что в конце XV в. (время появления здесь европейцев) неземледельческое население занимало очень ограниченные районы. Письменные источники называют п-ов Гуакая-рима на западе Гаити, а также западную часть Кубы (более определено, п-ов Гуанаакабибес). Археологически земледельцы на западе Кубы прослеживаются вплоть до бухты Матансас (северное побережье) и Батабано (южный берег).

- ¹ *Megggers B.* Prehistoric America: An ecological perspective. 2nd ed. N. Y., 1979. P. 18—21, 26—27.
- ² *Harris P.* Resumen sobre la arqueología de Trinidad, 1973 // *Boletín del Museo del Hombre Dominicano*. 1976. N 8. P. 35—45; *Idem.* The preceramic period on Trinidad // *Proceedings of the First Puerto Rican Symposium on Archaeology*. San Juan, 1976. P. 33—64.
- ³ *Febles Dueñas J.* Acerca de algunos aspectos relacionados con el ajuar lítico de Seboruco, Mayarí, Cuba // *Cuba Arqueológica*. II. Santiago de Cuba, 1980. P. 197—216; *Granma*. 1981. 19.X; *Cartas informativas del Departamento de Arqueología (Época II)*. Academia de Ciencias de Cuba. 10 de enero, 31 de marzo de 1984. La Habana. Для унификации дат в них сняты временные допуски точности и они пересчитаны относительно начала нашей эры.
- ⁴ *Tabío P. E., Guarch J. M., Domínguez L.* Antigüedad del hombre preagroalfarero temprano en Cuba // *Cuba Arqueológica*. Santiago de Cuba, 1978. P. 233—242.
- ⁵ *Veloz Maggiolo M., Ortega M. E.* El precerámico de Santo Domingo. Santo Domingo, 1973; *Veloz Maggiolo M., Luna Calderón L., Rimoli R. O.* Investigaciones arqueológicas en la provincia de Pedernales, República Dominicana. San Pedro de Macorijes, 1979.
- ⁶ *Kozłowski J.* Preceramic cultures in the Caribbean. W-wa; Krakow, 1974. P. 37—49; *Idem.* Las industrias de la piedra tallada de Cuba en el contexto del Caribe. La Habana, 1975. P. 11—14. (Ser. Arqueológica; N 5.)
- ⁷ *Rouse I.* The entry of man into the West Indies // *Yale Univ. Publ. Anthropol.* 1960. N 61.
- ⁸ *Pino R. M.* Consideraciones sobre los elementos dietarios del sitio Levisa, Mayarí // *Cuba Arqueológica*. 1978. P. 133—148.
- ⁹ Высказывалось предположение, что расцвету кремневой индустрии в некоторых районах Антиль могло способствовать само наличие очень хорошего сырья (со ссылкой на идеи Леруа-Гурана, высказанные им в книге «Преистория»): *Guerrero J. G.* Hacia un enfoque social de los procesos migratorios y adaptivos en la prehistoria de Santo Domingo // *Actas del Primer Simposio de la Fundación de Arqueología del Caribe: Hacia una arqueología social*. Caracas, 1986. P. 85.
- ¹⁰ *Dacal Moure R.* Artefactos de concha en las comunidades aborígenes cubanas. La Habana, 1978. (Museo Montané. Publ.; N 5); *Megggers B., Evans C.* Lowland South America and the Antilles // *Ancient native Americas* / Ed. J. D. Jennings. San Francisco, 1978. P. 556, 562.
- ¹¹ *Veloz Maggiolo M.* Las sociedades arcáicas de Santo Domingo. Santo Domingo, 1980. P. 50; *Rouse I., Allaire L.* Caribbean: Chronologies in New World archaeology. N. Y., 1978. P. 467.
- ¹² *Kozłowski J. K.* Industria lítica de «Aguas Verdes», Baracoa, Oriente, Cuba // *Universidad de la Habana. Ser. 9, Antropología y Prehistoria*. 1972. N 1; *Idem.* Chipped flint industries of neo-indian cultures in the Greater Antilles: Polish contribution in New World archaeology. Krakow, 1977. P. 61—66; *Dacal Moure R., Rivero de la Calle M.* Arqueología aborigen de Cuba. La Habana, 1986. P. 110—112.

- ¹³ *Binford L. R.* Willow Smoke and Dogs' tails: hunter-gatherer settlements systems and archaeological site formation // *Amer. Antiquity*. 1980. V. 45, N 1. P. 4-20; *Lundberg E. R.* Old and new problems in the study of Antillean aceramic traditions // *Proceedings of the Eighth International Congress for the Study of the Precolombian Cultures of the Lesser Antilles* // *Ariz. State Univ. Phoenix*, 1980. P. 134-135 (далее - ICSPCLA).
- ¹⁴ *Armstrong D. V.* Shellfish gatherers of St. Kitts: a study of archaic subsistence and settlement patterns // *Proceedings of the Eighth ICSPCLA*. P. 152-167; *Roobol M. G., Smith A. L.* Archaeological implications of some radiocarbon dating on Saba and St. Kitts // *Ibid.* P. 168-176; *Davis D.* Some note concerning the archaic occupation of Antigua // *Proceedings of the Fifth ICSPCLA*. Antigua, 1974. P. 65-70; *Petitjean Roget H.* Un precerámico de Martinica // *Boletín del Museo del Hombre Dominicano*. 1976. N 7. P. 180-190; *MacLaury J. C.* Archaeological investigations on Cat Island, Bahamas // *Contrib. Fla. State Mus.: Soc. Sci.* 1970. N 16. P. 33; *Amer. Antiquity*. 1985. V. 50, N 1. P. 173.
- ¹⁵ *Du Tertre J. B.* Histoire général des Antilles habitées par les Francois. P., 1668. T. 2. P. 392-393.
- ¹⁶ *Veloz Maggiolo M., Luna Calderón F., Rimoli R. O.* Op. cit. P. 53-54; *Veloz Maggiolo M.* Op. cit. P. 94; *Idem.* La arqueología de la vida cotidiana: Matices, historia y diferencias // *Actas del Primer Simposio de la Fundación de Arqueología del Caribe: Hacia una Arqueología Social*. Caracas, 1986. P. 107.
- ¹⁷ *Veloz Maggiolo M.* et al. Arqueología de Cueva de Berna. San Pedro de Macoris, 1977. P. 44; *Veloz Maggiolo M.* La arqueología de la vida cotidiana. P. 105.
- ¹⁸ *Rimoli R. O.* Restos alimentarios en los yacimientos arqueológicos de la República Dominicana // *Revista Dominicana de Arqueología y Antropología*. 1971-1972. V. 11, N 2, 3; *Veloz Maggiolo M.* Las sociedades... P. 34-35; *Fernández de Oviedo y Valdés G.* Historia general y natural de las Indias. Madrid, 1851. T. 1. P. 500.
- ¹⁹ *Veloz Maggiolo M.* Las sociedades... P. 70-73.
- ²⁰ Более подробно см.: *Александренков Э. Г.* Индейцы Антильских островов до европейского завоевания. М., 1976. С. 44-47, 77, 78, 81-82, 85.
- ²¹ *Lundberg E. R.* Op. cit. P. 131; *Rouse I., Allaire L.* Op. cit. P. 465-472.
- ²² *Veloz Maggiolo M.* Variantes productivas de los agricultores precolombinos Antillanos // *Boletín del Museo del Hombre Dominicano*. 1978. N 11. P. 178; *Idem.* Las sociedades... P. 75; *Dacal Moure R., Rivero de la Calle M.* Op. cit. P. 113-115.
- ²³ *Meggors B., Evans C.* Op. cit. P. 565.
- ²⁴ *Zucchi A.* Nueva evidencia sobre la penetración de grupos cerámicos a las Antillas Mayores // *Relaciones prehistóricas de Venezuela* / Ed. E. Wagner. Caracas, 1984. P. 35-50.
- ²⁵ Цит. по: *Sears W. H.* Seaborn contacts between early cultures in Lower Southeastern United States and Middle through South America // *The sea in the precolombian world*. Wash., 1977. P. 1-12; *Meggors B., Evans C.* Op. cit. P. 554.
- ²⁶ *Dacal Moure R., Rivero de la Calle M.* Op. cit. P. 110.
- ²⁷ *Tabio E., Guarch J. M.* Excavaciones en Arroyo del Palo. La Habana, 1966. P. 48-49, 76-77, 79; *Carta Informativa*. 1984. 31 mar., N 50.
- ²⁸ *Rouse I., Allaire L.* Op. cit. P. 460-461; *Meggors B., Evans C.* Op. cit. P. 565; *Sanoja M., Vargas I.* New light on the prehistory of Eastern Venezuela // *Adv. World Archaeol.* 1983. V. 2. P. 205-244.
- ²⁹ *Bullen R.* The archaeology of Grenada, West Indies. Gainesville, 1964. P. 20, 22; *Evans C.* The lack of archaeology on Dominica // *Proceedings of the Second ICSPCLA*. Barbados, 1968. P. 96; *Goodvin R. C.* Demographic change and the crab-shell dichotomy // *Proceedings of the Eighth ICSPCLA*.
- ³⁰ *Veloz Maggiolo M.* Variantes productivas... P. 179-180; *Rouse I.* Porto Rican prehistory: Excavations in the interior, South and East: Scientific Survey of Porto Rico and Virgin Islands // *Trans. N. Y. Acad. Sci.* 1952. V. XVIII. P. 4; *Guerrero J. G.* Hacia un enfoque social de los procesos migratorios y

- adaptativos en la prehistoria de Santo Domingo: elementos de partica // Actas del Primer Simposio de la Fundación de Arqueología del Caribe. P. 86.
- ³¹ Более подробно см.: *Александренков Э. Г.* Указ. соч. С. 52—55; *Meggers B. Evans C.* Op. cit. P. 582—583, 587; *Harris P.* Excavation report: Lovers reatret period IV, Tobago // Proceedings of the Eighth ICSPCLA. P. 537—538.
- ³² *Александренков Э. Г.* Указ. соч. С. 104—105, 120; *Fernández de Oviedo y Valdés G.* Op. cit. P. 419—420, 500.
- ³³ *Las Casas B. de.* Apologética historia sumaria. México, 1967. T. 1. P. 25; *Veloz Maggiolo M.* La arqueología de la vida cotidiana... P. 105.
- ³⁴ *Meggers B.* El uso de secuencias cerámicas seriales para inferir conducta social // Acta del Primer Simposio de la Fundación de Arqueología del Caribe. P. 19.
- ³⁵ *Veloz Maggiolo M.* La arqueología de la vida cotidiana... P. 180, 182.
- ³⁶ *Александренков Э. Г.* Указ. соч. С. 99—102; *Dreyfus S.* Notes sur la chefferie taino d'Aiti: capacites productrices, ressources alimentaires, pouvoirs dans une société précolombienne de foret tropicale // J. Soc. Amer. 1980—1981. T. 67.
- ³⁷ *Fernández de Obiedo y Valdés G.* Op. cit. P. 66, 272, 424, 465; О роли рыбной ловли для индейцев Амазонии см.: *Roosevelt A. C.* Parmana: Prehistoric maize and manioc subsistence along Amazon and Orinoco. N. Y., 1980. P. 92—112.
- ³⁸ *La Borde J. B. de.* Relation de l'origine, moeurs, coutumes, religion, guerres et voyages des Caräibes, sauvages des isles Antilles de l'Amérique. Amsterdam, 1711. P. 552; *Labat J. B.* Nouveau voyage aux isles d'Amérique. P., 1722. T. 2. P. 44—45, 53.
- ³⁹ *Rocheport C. de.* The history of the Caribby islands... rended into english by John Davies. L., 1666. P. 273—274, 300; *Du Tertre J. B.* Histoire général des Antilles habitées par les François. P., 1668. T. 2. P. 389; *Labat J. B.* Op. cit. P. 53.
- ⁴⁰ *Las Casas B. de.* Historia de las Indias. México, 1951. T. 1. P. 349, 511, 513. В Пуэрто-Рико этот способ был известен в XVIII—XIX вв., встречается он и до сих пор. См.: *Fernández Méndez E.* Los corales de pesca indígenas de Puerto Rico // Buletín del Museo del Hombre Dominicano. 1976. N 7. P. 177—178.
- ⁴¹ *Hoffman Ch. A.* The outpost concept and the Mesoamerican connection // Proceedings of the Eighth ICSPCLA. P. 314.

IV ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА

ЧЕРНЫЕ КАРИБЫ И МОПАН БЕЛИЗА: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ

П. В. Грибанов

Индейское население современного Белиза (до 1973 г.— Британский Гондурас), по различным данным, составляет около 25—30% всех жителей страны и насчитывает примерно 30—50 тыс. человек¹. Точное определение численности затруднено тем, что, как и в ряде других центральноамериканских стран, долю индейцев в испаноязычном населении оценить сложно. Основная часть так называемых испанцев — выходцев из соседних стран и их потомков — по происхождению чистые индейцы, но не считают себя таковыми.

Большинство индейцев — не коренные жители Белиза, их предки переселились на территорию британского владения преимущественно в XIX в., уже после того как здесь сложилось колониальное общество, во многом аналогичное существовавшему в британских владениях в Вест-Индии. Основным этническим компонентом этого общества являлись креолы — потомки рабов-африканцев, испытавшие влияние английской культуры. Поэтому, попав в Британский Гондурас, индейцы были вынуждены приспосабливаться не только к новой природной среде обитания, но и к иной социально-политической и этнокультурной обстановке. Адаптация по-разному протекала у двух различных групп индейского населения, представители которых живут в южной части страны, — черных карибов и мопан.

Черные карибы (или гарифы) появились на территории Белиза в начале XIX в. Формирование этого народа происходило в XVI—XVIII вв. на о-ве Сент-Винсент (принадлежит к группе Малых Антильских островов). До прихода европейцев Сент-Винсент населяли потомки от смещения коренного аравакского населения и появившихся на Антилах в XIV в. карибоязычных выходцев с материка. После создания европейцами плантационного рабовладельческого хозяйства на острове рабы-африканцы бежали с плантаций и невольничих кораблей в общины местных жителей и вступали в браки с индеанками. В результате потомки

автохтонного населения утратили «индейский» физический тип, но в значительной степени сохранили традиционную культуру, в том числе и язык. Англичане, закрепившиеся на острове в XVII в., вели с индейцами долгую борьбу, завершившуюся после 1797 г. выселением последних с Сент-Винсента. Переселенные первоначально на о-в Роатан (в настоящее время принадлежит Гондурасу), черные карибы постепенно распространились по всему побережью Гондурасского залива, включая юг Белиза. В 1802 г., по оценке английского историка О. Болланда, на территории современного Белиза жило всего около 150 черных карибов², а к концу XIX в. они составляли уже большинство населения южной части страны. К началу 80-х годов в Белизе насчитывалось около 12 тыс. представителей этого этноса³.

Следует отметить, что среди исследователей нет единства в признании черных карибов индейским народом. Действительно, современная материальная культура описываемой этнической общности в значительной степени испытала влияние креольской; антропологически черные карибы почти не отличаются от креолов Белиза и бывших британских владений в Вест-Индии. По мнению крупнейшего исследователя этой проблемы Д. Тэйлора, в духовной культуре, в первую очередь в религиозных верованиях, равно как и в языке народа, доминирует аравакский элемент, однако американская исследовательница Н. Солейн считает, что верования черных карибов имеют африканские корни⁴. На наш взгляд, черных карибов можно считать индейским народом прежде всего потому, что сами они считают себя таковым, четко отграничиваясь от креолов. Весьма характерно высказывание одного из информаторов Д. Тэйлора, молодого школьного учителя: «Негры только испортили нашу расу». В то же время представители этого этноса подчеркивают и свое отличие от майяязычных жителей Центральной Америки, которых называют «варау»⁵. Интересно отметить, что карибы Гайаны тоже называют «варау» или «варао» более ранних насельников своей страны, и от них это название перешло в лексикон европейцев.

На о-ве Сент-Винсент основным занятием черных карибов было рыболовство в сочетании с земледелием и охотой. На новом месте они сохранили приверженность традиции, что обусловило и особенности их расселения. Как отмечает исследователь рыболовства в Британском Гондурасе А. Крайг, при выборе места для селения черные карибы исходили в первую очередь из наличия удобной бухты и пресной воды, а затем уже подходящей для обработки земли⁶. В настоящее время они живут в поселках по побережью Атлантического океана в южной части Белиза, а также в городах Стэнн-Крик, Пунта-Горда, небольшое их число — в крупнейшем городе страны Белизе. Занятие рыболовством способствовало постепенному освоению всей прибрежной полосы. При расселении на север черные карибы сравнительно рано, уже в середине XIX в., вступили в контакт с креолами, а с начала XX в., с созданием в южной части страны

плантаций сахарного тростника и цитрусовых, этот контакт стал постоянным. Креолы расселялись в пределах той же прибрежной полосы с севера на юг, и сегодня в городах южной части побережья живут наряду с карибами креолы и появившиеся здесь позднее «испанцы»⁷, а в сельской местности — преимущественно черные карибы.

Здесь у них сохраняется традиционное разделение труда между полами, когда женщины занимаются земледелием, выращивая маниоку, бананы и ямс, а мужчины — преимущественно рыбной ловлей и охотой, расчисткой участков под огороды, постройкой домов, ремеслами, в первую очередь изготовлением каноэ и плетением корзин. Однако с распространением на юг Белиза капиталистических производственных отношений гораздо большую роль стали играть традиционно «мужские» занятия, и сегодня о черных карибах уже нельзя говорить как о «народе, живущем за счет труда своих женщин»⁸. Правда, занятия ремеслом и тем более охотой, которая скорее превратилась в вид спорта, не имеют серьезного значения в жизни индейцев, но рыболовство стало одним из основных источников существования многих карибских семей. В настоящее время продукция рыболовства идет и на экспорт. Маниока и бананы по-прежнему выращиваются во всех хозяйствах рыбаков, где для этого есть возможность, поэтому черные карибы меньше зависят от рыночной конъюнктуры, чем рыбаки северной части побережья — креолы и метисы⁹. Рыболовецкие навыки индейцев создали им славу искусных моряков, и сегодня матросов-карибов можно встретить не только на местных каботажных, но и на иностранных трансокеанских судах. Определенное значение имеют также сезонные работы на сафре и уборке цитрусовых, в которых занята часть карибов.

Особенности расселения и характер традиционных занятий обусловили ранние и прочные контакты черных карибов с креольским населением, а также быструю интеграцию этого народа в капиталистическое колониальное общество. Сегодня большинство индейцев вовлечено в сферу товарно-денежных капиталистических отношений, которые способствуют формированию социального неравенства: существует группа карибской буржуазии и интеллигенции и группа лишь частично занятых (на сезонных сельскохозяйственных работах на плантациях) людей. Некоторые молодые мужчины работают и за рубежом, преимущественно в южных портах США докерами. Вместе с тем в сельской местности сохраняются традиции взаимопомощи, а в городах зажиточные люди также оказывают некоторую помощь своим соплеменникам, что уменьшает социальные противоречия.

Черные карибы — наиболее креолизированная группа современного индейского населения страны. Карибский язык является языком внутрисемейного общения и постепенно вытесняется английским креолом. По данным американского историка С. Гранта, еще в 1960 г. только 1395 человек, т. е. менее 20% всех черных карибов, говорили лишь на своем языке, остальные

владела английским (большинство — в форме местного креольского диалекта). Некоторые знают также испанский¹⁰. Черные карибы носят одежду европейского типа, как и креолы (традиционно сохранились у женщин плетеные соломенные шляпы, напоминающие корзины). Широко используются в быту промышленные товары, в том числе предметы бытовой техники, в большинстве жилищ — мебель европейского образца, радиоприемники, телевизоры. В религиозном отношении 80% черных карибов формально католики, остальные в основном методисты¹¹. Сохраняются пережитки традиционных верований: обрядами заклинания лесных духов и обрядовыми танцами руководят колдуньи «буйай», но гораздо большее значение имеет заимствованный у креолов магический культ обиа. В целом довольно явно прослеживается тенденция к постепенному поглощению черных карибов расово близкой креольской общностью, хотя вместе с тем, как отмечалось, сохраняется этническое самосознание; браки с креолами заключаются редко. Существует ряд карибских клубов, в г. Стэнн-Крик группа молодых интеллигентов организовала фольклорный ансамбль «Урибабага» («Бабочка»). Можно сказать, что карибская группа представляет собой как бы буфер между креолами и индейцами. Власти страны посылают в деревни майя в качестве учителей и полицейских черных карибов, и в этих случаях последние выступают основными проводниками креольской культуры среди индейских крестьян Белиза.

Наряду с черными карибами, на территории Белиза проживают три группы майязычных индейцев. Это юкатеки на мексиканской границе на севере страны и в горах Майя на юго-западе, кекчи и близкие по языку и культуре к юкатекам мопан (С. И. Брук рассматривает их вместе с юкатеками как «майя»). Мы подробнее рассмотрим хозяйственную практику мопан — непосредственных соседей черных карибов, насчитывающих около 2 тыс. человек¹².

Майязычные индейцы мопан появились на юго-западе страны в конце XIX в. Это были уроженцы гватемальской провинции Петэн, уже на родине в известной степени латинизированные, т. е. усвоившие католическую религию, обычаи, а некоторые — и язык испаноговорящего населения Гватемалы¹³. Переселение их на территорию британского владения было вызвано притеснениями со стороны гватемальских властей. Сегодня они живут на землях, выделенных им правительством в горах на условиях небольшой арендной платы, — в своего рода «резервации», а также в г. Сан-Антонио.

Длительное время контакты их с иноэтничным населением Белиза были ограничены. Индейцы выращивали маис и бобы на маленьких полях, мужчины охотились с кремневыми и фитильными ружьями на диких животных. Как и в Гватемале, они сохраняли традиции общинного самоуправления: назначаемые властями старосты-алькальды в их деревнях особым уважением не

пользовались. Можно сказать, что мопан принесли из Гватемалы в Белиз все культурно-хозяйственные и религиозные традиции, образ жизни своих предков, покоренных и обращенных в католичество испанцами. В этой связи характерна история основания городка Сан-Антонио. В 1884 г. группа индейцев мопан из гватемальского г. Сан-Луис перешла на территорию британского владения и основала новое поселение. На первых порах небольшая община испытывала значительные хозяйственные трудности, которые суеверные крестьяне объяснили уходом от «святынь» предков. Тогда несколько мужчин, вооруженных кремневыми, вернулись в Сан-Луис и ограбили ночью тамошнюю церковь, унеся статуи, иконы и даже колокола. Гватемальцы позднее пытались вернуть вооруженным путем собственность своего храма, но безуспешно — жители нового поселка Сан-Антонио давали им отпор. Законность и справедливость их действий не вызвала у мопан сомнений, они даже обратились к властям колонии с просьбой о защите, заявляя, что «подверглись нападению по неизвестным причинам»¹⁴. Со временем жители Сан-Антонио справились с трудностями на новом месте, и успехи своей хозяйственной деятельности, разумеется, приписали традиционным «святыням».

Практикуемая мопан система подсечно-огневого земледелия — «мильпа» вынуждает их каждые несколько лет осваивать новые участки, и их поселки расположены далеко как друг от друга, так и от населенных пунктов страны. Почти все производимое индейцами потреблялось ими самими. Только с начала XX в., с развитием на юге Белиза плантационного хозяйства, капиталистические производственные отношения стали проникать в селения мопан: мужчины начали уходить на сезонные работы на плантации цитрусов и сахарного тростника. Появились потребительские и сбытовые кооперативы. Например, в г. Сан-Антонио кооператив, организованный местным священником, существенно помог индейцам в сбыте их сельскохозяйственной продукции¹⁵.

В быт индейцев постепенно входили фабричные изделия. Вместе с тем и сегодня многие мопан в горах Майя заняты выращиванием маиса на небольших участках и ведут фактически натуральное хозяйство. До настоящего времени они являются наиболее замкнутой, изолированной группой в полиэтническом населении Белиза, чему в немалой степени способствует как отдаленность их селений, так и традиционная «мильпа» — экстенсивное нетоварное земледелие.

Несмотря на то что в большинстве индейских поселков есть школы, преподавание в которых ведется на английском языке, основная часть мопан этим языком не владеет, в первую очередь потому, что он почти не применяется в их повседневной хозяйственной практике. Более интенсивно идет процесс латинизации, начавшийся еще в Петэне и обусловленный устойчивыми стереотипами, по которым повышение социального статуса было связано с усвоением испанских обычаев и культуры.

В этой связи следует отметить, что немногочисленные мопан, попадающие на побережье в качестве сезонных сельскохозяйственных рабочих и оседающие в городах, как правило, вливаются в состав «испанской» общности. Только их потомки усваивают креольский диалект английского в ходе повседневного общения с представителями этой этнической группы населения. В сельской местности язык майя сохраняется лишь в самых отдаленных селениях, вытесняемый «пограничным», или «кухонным», испанским¹⁶.

Многие общины мопан в Белизе больше похожи на общины своих соплеменников в Гватемале и поддерживают с ними связь. Партизанская война вынуждает гватемальских мопан искать убежища в индейских селениях на белизской территории, и это неоднократно давало повод гватемальским властям обвинять администрацию соседней страны (особенно в период правления Народной национальной партии до 1985 г.) в поддержке герильи. Кроме того, Гватемала претендует на южный белизский округ Толедо, и требования свои наряду с прочим аргументирует гватемальским происхождением значительной части его жителей, в том числе мопан.

При поддержке извне в округе даже создана прогватемальская Прогрессивная партия Толедо¹⁷, лидеры которой выступают с коммуналистскими и сепаратистскими лозунгами. В этом контексте проблема интеграции мопан в экономическую и культурную жизнь страны имеет существенный политический аспект.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что традиционные хозяйственные навыки двух рассмотренных нами индейских этносов сыграли весьма значительную роль, определив как особенности расселения, так и ход социальной и этнокультурной адаптации. Разумеется, на ход этой адаптации оказала влияние расовая близость черных карибов к креолам, а мопан — к «испанцам», но важными факторами явились и характер занятий, характер освоения окружающей среды. Именно традиционные занятия (у черных карибов — рыболовство, а у мопан — подсечно-огневое земледелие) в известной степени обусловили интеграцию в общеэкономическую жизнь страны и креолизацию первых, равно как и сохранение обособленности вторых.

¹ Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 710.

² Bolland O. N. The formation of a colonial society: Belize, from conquest to crown colony. Baltimore; L., 1977. P. 132.

³ Брук С. И. Указ. соч. С. 710.

⁴ Taylor D. The black carib of British Honduras. N. Y., 1951. P. 140; Selein N. West Indian characteristics of the black carib // Peoples and cultures of the Caribbean/Ed. M. Horowitz. N. Y., 1971. P. 136.

⁵ Taylor D. Op. cit. P. 39, 40.

⁶ Craig A. Geography of fishing in British Honduras. Baton Rouge, 1966. P. 70.

⁷ Grant C. The making of modern Belize. Cambridge (Mass.), 1976. P. 11.

⁸ Taylor D. Op. cit. P. 55.

- ⁹ *Craig A.* Op. cit. P. 69—70.
¹⁰ *Grant C.* Op. cit. P. 12; *Allsop S. R. R.* British Honduras — the linguistic dilemma // *Caribbean Quarterly*. 1965. V. 11, N 4. P. 55.
¹¹ *Waddel D. A. G.* British Honduras: A historical and contemporary survey. L., 1961. P. 73.
¹² *Caiger S.* British Honduras: Past and present. L., 1951. P. 172.
¹³ *Waddel D.* Op. cit. P. 73.
¹⁴ *Dobson N.* A history of Belize. Longman, 1973. P. 53.
¹⁵ *Gregory J. R.* Inrage of limited good, or expectation of reciprocity? // *Curr. Anthropol*. 1975. V. 16, N 1. P. 73—83.
¹⁶ *Allsop S. R. R.* Op. cit. P. 58.
¹⁷ *Interviú.* Madrid, 1981. N 280. P. 76.

АДАПТАЦИЯ ИНДЕЙЦЕВ ТУПИ И ТЕРЕНА К ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

М. Г. Котовская

В настоящее время в результате непрерывно нарастающих процессов индустриализации и урбанизации сельских областей Бразилии существенным образом изменилось экологическое окружение многих индейских групп. Это в свою очередь повлекло за собой серьезные сдвиги в социальной организации индейцев, их образе жизни, способах адаптации к природным и социальным условиям. Миграции индейцев в города и особенности их быта там стали серьезнейшей проблемой нашего времени.

Социологические исследования, проводившиеся в стране в 50—60-х годах XX в., показали, как сильно изменились ценностные ориентации рядовых индейцев общинников. Многие из них (особенно молодые) отказывались подчиняться своим властям, не желали участвовать в коллективном труде общинников, всегда являвшемся важнейшей социально-экономической функцией общины. Они не верили в индейских богов, считали многие нормы и правила общинного общежития устаревшими. Жили такие индейцы обычно обособленно, небольшой семьей. Выход из общины и переезд в город они считали единственным способом улучшения своего социального и материального положения. Следует подчеркнуть, что эти тенденции были распространены среди индейцев, живших в самых различных районах Бразилии.

В данной статье мы попытаемся показать особенности адаптации индейцев группы тупи (северо-восток Бразилии) и индейцев терена (крайний юго-запад страны) к новым экологическим условиям, складывающимся в результате индустриализации и урбанизации сельских областей Бразилии.

В 60-е годы XX в. индейцы тупи на северо-востоке страны, как правило, селились дисперсно, их деревни соседствовали с поселениями других сельских жителей Бразилии. Постоянные и разнообразные связи, существовавшие между ними, способствовали довольно быстрому включению этих индейцев в процесс

национальной консолидации. Показательно, что в деревнях тупи жило немало детрибализованных индейцев и метисов. Последние — и это нужно подчеркнуть — при желании могли стать полноправными членами индейской общины, так как в 60-е годы общинные земли начали уже сдаваться в аренду как зажиточным ее членам, так и на сторону.

В наши дни проникновение предприимчивых белых в индейскую общину — распространенное явление. Это способствует разложению традиционных институтов (например, семья). Сейчас почти везде так называемая расширенная индейская семья, состоящая из нескольких поколений кровных родственников, стала исчезать, заменяясь нуклеарной, в которую входят мать, отец и их неженатые дети. Обычно семьи у тупи возглавляет мужчина, хотя женщины продолжают пользоваться в них значительным влиянием и авторитетом, принимают активное участие в важнейших делах общины.

Женщины в семьях тупи и сегодня продолжают выполнять важные экономические функции. Они ухаживают за посевами, изготавливают одежду и утварь, воспитывают детей и т. п. Сравнительно слабая экономическая зависимость индейцев от мужей обеспечивает им право самостоятельно выбирать мужей, по собственному желанию вступать в брак и расторгать его. Правда, свобода выбора мужа для индейцев тупи обычно существовала среди членов их племенной группы. В то же время связи индейцев с белыми не только не осуждались, но, наоборот, поднимали престиж женщины среди простых общинников.

Ребенок, рождавшийся от подобных союзов, только в силу своего происхождения может легче, чем индеец, повысить свой социальный статус, так как происхождение в определенной степени продолжает влиять на социальное положение человека. Поэтому именно метисы занимали наиболее высокие социальные ступени в общине, имели значительные земельные наделы. При этом в 60—70-е годы аренда земли была обусловлена наличием значительного числа разорившихся тупи, вынужденных на кабальных условиях наниматься в качестве батраков к богатым индейцам или крупным земельным собственникам, жившим вне общины. Некоторые общинники, потеряв землю, иногда совсем переставали заниматься земледелием и целиком посвящали себя ремеслам, работая исключительно на туристский рынок. Некоторые из них богатели и становились мелкими торговцами или скупщиками ремесленных изделий индейцев. Бывало, что на одного предприимчивого скупщика целиком работали две-три индейские общины¹. Ремесленные изделия обычно продавались в других районах страны.

Иногда община отказывалась от «услуг» скупщика и начинала вести торговлю самостоятельно. На вырученные деньги приобреталась грузовая машина или автобус, на которых индейцы регулярно ездили в близлежащие города. Так обычно происходило первое знакомство с городом. Освоившись здесь, отдель-

ные индейцы, переселялись в город навсегда; при этом частично или полностью терялась связь с родной общиной, что вело к довольно быстрой утрате этнокультурной специфики своей группы. Такие индейцы довольно скоро осваивали городскую бразильскую культуру. Количество межэтнических браков среди них было высоким (свыше 40% индейцев тупи, живших в городах, вступали в брак с представителями других групп населения Бразилии).

В 60-х — начале 70-х годов XX в. в таких крупных городах северо-востока, как, например, Баия, проживало 0,3—0,4% индейцев — процент довольно высокий, если учесть, что в то время общая численность индейского населения в северо-восточном районе не превышала 1%.

В городах они селились компактно в районах трущоб — «фавелах». Однако довольно быстро региональные различия стирались и формировалась единая группа городского индейского населения. В ней четко выделялись два слоя: индейцы, сравнительно давно живущие в городе, и недавно приехавшие туда. Экономическое положение первых было более устойчивым: часть из них смогла овладеть специальностями, требующими определенной квалификации, что позволило им устроиться в различные частные заведения, на промышленные предприятия и т. п. Их жены работали служанками, нянями, поварами в домах зажиточных горожан. При случае они устанавливали определенные связи (например, компадразго) с представителями более высоких социальных слоев, что в определенном смысле укрепляло их положение среди сородичей.

При благоприятном стечении обстоятельств некоторые индейцы богатели, становясь лавочниками, держателями маленьких гостиниц и ресторанов. Такие мелкие буржуа иногда занимались ростовщичеством, что позволяло им держать в экономической зависимости индейцев контролируемой ими группы.

В городах, где традиционные для тупи семейно-родственные связи легко разрушались, на смену им приходила своеобразная общность, включающая индейцев различных племенных групп, живших в данном районе. Возглавлял ее наиболее богатый индеец, которого нередко называли «отцом». Он пользовался значительным влиянием среди всех индейцев независимо от их племенной принадлежности: вел переговоры с хозяином земли о праве эксплуатации занятого мигрантами участка, старался обеспечить индейцев элементарными коммунальными удобствами, а также постоянным заработком. Подобный «патриарх» следил и за проведением общих работ, часть денег от которых шла на нужды данного коллектива, другая поступала в его личное пользование. Он же руководил приемом и выходом индейцев из данной группы и т. д. Таким образом, отдельные функции сельской общины были перенесены и распространены тупи на новую, искусственно созданную городскую общину.

Прием нового члена в группу обычно сопровождался юриди-

ческим оформлением родственных отношений новичка с кем-то из старожил. Последний официально признавал его своим сыном (дочерью), братом (сестрой) или племянником (племянницей). Такое «искусственное родство» обеспечивало максимальную сплоченность группы, что позволяло индейцам быстрее адаптироваться к новым для них условиям городской среды.

Важной функцией подобных городских индейских групп было предотвращение культурной дезорганизации мигрантов. На протяжении первых лет жизни в городах индейцы пытались придерживаться своих традиционных норм и обычаев, отмечали отдельные праздники и т. д. Однако эти традиции в городах подвергались резким изменениям: в их структуру постоянно включались новые культурные элементы.

В целом подобные своеобразные городские общины на северо-востоке страны, хотя в определенной степени и задерживали адаптацию индейцев к новому укладу жизни, но в то же время смягчали этот процесс, оберегая их от столкновений с теми часто непреодолимыми социокультурными барьерами, которые стояли между ними и миром обеспеченных горожан.

Сама жизнь в городах способствовала разрушению замкнутости индейских групп. Она заменяла связи, основанные на отношениях родства, кумовства, иными — безличными функциональными отношениями, прежде всего производственными. Это вело к довольно быстрому исчезновению изолированности индейцев тупи. Среди них, и в первую очередь среди беднейшей их части, активно шли процессы культурного и расового смешения. Интенсивность ассимиляционных тенденций у тупи можно отчасти объяснить знанием многих из них «лингва жерал» или даже португальского языка. Кроме того, расовая дискриминация не тормозила интеграцию индейцев в структуру городского населения (основная тяжесть расовой неприязни на северо-востоке падала на негритянскую группу). Многочисленные браки, заключавшиеся между индейцами тупи, метисами и белыми в городах, были широко распространенным явлением, что также определяло своеобразие адаптации тупи к городской среде.

Приблизительно такие же процессы протекали среди терена, хотя были и особенности, характерные только для этой группы индейцев.

Переселение терена в города началось еще в 20-е годы XX в., но в течение целого десятилетия оно оставалось единичным явлением и не оказывало существенного влияния на развитие группы терена в целом. Значительно расширилась миграция индейцев в города в 40—50-е годы, а своего пика она достигла в начале 60-х. Так, в 1958 г. в г. Акидуана проживало 278 терена, а в 1960 г. их насчитывалось здесь уже 330 человек. В городских центрах Гуананди и Бурако число индейцев увеличилось с 67 (1958 г.) до 98 (1960 г.)².

В 20—40-е годы XX в., переезжая в города, терена обычно не теряли связи с общиной. Более того, за некоторыми из них

(обычно детьми общинной аристократии) сохранялись наделы земли. Поэтому в тот период миграция индейцев терена в города часто носила неустойчивый, временный характер. Прожив здесь два-три года, терена возвращались в родную общину. Но уже в 50—60-е годы более трети индейцев оставались в городах навсегда.

Обычно терена ехали в города большой группой родственников, нередко составлявших так называемую расширенную семью. Следует учитывать, что такой тип семьи был характерен только для терена, живших в городах. В общине же большинство индейцев этой группы жило нуклеарной семьей (расширенная семья сохранялась менее чем у 9% индейцев). Распространение расширенного типа семьи в городах диктовалось прежде всего социально-экономическими условиями: приспособиться к новой среде большой группой было легче, чем в одиночку. В городах в индейскую группу нередко включались и чужаки, чье родство с кем-то из членов семьи оформлялось юридически. Такие люди получали все права наследования и даже могли претендовать на общинные наделы. «Вступая в родство», они, как правило, вносили в общесемейную копилку определенную сумму денег или помогали своим новым «родственникам» найти подходящее жилье и работу. Интересно, что эти люди могли и не быть индейцами.

Широкое распространение среди терена, прежде всего среди женщин, межэтнических браков также способствовало проникновению в их среду людей иной этнической принадлежности. В 60-е годы из 80 зарегистрированных индейцами терена браков (в городах) 43,7% были заключены внутри своей группы, 18,7% — между терена и метисами, 37,7% составили межэтнические союзы³. Причем 2/3 последних заключалось женщинами-терена, как правило, из второго-третьего поколений мигрантов. Это объясняется прежде всего тем, что мужчины терена обычно долго не могли найти постоянного заработка, достаточного для обеспечения семьи, как правило, с 5—8 детьми. Но были и иные причины. Традиционно терена делились на две группы: наати и ваери-тхане. К первой из них относилась родо-племенная элита, во вторую входила основная масса рядовых общинников. В деревне браки между этими группами практически никогда не заключались. В городах наати предпочитали брак с человеком иной расовой принадлежности союзу с представителем группы ваери-тхане. Кроме того, большинство наати считало, что брак с метисом и особенно с белым (с неграми и мулатами браков оформлялось сравнительно мало, как правило, в них вступали лишь индейцы ваери-тхане) поможет им «стать цивилизованнее, улучшит расу», а их дети-метисы, получив образование, при прочих равных условиях смогут устроиться в жизни лучше, чем чистокровные индейцы.

Стремление дать детям хорошее образование все группы терена рассматривали как важную причину переселения в город.

Показательно, что если 60% индейцев терена, приехавших в города, были неграмотными, то уже свыше 80% детей, родившихся там, имели начальное образование. Тем не менее даже в 60-е годы основная масса терена продолжала заниматься малоквалифицированным трудом. Они работали строителями, дворниками, сторожами, полотерами, сапожниками, наемными рабочими и т. д. В 60-е годы только 1 индеец терена работал бухгалтером, 1 был личным секретарем, 2 — шоферами, 2 — парикмахерами, 2 — железнодорожниками⁴ (все цифры взяты из материалов комплексного исследования социально-профессионального состава индейцев терена, живших в 60-е годы в четырех городских центрах юго-запада: Кампо-Гранди, Бурако, Гуананди, Алдейя). Индеанки терена нанимались нянями, прислужкой, поварами и т. п. Многие из них работали разнорабочими, прачками, уборщицами. Только трое из индеанок — терена смогли стать портнихами, 1 — акушеркой⁵. Среди учителей начальных классов, преподающих в указанных выше городах, не было ни одной женщины из племени терена. Следовательно, и во второй половине XX в. основная масса индейцев терена, живущих в городе, относилась к его беднейшим слоям. Это, естественно, затрудняло адаптацию индейцев к новой для них городской среде, отрицательно влияя практически на все сферы их жизнедеятельности.

Однако уже с середины 60-х годов из среды городских индейцев терена выдвинулось несколько талантливых профессиональных поэтов и художников, работающих над дальнейшим развитием лучших традиций своего племени. Причем важно то, что в своей деятельности они исходят из лучших образцов общенациональной бразильской культуры.

Появление собственно индейской интеллигенции — важнейшая веха в складывании группы терена в городах, а также показатель довольно высокого уровня адаптации этих индейцев к городской среде⁶.

Индивидуальная адаптация тупи и терена к городской среде существенно отличалась от групповой. При последней, как правило, сохранялась целостность мигрантов, продолжали существовать многие традиции и обычаи исходной группы. Привыкание индейцев к городу в этом случае протекало сравнительно легко, а строгий контроль группы за каждым ее членом предотвращал социокультурную дезорганизацию. Наоборот, при индивидуальных миграциях этих индейцев в города показатели их социальной дезорганизации были достаточно высокими. Большинство их не могло найти постоянного заработка и пополняли ряды люмпенов. Некоторые становились бродягами, профессиональными преступниками, проститутками и т. д. Немало таких индейцев, прожив в городах 2—3 года, спивалось и попадало в психиатрические лечебницы с тяжелейшими расстройствами нервной системы. Некоторые возвращались обратно в родные общины, но, как правило, не могли уже найти для себя подходящих занятий и нередко жили за счет своих родственни-

ков, жен или даже детей. Они обычно стеснялись своего происхождения, старались говорить только по-португальски и одеваться, как бразильцы.

Один-два раза в год такие индейцы посещали близлежащие города или промышленные центры. Здесь они выполняли наиболее тяжелые и малопопулярные среди горожан работы. На вырученные деньги покупали алкогольные напитки, дешевые украшения и одежду. Так как большинство индейцев были неграмотными или малограмотными людьми, они, отрицая свои традиции, не воспринимали общепортугальские образцы культуры и поведения.

Но и образованные индейцы часто не могли адаптироваться к городским условиям жизни. В этом плане показательны автобиографии тупи, приведенные в книге крупнейшего бразильского этнографа Ж. Рибейру⁷. Вот две из них.

Индийская девочка Мария еще ребенком была принята в семью миссионеров. Она получила прекрасное образование, свободно говорила на нескольких европейских языках, играла на рояле и т. д. Вместе с приемными родителями Мария много путешествовала и побывала в крупнейших столицах мира. Когда Мария приехала к своим индейским родственникам, она была потрясена их «дикостью» и, пробыв в общине день, вернулась назад в город. В дальнейшем Мария отказывалась поддерживать какие-либо контакты со своей индейской родней, однако в кругу зажиточных бразильцев она тоже не стала своей. Умерла она в городе в 40 лет в полном одиночестве.

Так же печально сложилась и судьба индейского юноши, с детства воспитывавшегося миссионерами. Закончив колледж, этот юноша вернулся к себе в общину. Там он сначала работал школьным учителем, но, поссорившись с общинными властями, недовольными его свободомыслием и возрастающим престижем среди индейцев, должен был покинуть это место. Тогда он решил заняться земледелием, но, не имея необходимых навыков, быстро разорился. Жена-индеанка ушла от него. Умер он в одиночестве, так и не сумев приспособиться как к индейскому образу жизни, так и к городской бразильской культуре.

В целом индивидуальная адаптация индейцев — тупи и терена к условиям города протекала тяжело и сопровождалась быстрой утратой ими этнокультурной специфики своей группы⁸.

Обычно самостоятельно в города переезжали индейцы, потерявшие землю и по тем или иным причинам утратившие связь с родной общиной. Но ехали туда и богатые, в том числе дети общинной аристократии, нередко обладавшей солидными денежными средствами. В городах они предпочитали не встречаться с бывшими односельчанами. При благоприятном стечении обстоятельств таким индейцам удавалось приобрести мелкую движимую и недвижимую собственность: они становились лавочниками, держателями маленьких ресторанов и гостиниц. Некоторые мелкие буржуа занимались ростовщичеством среди индейцев, что

позволяло им держать в экономической зависимости целые группы своих соплеменников⁹.

Богатые индейцы подчеркнута не придерживались своих традиций и обычаев. Приезжая в города, они записывались как метисы или «белые» и, сравнительно быстро вливаясь в среднезажиточные слои горожан, становились бразильцами, представителями бразильского этноса¹⁰.

Таким образом, в городах самосознание и самоназвание, оставаясь важнейшими показателями принадлежности индейца к той или иной группе, зависели прежде всего от его социального положения. То, что большинство богатых индейцев относилось к «белым», подтверждает сказанное¹¹.

Изменение самосознания индейцев, в частности тупи и терена, в городах — область, пока мало разработанная учеными. Тем не менее связь этого явления с общим процессом адаптации коренного населения к новым, городским, условиям жизни представляется несомненной.

¹ Price D. Comercio y acculturación entre los nambicuara // *América Indígena*. México, 1977. XXXVII-I. P. 133.

² Oliveira R. C. Urbanização e tribalismo: A Integração dos Índios Terena. Numa Sociedade de Classes. Rio de Janeiro, 1968. P. 129.

³ Ibidem.

⁴ Oliveira R. C. Op. cit. P. 161.

⁵ Ibid. P. 179.

⁶ Oliveira R. C. O processo de Assimilação do Tereno, Serie Livros I: Museo Nacional, Universidade do Brasil. Rio de Janeiro, 1960; Grupo Doméstico, Família e Parentesco: idéius para uma pesquisa Antropologia social, Boletim do Museo Nacional. 1961. N 19.

⁷ Ribeiro D. Fronteras indígenas de la civilización. México, 1971. P. 290—292.

⁸ Simpson G., Mynger S. Racial and Cultural minorities: Analysis of Prejudice and Discrimination. N. Y., 1953. P. 198.

⁹ Oberg K. The Terena and the caduveo of southern Mato Grosso, Brazil. Washington, 1949. P. 37—38.

¹⁰ Ribeiro D. Op. cit. P. 3—4.

¹¹ Ibid. P. 5—6.

БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У ЭСКИМОСОВ США И КАНАДЫ

Н. А. Лопуленко

С середины XX столетия в американской Арктике во все увеличивающихся масштабах производятся разведка и добыча газа, нефти и других полезных ископаемых. Экономическое, культурное и социальное развитие северных территорий оказывает огромное влияние на жизнь прежде изолированных коренных жи-

телей, в том числе эскимосов, на их быт и культуру: оно тормозит одни и усиливает другие процессы внутри их обществ. Резко увеличилась миграция, возросли темпы урбанизации, происходят интенсивные, часто противоположные изменения в самом эскимосском этносе. С одной стороны, развиваются ассимиляция и социальная стратификация, с другой — этническая и политическая консолидация, этническое самосознание.

Эскимосы Аляски, в недавнем прошлом охотники и рыболовы, традиционно коллективно осуществляли свои права на пользование землей и ее животными ресурсами. Специфика сухопутной охоты вынуждала их осваивать значительные участки территории, кочевать в поисках средств существования на большие расстояния. Ограничения в использовании ресурсов животного мира, которые постоянно возникали в связи с деятельностью горнопромышленных предприятий, запреты на охоту, налагававшиеся природоохранительными актами, нарушали цикличность хозяйственного процесса, препятствовали традиционным способам ведения хозяйства. Поэтому первые столкновения с буржуазным правом на землю вызывали недовольство коренного населения — приводили к разного вида протестам¹.

Все эти особенности определили характер, формы, методы и цели борьбы эскимосов за земли. Возглавила ее местная интеллигенция или лидеры сельских общин, и велась она прежде всего легальными средствами в правовой сфере.

Первый этап борьбы эскимосов за земли (первая половина XX в.) имел территориально-общинный характер, поскольку их организации отстаивали местные интересы — права на пользование своими общинными землями, т. е. фактически на охоту и рыбную ловлю. Направленность на решение местных вопросов обусловила такие формы борьбы, как создание организаций по локальному принципу, восстановление явочным порядком прав на охоту, послание петиций и прошений в органы власти. Дальнейшее развитие движения протеста сопровождалось объединением локальных организаций в региональные ассоциации, созданные отдельно у каждого из трех народов Аляски — эскимосов, индейцев и алеутов. Такая регионально-этническая форма организаций отражала более высокий уровень самосознания коренных жителей Аляски.

В 50—60-е годы борьба за земли вступила в новую фазу развития. Угроза ядерных испытаний на севере Аляски, загрязнение окружающей среды, наступление нефтяных монополий, в результате деятельности которых эскимосы продолжали терять охотничьи угодья, отказ правительства решить кардинально вопрос о землях — эти факторы способствовали укреплению общности интересов коренных жителей Аляски. Большое значение для роста их самосознания имело предоставление Аляске в 1959 г. прав штата. Были созданы Ассоциация аборигенов горнопромышленного района Аляски, Ассоциация аборигенов северо-запада Аляски, Братство туземцев Арктики и т. п., в которых эскимо-

сы были объединены с индейцами и алеутами. Полиэтнический характер организаций свидетельствует о более высокой степени борьбы в тот период, хотя она велась еще в границах отдельных регионов и носила в основном петиционный характер.

Осознание общности социально-политических и экономических задач коренного населения Аляски привело к созданию в 1966 г. Федерации туземцев Аляски (ФТА). С этого момента начался третий этап борьбы, который характеризовался новым типом организационного объединения, социально-политической направленностью требований, применением новых методов, основным из которых было участие в избирательных кампаниях как на уровне штата, так и на общегосударственном.

Создание ФТА изменило политическое соотношение сил на Аляске. Эскимосы, индейцы и алеуты, насчитывающие около 30% имеющих право голоса от всего населения штата, впервые в истории создали организацию, которая боролась за справедливое урегулирование земельного вопроса и компенсации за отторгнутые земли. Кроме того, ФТА способствовала еще большему сближению коренных народов Аляски, исчезновению следов бывлой враждебности между ними, возникшей еще в доколониальную эпоху. Сделав упор на законодательное решение земельного вопроса, федерация потребовала от правительства штата создать коренному населению условия для охоты и рыболовства, для чего выделить общинам достаточное количество земель. Кроме того, ею было выдвинуто требование передать в собственность аборигенов сырьевые ресурсы этих территорий, а также дать права на получение доходов от сдачи земель в аренду. Кульминацией третьего периода борьбы стал Закон об урегулировании требований коренного населения Аляски, принятый Конгрессом США в 1971 г.² По этому закону коренным жителям Аляски выделялось около 16 млн га земель и 962,5 млн долл. компенсаций за те территории, которые были изъяты государством. Земля передавалась в собственность общин, а деньги — корпорациям, созданным на этнической основе.

С принятием закона начался новый этап в социально-экономическом развитии не только всего штата, но и каждого из коренных этносов Аляски. Он характеризуется действиями, связанными с выполнением положений закона. В их числе — развитие нефтедобывающей промышленности в штате, рост предпринимательства в среде аборигенов, возрастание правительственного контроля над выделенными им средствами, укрепление общин коренных жителей, принятие закона о сохранении их языков и т. д.³

Борьба эскимосов Аляски за земли и компенсации, их совместная с другими коренными народами победа оказали сильное воздействие на социальные, экономические, культурные и этнические процессы в их среде.

Развитие эскимосского самосознания в современный период отличается двойственностью. С одной стороны, это укрепление и

развитие собственного этнического самосознания, которое выражается в усилении внимания эскимосов к своей традиционной культуре: в эскимосских общинах регулярно проводятся фестивали народного искусства, сохраняется и обогащается фольклор, развиваются художественные промыслы. Создание региональных коммерческих корпораций (из 12 корпораций 7 — эскимосские) также способствовало росту этнического самосознания.

С другой стороны, в послевоенный период возникло новое, общее для всех аборигенов самосознание. Если до середины XX в. противопоставление «индейцы — эскимосы» разделяло эти народы, то бурное развитие экономики в 60—70-е годы, борьба за земли в общих организациях способствовали их объединению.

Эти процессы особенно четко проявляются в местах смешения индейского и эскимосского населения в наиболее индустриально развитых районах Аляски — центре и юго-западе. Совместная работа индейцев и эскимосов породила такие формы сотрудничества, которые раньше были невозможны. Примером может служить район Бристоль-Бей, где индейцы и эскимосы с озера Илиамна вместе ловят рыбу и работают на консервном заводе⁴. Индейцы, зависящие экономически от рыболовства в Бристольском заливе, вошли в региональную корпорацию «Бристоль-Бей», большинство членов которой — эскимосы. В то же время корпорацию «Кук Инлет», индейскую по своему составу, возглавил эскимос⁵.

Объединение коренных жителей Аляски породило новую форму самоидентификации — «нэйтивс» (туземцы). Она возникла еще в колониальный период по инициативе белых для обозначения коренных жителей Аляски и противопоставления их пришлому населению. Поддерживалась она и законодательством США, в котором коренные народы Аляски не различались. Благодаря развитию движения за земли это определение стало распространяться в среде самих аборигенов. А закон 1971 г. еще раз подтвердил, что «туземец Аляски — это гражданин США, который по крайней мере на $\frac{1}{4}$ происходит от индейца, эскимоса или алеута Аляски или который при отсутствии твердых свидетельств этого обычно считался «туземцем» теми, от кого исходили правдоподобные сведения»⁶.

Осознание себя «туземцем» проявляется особенно сильно, когда коренные жители Аляски попадают в окружение белых, например на промышленных предприятиях или в учебных заведениях. Когда же они находятся в окружении людей из других регионов страны, они называют себя «альяскинцами», что объясняется развитием самосознания не столько этнического, сколько этнорегионального. Таким образом, период борьбы за права на земли отмечен появлением у аборигенов Аляски нового самоназвания, которое превосходит старые этнонимические определения — «индейцы» или «эскимосы».

В мире конкретных дел и в более абстрактных, например законодательстве США, аляскинские индейцы, эскимосы и алеуты стали единой группой — «нэйтивс». Однако эта самоидентифика-

фикация опирается во многом на исторически сложившееся противопоставление «белые — небелые» (нэйтивс), а не на весь комплекс составных частей этнического самосознания, подкрепленный традиционной культурой. Поэтому наиболее выпукло оно проявляется в местах этнического смешения — городах и крупных поселках, где различия в материальной культуре коренных этносов менее заметны, поскольку она основывается на стандартизованных западных образцах. К тому же эта новая культура подкрепляется переходом на английский язык не только этнически смешанных семей, но и большей части эскимосов.

Несмотря на принятие в 1970 и 1972 гг. законов о преподавании в школах Аляски некоторых курсов на языках коренных жителей, практическое употребление эскимосами родного языка продолжает сокращаться⁷. Наиболее ускоренно этот процесс происходит в экономически развитых зонах, менее интенсивно — в чисто эскимосских ареалах, например в дельте р. Кускоквим, на крайнем севере Аляски и на о-ве Св. Лаврентия.

Объединительные функции выполняют и различные культурные мероприятия, проводимые среди коренного населения. Научные и практические программы по развитию искусства и ремесел у эскимосов и индейцев Аляски разрабатываются с середины 60-х годов, когда были организованы Правление по индейскому искусству и ремеслам, Кооператив аборигенных искусств и ремесел, мастерские для обучения ремесленников-дизайнеров, центры развития и демонстрации аборигенного искусства. Кроме того, традиционные ремесла становятся на Аляске деловым предприятием, которое субсидируется предпринимателями, давая дополнительные источники доходов коренным жителям. Эскимосско-индейская газета «Тундра-таймс», еженедельный тележурнал «Туземец Аляски»⁸ выполняют важные просветительские, культурные и политические функции, являясь средством выявления и выражения общего самосознания коренного населения.

Признание себя «нэйтивс» снижает значимость этнических различий между коренными этносами, однако создание региональных этнических корпораций способствует закреплению этих различий. Другими словами, движение за права на земли и закон 1971 г., с одной стороны, питают развитие общего аборигенного самосознания, а с другой — укрепляют региональные этнические различия. Такая двойственность продолжает старую колониальную политику этнического разделения, что, конечно, тормозит дальнейшее слияние коренных народов Аляски в один этнос.

Вопрос о правах канадских эскимосов на земли особенно обострился, когда в местах их расселения были открыты огромные запасы нефти и природного газа. В этот период правительство страны всерьез заинтересовалось северными ресурсами. Только за время с 1964 по 1968 г. ценность Северо-Западных Территорий (СЗТ) возросла на 300% благодаря найденным там полезным ископаемым и экономическому развитию региона⁹. Однако

для современной экономики канадских эскимосов так же, как и аляскинских, характерно сочетание натуральных и товарно-денежных доходов от собственного хозяйства и работы по найму. В тех районах, где разворачивается деятельность горнопромышленных предприятий, резко ухудшаются условия охоты и промыслов, которые по-прежнему служат эскимосам важным источником существования.

С 1960-х годов развитие эскимосской (инуитской) политической организации было активно поддержано канадским правительством, которое хотело формально определить права аборигенов на земли, необходимые им для существования. В 1968—1972 гг. в Арктике были сформированы три организации, включавшие коренных жителей низовьев р. Маккензи: Индейское братство Северо-Западных Территорий, Комитет аборигенных народов, Ассоциация метисов Северо-Западных Территорий. Создание организаций на этнической основе объясняется особенностями законодательства страны, в котором выделяются только две группы индейцев. Первые, так называемые статусные, имеют особые отношения с федеральным правительством, определяемые Индейским актом. Остальные индейцы, не связанные формально с правительством, называются «нестатусными». К ним относятся также эскимосы (инуиты) и метисы. Поэтому членство в Индейском братстве СЗТ было ограничено «статусными» индейцами, членство в Ассоциации — метисами, и только Комитет аборигенных народов включал всех коренных жителей. В начале своей деятельности эта организация сосредоточила свое внимание на переговорах по правам на земли в западной Арктике, где наиболее активно разрабатывались природные ресурсы.

В 70-е годы получила признание идея, что Арктика с ее эскимосским большинством должна иметь специальный статус в политической жизни страны. Она зародилась в неправительственных организациях коренного населения, где понимали важность сохранения этнических особенностей народов Севера. Комитет аборигенных народов и был основан как организация, представляющая всех инуитов и других аборигенов в западной Арктике.

Позже функции комитета были переданы эскимосской организации «Инуит Тапирисат оф Канада» (Общество инуитов Канады — ИТК), которая была основана в 1971 г. и представляет интересы инуитов Северо-Западных Территорий¹⁰. Ее составными частями являются инуитские региональные организации, специальные корпорации и комитеты. Это крупнейшее из всех эскимосских объединений Канады, которое, кроме руководства политической и экономической борьбой эскимосов, поддерживает серию научных исследований, чтобы оценить влияние бурного индустриального развития на эскимосский образ жизни, помочь глубже проникнуть в последствия осуществления проектов экономического освоения Севера и разработать программы социальной помощи для эскимосов.

В 1976 г. ИТК потребовала исключительных прав для эскимо-

сов на территорию канадской Арктики, права налогообложения нефтяных компаний и даже автономию для провинции. Основные положения ее программы сводятся к следующему: 1. Коллективное признание инуитов как отдельной группы, включающее защиту их традиционной культуры и образа жизни, а также защиту аборигенных прав; 2. Представление инуитам политических прав для самоуправления внутри канадского государства; 3. Предоставление им прав на земли, ресурсы и их использование как основу для самообеспечения и развития общин, включая защиту сырьевых ресурсов.

В конце 1978 года ИТК добились соглашения с правительством о территориальных правах эскимосов западной Арктики, которое должно помочь национальному развитию инуитов. В 1977 и 1979 гг. эта организация представила свои предложения о разделе Северо-Западных Территорий на две части, на одной из которых (Восточной) — должна быть провозглашена автономия. В апреле 1982 г. был проведен плебисцит, в результате которого около 85% жителей восточной Арктики (главным образом инуиты) одобрили это предложение¹¹.

История политического движения коренного населения севера Канады показывает, что развивается оно по двум направлениям: создание общих для всех коренных жителей организаций и создание организаций по этническому признаку, отражающее этническое разделение коренного населения страны. Объясняется это тем, что в Канаде юридические постановления препятствуют сотрудничеству индейцев, инуитов и метисов, а кроме того, положение инуитов отличается от положения индейцев в лучшую сторону, чему способствовала политика правительства в 50-е годы¹².

Таким образом, в Канаде в отличие от Аляски индейско-эскимосские связи проявляются очень ограниченно. Говорить об этих канадских народах как о «нэйтивс» нельзя, они не ощущают себя единым коллективом, за исключением некоторых формальных случаев, межнациональные браки у них редки, общего самосознания не выработалось. Происходит раздельное самоопределение и сохраняются в основном прежние этнические стереотипы и предрассудки.

Борьба коренного населения в Канаде началась позже, чем на Аляске, у нее менее ощутимые результаты вследствие более низкого уровня социально-экономического развития региона, территориальной разбросанности населения, а главное — его разобщенности в политическом движении.

Однако межэтническим отношениям инуитов и индейцев Канады свойственны не только разделительные черты. Индустриализация Севера столкнула их с таким новым для них явлением, как капиталистическая система хозяйства. Урбанизация, работа по найму, западная система образования, распространение английского языка, воздействие средств массовой коммуникации, общеканадская политическая система становятся основой их сбли-

жения. Особенно сильно проявляется этот процесс в районах численного преобладания евроканадцев.

Главными пунктами межэтнических контактов становятся города, где индейцы и эскимосы составляют национальное меньшинство, стоящее ниже белых на социальной лестнице. Их сближению в последние годы способствует создание в некоторых районах Канады совместных кооперативов, намечается сотрудничество и в политике. Иногда в борьбе за земли и компенсации объединяются этнически разнородные организации. Тогда они вместе ведут свои дела в судах и на переговорах с провинциальными и федеральным правительствами. Однако политические цели и экономические интересы у каждой группы остаются различными.

Особенности современного политического развития повлияли на рост собственно эскимосского этнического самосознания. И хотя их образ жизни сильно изменился, произошли перемещения целых групп населения, они ясно осознают свое единство, свой особый этнический и языковой статус. Процесс развития этнического самосознания у инуитов Канады характеризуется оживлением этнической гордости. Они не хотят, чтобы их называли эскимосами из-за того, что знают унижительный в их понимании смысл этого слова на одном из индейских языков. Они говорят теперь: «Мы не эскимосы более, мы — инуиты»¹³. В 1970 г. по предложению инуитских членов Совета северного Квебека была принята резолюция о том, чтобы народ, который они представляют, назывался термином «инуиты».

Этническая гордость эскимосов канадской Арктики выражается в том, что большинство из них носит одежду, изготовленную из современных материалов, но в традиционном стиле, в развитии традиционных ремесел.

Эскимосские старики и родители тех молодых людей, которые уезжают из родных поселков в города продолжать учебу, озабочены тем, что их дети потеряют уважение к своей культуре. В поселке Грейт-Уэйл-Ривер, например, для предотвращения этого проводились даже ежегодные собрания, на которых лидеры общины призывали уезжавших молодых людей сохранять чувство гордости и достоинство «при вступлении на путь белого человека», не забывать своей культуры, изучать и сохранять свое инуитское наследие¹⁴.

Если в 70-х годах общественные организации эскимосов Канады делали основной упор на экономическое развитие, то в 80-х больше внимания уделяется культурным проблемам: созданию музеев, подготовке работ о языке и культуре на инуитском языке. В июле 1982 г. министерством культуры Квебека была организована конференция, посвященная вопросам культурного развития этого народа, образования, передачи знаний о традиционном образе жизни. В 80-е годы англоязычные названия их поселков были заменены эскимосскими.

Индустриализация Севера, втягивание коренного населения в

сферу действия американского или канадского капитала и как результат всего этого — переход от натурального обмена к товарно-денежным отношениям, уничтожение племенного деления, определенная унификация культуры на основе европейской, конфронтация белого населения стали той социально-экономической основой, на которой на Аляске сформировалось, а в Канаде начинает формироваться осознание единства интересов коренного населения Севера.

Движение за признание прав коренного населения на земли и ее ресурсы не только способствовало объединению эскимосов с индейцами Аляски и консолидации эскимосов в Канаде, росту их политического самосознания, но и усилило их внимание к собственной этнической культуре. Они выступают за сохранение и переосмысление всего ценного, заложенного в ней, за поиск своего места в современном индустриальном мире, несмотря на ассимиляцию и навязывание ценностей стандартизированной буржуазной культуры.

- ¹ *Lantis M.* The current nativistic movement in Alaska // *Circumpolar problems*. Oxford, 1973. P. 102.
- ² *Harrisson G. S.* The Alaska Native claims settlement act, 1971 // *Arctic*. 1972. V. 25, N 2. P. 233.
- ³ *Burch E. S. Jr.* Indians and Eskimos in North Alaska 1816—1977 // *Arctic Anthropology*. 1979. N 2. P. 138.
- ⁴ *Townsend J. B.* Indian or Eskimo? Interaction and identity in Southern Alaska // *Ibid.* P. 176.
- ⁵ *Ibidem.*
- ⁶ *Burch E. S., Jr.* The land claims era in Alaska // *Handbook of North American Indians*. V. 5: Arctic. Washington, 1984. P. 657—661.
- ⁷ *Krauss M. E.* Native peoples and languages of Alaska. Maps. Fairbanks. 1974, 1982.
- ⁸ *Lantis M.* Op. cit. P. 107.
- ⁹ *Weick E. R.* and all. Economic development of the Canadian North and its consequences for the Canadian Eskimo society // *The Eskimo people today and tomorrow*. P.; The Hague, 1973. P. 198.
- ¹⁰ *Brody H.* Ecology, politics and change: The case of the Eskimo // *Development and change*. 1978. V. 9, N 1. P. 36—37.
- ¹¹ *Vallee F. G., Smith D. G., Cooper J. D.* Contemporary Canadian Inuit // *Handbook of North American Indians*. V. 5: Arctic. P. 671.
- ¹² *Honigmann J. J.* Indian-Inuit relations in contemporary mixed Canadian communities // *Arctic Anthropology*. 1979. N 2. P. 183.
- ¹³ *Graburn N.* Indian — Eskimo relations // *Ibid.* P. 193; *Saladin D'Anglure B.* Contemporary Inuit of Quebec // *Handbook of North American Indians*. V. 5: Arctic. P. 688.
- ¹⁴ *Hall L.* Great Whale River Eskimo youth: socialization into Northern town life // *Anthropologica*. 1973. N. S. V. XV, N 1. P. 17.

РАЗРАБОТКА РЕСУРСОВ ИНДЕЙСКИХ РЕЗЕРВАЦИЙ США

В. Г. Стельмах

Резервационное индейское население Соединенных Штатов Америки владеет территориями площадью 52,2 млн акров (1 акр = =0,4 га). Резервации — особая категория земель, являющихся собственностью живущих на них индейских общин и находящихся под управлением их советов. Эти земли обладают ценнейшими экономическими ресурсами: леса, реки и самое главное — запасы природного сырья.

Хотя правительство США, переселяя в прошлом столетии индейцев в резервации, стремилось оставить им наименее ценные в хозяйственном отношении угодья, оказалось, что эти территории — кладовые полезных ископаемых. «Просчет» выявился уже в 80-е годы XIX в., когда в индейских резервациях в Оклахоме и Нью-Йорке были обнаружены месторождения нефти, угля, природного газа. Некоторые корпорации сразу же приступили к разработке этих ресурсов, заключив с племенами соглашения об аренде территорий, где имелись месторождения, и добыче там сырья. К началу второй мировой войны в индейских землях было добыто 208,1 млн баррелей нефти, 205,6 млрд куб. футов газа, значительное количество угля¹, однако это очень скромные результаты даже по меркам того времени.

После того как в 50-е годы нашего столетия оценка запасов сырья, принадлежащего жителям резерваций, была произведена на основе данных разведки недр, выполненной современными способами, стало ясно, что индейские земли обладают значительно ббльшим количеством минеральных ресурсов, чем предполагалось ранее. Это в корне изменило ситуацию: в разработке природных богатств резерваций начался настоящий бум. В результате активности горнодобывающих корпораций площадь арендуемых ими территорий резерваций, по данным Бюро по делам индейцев (БДИ), с 1953 по 1960 г. увеличилась с 485 тыс. акров до 5,3 млн (максимальный уровень), т. е. почти в 11 раз! Соответственно возрастала добыча ископаемых. Например, по сравнению с 1950 г. объем добываемой в индейских землях нефти к концу 70-х годов увеличился в 5,3 раза, а природного газа — в 13,7 раза². В целом о росте производства свидетельствуют следующие данные: в 50-е годы в резервациях добывалось ежедневно около 60 тыс. баррелей сырья в пересчете на единицу условного энергетического эквивалента; в настоящее время этот показатель достиг 642 тыс. баррелей в день, что по расчетам министерства энергетики США составляет почти 15% добычи нефти, 10% — газа и 40% — угля и урана, осуществляемой на территории США³.

Увеличение добычи ископаемых в индейских землях стало

приносить их жителям известные доходы. С 1958 по 1980 г. индейцы получили в виде арендной платы и так называемых отчислений (royalties) с единицы произведенной продукции более 800 млн долл⁴. В ряде резерваций — Навахо, Оседжи, Блэкфут, Юинта-Оурей, Юта-Маунтин, Кроу, Форт-Бертолд, Форт-Пек — средства, получаемые от разработки недр, стали важнейшим компонентом доходов их жителей. «Эти успехи, возможно, послужат началом разрушения оков бедности, опутавших американских индейцев», — подчеркивал в данной связи авторитетный еженедельник «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»⁵. Увы, прогноз не оправдался. В Соединенных Штатах сложилась такая система заключения договоров о разработке недр индейских земель между соответствующей общиной и какой-либо горнодобывающей корпорацией, которая выгодна исключительно последней: контракты, как правило, заключаются на длительный срок, размер отчислений фиксируется без учета рыночной стоимости добываемого сырья и т. п. Кроме того, на практике советы общин фактически лишены возможности вести переговоры непосредственно с заинтересованной фирмой, поскольку контракт утверждается или не утверждается БДИ при министерстве внутренних дел страны. В результате вплоть до настоящего времени индейцы получают отчисления, установленные в масштабах цен 50-х годов. В итоге им достается лишь ничтожная доля богатств, которые они должны были иметь: согласно данным, представленным в конгрессе в 1981 г. советом общины оклахомских чироков, индейское население получает всего 14% стоимости добываемой в его землях нефти, около 20% газа и лишь 2% угля. В свете этой информации незначительность индивидуальных прибылей коренных американцев от добычи ископаемых, которые в начале 80-х годов составляли в среднем около 420 долл. в год в расчете на душу⁶, уже не может вызвать недоумение. Ответственность за превращение разработки месторождений на территориях резерваций в легализованное ограбление их жителей лежит на правительстве США. Оно, подчеркивалось в заявлении совета общины блэкфут, «проводило и проводит в отношении ресурсов резерваций такой курс, будто это — одна из категорий земель общественного фонда, разработка недр которых за фиксированную минимальную ренту должна содействовать развитию экономики Соединенных Штатов»⁷. Несправедливость подобной ситуации стала настолько очевидной, что даже орган деловых кругов газета «Уолл-стрит джорнэл» отметила: «Парадоксальность положения индейских общин состоит в том, что под ногами их жителей находятся месторождения энергетического сырья стоимостью в миллионы долларов... однако индейцы, страдая от нищенских условий их аренды... продолжают оставаться одной из наименее обеспеченных групп населения»⁸.

Интенсивная добыча полезных ископаемых в резервационных землях, таким образом, не решила проблемы адекватных доходов коренных жителей. Как оказалось, она принесла индейцам и не-

виданные ранее проблемы экологического характера. Индейским землям наносится колоссальный ущерб добычей полезных ископаемых, осуществляемой без должных мер предосторожности в отношении окружающей среды. После проведенных компанией АМАКС разработок молибденовой руды в послании протеста, направленном советом резервации Колвилл в законодательную власть штата Вашингтон, отмечалось: «Территория индейцев постепенно превращается в груды земли, загрязненную отбросами производства»⁹. Добыча угля, начатая в резервации Северных Чейенов (Монтана) компанией «Пибоди Коул», превратила 16 тыс. акров ее площади в практически негодную для проживания территорию. Чейены заявили протест федеральному правительству, где, в частности, подчеркивалось: «Разработки угля могли бы принести в течение длительного времени огромную пользу индейцам, если бы они велись правильно, не причиняя разрушений»¹⁰. Однако администрация встала на сторону корпорации, проявив полное пренебрежение к интересам коренных жителей. «Может ли в содержание законодательства, дающего (правительству) право распоряжаться ресурсами индейцев, входит установка наносить ущерб их землям?» — заметил по этому поводу сенатор М. Мэнсфилд, единственный конгрессмен, вставший на защиту чейенов¹¹.

Истинным проклятием резерваций явились разработки урановой руды, о чем наглядно свидетельствует ситуация в общине навахов. Добыча урана ведется там с конца 60-х годов. В настоящее время на территории резервации действуют 350 шахт, большая часть которых заброшены. Это подлинное бедствие для общины: окрестности рудников завалены радиоактивными отходами, количество которых, по данным парижской «Монд», превышает 30 млн т. Пока, считает ряд экспертов, не существует эффективных способов стабилизации этих отходов, следовательно, неизвестно, как можно восстановить плодородие зараженных родоносовым излучением угодий, чтобы на них можно было вести, например, животноводческое хозяйство¹².

Добыча урана, осуществляемая без самых необходимых мер предосторожности, представляет страшную опасность для населения: бывшие рудники не огорожены, не изолированы для предотвращения заражения питьевой воды. Жители общины, не предупрежденные заблаговременно об опасности, во многих случаях использовали радиоактивные отходы добычи урана как строительные материалы для своих жилищ¹³.

Особую тревогу вызывает состояние здоровья тех, кто трудится или продолжает трудиться на шахтах. По данным расследования, осуществленного конгрессом США в 1975 г., извлечение урановой руды на территории резервации корпорации вели, нарушая существовавшие в стране нормы безопасности персонала таких предприятий. Контроль над уровнем радиации отсутствовал, вентиляция шахт не проводилась, защита от излучения, а также медицинские освидетельствования здоровья сотрудников не были организованы. В итоге из 800 навахов, работавших на

рудниках, почти $\frac{1}{3}$, получив предельную дозу облучения, страдала раковыми заболеваниями¹⁴.

Таким образом, существующая система разработки минеральных ресурсов резерваций выгодна горнодобывающим компаниям, которые, по справедливому мнению исследователя-марксиста С. Тэлбота, ведут себя в индейских землях так, будто это — колонии, из которых можно выколачивать 'прибыли любой ценой'¹⁵. Между тем исконные хозяева этих богатств, коренные жители, которые с 1924 г. считаются полноправными американскими гражданами, терпят в итоге разнообразный ущерб — от финансового грабежа до уничтожения своих угодий и утраты здоровья.

Если в недавнем прошлом индейское население было вынуждено мириться с разграблением его земли и ресурсов, то с начала 70-х годов подобный оборот событий стал вызывать глубокий протест. «Полезные ископаемые — единственный шанс обеспечить будущее наших детей, — заявил в связи с этим П. Макдоналд, до последнего времени возглавлявший совет резервации навахов. — Мы стоим в начале пути, который означает, что тропа слез, наконец, пройдена. Мы не позволим, чтобы другие группы населения обогащались за наш счет»¹⁶. Аналогичные заявления были сделаны и лидерами резерваций кроу, ассинибойнов, оседжей. Изменение позиции индейцев относительно эксплуатации собственных недр было связано, вопреки мнению многих американских экспертов, не только со стремлением получать большие прибыли, якобы подогретым арабским нефтяным эмбарго 1973 г., но и с ростом национального сознания и культурного уровня резервационного населения, позволившим ему осознать необходимость защиты и сохранения своих территорий как условия независимого существования и культурного прогресса индейских народностей. На это обстоятельство прямо указывают документы, исходящие из среды коренных американцев. «Когда началась наша борьба со злоупотреблениями при разработке природных богатств... бытовало неверное мнение, будто реальной целью решительного настроя и действий индейских племен было принудить корпорации к пересмотру арендных соглашений, чтобы увеличить денежные отчисления за добытое в индейских землях сырье, — говорилось в заявлении лидера резервации Северных Чейенов Э. Роуланда. — К счастью, нам удалось преодолеть во многих случаях эту циническую точку зрения. Теперь признается, что племена действуют, руководствуясь своим пониманием ценностей и стремлением осуществлять право защиты и сохранения территорий резерваций — своего родного очага»¹⁷. Экологические мотивы вырисовываются и в манифесте участников марша на Вашингтон 1978 г. — самого массового выступления индейцев в защиту своих прав за последнее десятилетие. «Как народ... мы имеем право на чистый воздух, чистую воду и правильное использование наших богатств в мирных целях», — подчеркивалось в этом документе¹⁸.

Итак, совершенно очевидно, что индейское население США едино в своем стремлении изменить систему разработки принадлежащих ему запасов минерального сырья так, чтобы это шло на пользу ему, а не монополиям. Именно с такой целью в 1975 г. и была создана организация — Совет племен, владеющих энергетическими ресурсами (СЭРТ), которая, объединив 34 резервации, где ведется добыча ископаемых, стала контролировать более 50% месторождений урана и около $\frac{1}{3}$ — угля, нефти и газа, принадлежащих индейцам. Возглавил СЭРТ П. Макдоналд, практическое руководство осуществлял бизнесмен индейского происхождения Э. Гэбриел. Но, как показали дальнейшие события, у коренных американцев не было единства мнений относительно того, что считать пользой, как достичь поставленной цели и какие злоупотребления в области добычи ископаемых следовало бы ликвидировать в первую очередь. Водоразделом точек зрения различных групп резервационного населения стали как раз вопросы экологии.

Для руководства СЭРТ, как явствует из программного документа этой организации — Заявления 1979 г., предметом первостепенной важности оказалась проблема адекватности денежных отчислений, выплачиваемых индейцам за добытую продукцию¹⁹. Поэтому его лидеры начали ратовать за продолжение сотрудничества с частными фирмами, но на более справедливой, с их точки зрения, основе (увеличение нормы прибылей индейцев, привлечение населения резерваций к работе на горнодобывающих предприятиях и т. п.). «Мы заслуживаем того, чтобы нас, наконец, признали равными партнерами в делах энергетики», — заявил один из активистов СЭРТ, руководитель общины хикарилья-апачей (Аризона) У. Чино²⁰. Естественно, что лидеры этой организации готовы пренебречь состоянием окружающей среды индейских территорий. «Земля для американских индейцев — вместилище священных взаимосвязей человека со вселенной. Конечно же, она не должна загрязняться, оскверняться или обесцениваться... Земля не может рассматриваться и как ресурс, который подлежит использованию, — подчеркнул в одном из выступлений П. Макдоналд. — ...Однако мы — лояльные американцы, беспокоящиеся о судьбе своей страны. Поэтому мы признаем суверенное право государства (Eminent Domain) использовать на общее благо частные владения. И национальная потребность в энергоресурсах может выступать как основание для применения такого права... Мы понимаем, что наши природные богатства нужны для существования всей нации»²¹. Подобные взгляды руководства СЭРТ, конечно, имеют определенную социальную базу, справедливо считает прогрессивный публицист индейского происхождения У. Мейер. В настоящее время в индейских общинах из получателей крупных долей отчислений, функционеров племенных органов самоуправления и т. д. постепенно формируются буржуазные слои, которые заинтересованы в наиболее прибыльном для себя использовании природных богатств, нахо-

дящихся в коллективном владении соответствующего племени²². Существование среди этих социальных слоев столь конформистских настроений, о которых с восторгом отзываются средства массовой информации, увы, явление вполне закономерное.

Между тем деятельность большинства индейских лидеров, поистине одержимых идеей выгодных контрактов с горнорудными или энергетическими компаниями, в настоящее время стала все чаще вызывать справедливые нарекания со стороны прогрессивно мыслящих представителей коренного населения. Член племени блэкфут Д. Мак Кей подчеркнул в своем заявлении в ходе дебатов в конгрессе относительно добычи ископаемых в индейских землях, что в нынешних условиях она неизбежно ведет к разрушению главного достояния аборигенов — земли и постепенному исчезновению общин как социальных институтов. Ответственность за это ложится непосредственно на общинное руководство, которое, превышая свои права, определенные конституциями племен, «лишило основную массу населения права принять участие в определении рамок и разработке гарантий при использовании этих важнейших богатств, являющихся их коллективной собственностью»²³.

Ряд жителей общины Северных Чейенов в свою очередь выразили сомнение, не является ли цена экономического прогресса, осуществляемого за счет добычи сырья, слишком высокой, коль скоро «платить за него приходится социальной дезинтеграцией, лишением земель и утратой культурной самобытности»²⁴. Глубокой тревогой за будущее индейских территорий был пронизан и манифест участников марша на Вашингтон 1978 г., убежденных, что погоня за сиюминутными прибылями может обернуться для резерваций экономической катастрофой: «...действия тех, кто окружает нас, вероятно, приведут к полному уничтожению всего. Транснациональные корпорации губят жизнь в воде, воздухе и на земле... Гигантские машины оголяют поверхность нашей матери-земли, заводы и транспорт выбрасывают в небо тонны яда». Участники выступления так же гневно осудили тех своих соплеменников, которые хотели бы продолжить разработку ресурсов общинных земель, не думая о последствиях: «Наша мать-земля кормит, одевает и укрывает нас, как и все другие живые существа, но те, кто воспринял западные ценности, утратили сознание ценности творения... Свораченные обещаниями высокого уровня жизни при американской системе они эксплуатируют землю-мать. Правительство предпочитает считать их руководителями индейского населения. Они создают корпорации, забыв, что корпорация не является нацией».

Стихийные выступления защитников окружающей среды резерваций возглавила леворадикальная организация Движение американских индейцев (АИМ), чьи лидеры заняли непримиримую позицию в отношении сторонников добычи ископаемых, объединяемых СЭРТ. Последние, по словам лидера АИМ Р. Минза, являются «неоколониалистами, которые, напялив на себя маску

бизнесмена, пытаются распоряжаться индейскими землями, как белые,— с помощью кредитных карт и балансов расчетов»²⁵. Минз также убежден, что существует неизбежная альтернатива — индустриальный прогресс или гибель жизни. «Технологическое общество зашло в тупик. Оно грозит исчерпать ресурсы планеты,— заявил он корреспонденту парижского еженедельника «Экспресс». — Необходимо учиться такому образу жизни, который уважал бы землю, пространство и воду. Мы, индейцы, зная природу, могли бы помочь другим открыть для себя этот образ жизни»²⁶. Безусловно, данная точка зрения крайность, и другие руководители АИМ не разделяют ее. В частности, Д. Филдмен справедливо считает, что корень всех зол — не технический прогресс как таковой, а неправильное использование его достижений²⁷. Однако важнее другое. Несмотря на некоторые разногласия, АИМ развернуло активную борьбу с корпорациями, чья деятельность наносит ущерб окружающей среде резерваций. Вот некоторые примеры конкретных его акций. Жители пос. Бернхем (резервация Навахо), руководимые активистом этой организации Л. Эндерсоном, потребовали от фирмы «Консолидейшн Коул» провести восстановительные работы на территориях, где добыча угля велась открытым способом. Когда компания отказалась это сделать, индейцы в знак протеста захватили здание ее местного правления. «Раны, наносимые земле, разорение могил и священных мест, загрязнение воздуха копотью... которой приходится дышать местным жителям,— таковы причины, заставившие нас взять штурмом сооружения «Консолидейшн Коул»,— заявил Эндерсон.— Для нас, навахов, земля священна: она — мать людей и мы боремся за ее сохранность»²⁸. В итоге фирме пришлось остановить добычу угля и вновь сесть за стол переговоров с индейцами.

Резонанс действий, предпринятых жителями Бернхема, оказался весьма велик. Когда другая группа навахов в свою очередь обратилась с аналогичными претензиями к компании «Тексако», осуществляющей добычу нефти вблизи пос. Эйнит, руководство этой фирмы предпочло сразу пойти на уступки, согласившись компенсировать, правда, в денежной форме, причиненный ею ущерб²⁹. Впрочем, главный итог усилий АИМ заключался в ином. Руководство общины не смогло более игнорировать позицию основного ее населения и было вынуждено, хотя бы частично, пересмотреть свою политику в отношении разработки ископаемых. «Нельзя допускать дальнейшее уничтожение богатств, принадлежащих нашему народу,— лесов, воды, минеральных ресурсов,— заявил новый президент совета резервации П. Зей, сменивший на этом посту инициатора добычи сырья Макдоналда.— Земля навахов теперь не будет эксплуатироваться горно-рудными и нефтяными компаниями»³⁰. Более того, отдельные лидеры СЭРТ понемногу начали склоняться к мысли, что его деятельность не должна ограничиваться исключительно выторговыванием у корпораций финансовых уступок при пересмотре

конкретных положений тех или иных контрактов. «В наших интересах бороться за более высокую компенсацию,— отметил один из активистов этой организации руководитель общины пенобскот Э. Эткинс.— Но главное — не это, а установление иной, справедливой системы разработки природных ресурсов индейских земель под контролем общин. Тогда наши дети не будут сталкиваться с таким отношением американского общества, которое довелось испытать нам и нашим отцам»³¹.

Между тем одно из недавних заявлений Э. Гэбриела вновь показало, что руководство СЭРТ не намерено менять своего курса, подтвердив стремление «сотрудничать в деле разработки ресурсов резерваций с правительством и частным сектором, чтобы удовлетворять национальные потребности в энергии». О проблемах экологии заявление умалчивало³². Иными словами, сторонникам добычи ископаемых в целом удалось взять верх над защитниками окружающей среды резерваций и навязать коренному населению свою позицию. Исход этой борьбы во многом был предрешен заранее: руководство СЭРТ имело в своих руках самое мощное оружие — бедственное положение индейцев США. «Возможность немедленно получить за добытое сырье какие-то денежные выплаты» вкуче с обещаниями компаний более внимательно относиться к социальным нуждам коренных американцев «оказались для многих индейцев сильнейшим искушением», — прокомментировал эту ситуацию выразитель мнений либеральных кругов страны журнал «Прогрессив»³³. П. Макдоналд высказался в этой связи еще более откровенно: «Если твой народ голоден, а у него при этом есть товар, то он сталкивается с выбором: или будешь голодать, или распродашь ресурсы, которые хотелось бы попридержать на будущее»³⁴.

Таким образом, разработка недр индейских резерваций, превратившаяся в настоящее время в неотъемлемый компонент их хозяйственной жизни, ставит перед коренным населением дилемму: экологическая катастрофа в будущем или же нищета в настоящем, которая в условиях рыночной, капиталистической экономики неразрешима. На сегодняшний день его руководство предпочло первое. В этой связи становятся совершенно ясными истоки пессимизма индейцев относительно социокультурного прогресса их общин, который, казалось, получил в виде богатых запасов энергетического сырья хорошую материальную предпосылку. «Факт, что значительная часть государственных запасов ископаемого топлива находится в индейских землях, породил было среди индейцев надежду на какое-то улучшение своего существования, однако большинство из них смотрит в будущее с возрастающим скепсисом и тревогой», — заметил лидер общины горных юта Т. Найт³⁵. Вряд ли его слова требуют комментариев.

¹ Oil and gas leases on Indian lands (далее — OGL): Hearing before Select committee on Indian affairs, Senate (далее — SCIA). 97 congr. 1 sess. 1981. 27.II—6.IV. Wash., 1981. Pt 1. P. 86—87.

² Рассчитано по: OGL. Pt 2. P. 89.

- ³ Intern. Herald Tribune. 1978. 10.VIII: Economist. 1978. 28.X. P. 51.
- ⁴ Observer. 1980. 6.VII.
- ⁵ US News and World Report. 1979. 28.V. P. 68.
- ⁶ OGL. Pt 3. P. 334; US News and World Report. 1983. 23.V. P. 71.
- ⁷ OGL. Pt 1. P. 43.
- ⁸ The Wall Street Journal. 1979. 20.IX.
- ⁹ Daily World. 1980. 21.II; 8.IV.
- ¹⁰ Washington Post. 1979. 3.III.
- ¹¹ Congressional Record. 93 congr. 2 sess. 1974. 4.III. Wash., 1974. V. 120. P. 5012.
- ¹² Monde. 1980. 7.X; Economist. 1980. 3.V. P. 30.
- ¹³ Newsday. 1984. 7.VII.
- ¹⁴ Congressional Record. 96 congr. 1 sess. 1979. 24.V. Wash., 1979. V. 125. P. 12869.
- ¹⁵ *Talbot S.* Roots of oppression: American Indian question. N. Y., 1981. P. 163—165.
- ¹⁶ Journal of Commerce. 1980. 29.VIII.
- ¹⁷ Statement of A. Rowland // Leases involving Secretary of the Interior and Northern Cheyenne Indian Reservation: Hearing before SCIA. 96 congr. 2 sess. Wash., 28.III.1980. P. 38.
- ¹⁸ Congressional Record. 95 congr. 2 sess. V. 124. P. 23136.
- ¹⁹ Testimony of CERT, 1979 // Indian economic development programm. Oversight hearing before Committee on Interior and Insular Affairs: House of Representatives. 96 congr. 1 sess. 1979. 10.VI—27.XI. Wash., 1980. Pt 2. P. 93—96.
- ²⁰ New York Times. 1979. 4.VIII.
- ²¹ *MacDonald P.* Fair market value of Indian resources in national economy, 22 may 1979 // Congressional Record. 96 congr. 1 sess. V. 1. 125. P. 16134.
- ²² *Мейер У.* Коренные американцы. М., 1974. С. 87.
- ²³ Statement of J. MacKey // Indian mineral development: Hearing before SCIA. 97 congr. 2 sess. 1982. 12.II. Wash., 1982. P. 61—63.
- ²⁴ Progressive. 1976. N 12. P. 28.
- ²⁵ Congressional Quarterly Weekly Report. 1978. 2.XII. V. 136. P. 3387.
- ²⁶ L'Express. 1977. 3.X. P. 75.
- ²⁷ Journal of Commerce. 1980. 29.VIII.
- ²⁸ Monde diplomatique. 1980. 21.X. P. 38.
- ²⁹ *Iverson P.* Navajo nation. Westport (Conn.), 1981. P. 188.
- ³⁰ Monde. 1983. 26.XII.
- ³¹ New York Times. 1979. 22.IV.
- ³² Testimony of E. Gabriel, 1981 // OGL. Pt 1. P. 104.
- ³³ Progressive. 1976. N 12. P. 29.
- ³⁴ US News and World Report. 1982. 15.III. P. 68.
- ³⁵ Conveyance of federal land to Mountain-Ute tribe // Hearing before SCIA. 96 congr. 2 sess. 1980. 26.II. Wash., 1980. P. 49.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РЕСУРСОВ РЕЗЕРВАЦИЙ И ПОЛОЖЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ В США

К. В. Цеханская, О. В. Шамшур

Современная цивилизация вызвала глубокие преобразования в природном и социальном окружении человека. В последние десятилетия усиливающийся процесс загрязнения природной среды по отношению к аборигенному населению разных стран мира приобрел угрожающие формы. Яркий пример тому — индейцы

Северной Америки. Открытие и колонизация континента сопровождалась не только истреблением его коренных жителей, но и подлинной войной белого человека с природой. Специфика отношения к природе, к ресурсам страны и их использованию явилась одной из главных причин конфронтации индейцев и колонизаторов.

Индейцы обожествляли природу, считали себя частью своей земли. В силу особенностей исторического развития они не понимали принципа частного владения землей и придерживались идеальной для человека установки — землей могут пользоваться все и брать ее плоды в необходимых размерах. Но хрупкий баланс человека и природы, который индейцы интуитивно соблюдали, был грубо нарушен европейцами. Ресурсы страны казались колонизаторам безграничными, и товарный капитализм повел тотальное наступление на природу. Программа завоевателей сводилась к тому, чтобы отнимать и уничтожать, непрерывно богатея. Этот принцип отражал соответствующие идейные убеждения. Колонизаторы твердо верили в свою «цивилизаторскую» миссию и считали себя вправе использовать природные ресурсы так, как им захочется. «Бог не указал бы англичанам пути к Новому Свету, если бы он не намеревался дать его им во владение»¹. В многочисленных трактатах по поводу «погрязших в грехе» и нуждавшихся «в спасении» туземцев белые рисовали перспективы спасения их душ. Так, в трактате сэра Джона Пекхема (1583 г.) в связи с колонизацией Ньюфаундленда предлагалась весьма «благочестивая» картина подобного «спасения». Поскольку индейцы якобы не умеют обращаться с землей, англичане сумеют научить их это делать. Если же не получится, то будет вполне допустимо как по закону, так и с точки зрения морали применение оружия². Так белые колонисты оправдывали уничтожение людей и природы.

Долгие годы в Америке шла настоящая экологическая война. Индейцев лишали естественной среды обитания: изгоняли из селений, заставляли переселяться на новые места, засоряли реки, вследствие чего гибли рыба и водоплавающая птица, людей лишали источников питания. Многие умирали от голода, лишений и болезней. На Северо-Западе США к 1835 г. были почти полностью уничтожены морские бобры и котики, которые давали самые ценные меха. В те же годы американские торговые компании на востоке страны стали скупать бизоньи шкуры. Хищническое истребление бизонов приобрело огромные масштабы. Охотники, вооруженные восьмизарядными ружьями, располагались у водоемов и рек, куда бизоны приходили на водопой. Животных отстреливали с максимальной эффективностью в течение 24 часов. В результате целые поля бизоньих туш оставались гнить на солнце. Когда в районах обитания команчей, кайова, арапахо и чейенов эти животные почти исчезли, индейцы были вынуждены питаться мясом собственных лошадей³. Знаменитый своими кровавыми «подвигами» по отношению к индейцам генерал Шеридан

считал, что власти должны быть благодарны белым охотникам на бизонов и награждать каждого бронзовой медалью с изображением мертвого бизона с одной стороны и обескураженных индейцев — с другой⁴.

Уничтожение бизонов поставило индейцев перед катастрофой, так как для равнинных жителей охота на этих животных составляла основу их существования. «История американской нации в XIX в., — отмечал биолог Фэрфилд Осборн, — в той ее части, которая касается использования лесов, пастбищ, фауны, флоры и воды, является самой жестокой и разрушительной»⁵.

Экологическая война продолжается и сегодня. Крупные монополии обостряют дефицит земельных ресурсов, ведут экономическое наступление на земли коренных американцев. В результате длившегося несколько веков расхищения земель, принадлежавших индейцам (только за время после принятия в 1887 г. печально известного закона Дауэса и до начала 1980-х годов размеры индейского землепользования сократились почти в 3 раза — с 155 млн акров до 50,4 млн⁶), они лишились лучших сельскохозяйственных угодий.

Однако потребности развития экономики США в период после второй мировой войны, особенно повышенный спрос на энергоносители и руды цветных и редких металлов, используемые в передовых технологических процессах, обусловили своеобразный всплеск интереса монополий и государства к ресурсам, сосредоточенным в индейских резервациях. Даже принимая во внимание неравномерность распределения месторождений минерального сырья от резервации к резервации, а также тот факт, что далеко не все месторождения, расположенные в резервациях, являются собственностью индейцев (в резервации племени кроу, где сосредоточено 11 млрд т угля, лишь 22% территории принадлежит аборигенам), следует признать эти ресурсы весьма значительными: запасы нефти в текущее десятилетие составляют 4,2 млрд баррелей, газа — 17,5 трлн куб. футов, угля — 200 млрд т, или 15% всех разведанных в США запасов, урана — 11% мировых ресурсов⁷. Увеличивается значение и гидроресурсов, особенно в засушливых районах интенсивно развивающегося Юго-Запада США.

Правоммерно поставить вопрос: в связи с повышением «статуса» ресурсной базы индейских резерваций и начавшейся ее экономической эксплуатацией улучшилось ли социально-экономическое положение самих индейцев? Пожалуй, наилучший ответ дала Комиссия США по гражданским правам: «Хотя индейцы обладают значительными ресурсами... наличие этого потенциала не привело к приобретению ими экономической мощи или политического влияния. Проблема выживания племен была актуальной во времена образования США и продолжала оставаться такой на протяжении всей их истории»⁸.

В качестве альтернативы застою хозяйственной жизни индейских общин, необходимость преодоления которого очевидна, госу-

дарственные органы США навязывают им свою концепцию экономического развития. Ее исходная посылка и в то же время конечная цель — стимулирование капиталистического освоения ресурсов, находящихся в районах проживания коренного населения. Основная доля ответственности за ее осуществление падает наряду с министерством внутренних дел на министерство торговли США, в рамках которого действует Администрация экономического развития. С середины 60-х годов администрация выделила более 500 млн долл. на различные программы создания рабочих мест и источников дохода на территории индейских резерваций⁹.

Можно назвать несколько «операционных» уровней, на которых государственно-монополистический капитал США пытается реализовать свою концепцию экономического развития для индейцев.

Во-первых, финансирование — в основном в форме обычных коммерческих займов — «чисто индейских» предприятий. В частности, из упомянутой суммы 500 млн на эти цели было израсходовано 78,3 млн для развития туристского бизнеса (коммерческие парки, кемпинги, отели, музеи) и еще 29 млн. для строительства промышленных объектов.

Политика развития «индейского» бизнеса, которую можно рассматривать как очередную модификацию концепции «черного» бизнеса или «бизнеса меньшинств», имела своей сверхзадачей создание и расширение в резервациях конформистской прослойки мелких (реже — средних) собственников. Однако и эту цель в полной мере достичь не удается, так как, выйдя на капиталистический рынок, слабые в финансовом отношении, не имеющие достаточного делового опыта предприятия индейцев в подавляющем большинстве не выдерживают жестокой конкуренции и разоряются, принося племенам вместо доходов и новых рабочих мест растущую задолженность. Так, к настоящему времени уже обанкротились 30 из 54 промышленных комплексов, созданных в резервациях, на грани банкротства находятся 8 из 10 наиболее дорогостоящих проектов в сфере туризма. В таком же положении — большая часть корпораций, фактически коммерческих фирм, созданных в соответствии с «Актом об удовлетворении территориальных претензий коренного населения Аляски» (1971 г.): ряд из них имеет суммарный дефицит в размере 100 млн долл. Хотя так называемый аляскинский эксперимент и выходит за рамки темы данной статьи (там, как известно, отсутствуют резервации и индейцы составляют пусть и преобладающий, но не единственный компонент коренного населения), обойти его вниманием не представляется возможным как в силу его крупномасштабности и возлагавшихся на него надежд на радикальное улучшение положения коренных жителей Аляски, так и в силу весьма показательных результатов. По прошествии более чем 16 лет после его принятия, по образному выражению корреспондента журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «грандиозные

планы немедленного обогащения на обширных земельных владениях и природных ресурсах обернулись рассыпавшейся в прах мечтой... коренных жителей Аляски»¹⁰.

Средства, выделяемые буржуазным государством на экономическое развитие индейских общин, всегда несоизмеримые с масштабами их проблем, первыми попадают под сокращение на социальные расходы. В таких условиях становится совершенно очевидной маргинальность «индейских» программ в стратегии капиталистического освоения находящихся в их распоряжении ресурсов. Это освоение мыслится правящими кругами США прежде всего как поощрение неиндейских элементов к эксплуатации материального и людского потенциала резерваций. Именно им достается львиная доля займов, направляемых по каналам Агентства экономического развития и других ведомств. Ставка на привлечение частного капитала извне определила содержание и так называемой новой инициативы в сфере экономического развития резерваций, с которой выступила в начале 80-х годов республиканская администрация Р. Рейгана¹¹.

Поощряя неиндейский, как правило, «белый», бизнес, государственные агентства дискриминируют самих индейцев. Так, к осуществлению в конце 70-х годов под эгидой ряда федеральных министерств крупного строительного проекта на территории племени блэкфут практически не были привлечены ни рабочие-индейцы, ни одна индейская строительная фирма. Министерство городского развития США вообще отказало в ассигнованиях предпринимателям-индейцам племени блэкфут и еще 7 племенам штата Монтана¹². Для того чтобы поставить коренное население в невыгодное положение, используется весь арсенал средств скрытой, неформальной дискриминации, многие проекты становятся жертвами бюрократической волокиты. В результате белые бизнесмены контролируют ключевые сектора экономики резерваций. Крупнейшей в США резервации племени навахо Уиндоу-Рок, например, принадлежит лишь 40 (27%) из 150 коммерческих предприятий, что позволяет «пришлым» беззастенчиво обирать индейцев, искусственно завышая цены.

И все-таки движущая сила политики правительства США в отношении коренного населения — интересы крупных корпораций. Именно для них создают режим наибольшего благоприятствования государственные органы США. Не случайно значительная часть ассигнований Администрации экономического развития направляется на развитие водных ресурсов, транспортной сети, средств связи в той мере, в какой это необходимо для деятельности монополий горнодобывающей и электроэнергетической отраслей. Таким образом формируется инфраструктура капиталистической сверхэксплуатации резерваций и их жителей. Обычно корпорациям предоставляются разнообразные льготы в виде дополнительного выделения земельных участков, проведение строительных работ за счет самих индейцев. Существенный факт, привлекающий в резервации большой бизнес, — наличие сверхде-

певой рабочей силы, не объединенной, за редкими исключениями, в профсоюзы и используемой для выполнения преимущественно неквалифицированного и малоквалифицированного труда в наиболее вредных и опасных производствах.

В течение 70-х годов на территории индейских общин было начато осуществление ряда крупных индустриальных проектов — туда устремились мощные транснациональные компании «Экссон», АМАКС, «Шелл», «Галф ойл», «Пибоди Коул». Официальный Вашингтон, средства массовой информации поспешили преподнести их участие в освоении ресурсов коренного населения в качестве своеобразной «гарантии» быстрого разрешения стоящих перед ними социальных и экономических проблем. Выступая в начале 1983 г. с заявлением по поводу «индейской» политики своей администрации, президент США Р. Рейган вновь подчеркнул, что как индейцы, так и вся нация вправе рассчитывать на выгоды от разумного (!) использования больших запасов угля, нефти, газа, урана и других полезных ископаемых на их землях¹³. Формально против этого вряд ли можно было что-либо возразить, однако представляется существенным установить, о каких «выгодах» и о каком «разумном использовании» для коренного населения идет речь.

Хозяева монополий утверждают, что индейцы получают справедливую компенсацию за земли, отторгаемые у них корпорациями на индустриальные нужды. Чем оборачивается в действительности «справедливая» компенсация, показывает пример Блэк-Месы, района, расположенного на территории племен навахо и хопи в штате Аризона. Здесь компанией «Пибоди Коул», электроэнергетическими фирмами создан грандиозный комплекс, включающий открытые разработки угля и сеть электростанций для снабжения энергией всего Юго-Запада США. С этой целью у индейцев при помощи нечистоплотных приемов было отторгнуто 65 акров земли (аренда — 30 лет), а сумма ежегодной компенсации установлена во много раз ниже реальной стоимости участка — 1 долл. за акр.

На таком же минимальном уровне определяются и отчисления от эксплуатации минеральных ресурсов. В большинстве соглашений между монополиями и индейцами действует принцип оплаты за единицу продукции (тонну, баррель и т. п.), а не фиксированный процент от суммы продаж. В результате владельцы корпораций кладут себе в карман разницу между арендной платой и рыночной ценой полезных ископаемых, индейцам же достается ничтожная часть от рыночной стоимости их ресурсов — в среднем 8,5% (выплаты за тонну угля, например, колеблются от 15 до 37 центов за 1 т при цене 20 долл.). За аренду нефтяных месторождений, оцениваемых в 85 млн долл., племя апачи получило 685 тыс. долларов, т. е. менее сотой части¹⁴.

Прямая ответственность за подобное положение ложится на министерство внутренних дел США, под надзором и руководством которого заключаются несправедливые арендные соглашения.

Попытки индейцев добиться их пересмотра, ввести скользящую шкалу отчислений (многие соглашения были подписаны еще в 50-х годах) заканчиваются в основном безрезультатно. Начиная со второй половины 70-х годов в США все активнее заявляют о себе силы, выступающие за аннулирование всех договоров с индейцами, ограничение их прав на пользование водными ресурсами и земельными наделами вплоть до запрещения индейцам рыбной ловли и охоты на территории и вне резерваций. Особо опасную для коренного населения ситуацию представляет позиция Верховного суда США, высказавшегося за возможность в одностороннем порядке аннулировать права племен на земельные и природные ресурсы без всякой компенсации.

Те немногочисленные юридические акты, которые определяли — хотя и формально — благоприятный для индейцев режим использования ресурсов, находящихся на территории их проживания, ныне стараются предать забвению. Следует подчеркнуть, что появление соответствующих законов и судебных решений не являлось «благотворительным актом» со стороны «белой» Америки. Как свидетельствует вся история взаимоотношений индейцев с федеральными, штатными и местными властями, эти законы принимали обычно тогда, когда тот или иной вид ресурсов резерваций еще не представлял практической ценности для делового мира Соединенных Штатов (к тому же зачастую предоставление индейцам прав на использование ресурсов было призвано компенсировать ущемление интересов коренных жителей в других сферах). Вслед за изменением ситуации, связанным с повышением значения определенного вида полезных ископаемых, принятые ранее постановления отменялись — либо юридически, либо фактически — явочным порядком.

В частности, вопреки решению Верховного суда по делу «Уинтерс против США» (1908 г.), установившему для индейцев преимущества в пользовании водными источниками в резервациях, происходит их интенсивное выкачивание — в буквальном смысле этого слова — нерезервационными пользователями (крупными фермерами, промышленными компаниями). Какими последствиями это оборачивается для индейцев, дают представление следующие примеры. Существенно понизился уровень воды в озере Пирамида (штат Калифорния), принадлежащем племени пайютов; 105 м составил уровень падения грунтовых вод в районе Ак-Чин, к югу от г. Феникс (штат Аризона); нанесен невосполнимый экологический урон (эрозия почв и т. п.) землям резервации индейцев папаго¹⁵. Законные права индейцев систематически нарушаются при планировании и строительстве ирригационных сооружений: их лишают доступа к воде. И это происходит в условиях, когда треть индейских земель не обрабатывается вследствие недостатка влаги для орошения.

Опыт коренного населения США опровергает и утверждение о создании новых рабочих мест в результате деятельности монополий. Новые рабочие места действительно создаются, но не для

индейцев. Их, и то далеко не всегда, используют в качестве неквалифицированной рабочей силы преимущественно на стадии строительства; после ввода предприятия в действие заменяют квалифицированными «пришлыми» рабочими.

Если утверждения о «позитивных» итогах деятельности монополий на территории резерваций безосновательны, то вред, наносимый хищнической и фактически бесконтрольной (юридические возможности индейцев в этом отношении крайне ограничены) эксплуатацией их природных, в основном невозобновляемых, ресурсов, вполне реален. Оценивая результаты освоения монополиями энергетических ресурсов резервации навахо, американский исследователь Л. Роббинс пришел к выводу о том, что «индейцам достались крохи: местные жители получили лишь несколько новых рабочих мест, однако на них падает вся тяжесть негативных последствий как для психики, так и для окружающей среды»¹⁶. Обозначенные проблемы связаны друг с другом самым тесным образом, так как для индейцев необходимость общения с живой природой — элемент мировоззрения, их этнической психологии, не говоря уже о том, что важным экономическим подспорьем для них по-прежнему остаются традиционные промыслы, которые в решающей степени зависят от состояния окружающей среды. Поэтому ее загрязнение, приобретающее характер бедствия, внушает коренным жителям США особую тревогу.

Две электростанции, уже действующие в резервации навахо, ежегодно выбрасывают в воздух свыше 40 тыс. т углекислого газа, а весь комплекс Блэк-Месы — больше копоти, чем ее собирает над Нью-Йорком¹⁷. Используемый здесь способ получения электроэнергии (открытые разработки угля, его газификация, истощение артезианских источников) нарушает экологический баланс засушливого Юго-Запада США и равносителен «смертному приговору для земли и образа жизни индейцев»¹⁸. Комплекс Блэк-Месы — типичный пример выведения «грязных» отраслей промышленности на периферию, за пределы индустриально развитых районов.

В этом же ряду — последствия разработки месторождений урановой руды на территории резервации навахо, осуществлявшейся с 1940 г. по середину 60-х годов фирмами «Кер-Макги», «Клаймекс» (ныне АМАКС) и «Венеидиум корпорейшн оф Америка» (ныне «Фут минерал компани»). После освоения урановых месторождений (только в районе Ред-Вэлли было добыто и переработано 6 млн т руды) в резервации осталось 350 заброшенных и неогражденных шахт, горы радиоактивных отходов: так называемую бедную, но от этого не менее опасную урановую руду сваливали прямо в каньон, где живут индейцы, здесь же накапливались отходы переработки. «Я видел открытые шахты, куда могут забираться дети и животные; я видел бегущие из этих шахт ручьи, откуда берут воду люди», — свидетельствует Г. Тсо, глава ведомства племени навахо по охране окружающей среды¹⁹.

В г. Шипрок, где проживает наибольшее число индейцев навахо, сотни тонн радиоактивных отходов переработки урана лежат в непосредственном соседстве с рыночной площадью, занимающая территорию в несколько акров. Отходы сохранили 80% радиоактивности: они испускают радий и не обладающий ни вкусом, ни запахом газ радон, который разносится ветром по всему городу.

Помимо этого, существует опасность заражения семей, которые живут в домах, построенных из отходов с урановых рудников. Уровень радиоактивности в них составляет 500 микрорентген. Темпы замены домов, несмотря на очевидную ее необходимость, крайне низки. Следует подчеркнуть, что федеральные ведомства, в том числе Национальная служба индейского здравоохранения, не только не принимают никаких мер к исправлению сложившегося положения, но и стараются всячески преуменьшить опасность. В частности, в соответствии с законом о контроле над радиоактивными отходами (1978 г.) место их хранения в г. Шипрок было признано одной из восьми «горячих» в радиоактивном отношении точек в США и к 1988 г. министерство энергетики обязалось ликвидировать отходы. Однако в результате десятикратного повышения Агентством по охране окружающей среды допустимых норм высвобождения радиоактивности существование шипрокской свалки и, соответственно, смертоносное загрязнение воздуха были по сути дела узаконены. В результате преступного нарушения норм безопасности со стороны фирм по добыче урана от рака легких погибли десятки горняков-индейцев, под угрозой находятся здоровье и жизнь сотен и тысяч их соплеменников.

Радиационная опасность нависла еще над тремя индейскими резервациями США — племен навахо и ютов (штат Юта), моапа (штат Невада) и якима (Хэнфорд, штат Вашингтон), в которых министерство энергетики планирует разместить хранилища отходов ядерного топлива. Несмотря на заверения федеральных властей о якобы абсолютной безопасности хранилищ для окружающей среды, в 26 из 162 подземных ёмкостей произошла утечка по крайней мере 535 тыс. галлонов радиоактивного вещества, «ненадежными» считаются еще 32 ёмкости. Помимо этого, до начала строительства подземных хранилищ в обычные траншеи было слито 30 млн галлонов высокорadioактивной жидкости с содержанием 1,3 млн кюри, еще 176 галлонов зараженной жидкости слито в течение последних 40 лет в пруды на территории резервации²⁰.

В результате, по данным Центральной финансово-контрольной службы США, степень заражения 40 акров территории резервации якима так велика, что эта площадь не поддается очистке. Радиоактивные изотопы обнаружены в протекающей по резервации р. Колумбия, где индейцы ловят рыбу, и в тех видах пищи, которую они считают «священной» (рыба, оленина, угорь и ягоды).

Нельзя обойти молчанием и те последствия, которыми чреваты для коренного населения США непрекращающиеся испытания ядерного оружия на полигонах в штате Невада, расположенных на исконно индейских землях. Выпадающие после каждого ядерного взрыва радиоактивные осадки несут серьезную угрозу нынешним и грядущим поколениям индейцев, которые проживают в непосредственной близости от мест испытаний.

Таким образом, обнаруживается абсолютная несостоятельность обвинений в адрес индейцев, равно как и других аборигенных групп, выдвигаемых официальными властями и выступающим с ними единым фронтом большим бизнесом США. Суть их сводится к тому, что главную опасность для окружающей среды представляют сами индейцы, хозяйственная деятельность которых якобы является причиной нарушения экологического баланса.

Достаточно широкий резонанс получил конфликт по поводу рыболовства в западных штатах США: индейцев обвинили в истощении рыбных запасов и загрязнении воды местных рек, «сверхобогащении». При попустительстве штатных властей их подвергали аресту, конфисковали лодки и снаряжение. Специалистами, однако, было установлено, что лов рыбы индейцами не превышал уровня, необходимого для личного потребления. Напротив, вина за оскудение речных ресурсов и загрязнение вод падает на «пришлых» промысловиков.

Намерением улучшить охрану природы оправдывает федеральное правительство и свои попытки отобрать у индейцев в судебном порядке пос. Йеллоусандер и примыкающую к нему территорию в районе так называемых Черных гор (штат Южная Дакота) — то немногое, что осталось ценного у племени сиу. В стремлении поставить под свой контроль перспективные месторождения полезных ископаемых власти и их монополистические компаньоны рассматривают как ничтожный тот факт, что для индейцев сиу Черные горы являются «святилищем».

Вторжение монополий в районы обитания коренного населения, хищническая эксплуатация принадлежащих ему ресурсов имеют своим следствием ускоренное, насильственное вовлечение индейцев в систему капиталистических производственных отношений. Этот процесс сопровождается упадком традиционных промыслов (охота, рыболовство, огородничество и т. д.), кризисом мелкотоварного производства в целом: оно становится жертвой капиталистической конкуренции.

В этих условиях заметно возрастает значение морально-психологического аспекта исследуемой проблемы (при широком понимании термина «экология»). Он проявляется в конфликте мировосприятий «пришлых» предпринимателей и индейцев, в столкновении их культурных и ценностных установок; его неизбежно порождает сам характер деятельности «пришлых» бизнесменов, внутренняя «логика» которых, законы, имманентные капиталистическому способу производства, жестко ориентируют

па получение максимальной прибыли независимо от того, какими «издержками» материального и морально-психологического плана эта деятельность чревата для коренного населения резерваций.

Таким образом, усиленно проникая в резервационные общины, капиталистические производственные отношения оказывают деструктивное воздействие на все стороны жизни индейцев. В ходе подобного «освоения» перемалываются не только материальные ресурсы резерваций, но и духовные, моральные ценности их обитателей, ломается привычный уклад их жизни, что приводит к нежелательному изменению культурной среды в резервациях. По-видимому, такие факты, как появление из-под резца местных ремесленников традиционных фигурок индейцев с европеоидными чертами лица и уже находящиеся в стадии реализации планы размещения в резервациях публичных домов, можно было бы отнести в разряд курьезов, если бы они не отражали общей и официально стимулируемой тенденции к «вестернизации» культурной жизни коренных жителей, навязыванию им чуждых нравственных ценностей. Самобытную культуру индейских племен активно вытесняет ее суррогат, рассчитанный на удовлетворение вкусов заезжих туристов.

Свою плату за приобщение к «благам» капиталистической цивилизации индейцы вносят рекордными темпами роста алкоголизма, проституции, распада семей, бродяжничества, резким увеличением сердечно-сосудистых и психических заболеваний. Ползет вверх кривая самоубийств (в 2—3 раза выше общенационального уровня), что находится в прямой зависимости от острой неудовлетворенности молодых индейцев (именно они составляют подавляющее большинство самоубийц) социальными условиями своего существования²¹.

Иначе говоря, выработанные на протяжении многих поколений механизмы приспособления приходят в несоответствие с темпами современной жизни. Профессор патологии и микробиологии Рокфеллерского университета в Нью-Йорке Р. Дюбо назвал такую неприспособленность человека к современному образу жизни «социальной дезадаптацией», которая ведет к многочисленным неблагоприятным последствиям. При этом дезадаптация может достигнуть столь высокой степени, что будут исчерпаны потенциальные адаптивные механизмы, присутствующие в генетическом коде человека, и тогда, по мнению Р. Дюбо, может наступить дегенерация человека²².

Программа экономического развития, навязываемая индейцам правящими кругами США и Канады, представляет собой не что иное, как программу создания наиболее благоприятных условий для эксплуатации принадлежащих коренному населению ресурсов крупным бизнесом. Она не рассчитана на то, чтобы обеспечить экономическую самостоятельность индейских общин, достичь повышения уровня их жизни. Напротив, результатом программы являются фактическое расхищение природных ресурсов резерваций, в том числе невозобновляемых, прогрессирующее за-

грязнение окружающей среды, обострение существующих и появление новых социальных проблем.

Индийский писатель Н. Скотт Момадей писал: «В наше время экология, пожалуй, важнейшая из наук. Мне думается, ни в одной области индеец не может служить таким авторитетом, как в этой. Если есть какое-нибудь качество, воистину выделяющее его среди других народов, то это, бесспорно, уважение к природе и забота о ней»²³. Многие американцы стали знакомиться с опытом индейцев. Бывший министр внутренних дел С. Д. Юдолл писал: «Мудрость индейцев может научить нас, как сохранить лучшие части нашего континента. В последние десятилетия мы постепенно вернулись к некоторым истинам, которые были известны индейцам»²⁴.

Все большее влияние приобретают группы защиты коренного населения, большинство из которых создано по инициативе видных ученых. «Международный центр выживания» определяет в качестве главной цели своей деятельности «охрану прав коренных жителей». Подобные организации созданы и в других странах. Но, пожалуй, наиболее существенным явлением стало усиление международных контактов и сотрудничества между самими коренными жителями, создание ими организаций для защиты своих интересов в суде. Иногда им удается добиться, чтобы при формировании планов и проектов освоения районов резерваций в какой-то мере учитывались интересы местного населения, выделялись денежные компенсации за причиненный ущерб. Прогрессивные люди понимают, что только предоставление индейцам права участия в принятии политических решений, от которых зависит их судьба, будущее, может дать положительные результаты в проблеме охраны окружающей среды.

¹ The great fear. N. Y., 1970. P. 4.

² Kimmey F. Christianity and Indian lands // Ethnohistory. 1960. V. 7, N 1. P. 48.

³ Vestal S. Queen of the cowtowns. N. Y., 1952. P. 46; Wallacea W., Noebel A. The Comanches, lords of the South Plains. Norman. P. 64.

⁴ Weltfist G. The Plains Indians: Their continuity in history and their Indian identity // North American Indians in historical perspective. N. Y., 1971. P. 200.

⁵ Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977. С. 79.

⁶ The rape of Indian lands. N. Y., 1979. P. 11.

⁷ Economic development in American Indian reservations. Albuquerque, 1979. P. 5.

⁸ Indian tribes: A continuing quest for survival: A report of the US commission on civil rights. Wash., 1981. P. 4.

⁹ Newsday. 1984. 8.VII.

¹⁰ US News and World Report. 1983. 8.VIII. P. 31.

¹¹ New Republic. 1982. 22.XI. P. 18.

¹² Indian economic development programs: Hearings before US Congress. Wash., 1980. Pt 3. P. 4.

¹³ Daily World. 1983. 23.III.

¹⁴ Economic development... P. 101; Talbot S. Roots of oppression: The American Indian question. N. Y., 1981. P. 228-229.

¹⁵ Ibid. P. 153.

- ¹⁶ Robbins L. Energy development and the Navajo nation // Native Americans and energy development. Cambridge (Mass.), 1978, P. 48.
- ¹⁷ American Indian environments. Syracuse, 1980. P. 167.
- ¹⁸ Johansen B., Maastas R. Wasichub the continuing Indian wars. N. Y.; L., 1979. P. 117.
- ¹⁹ Newsday. 1984. 9.VII.
- ²⁰ The Nation. 1983. 7.V. P. 573—575.
- ²¹ US News and World Report. 1983. 23.V. P. 71; New York Times Magazine. 1985. 17.III. P. 55.
- ²² Дюбо Р. Экология человека // Хроника ВОЗ. 1969. № 11. С. 515.
- ²³ Я связан добром с землей: Из современной литературы индейцев США / Сост. А. Ващенко. М., 1983. С. 249.
- ²⁴ Цит. по: Jacobs W. Dispossing the American Indian. N. Y., 1972. P. 33.

ЛАГЕРЬ ЖЕЛТЫЙ ГРОМ — ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ИНДЕЙЦЕВ ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ

А. Н. Натаров

Потерпев поражение от Соединенных Штатов Америки в военном отношении, индейские племена оставались непобеденными духовно. Процесс экономического порабощения, состоящий во втягивании туземных общин в капиталистическую систему хозяйства и обуславливающий духовное покорение коренных жителей западного полушария, идет медленно и болезненно. Сопровождающая этот процесс аккультурация вызывает к жизни натовистские движения индейцев.

Одним из народов, в среде которых сильна тенденция к этническому самосохранению и консолидации в народность, являются сиу¹, именующие себя «дакота» (на восточном диалекте), «накота» (на центральном диалекте) и «лакота» (на западном диалекте) и расселенные в 16 резервациях американских штатов Южная и Северная Дакота, Небраска, Монтана и Миннесота и в 12 резервациях канадских провинций Манитоба и Саскачеван. Племена сиу потерпели военное поражение одними из последних. Общины маниконжу и хункпапа западного сиуского племени тетон стали жертвой бойни на ручье Вундед-Ни в самом конце 1890 г. До недавнего времени были живы индейцы, пережившие эту резню, — связующие звенья между поколениями вольных кочевников и современными их потомками, переселенными в резервации и приобщаемыми к образу жизни колонизаторов.

В условиях, когда усиливается тенденция размывания сиуского этноса, тенденция ассимиляции (показателем ее является, в частности, тот факт, что лишь немногим более половины сиу живут в резервационных общинах и лишь немногим более половины последних сохраняют какой-либо из диалектов языка сиу в качестве родного), как ответная реакция усиливается тенден-

ция этнической консолидации народа, тенденция самосохранения. Последняя проявляется в наличии такого слоя в среде сиу, как традиционалисты, т. е. сторонники, защитники и пропагандисты вековых обычаев и устоев, индейской религии и т. д.

Учитывая, что американские власти всячески препятствуют сохранению традиционных видов хозяйственной деятельности индейцев², традиционализм современных коренных жителей США проявляется в первую очередь в сфере духовной жизни. Вообще, как считают сами индейцы, превалирование духовного начала является главной чертой, отличающей их от представителей западной культуры. «Если в чем-то нет духа, то это что-то — неиндейское», — говорят сиу. Носитель традиционного сознания из восточносиуского племени мдевакантон Чунксá Юхá пишет, что индеец — это «человек с врожденным духовным сознанием»³. Отталкиваясь именно от этой особенности, сегодняшние традиционалисты ищут пути к лучшему будущему.

Одним из практических шагов традиционалистов сиу явилось создание 4 апреля 1981 г. Лагеря Желтый Гром в горах Блэк-Хилс на юго-западе штата Южная Дакота. Главное назначение лагеря — воспитание, обучение и духовное развитие молодого поколения сиу в традиционном духе. Признаваемый и почитаемый всеми сиу вождь общины оглала племени тетон Фрэнк Обманывающий Кроу заявляет, что он поддерживает лагерь и его основателей потому, что «они думают о своих детях, а не о себе»⁴. Как свидетельствует духовный лидер оглала Метью Кинг, «для нас девяносто процентов жизни — это воспитание детей в правильном духе! Индейцы четко знают, что хорошо, а что плохо. Мои предки научили меня отличать одно от другого. Для индейской семьи самое главное — научить этому детей. В этом случае в мире не остается места для зла, потому что люди знают, как обращаться друг с другом»⁵. Не менее важно для традиционалистов общение со всем окружающим миром. «Чуждые возвышения себя над другими существами, индейцы не старались покорить и изменить мир, но стремились к гармонии со всем окружающим, и не было у них представления о своей исключительности»⁶.

Характеристику отличий духовного мира индейцев от духовного мира белых дают американские философы У. Мокуин и Ч. Ван Дорен: «Пропасть, разделяющая духовный мир белых американцев и индейцев, столь огромна, что едва ли возможно перекинуть через нее соединительный мост. Олицетворением англо-американского общества является человек, покоряющий природу и возводящий над ней технологическую суперструктуру. Кроме того, это — общество, где на пьедестале индивидуализм и отдельная личность, где все поделено на ячейки, отсеки, категории и т. п. и где составные части заслоняют собой целое. Это такое общество и такая культура, которые предполагают возможность выбора видов деятельности, будь то работа или отдых, политика, экономика, искусство, спорт, религия и т. д.

Своего места в жизни ищут как через род занятий и круг общения, так и в первую очередь — через разгадку собственного «я».

С индейцами дело обстояло совсем не так. Аборигенное общество представляло собой, по выражению богослова Пауля Тиллиха, «теономную культуру». Такое общество было неделимо; все его компоненты составляли единое целое. Сегодня для обозначения такой взаимосвязи факторов и частей часто употребляется термин «экология». Это слово подходит и в данном случае, так как индейцы считали себя не покорителями природы, а частью естественного мира, разрушить который означало посягнуть на основу самой жизни. Жизнь племени была прежде всего приспособлением к окружающему миру, что находило свое выражение в религии и мифах, которые давали разумное объяснение бытию и все объединяли. Чувство индивидуальности не существовало в отрыве от общинности, хотя среди индейцев было глубоко осознание и того, и другого. Таких проблем, как «найти себя» или разгадать смысл жизни, перед индейцем не стояло. Точно так же сельское хозяйство, охота, строительство, политика, искусство, религия не являлись самостоятельными категориями в этом обществе. Все было частью единого мира. Каждый имел свое место в природе, а следовательно, в жизни и в обществе»⁷.

Сегодня в индейском — и, в частности, в сиуском — обществе идет расслоение⁸, и приводимые характеристики индейского общества и культуры верны теперь только, и то с оговорками, применительно к традиционалистам. Только к ним можно отнести стремление жить в гармонии с природой. Это стремление превалировало и в деле создания Лагеря Желтый Гром. Разъясняя властям, для чего предполагалось использовать лагерь, один из инициаторов его, исполнительный директор Международного совета по индейским договорам Билл Минс, писал: «Для того чтобы обращаться с нашей прародительницей — Матерью-землей с величайшим уважением и почитанием, чтобы жить на ней в скромности, с молитвой, чтобы ступать по ней благоговейно, а также чтобы учить наших детей, которые уже родились и которые еще появятся, жить в согласии с мирозданием, а не покорять, насиловать и убивать»⁹.

С момента основания Лагерь Желтый Гром был задуман сиу как «альтернативная природная школа». Необходимость создания такой «альтернативной школы» для сохранения и возрождения самобытной индейской культуры вызвана отмеченной выше остротой противоречий между культурой, моралью индейцев и господствующей культурой белых и разрушающим давлением последней на первую. Видный идеолог индейского движения представитель народности сиу Вайн Делория-младший отмечает, что «специфическая трагедия индейского движения состоит в том, что ему не удастся влиять на интеллектуальные концепции и ценности, через призму которых американцы смот-

рят на мир. Индейцы остаются экзотической и неизвестной величиной. Качество и пафос их жизни остаются неисследованными и не интересуют большинство американцев»¹⁰. Как указывает тот же автор, «индейские активисты выбирали... символы, которые, как они полагали, дадут понять остальной Америке, насколько важны для них их земли и религии. Но в стране, где мало кто когда-либо ставил под сомнение превосходство англосаксонских и христианских ценностей, упор индейцев на земли и религию казался анахроничной фантазией американского фронта»¹¹. Разницу между индейской и западной культурами В. Делория усматривает в том, что индейская философия отталкивается от пространства, ставя землю в ранг высшей ценности и значимости, в то время как философия пришельцев (в первую очередь христианство) сконцентрирована на времени, придавая истории первостепенное значение. «Когда одна группа занята философской проблемой пространства, а другая — философской проблемой времени, тогда заявления каждой из них при переносе из одного контекста в другой и без должного анализа происходящего звучат невразумительно»¹².

Земля стоит в центре философско-религиозных концепций традиционалистов. «Все их заявления делаются с учетом этой основной точки отсчета»¹³. Ощущая нерасторжимую связь со всей землей, каждое племя наделяет особыми священными свойствами отдельные ее уголки. Так, для индейцев якима священна гора Адамс в штате Вашингтон, для хопи священно нагорье Блэк-Меса, горы Сан-Франциско в штате Аризона и другие, для навахо священен каньон ручья Ок и горы на Юго-Западе. Для многих племен район карьеров Пайпстона в штате Миннесота имеет особую религиозную значимость как место, где они добывали священный красный камень для своих трубок. Жители пуэбло Таос из племени тива почитают священное озеро Блу-Лейк на севере штата Нью-Мексико, в том же штате жители пуэбло Кочити из племени керес имеют святилища в районе горы Тетилья-Пик и в ряде других мест.

Для сиу, особенно племени тетон, таким священным местом — изначальной основой их существования, неприкосновенным источником духовной жизни — являются горы Блэк-Хилс (раhasара — «черные горы»), в которых таятся «семь сил» этих гор и находятся холм Бэр-Бьютт (где племени явился Великий Дух — wakantanka — «великая тайна»), каньон Крейвен (со священными петроглифами племени) и другие места, куда сиу приходят за видениями (обряд, называемый ihamblei-siuari, букв.: «они уходят за пределы») или чтобы устроить церемонию с парильней (inipi), пляску солнца (wiwanyag wasipi) и для отправления других своих традиционных обрядов.

Теперь эти обряды совершаются в Лагере Желтый Гром. Каждое утро начинается с парильни. За истекшее время были организованы две пляски солнца¹⁴. Основатели лагеря привез-

ли с собой трубки и другие священные предметы. Здесь воссоздана духовная атмосфера, моральный микроклимат традиционного образа жизни. Газета дакотского отделения Движения американских индейцев «Ояте Уичахо» поместила на своих страницах впечатления от пребывания в лагере, присланные представителем племени мдевакантон из резервации Санти (штат Небраска) Рэнди Томасом: «Когда я только ехал в лагерь, я все боялся, сможем ли мы там удержаться. Но, попав туда, я ощутил мир у себя на душе, мир был в многочисленных молитвах со Священной трубкой, и тогда я понял, что лагерь будет жить... За всю мою жизнь я в сущности и не знал, что такое мир и счастье. Теперь же, в лагере, я чувствую себя в своей стихии. Здесь нет напряженности, как в городе или в резервации... Мы все братья и сестры, и все мы уважаем мысли и идеи друг друга. Я впервые столкнулся с Движением (американских индейцев. — А. Н.), и благодаря Движению и множеству его сторонников я, наконец, узнал, что такое настоящая жизнь. Словами невозможно описать тот мир, который чувствуешь в лагере. Надо быть здесь, чтобы узнать, что это за ощущение»¹⁵. Как свидетельствует представитель резервации Янктон (штат Южная Дакота) из одноименного центральносиуского племени Грег Зеффер, «эта земля — наша школа, наша церковь, наше Священное писание, она дает нам все необходимое. Это место — Лагерь Желтый Гром — единственное, что может сплотить наш народ; ни суды, ни правительство, ни племенной совет, ни Бюро по делам индейцев, а только эта община и другие ей подобные»¹⁶.

Со времени восстания в Вундед-Ни в 1973 г. традиционалисты сиу добиваются возрождения и всего комплекса социальных институтов, традиционной системы власти. Провозглашение тогда «Независимой нации оглала» было первым серьезным заявлением о желании взять свою судьбу в собственные руки, создать свое государство. Цели традиционалистов следующие: они требуют возвращения к основам индейской философии, установления древних методов управления открытым советом вместо выборных властей, возрождения индейской религии и замены законов белых индейскими обычаями.

В настоящее время сиу добиваются от правительства США возвращения им земель, отторгнутых в нарушение договора, заключенного в 1868 г. в форте Ларами. По этому договору сиу причитаются земли, ограниченные реками Норт-Платт и Платт на юге, Миссури на востоке, Йеллоустон на севере и горами Биг-Хорн на западе. Лишь небольшая часть земель на этой территории принадлежит сейчас резервационным общинам, а незаконно отторгнутые и требуемые индейцами земли составляют 150 млн акров (свыше 600 тыс. кв. км) — больше, чем территории Франции и Швейцарии, вместе взятые. В горах Блэк-Хилс рождается законодательная стратегия сиу: комитет из представителей всех сиуских племен разрабатывает закон о земле,

который будет представлен на рассмотрение американского конгресса.

В требовании о возвращении земли, помимо договорных прав, присутствует и природоохранный аргумент: озабоченность индейцев состоянием окружающей среды, их стремление защитить землю. Земля, как основа всего сущего и источник духовной жизни, должна быть защищена для того, чтобы выжил народ. Народ же в свою очередь должен выжить, чтобы быть полезным для остального человечества. Так в общем виде предстает общегуманистическая направленность идеологии и политики индейцев традиционалистов.

Указанная связь земли и народа всегда подчеркивается и выделяется последователями традиционализма. Выдающемуся вождю одного из подразделений оглала Неистовому Коню (Tásunka Witko, 1842—1877) принадлежит высказывание: «Земля, по которой ходят люди, не продается»¹⁷. Лозунг Комитета защиты Леонарда Пелтиера — «Уважайте землю, освободите народ!» Руководитель Лагерь Желтый Гром видный лидер Движения американских индейцев Рассел Минс заявил о намерении создателей лагеря «сделать все необходимое, чтобы защитить народ и землю».

Другой аргумент требования о возвращении земли, в частности гор Блэк-Хилс, также связан со стремлением поддержать традиционный образ жизни. Как заявляют традиционалисты, в горах много растений, используемых при врачевании. Различными снадобьями из них они могут излечить, как они утверждают, любую болезнь. Есть, например, такое растение, которое помогает раздробить камни желчного пузыря. Но многие из этих целебных растений можно найти только в горах Блэк-Хилс, поэтому, чтобы не погибло традиционное врачевание, индейцы должны получить назад эти горы.

С самого начала вторжения белых пришельцев индейцы боролись против разрушения окружающей среды. В речи одного из вождей сиу в 1868 г. прозвучало: «Вот что мне не нравится: белые разрушают нашу страну»¹⁸. Индейцы всегда были в рядах защитников природы. Известно, что бизонов спас от исчезновения в конце XIX в. индеец по имени Бродячий Койот¹⁹. Во время захвата «Индейцами всех племен» о-ва Аляска в заливе Сан-Франциско (1969—1971) отчетливо прозвучало их стремление жить «в гармонии и взаимопомощи со всеми существами-братьями и с природой»²⁰, придерживаясь традиционного образа жизни²¹. Среди планов по использованию о-ва Аляска было и предложение создать там «индейский центр экологии, который будет обучать нашу молодежь и поддерживать научные исследования и практику по восстановлению наших земель и вод в их первоначальном и естественном виде. Мы будем стремиться устранить загрязнение воздуха и загрязнение всего района залива Сан-Франциско. Мы будем стремиться восстановить рыбный и животный мир в этом районе и вновь

оживить морскую фауну, которая оказалась под угрозой исчезновения в результате деятельности белых людей. Мы установим оборудование по опреснению морской воды для использования ее людьми»²².

В Лагере Желтый Гром, помимо ориентаций на традиционный образ жизни как экологически правильный, учитываются реалии и проблемы сегодняшней капиталистической Америки, в частности энергетическая. В первые же месяцы существования лагеря его обитатели (а их было тогда 50 человек) установили там солнечный нагреватель воды и душ, солнечную печь и духовку. В мае 1981 г. лагерь подал в министерство сельского хозяйства ходатайство о строительстве школ, культурных сооружений и жилищ, а также об «использовании подземных зданий, обслуживаемых энергией солнца и ветра»²³. Само место расположения лагеря, очевидно, было выбрано не случайно. Те 800 акров, которые занимает лагерь, находятся в каньоне ручья Виктория, примерно в 12 милях к юго-западу от г. Рапид-Сити²⁴, в месте, укрываемом с севера и запада грядой отвесных скал от преобладающих там ветров.

Когда Лесная служба США попыталась выдворить сиу из их лагеря, организация защитников окружающей среды «Гринпис» выступила с заявлением: «Гринпис» поддерживает лакота в их притязании на горы Блэк-Хилс ... на основании договорных прав, а также на основании их озабоченности состоянием окружающей среды... Предложение (Лагеря Желтый Гром.— А. Н.) выдвигает альтернативы в противовес невозобновляемой энергетической системе и предусматривает меры их осуществления. Крайне необходимо, чтобы граждане нашей страны поддержали тех, кто стремится к экологически приемлемым решениям сложных проблем. Контрпредложение Лесной службы США — раскряжевать лес в этом районе, расширить дороги и начать добычу гравия на том самом месте, где стоит лагерь Желтый Гром. Это окажет разрушительное воздействие на окружающую среду района... Мы за то, чтобы правительство США разрешило этот спор достойно и ответственно и возвратило лакота землю, которая принадлежит им по закону»²⁵.

Другие индейские племена разделяют и поддерживают идеи, отстаиваемые сиу Лагеря Желтый Гром. Здесь побывали представители шайенов, индейцы из штатов Колорадо, Монтана, Вайоминг и Небраска. Как указывает В. Делория, «повсюду индейцы видят в этой попытке лучший способ вернуть социальные и общинные институты в руки индейцев традиционалистов. Вот почему этот проект представляет собой одно из наиболее прогрессивных предложений, полученных федеральным правительством за весь последний век его отношений с индейцами»²⁶.

Международное сообщество рассматривает Лагерь Желтый Гром как «мирное усилие за правое дело»²⁷.

Высказываемые сомнения относительно жизнеспособности детей, воспитанных на старых племенных установках, можно рас-

сеять, упомянув, во-первых, тот факт, что многие индейские дети не получают вообще никакого образования, даже такого, которое, внушая презрение ко всему индейскому, превращает их в белых и заставляет забыть родной язык, культуру и т. д. Во-вторых, привитые в раннем детстве любовь к природе, трудолюбие, уважение к старшим, почитание обычаев своего народа, знание его культуры и истории способствуют воспитанию достойных людей и не могут пойти во вред. И, наконец, если традиционалисты добьются самоопределения, то вопрос о возможности выжить в американском обществе снимется сам собой, ибо тогда уже индейцы будут жить в своем собственном обществе.

Что же касается стремления возродить древний уклад жизни, характеризующийся экологической гармонией, то его нельзя рассматривать как призыв вернуться в прошлое. Это поиски путей к лучшему будущему на основе использования того ценного, что было в прошлом, и соединения его с лучшими достижениями современности. А относительно представления о прошлом как о времени полной экологической гармонии необходимо иметь в виду, что эта идеализированная картина не есть констатация факта наличия такой гармонии в прошлом, а есть идеал, символ, под знаком которого идет поиск более справедливого общества, чем то, в котором индейцы живут сегодня.

В современную эпоху, когда проблема охраны окружающей среды является второй по важности после проблемы предотвращения ядерной войны, борьба североамериканских индейцев в защиту природы вливается в общий поток одного из самых молодых демократических движений современности — движения за охрану окружающей среды, представленного бурно растущими численно и активизирующимися политическими организациями экологов, «зеленых» и т. п. А в конкретных современных условиях США, где экологическая проблема стоит особенно остро и где правительство не принимает достаточных мер для ее решения, движения защитников окружающей среды, в том числе индейское, заслуживают всяческой поддержки со стороны прогрессивных политических и общественных сил.

¹ См.: Чешко С. В. О формировании паниндийской этнической общности в США // Исторические судьбы американских индейцев: Проблемы индеанистики. М., 1985. С. 348.

² См., например: Meyer W. Native Americans: The new Indian resistance. N. Y., 1971. P. 67—72.

³ Цит. по: Beebe Hill R. Hanta Yo. N. Y., 1979. P. 9.

⁴ Oyate Wicaho. 1985. Mar.

⁵ Weyler R. Blood of the land: The government and corporate war against the American Indian Movement. N. Y., 1982. P. 131.

⁶ Цит. по: Highwater J. Song from the Earth: American Indian painting. Boston (Mass.), 1980. P. 5.

⁷ Great documents in American Indian history/Ed. by W. Moquin, Ch. Van Doren. N. Y., 1973. P. 1—2.

- ⁸ *Deloria V. (jun.)*. Behind the Trail of Broken Treaties: An Indian declaration of independence. N. Y., 1974. P. 70.
- ⁹ Цит. по: *Weyler R.* Op. cit. P. 258.
- ¹⁰ *Deloria V. (jun.)*. God is red. N. Y., 1973. P. 38.
- ¹¹ Ibid. P. 7.
- ¹² Ibid. P. 76.
- ¹³ Ibid. P. 75.
- ¹⁴ Oyate Wicaho. 1985. Mar.
- ¹⁵ Цит. по: *Weyler R.* Op. cit. P. 255.
- ¹⁶ Ibid. P. 256.
- ¹⁷ Цит. по: *Brown D.* Bury my heart at Wounded Knee: An Indian history of the American west. N. Y., 1978. P. 262.
- ¹⁸ *Vanderwerth W. C.* Indian oratory: Famous speeches by noted Indian chiefs. N. Y., 1975. P. 150.
- ¹⁹ См.: *Акимчушкин И.* Трагедия диких животных. М., 1969. С. 102.
- ²⁰ Great documents... P. 375.
- ²¹ См.: *Joseph A. (jun.)*. Red power: The American Indians' fight for freedom. N. Y., 1972. P. 185—189.
- ²² Цит. по: *Vogel V.* This country was ours: A documentary history of the American Indian. N. Y., 1972. P. 229. См. также: The way: An anthology of American Indian literature/Ed. by S. Hill Witt, S. Steiner. N. Y., 1972. P. 234.
- ²³ *Weyler R.* Op. cit. P. 257.
- ²⁴ *Matthiessen P.* In the spirit of Crazy Horse. N. Y., 1983. P. 527.
- ²⁵ Цит. по: *Weyler R.* Op. cit. P. 260.
- ²⁶ Oyate Wicaho. 1981. June — Aug.
- ²⁷ Oyate Wicaho. 1985. Mar.

V СРЕДА, ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ЯЗЫК

ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МАЙЯ

(миф и природная среда)

Ю. В. Кнорозов, Г. Г. Ершова

Этногонические легенды у юкатекских майя не сохранились. Имеются лишь глухие упоминания о неких великанах, живших до прихода юкатеков. В сборнике песен из Ц'итбалъче, записанных латиницей, упоминаются «древние предки — люди-гиганты, а также карлики, которые были на этих землях до появления таких людей, как мы» (Песнопение № 10) ¹. Возможно, что представление о предках-великанах возникло у майя постклассического периода при сопоставлении своего роста с размерами древних скульптур, которые некогда были созданы преднамеренно больших размеров с целью возвеличения царской власти. Не исключено, что ухудшение условий жизни привело к изменению физических параметров юкатекского населения.

Строительство древних зданий юкатекские майя приписывали жившим ранее карликам. Например, в легенде о «Карлике из Ушмаля» рассказывается о чудесном создании неким претендовавшим на власть карликов статуй, храмов и дворцов в Ушмале, после чего в этом городе расцвели науки и искусства ². Легендарные карлики-строители, видимо, связаны с ольмекской традицией. Свиту великой ольмекской богини Луны составляли шесть карликов — правителей месяцев лунного полугодия, неоднократно изображенные на монументальных памятниках. Интересно в этом отношении и наблюдение, сделанное в 50-х годах XX в. французским путешественником Мишелем Песселем. Прибыв на побережье Кинтана-Роо и расспросив местных жителей об одном из храмов, он услышал, что «это маленькое здание построили карлики» и что «в полнолуние никто не отваживается подойти к лагуне» ³. Пессель пытался объяснить им, что храм построен древними майя, но те упорно толковали о карликах. Карлики играли важную роль в мифологии майя классической эпохи. Они упоминаются в текстах и изображениях на сосудах из керамики, относящихся к этому периоду.

Юкатекские майя с полным основанием считали своих предков строителями древних сооружений (легендарные карлики фигурируют, скорее, как организаторы и архитекторы). В упомянутом сборнике песен говорится о древних временах, когда

«большие и сильные люди воздвигли стены древних селений» (Песнопение № 5).

Диего де Ланда первым из авторов XVI в. указал, что древняя цивилизация майя была создана предками индейцев, а не привнесена извне: «Эта страна имеет какой-то секрет, до сих пор не разгаданный и не доступный также и местным людям нашего времени. Ибо говорить, что их построили другие народы, подчинив индейцев, неправильно, так как есть признаки, что эти здания построены народом индейским и не носящим одежды; это видно в одной из имеющихся там очень многих больших построек; на стенах ее бастионов еще сохраняются изображения обнаженных людей, прикрытых длинными поясами, которые называются на их языке «эш», и с другими отличительными знаками, которые носят индейцы нашего времени.

Все сделано из очень прочного раствора. Когда я жил там, нашелся в одном здании, которое мы снесли, большой сосуд с тремя ручками, расписанный снаружи в серебристые цвета. Внутри него был пепел сожженного тела, среди которого мы нашли три куска хорошего камня того рода, что индейцы теперь употребляют в качестве монеты. Все это показывает, что [строителями зданий] были индейцы». Ланда добавляет: «Если это были [индейцы], то они значительно превосходили современных, и были [людьми] гораздо более рослыми и сильными. Это еще лучше видно в Исамале, в другой части [страны], по наполовину выступающим скульптурам, которые, как я сказал, имеются на бастионах до сих пор, сделанные из раствора, и изображают рослых людей; концы рук и ног человека, пепел которого был в сосуде, найденном нами в здании, сохранились удивительным образом после сожжения и были очень большие. Это видно также по ступеням лестниц в зданиях: некоторые больше двух добрых лядей в высоту, и это здесь только в Исамале и Мериде»⁴. Сходство современных и древних людей ярко показал Эйзенштейн в фильме «Буря над Мексикой».

Другие авторы XVI в., стремясь обосновать тезис папской буллы о том, что индейцы происходят от Адама и Евы, выдвинули предположение о происхождении индейцев от 10 колен Израиля. Одним из таких авторов был Бартоломе де Лас Касас. В 1533 г. доминиканский монах Доминго де Вико написал «Теологию индейцев» для индейцев киче, использованную ими в качестве основы для создания семи разделов «Титуло де Тотоникапан», где история киче интерпретируется в библейском духе⁵. В XI в. эта теория внезапно получила широкое распространение, ее поддержал лорд Кингборо, несмотря на то что еще в XVI в. Диего де Ланде она казалась маловероятной: «Если бы это было истинно, тогда пришлось бы считать, что жители Индий происходят из евреев, а для того чтоб пересечь пролив Магеллана, они должны были идти, распространившись более чем на две тысячи лиг па стране, где сейчас управляет Испания»⁶.

Попытки приписать цивилизацию майя заокеанским просветителям постоянно появляются в научной и популярной литературе. Такие авторы, как Гомара, Овьедо-и-Вальдес, Брассер де Бурбур, видели в индейцах жителей легендарной Атлантиды. В конце прошлого века любитель-археолог Ле Плонжон предпринял исследования в Юкатане в связи с тем, что обнаружил в культуре майя преемницу культуры Атлантиды и основу древнеегипетской цивилизации. Примерно тогда же Жан Фредерик де Вальдек, любитель-археолог и художник, опубликовал рисунки скульптур из Паленке, намеренно стилизовав их под римские и греческие образцы. Один из правителей майя появляется во фригийском колпаке, а фауна Центральной Америки пополнилась благодаря его фантазии слонами. В результате таких «исследований» появилось множество гипотез о зарождении в «дикой» Америке очагов высокой культуры под благотворным влиянием извне⁷. Последняя сенсационная гипотеза о происхождении цивилизации майя возникла в 1971 г. у швейцарского дилетанта-археолога Эриха фон Деникена. В нашумевшем бестселлере «Воспоминание о будущем» перед нами предстают уже не майя, а космические пришельцы, несущие «диким» индейцам культуру. Эту гипотезу активно поддержал писатель-фантаст А. Казанцев⁸.

В конце I тысячелетия н. э. на территории распространения культуры майя произошли некоторые изменения. Согласно всем источникам, в X в. тольтеки завоевали Юкатан. Основной ударной силой их были майяязычные племена ица и тутуль-шив, жившие на окраинах тольтекского государства (современный мексикапский штат Табаско). Отряды племени ица захватили о-в Косумель и высадились на юкатанском берегу. Племя тутуль-шив в то же время двинулось по суше, обосновалось в Машкану и заняло Ушмаль. Оба племени, бывшие долгое время под властью тольтеков (как, впрочем, и киче), следовали тольтекской легендарной традиции. Естественно, что киче и какчикели, вторгшиеся в X в. в Гватемалу, также выводили своих предков из Толлана, о чем свидетельствует их эпос — «Пополь-Вух», «Анналы какчикелей», «Титуло из Тотоникапана». «Узнали о селении и направились туда. Так называется то место, куда пришли они, чтобы забрать своих богов: Тула Суива — Семь Пещер. Пришли тогда все в Тулан, т. е. в укромное место: невозможно было сосчитать всех, потому что шли порознь. Достали своих богов»⁹. «Рассказывали, что мы пришли с другого берега, с земли Тулана, где были зачаты и рождены... Это сказали Гагавиц и Сактекаух: с четырех сторон пришли люди из Тулана. Один Тулан находился там, откуда восходит Солнце, другой — в царстве мертвых, еще один там, где Солнце заходит, и, наконец, еще один там, где находится бог. Так есть четыре места, называемых Туланом. Мы же пришли оттуда, где заходит Солнце, что находится по ту сторону моря; в этом

Тулане мы были зачаты и рождены». «Так был создан человек и сделан обсидиановый нож. Была тогда еще закрыта дверь Тулана, где мы были зачаты и рождены, был создан наш народ во время темноты и ночи. Сказали так Гагавиц и Сактекаух, и то, что сказали, не было забыто. Это были величайшие из наших предков, и их слова положили начало всему в древности.»¹⁰ Излагая историю киче в «Титуло из Тотоникапана», автор ссылается на письмена из «пещеры, пропасти Тулана»¹¹.

Божества, упоминаемые в эпосе киче, имеют прямые параллели с божествами науа: Тепеу — науа То-тепеух — «наш господин» (прозвище бога Солнца); Гугумац (Кукумац) — прямой перевод имени Кецалькоатль; Хуракан — «одноногий» — таким в кодексах часто изображался Тескатлипока¹². Эпитеты, которыми характеризуются Ишпиакоч и Ишмукане, свойственны, по мнению В. Крикеберга, хранителям тольтекских ценностей, тольтекской мудрости. Какчикели, как и юкатекские майя, традиционно считают, что пришли оттуда, где заходит солнце, тогда как киче — оттуда, где солнце восходит. Но несмотря на то что прародина киче предполагалась на востоке, местонахождение Тулан-Сигуан (Суива = Севан = «Ущелье») определялось несколько неожиданно на севере как местность Семи Пещер (Чикомосток).

Потомками тольтеков какчикели считали также цутухилей, которые, по «Анналам», входили в «семь племен» — Вукамаг, называемых в тексте «нашими отцами и матерями».

Характерной чертой преданий ица, тутуль-шив, киче, какчикелей является умолчание о фактической последней «прародине» и о завоевании; в этих преданиях говорится лишь о расселении на новых территориях — прием, характерный для этногонических легенд.

Между племенами пуэбло-андской антропологической группы и, соответственно, языковой семьи макрокечуа находится сплошная зона, заселенная племенами истмийской (центрально-американской) расовой группы, от южной Мексики через весь Панамский перешеек до северной Колумбии и Венесуэлы. По-видимому, именно эта зона была местом возникновения древнейшего земледелия, откуда распространялись урожайные сорта культурной кукурузы (горная Гватемала и южная Мексика). Племена истмийской антропологической группы говорили в основном на языках, которые М. Свадеш объединяет в сверхбольшую семью макромайя, состоящую в свою очередь из языковых семей макромайя (тотонаки, михе, майя, синка, лешка, чиапанеки-манке, тлапанеки), макромиктекской (оахакские языки, чиантеки, хуаве, отопаме), макронауа (юто-науа, тано, куйтла-теки, чибча, мисула, тукао).

Возможно, что племена сверхбольшой семьи языков макромайя, северная граница расселения которой находится в степях Северной Америки, восходят к первой «волне» переселенцев из Северо-Восточной Азии, двигавшихся вслед за стадами круп-

ных животных. Достигнув степной зоны Северной Америки, переселенцы этой «волны» были затем надолго отрезаны от Аляски и Азии мощным ледниковым барьером. Из деталей материальной культуры особенно обращает на себя внимание отсутствие лука у классических майя вплоть до тольтекского завоевания в X в. Важно заметить, что майя постоянно занимались охотой (без лука), причем называли себя «охотниками на оленей», даже будучи давно земледельцами. Отсутствие лука у майя невозможно объяснить позднейшей утратой, так как охотничьи традиции явно не прерывались с древнейших времен. В качестве охотничьего и военного оружия употреблялись копья и дротики. Дротики металась с помощью копьёметалок, причем именно у майя встречаются сложные формы копьёметалок с тетивой, которые у других племен оказались исходной базой для изобретения лука (для чего следовало укоротить дротик и повернуть его в обратную сторону, превратив пружинящую тетиву копьёметалки в натягиваемую рукой тетиву лука). У племен майя после перехода к земледелию не было необходимости заимствовать лук и стрелы у соседних племен: они сохранили традиционные дротики с копьёметалкой. В этой же зоне и далее к югу для охоты на мелкую дичь употреблялась выдувная трубка, не встречающаяся у более северных племен. В Евразии лук появился в мезолите.

Группы переселенцев первой «волны» находились на стадии леваллуа-мустье, т. е. не имели племенной организации и языка, а жили так называемыми первобытными ордами и охотились главным образом на крупных животных. В пользу гипотезы о формировании языка майя на территории Американского континента свидетельствует и тот факт, что языки семьи майя-киче обоснованно не удалось связать ни с одним языком Старого Света. Попытки установить генетическое родство с алтайскими, финно-угорскими, сино-тибетскими языками не могут считаться убедительными. Случайных совпадений (на которые опираются такие сопоставительные исследования) много, например между языками огнеземельцев и австралийцев. По общему мнению ученых, языки появились в верхнем палеолите.

Число языков естественным образом увеличивалось. Возникновение дуальной организации, эндогамные запреты и охрана своей территории должны были неминуемо привести к появлению самостоятельных племенных языков. При этом у значительно отдаленных друг от друга племен возникали совершенно независимые языки, не имеющие между собой генетического родства. Процессы дифференциации связаны с численным ростом племени, который приводил к разделению на территориально удаленные группы (во избежание относительного перенаселения). При отсутствии частых контактов сначала возникали, естественно, диалекты, а затем и самостоятельные языки, восходящие к исходному племенному праязыку. Примерно таким образом на Американском континенте шло формирование лингвистических

макросемей. Некоторые племена были вынуждены покинуть свою территорию и двинуться в поисках новых охотничьих угодий. При этом племя, покинувшее свою территорию, попадало, как правило, в катастрофическое положение, так как оказывалось на землях других племен. В таких условиях племя могло довольно стремительным маршем уйти на громадные расстояния от первоначальной «прародины» прежде, чем находило себе новое укрытие.

С отступлением ледника степные охотничьи племена двинулись вслед за дичью на север, где встретились с племенами второй «волны» переселенцев из Азии. Последние говорили на языках, возникших в Азии. Вполне возможно, что кризис охоты заставил некоторые племена второй «волны» продвинуться далеко на юг. Племена, которые вели присваивающее хозяйство (особенно охотничьи), имели строго определенную территорию. Ресурсы ее были сбалансированы с потребностями племени. Вторжение чужаков нарушало баланс, поэтому их истребляли или быстро прогоняли за пределы своей территории. В результате всех этих движений племен, направленных в конечном счете на сохранение экологического баланса, первоначальная лингвистическая карта сильно перемешалась.

Предки майя поселились на территории Мексики и Гватемалы задолго до появления интенсивного земледелия. Они занимались, как и многие южноамериканские племена, возделыванием, например, маниока. Наиболее древние археологические находки в Мексике в местности Тлапакоя (долина Мехико) датируются $24\ 000 \pm 500$ и $22\ 000 \pm 260$ лет назад¹³. В X—VII тысячелетиях до н. э. на территории Мексики существовала комплексная культура охотников и собирателей. В VII тысячелетии до н. э. климат в Мезоамерике становится гораздо суше и теплее. Все это не могло не сказаться самым прямым образом на развитии местных племен охотников и собирателей¹⁴. В IV тысячелетии до н. э. в долине Техуакана появляется дикая кукуруза с признаками доместикации. Согласно мнению ботаников, сорта культурной кукурузы были выведены древними селекционерами в горной Гватемале или Оахаке, а возможно, и в нескольких местах. Однако выращивание маиса, тыквы, маниока и других растений еще не означало появления интенсивного земледелия и не могло предотвратить даже ежегодный голодный сезон. По данным археологии, во II тысячелетии до н. э. Мезоамерика была густо заселена племенами, занятыми экстенсивным земледелием, дополняемым подсобными промыслами. Кукуруза стала основной земледельческой культурой. Характерно, что вслед за распространением по континенту кукурузы распространился и культ ягуара — верного защитника полей от травоядных животных. В различных версиях этногонических легенд подчеркивается, что земледельческие народы Мексики, говорящие на разных языках, но имеющие сходную культуру, которая, действительно, восходит к общему источнику (приемы возделывания кукурузы,

земледельческий календарь, циклическое летосчисление, связанное со сменой правления, культ и ритуал), имеют общее происхождение. Мексиканские легенды связывают возникновение древнейших городов-государств, ставших центрами распространения интенсивного земледелия и культуры, с некими северными пришельцами, из которых первыми названы ольмеки и шикаланки. Они приплыли на лодках с севера, вдоль берега Мексиканского залива, высадились у р. Пануко и прошли вдоль берега до Потончана, около устья р. Халиско, т. е. примерно около тех мест, где расположен один из древнейших городов ольмеков Ла-Вента. Потом ольмеки истребили местных великанов и основали первый из упоминаемых в легендах культурный центр Тамоанчан — «там, где облачное небо» — название, весьма характерное для области с рекордным количеством атмосферных осадков. В перечнях племен и народностей, живших в Тамоанчане, майя отсутствуют, очевидно, как тождественные ольмекам. Характерно, что когда различные племена покинули Тамоанчан и разошлись в разные стороны, то на восток, т. е. в область расселения майя, отправилось не какое-нибудь племя, а практически элита ольмекского Тамоанчана — некие мудрецы (тламатиниме). Приход ольмекских мудрецов на восток исторически отмечается возникновением культурных центров майя в Петене (Тикаль, Вашактун и т. д.), а затем обособлением культуры майя, в частности календаря.

Мексиканские легенды, выводящие предков с севера, имеют определенное историческое основание. В связи с климатическими изменениями в бассейне Миссисипи некоторые племена (как это случалось и позже) покинули «прародину» и двинулись на юг, в Мексику, где сумели стать во главе возникавших городов-государств.

Наряду с Тамоанчаном в различных версиях мексиканских легенд в качестве древнейшего центра постоянно упоминаются Семь Пещер, отождествляемые иногда с Тамоанчаном, Толланом, Кулхуаканом.

В исторических легендах часто фигурирует пещера, из которой появились прародители или основатели племен. Это упоминание вполне естественно, так как пещеры служили жилищем не только в палеолите, но и в гораздо более поздние эпохи, особенно во времена переселений. Например, сапотеки (по миштекским легендам) в укромном месте в районе лагуны Техуантепек охраняли чрезвычайно глубокую и просторную пещеру, в которой находился самый почитаемый «идол» — «душа и сердце народа». От его благосклонности зависели победы в войнах, а также пищевые запасы. Почитался этот идол в качестве божества гор и пещер, признаком его было эхо. Другое божество в миштекских легендах — Вотан (покровитель пещер) изображен в календаре в качестве знака «ночи». Резиденцией Вотана был Уеуетан — «темный дом», реальное место на границе Гватемалы и Мексики. Легенда объясняет, что на самом деле это был не

темный дом, а пещера, где хранились великолепные драгоценности и изображения «знатных древних людей, поминающихся в календаре»¹⁵.

Безусловный интерес для исследования представляет большая пещера в Оштотитлане, расположенном к северу от ольмекских центров. В пещерах сохранились единственные в своем роде образцы ольмекской живописи, как считает Ж. Сустель¹⁶. Причем, обнаружить эту роспись не так легко. Дойти до нее, а тем более некогда создать, можно было лишь при специальном освещении. Тем не менее роспись поражает своей грандиозностью и красочностью. Не исключено, что когда-то ольмекскими мудрецами был создан таким образом макет легендарной «прародины», имевший, несомненно, ритуальное значение. В другой ольмекской пещере, в районе Хуштлауаки, обнаружены настенные рельефы, имеющие непосредственное отношение к представлениям ольмек о собственном происхождении: изображено совокупление божественного ягуара с земной женщиной. Таким образом, пещера была тем местом, где хранилась память о происхождении народа, о первых предках ольмек.

Изображения пещер — «прародин» — встречаются в мексиканских кодексах¹⁷. Под пещерой в легендах понимаются различные объекты. В одних случаях — это настоящая пещера, из которой якобы вышли предки, пользующиеся почитанием. В других — это место хранения материальных и духовных ценностей племени. Иногда под пещерой понимается долина или ущелье, где обитало племя. Так Семь Пещер — легендарная родина тольтеков — у киче названа «семь ущелий», а у майя — «семь покинутых домов», что соответствует представлениям о пещере как о месте жительства предков. По тольтекской легенде, тольтеки пришли в Толлан из Семи Пещер в северных степях. По некоторым легендам, основателем Толлана считается уже упоминавшийся Вотан — божество пещер, его появление приурочивается ко II тысячелетию до н. э.¹⁸ Киче отождествили Семь Пещер с самим Толланом. Однако они различали место, откуда вышли предки, и место, где они были зачаты и рождены, что связано, очевидно, с совмещением легендарных традиций. Киче подчеркивали реальность существования местности, где находилась прародина: «И были это 7 пещер, 7 ущелий, которые действительно находились в пещере, ущелье, где спали на востоке. Жили там прежде, чем прийти»¹⁹. Представления о семи пещерах у киче и какчикелей связаны с семью племенами, т. е. предполагается иная древняя схема состава племени. «7 племен» выступают в качестве имени собственного, несмотря на то что здесь же говорится о 13 племенах: «Нам было приказано явиться — 13 группам семи племен (вукамаг) и 13 группам воинов (киче)... Цутухили были первыми вукамаг (7 племен), покинувшими Толлан»²⁰.

В текстах майя колониального периода, восходящих к легендам племени ица, которое находилось, как и киче, под тольтек-

ским влиянием, упоминается пещера Суйва (ущелье) в качестве исходного культурного центра²¹.

Исследование иероглифических текстов Храма Надписей в Паленке предоставило уникальную возможность подробно изучить представления классических майя о легендарной прародине — Семи Пещерах. Как отмечал Альберто Рус, усыпальница под пирамидой с Храмом Надписей является исключительным сооружением. Саркофаг в усыпальнице с останками правителя сделан с большой тщательностью и снабжен превосходными рельефными изображениями на крышке, стенках и ножках.

На крышке показано легендарное древнее селение Семь Пещер — прародина многих мексиканских племен. Рядом расположено Южное мировое дерево, считавшееся у классических майя главным. Изображение Южного (желтого) дерева несколько противоречит представлениям о том, что легендарная прародина находилась на севере. Но отступление от выделения главного дерева или изображение северного могло быть, очевидно, неправильно понято современниками, так как представление о главном мировом дереве возникает одновременно со становлением тенденции к единобожию. У подножия Южного дерева, на верхушке которого уселся большой кецаль, расположен вход в пещеру. По ее стенам ползают улитки. У самого входа разлегался призрак правителя, на поясе которого надпись: *Ha K'an Moo X'uih* — «Сын Желтой Попугайхи и Ягуара», что является так называемым материнским именем (*наал к'аба*) и свидетельствует, в частности, о том, что правитель должен быть женат. Под призраком надпись: «в награду пришел в свежесть исчезнувший».

К югу и северу от основного изображения размещены шесть пещер, в которых живут призраки. Всего пещер, таким образом, семь, что соответствует названию легендарной прародины. Текст на крышке саркофага имеет отношение к регламентации сельскохозяйственных работ. На западной и восточной сторонах крышки расположено по девять небесных метеорологических символов. Один из них — символ облачного неба — соответствует названию другой легендарной прародины ацтеков — Тамоанчан («там, где облачное небо»; искаж. *ти му-ан чаан*).

В большой надписи на боковых гранях крышки упоминаются 11 исторических лиц, 8 из них изображены на стенках под плодовыми деревьями: правитель «сын Желтой Попугайхи и Ягуара, могучий, благой»; вторая царица — «жена Белая Попугайха; владычица могучая, благая», она сидит под деревом с плодами какао; первая царица Орлица — «завладевшая (трон) владычица благая, воительница-победительница», она изображена под деревом с плодами хокоте мараньон; отец царя — «Владыка черепов, полководец Дух Ягуар», над ним, возможно, плоды аноны; далее следует некий «воин» — «владыка, расчищающий путь, победитель благой» и, наконец, под деревом с плодами агуакате расположилась некая «госпожа, чтимая победительница благая», возможно, это бабушка царя.

Семеро изображены на крышке с плодами своих деревьев в руке. Естественно, что туда не попала первая царица. Вторая царица — фаворитка Белая Попугайка держит в руке плод (неопознанная гроздь) не своего, а царского дерева. Можно заметить, что госпожа Черепаха (бабушка) отправилась в «далекое селение» в 664 г., когда правителю было лишь девять лет; охотник — в 669 г.; близкая госпожа — в 676 г. Правитель окружен родителями, воспитателями и подругами. Под портретами помещен знак, соответствующий знаку *хаа* — «вода». Это лишний раз подчеркивает наличие влажного климата в далекой прародине, что заставляет искать ее среди ольмекских центров.

Представления, отраженные в текстах и изображениях на саркофаге, намеренно архаизированы. Отдельные элементы восходят к традициям собирательства и раннего земледелия, что, очевидно, должно соответствовать уровню развития хозяйства во времена ухода с прародины. С такими представлениями Альберто Рус связывал захоронения, в которых покойному старательно придавался вид живого: тело красилось специальным красителем и изготовлялась маска, изображавшая лицо живого цветущего человека. Только в таких захоронениях появляется «душепроводная труба», очевидно, как вариант выхода из пещеры. «Прародина» не могла представляться замурованной.

Таким образом, легенда о Семи Пещерах была хорошо известна древним майя — она отражала их представления о прародине.

¹ Barrera Vazquez A. El libro de los cantares de Dzitbalché. México, 1965.

² El Rey Enano // Leyendas mexicanas. M., 1967. P. 60—67.

³ Пессель М. Затерянный мир Кинтана-Роо. М., 1969. С. 82.

⁴ Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М.; JL, 1955. С. 196.

⁵ El Titulo de Totonicapan. México, 1983.

⁶ Ланда Д. де. Указ. соч. С. 110.

⁷ Гуляев В. И. Сколько раз открывали Америку? М., 1978.

⁸ Казанцев А. Каменный пращур ракеты? // Техника — молодежи. 1968. № 1.

⁹ Krickeberg W. Mitos y leyendas de los aztecas, incas, mayas y muiscas. México, 1971. P. 98.

¹⁰ Ibid. P. 96.

¹¹ El Titulo de Totonicapan. P. 174.

¹² Krickeberg W. Op. cit. P. 232.

¹³ Willey G. R. Recent researches and perspectives in Mesoamerican archaeology // Supplement to the handbook of Middle American Indians. Austin, 1981. V. I: Archaeology. P. 10—11.

¹⁴ Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Америки. М., 1972. С. 29, 30.

¹⁵ Krickeberg W. Op. cit. P. 140—141.

¹⁶ Soustelle J. Les Olmèques. P., 1979.

¹⁷ Изображение местности Кульхуакан-Чикомосток приводит Л. Сежурне; в ее монографии собраны все сведения о Семи Пещерах: *Séjourné L. Arqueologia del valle de México.* México, 1970. Fig. 3.

¹⁸ Samayoa Chinchilla C. Madre Milpa, cuentos y leyendas de Guatemala. Guatemala, 1965. P. 27—28.

¹⁹ El Titulo de Totonicapan. P. 147.

²⁰ Krickeberg W. Op. cit. P. 102, 234.

²¹ См.: Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. М., 1963. С. 57, 65.

ДРЕВНЕЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЯ: КОРРЕЛЯЦИЯ АРЕАЛОВ

Ю. Е. Березкин

Представители каждого индейского этноса считают мифологию частью своей самобытной и уникальной традиции. Этот взгляд склонны разделять и этнографы, дающие мифам функциональное и структурное истолкование в контексте соответствующих культур. Однако, хотя взятая как целое мифология любого племени действительно неповторима, известные ей мифологические сюжеты распространены на территориях, несравненно более обширных, чем ареалы расселения отдельных этносов. Соответствуют ли такого рода большие мифологические провинции каким-то историческим реальностям или их границы совершенно случайны?

Картографирование индейских мифологических сюжетов и мотивов показывает, что ареалы многих из них примерно совпадают с границами больших природных зон, таких, например, как леса Амазонии или саванны Бразильского нагорья. Корреляцию следует предполагать скорее всего не с самими этими зонами, а с соответствующими им историческими областями, обитателям которых были присущи сходные формы хозяйства и культуры, а иногда, возможно, и глубинное языковое родство. Закономерен вопрос: не являются ли ареалы сюжетов, не находящихся соответствий в современной (XVI—XX вв.) культурно-хозяйственной картине, реликтами тех общностей, которые исчезли или изменили свои границы по мере развития производительных сил и экологических сдвигов?

Сюжеты мифологии способны сохраняться после исчезновения породивших их обстоятельств много дольше других элементов культуры. Причина — в их относительной независимости от изменений в обществе и в окружающей природе. Сюжеты не следует смешивать с конкретными реалиями мифов, чаще всего отражающими именно ту ситуацию, в которой находится рассказчик. Реалии современны, поскольку одной из задач мифологии как «вторичной моделирующей системы» является осмысление окружающей конкретной действительности. Вместе с тем мифология призвана эту действительность упорядочить в соответствии с унаследованными от прошлого стереотипами. Соединение с актуальным содержанием готовой сюжетной схемы дает возможность описывать меняющуюся действительность не порывая со священной и не подлежащей изменению традицией, что является идеальной стратегией любой первобытной и древней культуры. Автономность сюжетов мифов от их содержания позволяет использовать одни и те же схемы на протяжении тысячелетий.

Если распространение тех или иных мифов в однородной природно-хозяйственной среде объяснимо их актуальным для ее обитателей содержанием, то сохранение (после того как среда изменилась и утратила однородность) — нейтральностью сюжета. Традиционная мифология развивается по пути накопления сюжетного богатства, наложения друг на друга все новых разновременных пластов — факт хорошо известный на примере хотя бы греческой мифологии, в которой обнаруживается наследие самых разных эпох.

В отношении долговечности сюжеты мифологии сопоставимы не с другими элементами живой культуры, а с археологическими памятниками. В обоих случаях полноценную историческую информацию нельзя получить без датировки источников. Определяя возраст сюжетов, мы не в силах опереться ни на стратиграфию, ни на типологию. Главным методом является картографирование. Совпадение границ распространения тех или иных сюжетов с археологическими, этноботаническими или языковыми ареалами, время формирования которых более или менее известно, поможет определить, с какого рода культурно-историческими процессами следует связывать распространение данных мифологем, во всяком случае укажет на возможное направление поисков. Если при этом неотъемлемое от сюжетной структуры основное содержание рассматриваемой группы мифов соответствует проблематике, актуальной для общества на том этапе развития, которое можно предполагать для того или иного периода времени, появляются основания для хронологической атрибуции сюжетов.

В статье будут рассмотрены сюжеты индейской мифологии, распространение (а во многом и возникновение) которых допустимо связывать с формированием в Америке древнейшей области, чьи обитатели были знакомы с земледелием.

Несмотря на огромный поток новых фактов, добытых за последние 20 лет археологами, палеоботаниками, антропологами, лингвистами, проблему происхождения производящего хозяйства трудно считать решенной. Предложены убедительные модели данного процесса для отдельных областей и микроочагов доместикации, но нет всеохватывающей теории. Неясно, например, почему на Ближнем Востоке, в Новом Свете и, вероятно, в Юго-Восточной Азии или сопредельных с ней ареалах начало окультуривания растений и одомашнивания животных относится примерно к одному времени — рубежу плейстоцена и голоцена. Что более определило эту синхронность — шедший повсюду в одинаковом темпе единый глобальный процесс накопления знаний и навыков в палеолите, закономерно приведший к возникновению более сложных форм хозяйственной деятельности, или одновременность климатических изменений в конце ледниковой эпохи, косвенно повлекших за собой поиски новых источников пищи? Вероятно, и то и другое, но каково было соотношение разных факторов? В масштабах отдельных континентов и об-

ластей остается неясной степень независимости отдельных микроочагов на ранних этапах развития. Не определены окончательно и территориальные рамки процесса. Хотя теория Н. И. Вавилова о горных очагах окультуривания растений получает все новые подтверждения, гипотеза К. Сауэра о появлении вегетативно-клубнеплодного земледелия у оседлых рыболовов-собираателей тропических низменностей Америки и Юго-Восточной Азии также имеет своих сторонников среди представителей различных дисциплин.

Как бы то ни было, в отношении раннего земледелия Нового Света достаточно установленными можно считать следующие обстоятельства (см. статьи В. А. Башилова и В. А. Шнирельмана в настоящем сборнике). Опыты по окультуриванию растений начались в разных районах Мезоамерики и Анд не позже VIII—VII тысячелетий до н. э. В VI—V тысячелетиях до н. э. уже активно шли процессы обмена культурной флорой между микроочагами, распространения видов далеко за пределы ареалов их диких предков и слияния микроочагов в единую зону формирования производящего хозяйства. Однако еще и в III, а во многих районах и во II тысячелетиях до н. э. хозяйство оставалось комплексным, охота и собирательство продолжали играть важную роль, поскольку еще не были выведены достаточно высокоурожайные формы, не завершился процесс обмена культурными видами между отдельными областями и отбора наиболее перспективных видов и их сочетаний, не были разработаны интенсивные системы земледелия. В целом период с конца VI по начало II тысячелетия до н. э. в нуклеарной Америке был, во-первых, временем господства своеобразного комплексного хозяйства и, во-вторых, скорее всего отличался интенсивным обменом между областями раннеземледельческой ойкумены как видами растений, так и различными положительными знаниями и культурными достижениями. Аналогии в древнейших керамических комплексах Перу и Эквадора, северной Колумбии и юго-востока США, которые отмечают многие авторы,— свидетельства этого процесса. В пределах данного периода можно, вероятно, выделить этапы: ранний, предваряющий (VI—V тысячелетия до н. э.), основной, соответствующий собственно «неолитической революции» (IV тысячелетие до н. э.; см. статью В. А. Башилова), и поздний (III—II тысячелетия до н. э.) — время окончательного оформления земледелия как ведущей отрасли хозяйства и зарождения его интенсивных форм.

В условиях определенного единства хозяйственной организации при наличии дальних культурных связей мифология народов раннеземледельческой ойкумены Америки также должна была приобрести сходные черты. Логично допустить, что миграция культурных видов сопровождалась прежде всего заимствованием тех сюжетов мифологии, которые были связаны с земледелием, хотя и не обязательно только их. Чтобы сопоставить археолого-ботанические и мифологические материалы, необходи-

мо точнее определить границы раннеземледельческой ойкумены.

Вхождение в эту область всей территории от Мексики до северо-западной Аргентины несомненно. В Южной Америке наибольшие трудности вызывает определение восточной границы существования первичных земледельческих очагов и распространения видов на том или ином этапе. Существует восходящее к К. Сауэру мнение, что в низменностях северной Колумбии и прилегающих районов Венесуэлы за много тысячелетий до нашей эры были введены в культуру маниок и, может быть, батат и другие клубнеплоды. Рассмотреть доводы за и против этой гипотезы в рамках статьи невозможно, во всяком случае она вполне допустима. Альтернативное решение — происхождение тропических клубнеплодов из Мезоамерики¹. Для нас важно, что оба возможных очага территориально связаны с областями древнейшего горного земледелия и скорее всего находились с ними во взаимовлиянии. Древность окультуривания клубнеплодов, вне всякого сомнения, сопоставима с древностью зернового и зернобобового земледелия, хотя археологически начальные этапы этого процесса пока проследить не удалось. Поскольку на рубеже III—II тысячелетий до н. э. (при коррекции радиоуглеродных дат — не позже середины III тысячелетия до н. э.) сладкий маниок и батат появляются уже на побережье Перу, удаленном на тысячи километров от любого возможного очага их окультуривания², первые опыты по их выращиванию должны были начаться гораздо раньше. Имеются также косвенные данные о распространении в III — начале II тысячелетия до н. э. тропических клубнеплодов в Мезоамерике. Во-первых, слова для обозначения батата и маниока реконструированы для языка протомайя, распавшегося ориентировочно в III тысячелетии до н. э.³ Во-вторых, на тихоокеанском побережье южной Мексики создатели древнейшей из выявленных там знакомых с керамикой культур (комплекс барра первой половины II тысячелетия до н. э.) почти не употребляли типичных при зерновом земледелии терочных камней, но зато во множестве использовали мелкие обсидиановые осколки, возможно, служившие зубцами терок для измельчения горького (?) маниока. Хотя эта гипотеза встретила возражения, другого разумного объяснения находкам осколков обсидиана не предложено, так что вопрос остается открытым⁴.

Мнение Н. И. Вавилова о бразильской прародине маниока не подтвердилось. Против него как этнографические материалы, так и результаты раскопок 70-х годов, согласно которым древнейшие земледельцы Бразильского нагорья выращивали кукурузу, тыквы, фасоль и арахис, в то время как маниок, сперва сладкий, позднее горький, проник туда лишь в конце I тысячелетия н. э. из Амазонии⁵. В Гвиане клубнеплодное земледелие появилось скорее всего уже в развитом виде в I тысячелетии до н. э. Этим временем датируются древнейшие памятники традиций ронкин-саладеро и барранкас, располагавшие специали-

рованной технологией обработки горького маниока и попавшие на среднее и нижнее Ориноко, вероятно, с запада (андские аналогии в керамике) ⁶.

Основным культурным растением Амазонии до появления маниока и кукурузы была, вероятно, персиковая пальма (*Bactris*, или *Guilielma*, она же пупунья, пехибаэ, чонта, чонтадуго и др.). От северо-востока Перу до южной Венесуэлы основные календарные праздники приурочивались к созреванию плодов этого дерева, в то время как роль прочих видов в обрядности оставалась незначительной. Подобно маниоку, персиковая пальма размножается вегетативно и ее дикий предок исчез. К. Сауэр, основываясь на экологии этого растения, утверждает, что оно не могло быть окультурено в Амазонии и что предки пальмы росли на восточных предгорьях Анд. Учитывая ареал бактриса в культуре, это могли быть скорее всего колумбийские Анды. Примерно оттуда же родом, возможно, и ананас ⁷.

Родина арахиса определяется в широких пределах от северо-западной Аргентины до Бразильского нагорья, но низменности восточной Боливии предполагаются чаще всего ⁸. Поскольку в III тысячелетии до н. э. арахис уже выращивали на побережье Перу и поскольку дикий предок земляного ореха тоже исчез, большая древность первых опытов по его окультуриванию несомненна.

Таким образом, весьма вероятно, что, во-первых, очаги первичного окультуривания основных видов, выращивавшихся позднее в американских тропических низменностях, примыкали к древней зоне горного земледелия и, во-вторых, зерновое семенное и клубнеплодно-вегетативное земледелие имеет соизмеримую древность. Это означает, что по меньшей мере в V—IV тысячелетиях до н. э. раннеземледельческая ойкумена занимала сплошную территорию на северо-западе и западе Южной Америки, охватывая как различные экологические ниши в горных районах, так и саванну с вклинивающимися в нее участками тропического леса на севере Колумбии и западе Венесуэлы, на западе Эквадора, в восточной Боливии и, может быть, на части территории Мату-Гросу.

Бразильскими археологами установлено, что в V—III тысячелетиях до н. э. кукурузу выращивали обитатели пещерных стоянок на юге штата Минас-Жерайс ⁹. Попастъ в этот район она могла только из андской области, причем прямой путь через юг Мату-Гросу преграждала обширная зона болот в верховьях р. Парагвай. Скорее кукуруза могла распространиться либо через юг Чако и южную Бразилию, либо через Рондонию и север Мату-Гросу. Ранние опыты по окультуриванию арахиса в восточной Боливии или Рондонии могли способствовать началу распространения кукурузы на восток от Анд именно отсюда.

Еще одна область, несколько оторванная от основной зоны раннего земледелия в нуклеарной Америке,— восток США. Видимо, кукуруза проникла туда еще в период господства «архаич-

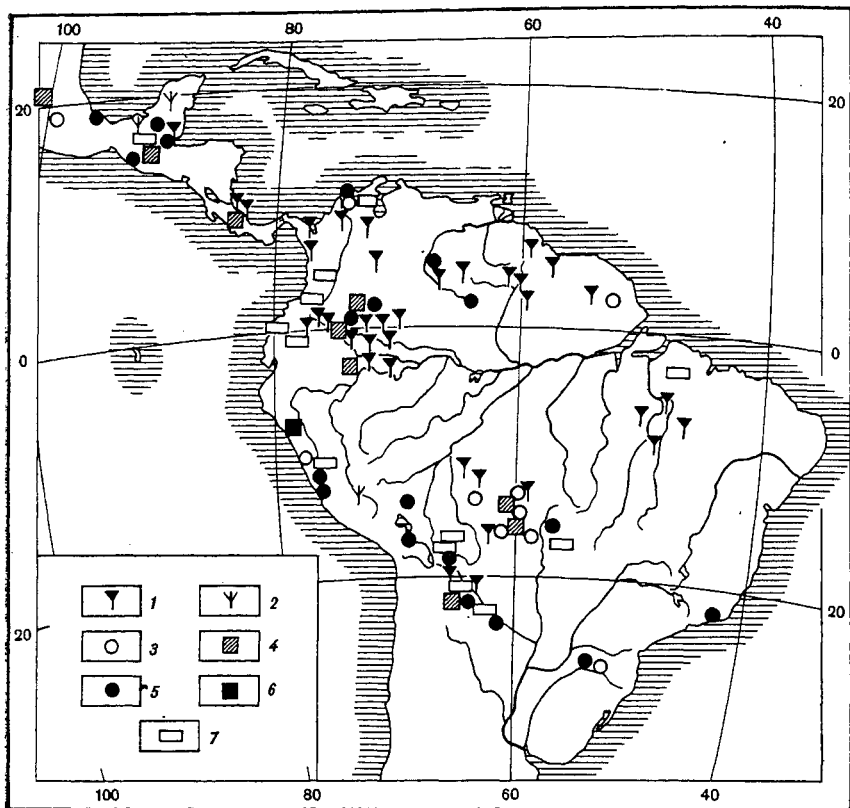

Рис. 13. Распространение мифологических сюжетов в Южной и Центральной Америке

1 — миф о дереве изобилия; 2 — образ дерева изобилия в ритуале; 3 — миф о происхождении растений из тела человека — сопоставление частей тела с культурными видами; 4 — миф о героях-мстителях, включающий мотивы: «игра в мяч», «антагонисты-тапиры», «герои находят вещи или останки отца»; 5 — миф о магическом сватовстве; 6 — возможные иллюстрации мифа о магическом сватовстве в памятниках иконографии (северное побережье Перу); 7 — миф о божестве, путешествующем инкогнито

ческой» культуры (IV тысячелетие до н. э.; см. статью В. А. Шнирельмана). Предшествовали ли этому какие-то опыты по выращиванию местных видов (марь, подсолнечник, циклахена¹⁰) — неизвестно. Рассмотрим теперь мифологические сюжеты, ареалы которых обнаруживают определенные совпадения с той зоной, где в V—III тысячелетиях до н. э. индейцы занимались выращиванием культурных растений.

Дерево изобилия. В мифах на данный сюжет говорится о дереве, в кроне которого находились плоды и побеги различных растений, а в стволе была заключена вода. Срубив дерево, люди

завладели этими богатствами. Данный миф привлекал внимание многих исследователей, однако сколько-нибудь подробно был рассмотрен лишь О. Церриесом¹¹. К сожалению, он не учел центральноамериканские материалы, а его предположение о преимущественной связи сюжета с карибами Гвианы и относительно недавнем происхождении мотивировано слабо и согласиться с ним невозможно (рис. 13).

Миф о дереве изобилия, уделяющий основное внимание перипетиям его рубки, есть по сути дела гиперболизированное описание самой важной работы земледельца в тропическом лесу — расчистки участка под пожог. Он мог возникнуть вместе с подсечно-огневым земледелием, когда этап специализированного собирательства был уже пройден. В основном ареале распространения сюжета (к северу от Амазонки) дерево почти всегда ассоциируется либо с маниоком, либо с сейбой (хлопковым деревом). В последнем случае может иметь значение не только высота этого лесного гиганта, но и внешнее сходство его листьев с листьями маниока, а мягкой древесины — с мякотью клубней, что обыгрывается в мифе яномами, описывающем сейбу как ложный маниок. Идея распространения растений побегами, взятыми от одного первоначального экземпляра, скорее могла зародиться там, где выращивали персиковую пальму и маниок, а не кукурузу с фасолью. В целом сюжет о дереве изобилия можно довольно уверенно сопоставить с очагом вегетативно-клубнеплодного тропического земледелия, хотя позднее он в некоторых районах и оказался связан преимущественно с растениями, дающими съедобные семена.

В мифе о дереве изобилия выделяются следующие мотивы: 1а. На дереве растут плоды и побеги различных растений либо (1б) одного, реально деревом не являющегося. 2. В его стволе заключена вода. 3а. Персонаж (чаще всего зооморфный, нередко грызун) один пользуется благами дерева или (3б) первым находит его и сообщает другим. 4. Люди рубят дерево. 5. По ночам подрубленный ствол восстанавливается, поэтому работать надо не переставая. 6. Отлетающие щепки превращаются в рыб. 7. Дерево отождествляется с женщиной, либо женщина его рождает, хранит или показывает остальным персонажам. 8. Выбранным топором срубить дерево невозможно, поиски нового топора. 9. У корней или в основании дерева находятся чудовища (часто демоны-лягушки). 10. Срубленное дерево не падает, так как привязано лианами к небу, запуталось в облаках и т. п. 11. Белка перегрызает или перерубает эти путы. 12. Вырастая, дерево затмевает солнце либо, падая, срывает его с небосвода. 13. Упавший ствол превращается в реку (море), ветви — в притоки. 14. Пень или упавший ствол превращается в камни, горы.

Для выделения сюжета необходимо наличие как минимум мотива 1 или сочетания трех-четырех других мотивов.

Этносы, знакомые с данным сюжетом, целесообразно сгруппировать по следующим районам исходя из их географического

положения и представленности в текстах отдельных мотивов (карта 1). 1. Южная Мезоамерика (майя-мопан¹²). 2. Коста-Рика (кабекар, брибри¹³). 3. Восточные предгорья Анд на севере Эквадора и юге Колумбии (напо, сиона¹⁴). 4. Северо-западная Колумбия с прилегающей частью Панамы (куна, чоко¹⁵). 5. Северная и северо-восточная Колумбия и западная Венесуэла (чимила, бари, гуахибо, яруро, отдельные мотивы у коги¹⁶). 6. Северо-западная Амазония (кубео, уанана, уфайна, уитого, okayна, бора, андоке, ягуа, тукуна¹⁷). 7. Западная Гвиана и верхнее Ориноко (макиритаре, йиароа, вапишана, макуши, акавои, каринья, пемон, санема, отдельные мотивы у яномами¹⁸). 8. Восточная Бразилия (крахо, каяпо, апинайе, шаванте, отгоски отдельных мотивов, видимо, у суя и шеренте¹⁹). 9. Восточная Боливия, Рондония, запад Мату-Гросу (тупари, аруа, гуарайю, иранше, сходные мотивы у чакобо²⁰). 10. Западное Чако (чане, матако²¹). 11. Восточная Гвиана (ояна²²). 12. Центральные Анды (кечуа района Куско²³).

Анализ вариантов сюжета о дереве изобилия заставляет считать центром его распространения северо-запад Южной Америки, что косвенно свидетельствует о приоритете колумбийско-венесуэльского очага происхождения тропических клубнеплодов. В табл. 1 суммированы данные о распространении мотивов по районам. Из нее следует, что наиболее полные варианты сюжета зафиксированы в низменностях Колумбии. По мере удаления от этого центра версии обедняются, а на окраинах (Мезоамерика, восточная Гвиана, Анды, Чако, восточная Боливия, восточная Бразилия) во многих случаях редуцируются до мотива 1. В Колумбии на относительно небольшой территории зафиксированы не только полные и многочисленные, но и сильно различающиеся варианты, что, видимо, указывает на древнее бытование здесь данного мифа. Напротив, в Гвиане и особенно в восточной Бразилии записи однообразны, что можно объяснить поздним проникновением туда сюжета²⁴. Это обстоятельство существенно, ибо без Гвианы и восточной Бразилии (т. е., как мы полагаем, на ранних этапах распространения) ареал мифа о дереве изобилия ближе совпадает с ареалами других сюжетов, которые рассматриваются дальше. В Андах миф в нарративной форме вообще не зафиксирован и известен только по ритуалу (накануне сбора урожая женщины-кечуа делали из жердочек деревце и привязывали к одной ветке картофеляину, к другой — кукурузный початок и т. п.). Что касается Чако, Рондонии и Мату-Гросу, то в этих районах миф о дереве изобилия встречается редко, записанные версии кратки, но при этом мало похожи одна на другую. Создается впечатление, что сюжет проник сюда давно, однако остался на периферии мифологической традиции, подвергаясь переосмыслению и инверсиям. Так, в мифе матако на перводереве растут побеги не культурных, а диких растений, которые персонаж достает, не подрубив ствол, а сбивая ветки камнями. Подобная трактовка представляется логичной там, где

Таблица 1. Распространение мотивов мифа о дереве изобилия по районам

Мотив	Мезоамерика	Коста-Рика	Напо, Сиона	Куна, чоко	Северная Колумбия	Амазония	Западная Гвиана	Восточная Бразилия	Мату-Гросу	Чако	Восточная Гвиана	Центральные Анды
Дерево с плодами	X	—	—	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Вода в стволе	—	X	X	X	X	X	X	?	X	X	—	—
Первый владделец	—	—	X	X	X	X	X	X	X	X	—	—
Рубка дерева	X	X	X	X	X	X	X	X	X	—	—	—
Заросшая вырубка	X	—	X	X	X	X	?	X	—	—	—	—
Щепки — рыбы	?	X	X	X	X	X	?	—	?	—	—	—
Дерево — женщина	—	X	X	X	—	X	—	X	—	—	—	—
Смена топора	—	X	—	X	X	X	—	X	—	—	—	—
Чудовища у корней	?	X	—	X	—	X	—	?	—	—	—	—
Лианы к небу	—	—	X	X	X	X	X	—	—	—	—	—
Белка рубит лианы	—	—	X	X	—	X	X	—	—	—	—	—
Погасшее солнце	—	X	—	X	—	X	X	—	—	—	—	—
Ствол — река	—	X	X	X	X	X	—	—	—	—	—	—
Пень — гора	—	—	—	—	X	X	X	—	—	—	—	—

Примечание: знаком вопроса обозначено наличие данного мотива в соответствующем ареале, но вне прямой связи с текстом на данный сюжет, а в одном случае (район — западная Гвиана, мотив — «заросшая вырубка») — наличие в текстах на сюжет о дереве изобилия сходного мотива: персонаж заколдовывает древесину, чтобы она стала тверже.

земледелие имело второстепенное значение и было в основном не подсечно-огневым, а пойменно-лиманным²⁵. К югу от Амазонки дерево изобилия нигде не ассоциируется с маниоком. Видимо, местные племена перенесли заимствованный ими сюжет на те растения, которые уже играли в их питании определенную роль раньше. У племен же и у иранше с чакобо речь идет о кукурузе, в Чако — о дикорастущей альгарrobe (как прародительнице остальных растений²⁶) или о бутылочном дереве (как вместилище воды и рыбы), а у тупари — об арахисе, что трудно не поставить в связь с гипотезой об окультуривании земляного ореха недалеко от Рондонии.

В мифологии майя XVI—XX вв. сюжет о дереве изобилия тоже второстепенен. В нарративной форме он зафиксирован единственный раз в Белизе у мопан. В этом тексте подчеркивается, что на ветвях дерева росли все растения, которые выращивали майя, за исключением кукурузы, хотя именно она была основным источником питания. Однако в Мезоамерике сохранился ряд явных или возможных реликтов сюжета, что заставляет подозревать его более широкое распространение в прошлом.

Многим народам майя известен ритуал, во время которого на ветви принесенной из леса молодой сейбы вешают плоды тыквы и ямса²⁷. Цоциль Чиапаса говорят, что рыбы — это упавшие в воду щепки от креста Иисуса²⁸ (христианский крест — обычная трансформация мирового дерева, превращение щепок в рыб — мотив, характерный для рассматриваемого мифа). Изображение персонажа, рубящего мировое дерево, есть в аптекском кодексе Борджа²⁹. Различным народам Мезоамерики был известен мотив сейбы, вырастающей из головы чудовища, напоминающей голову каймана³⁰.

Возможное объяснение всех этих фактов таково. Миф о дереве изобилия проник в Мезоамерику с юга и оставался популярен до тех пор и там, где и пока клубнеплоды играли значительную роль в питании (в Соконуско — до конца II тысячелетия до н. э. на этапах барра и окос). После вытеснения их кукурузой миф сохранялся лишь в пережиточной форме.

Миф о героях-мстителях. В основе этот сюжет, едва ли не самый популярный у американских индейцев³¹, мог быть принесен еще с азиатской прародины, однако его варианты сформировались позднее. Некоторые из них, по-видимому, получили распространение вместе с сюжетом о дереве как часть единого культурного комплекса. Во всяком случае ареал версий, где есть три перечисленные ниже мотива, совпадает с ареалом сюжета о дереве, если исключить из них Бразилию и Гвиану. Эти мотивы следующие. 1. Антагонистами являются не ягуары, что обычно для многих версий, а тапир или хищный ягуаро-тапир (майя-мопан, кабекар, уитото, иранше, возможно, чакобо и пипили Сальвадора; у куна ягуаро-тапир принадлежит к числу чудовищ, находящихся у подножия дерева изобилия³²). 2. Герои старшего поколения гибнут во время ритуальной игры в мяч (тараски, киче, уитото, намбикуара, иранше, отчасти кабекар, у которых игра не связана прямо с гибелью персонажей, и чакобо, в чьем мифе нет рассказа о мести³³). 3. Герои решают мстить, найдя украшения, оружие или останки убитого отца (киче, кабекар, карихона, уитото, ягуа, намбикуара, матако³⁴). Как у киче (Гватемала), так и у иранше с намбикуара (Мату-Гросу) в мифы о мстителях включены сходные рассказы о том, как, пользуясь магическими способностями, герои обрабатывают поле своей бабки³⁵. У иранше миф об игре в мяч (правда, на этот раз не связанный с сюжетом о мстителях) вплетен в рассказ об обретении кукурузы, росшей в виде дерева. Сочетание подобных мотивов могло быть обусловлено связью ритуала игры с аграрной магией. Наибольшее значение игра в мяч имела у народов Мезоамерики, колумбийско-венесуэльских низменностей и области Чако — Мату-Гросу³⁶, т. е. там, где зафиксированы соответствующие мифы. В Колумбии и Мезоамерике игра была связана с человеческими жертвоприношениями, поэтому мотив гибели игроков здесь вытекает из ритуальной практики. У племен Мату-Гросу такого соответствия нет, и данный мотив здесь

выглядит заимствованным. Игра в мяч была распространена также на Больших Антилах и на юго-востоке США, но мифология этих областей, особенно первой, известна недостаточно.

Отождествление растений с частями тела. Два рассмотренных сюжета объединяют мифологии племен Колумбии и Мату-Гросу, почти не захватывая Анды, что еще раз подтверждает их исконную связь с земледелием тропических низменностей. Остальные, напротив, в Андах представлены хорошо. Миф о происхождении культурных растений из тела человека на северо- и частично южноамериканских материалах был рассмотрен датским фольклористом Г. Хаттом³⁷. Чаще или реже он встречается в Новом Свете везде, где было распространено земледелие, так что не представляет для нас интереса, но его варианты локализованы уже. На востоке США (гуроны), в центральной Мексике (ацтеки), на севере Колумбии (коги), на побережье Перу (по словам хрониста, от Эквадора до Чили), в Рондонии и на западе Мату-Гросу (тупари, намбикуара, умутина, пареси, иранше), в южной Бразилии (каинганг) и в восточной Гвиане (оямпи) зарисованы тексты, в которых имеются перечисления частей тела и соответствующих им культурных видов (по возможности, на основе внешнего сходства: кисть руки — гроздь клубней, зубы — зерна маиса и т. п.)³⁸. В мифах оямпи и гуранов речь идет о происхождении растений из тела старухи или во всяком случае женщины-матери. В мифах индейцев востока США и Бразилии на сюжет «растения из тела человека» вообще много сходного; это было отмечено еще Хаттом и требует особого исследования. Что же до текстов, записанных от Мексики до Мату-Гросу, то они относятся к другому варианту: речь идет о мальчике — сыне одного из важных мифологических персонажей, у коги — о мужчине и женщине (видимо, юноше и девушке).

Мифы с перечислениями «растения — части тела» не встречаются у этносов, у которых записан миф о дереве изобилия, за исключением живших в районе Рондонии — Мату-Гросу, где они значительно важнее сюжета о дереве. Видимо, мифы с перечислениями распространялись из иного земледельческого очага (мезоамериканского?). Данный сюжет, по определению, связан с поликультурным земледелием. Хотя в перечислениях легко могли быть включены растения, размножающиеся семенами, сама идея деления целого на части, из которых появляется нечто новое, предполагает, как и миф о дереве изобилия, знакомство с вегетативным размножением видов.

Миф о магическом сватовстве ранее затрагивался нами в связи с реконструкцией древних мифологем с перуанского побережья³⁹. Герой-первопредок (часто солнце) принимает облик птицы, чтобы проникнуть к девушке, после чего похищает либо ее саму (основной вариант, известный в Мезоамерике в ареале майя и на побережье Веракруса, у коги на севере и у кубео на юго-востоке Колумбии, у пиароа и яномами в верховьях Ориноко, в Перу в районе Лимы⁴⁰), либо огонь, которым владеет ее

отец (андоке в южной Колумбии и каинганг на юге Бразилии⁴¹). В мифах индейцев Чако (тоба, матако), а также еще в одном мифе перуанских яуйо герой (принимающий птичий облик или изначально человек-птица) впрыскивает свое семя в плод или в шарик из меда, который съедает самая красивая или единственная, всем желанная женщина. Родившийся мальчик определяет отца среди претендентов на руку матери. Этот последний эпизод известен также в Боливии (уру, такана, чиригуано), в Мату-Гросу (бороро) и в районе Рио-де-Жанейро у тушинамба⁴². В соответствующих текстах герой не является птицей, но тоже оплодотворяет женщину благодаря своим магическим способностям. Для многих мифов (побережье Перу, яуйо, матако, коги, кубео, яномами) характерно противопоставление двух антропо- или орнитоморфных образов героя, отличающихся один — красотой, а другой — безобразием. Мифы яномами и коги завершаются добыванием героем культурных растений у отца девушки, а один из мифов яуйо — созданием источника для орошения полей в качестве выкупа за похищенную. Таким образом, данный сюжет тоже имеет отношение к земледельческой проблематике. Крайние версии (из Мату-Гросу и Мезоамерики) существенно различаются, но в целом отдельные тексты образуют континуум и, несомненно, составляют один сюжет, незнакомый в подобной форме другим индейским народам⁴³. Судя по разнообразию вариантов центр его распространения находился либо в Центральных Андах, либо на северо-западе Южной Америки.

Миф о путешествующем инкогнито божестве, который вознаграждал приютивших его или полно и вежливо ответивших на заданные вопросы, а поступивших иначе — наказал, записан на юго-востоке США (мускоги), в Мезоамерике (лакандоны), горной Колумбии (паэс), на северо-востоке Колумбии (юкпа), юго-западе Колумбии и севере Эквадора (колорадо, напо, сиона), в Центральных Андах (яуйо), восточноболивийских предгорьях Анд (мосетен и чимане), Чако (тоба, чане) и в Мату-Гросу (бороро)⁴⁴. Появление того же сюжета на северо-востоке Бразилии у тембе⁴⁵ можно скорее всего объяснять в свете миграции каких-то групп тупи из юго-западной Бразилии.

У яуйо и тоба миф представляет собой вариант преданий о локальной или мировой катастрофе (потопе, пожаре). У лакандонов, колорадо, сиона, напо, юкпа, чане, бороро и тембе миф связан с происхождением земледелия: благодарность бога выражена в том, что он дарит культурные растения и обеспечивает богатый урожай, а наказание — в том, что для получения урожая становятся необходимыми полевые работы, вместо растений поле усеивают камни, початки становятся мелкими и т. п.

В текстах на данный сюжет много европейских мотивов. У колорадо, сиона, напо, чимане и, видимо, тоба путешествующий герой ассоциируется с христианским богом или христианином вообще, а его преследователь — с дьяволом или евреем; у чане христиане — те, кто должны отвечать на вопросы. На персонажей

мифа лакандонов тоже повлияли христианские образы. У колорадо, напо и чане присутствует мотив петуха как птицы бога. У мускогов в начале текста индейских мотивов вообще нет. Апокрифы о крестьянине, который на вопрос Иисуса ответил, что сеет камни, были широко известны в Европе⁴⁶ и явно повлияли на соответствующие индейские мифы. И все же считать сюжет полностью заимствованным, видимо, нельзя. Мифы яуйо (записанные еще в начале XVII в.), бороро, юкпа и тембе от поздних мотивов свободны, а у паэс они хотя и есть, но связаны с общей аккумуляцией и не затрагивают существа сюжета. В конце текстов лакандонов, паэс и мосетен помещен типично индейский мотив утраты свободы персонажем, чьи попытки шевельнуться вызывают отныне землетрясения. Сходное положение этого эпизода в структуре данных текстов — аргумент в пользу их единого (и доиспанского) происхождения. Скорее всего сюжет о путешествующем боге в основе все же индейский, но из-за наличия в нем близких христианской доктрине мотивов свободы выбора и воздаяния за поступки более других подвергся библейским влияниям. Аналогично из множества европейских сказок сюжет «Ганс и Гретель» был шире всего ассимилирован индейским фольклором как находящийся много соответствий в древней мифологии народов Нового Света.

Пять рассмотренных сюжетов имеют сходные ареалы распространения, в основном протянувшиеся от Мезоамерики до Чако, Мату-Гросу или южной Бразилии. Все эти мифы больше или меньше связаны с происхождением земледелия: в двух — это основная тема, в текстах о путешествующем боге частая, хотя и не обязательная, в двух остальных — представленная в меньшинстве версий. Большинство других сюжетов о происхождении культурных растений (если они достаточно специфичны и не представляют явно разные по происхождению совокупности текстов) распространены в более узких границах, а сюжеты, объединяющие такие удаленные области, как, скажем, Мезоамерика и восточная Бразилия или же Колумбия и Огненная Земля, не говоря о тех, что обнаруживают сибирские параллели, не связаны с земледелием, в основном построены вокруг проблематики, касающейся поло-возрастной структуры первобытного коллектива, и имеют скорее всего более древнее происхождение.

Ареалы интересующих нас сюжетов заметно коррелируют не только с археолого-палеоботаническими данными о распространении древнейшего земледелия в Новом Свете, но и с материалами этноботаники (рис. 14). По данным Д. Пеарсол, именно на соответствующей территории встречаются архаические расы кукурузы линиджей паломеро-толукенью — арросильо-амарильо и, что особенно показательно, близкие древнейшему маису Мексики расы линиджей наль-тель — чапалоте⁴⁷. Особенно интересно их проникновение на юго-восток от Центральных Анд, т. е. в тот же регион, где систематически обнаруживаются аналогии мезо-

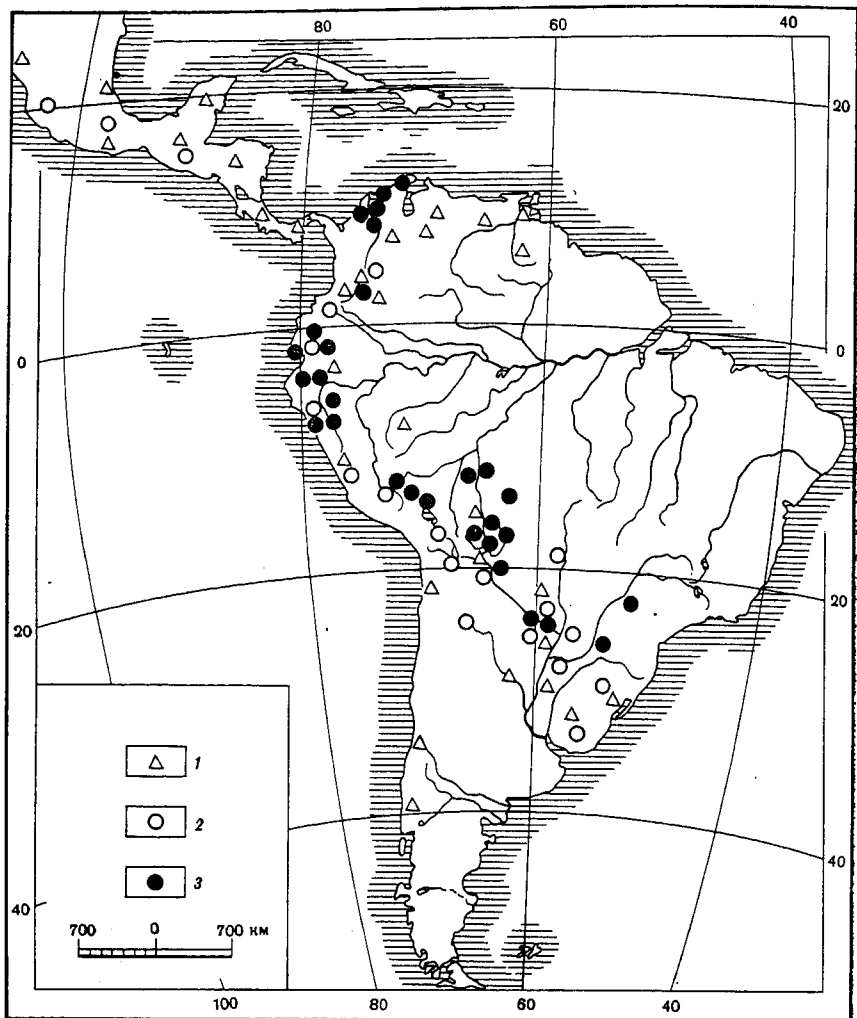

Рис. 14. Этноботанические ареалы в Южной и Центральной Америке

1 — современное распространение рас кукурузы линиджа наль-тель — толуженью — чапалоте (по Д. Пеарсол); 2 — современное распространение рас кукурузы линиджа паломеро — арросильо-амарильо (по Д. Пеарсол); 3 — этносы, выращивавшие в XVI—XIX вв. только сладкий маниок (по Э. Норденшельду, данные без Центральной Америки)

американским, колумбийским и андским мифам и где кукуруза должна была стать известна не позже V—III тысячелетий до н. э., поскольку иначе невозможно объяснить ее раннее появление в Минас-Жерайсе. Вместе с тем запад Южной Америки — от Колумбии до бассейна Параны — был областью преимущественного расселения этносов, выращивавших только сладкий, но не горь-

кий маниок⁴⁸. Видимо, ареал неядовитых форм отмечает зону первичного распространения этого клубнеплода (см. примеч. 6).

Для более полной исторической перспективы интересно сравнить мифы о происхождении земледелия в Америке с их соответствиями у народов Старого Света. В западноазиатском центре происхождения производящего хозяйства с его почти исключительно зерновым и, следовательно, существенно отличным от индейского земледелием практически не известны ни миф о дереве изобилия, ни перечисления растений, происходящих из частей человеческого тела. Хотя мировое дерево и связывалось здесь с плодородием, касающиеся его мифы имеют мало общего с американскими⁴⁹. Мифы с перечислениями в Западной Азии и Европе носили, по-видимому, только космогонический характер (типа мифа об Имире).

Иначе обстоит дело с юго-восточноазиатским сельскохозяйственным центром, на сходстве которого с американским так настаивал К. Сауэр. Хотя большую древность и первичность вегетативно-клубнеплодного земледелия здесь, как и в американских тропиках (и по той же причине), все еще не удается подтвердить прямыми археолого-палеоботаническими фактами, в пользу нее — косвенные свидетельства различных смежных дисциплин, рассматривать которые в рамках статьи, к сожалению, нет возможности. Г. Хатт выявил множество точных аналогий индейским мифам о дереве изобилия и о происхождении различных растений из частей человеческого тела в островной области Юго-Восточной Азии и частично в Океании⁵⁰. Наличие одного из этих сюжетов в «Кодзики», быть может допустимо поставить в связь с заимствованием в финальном дзёмоне культуры риса, если не с гипотезой об изначально сельскохозяйственном (таро) характере японского неолита⁵¹. Хатт был склонен объяснить обнаруженные им параллели происхождением американских культурных растений из Азии, их переносом через океан с одновременной миграцией соответствующих мифов. В свете современной науки подобное предположение исключено, так что мифологические параллели между Америкой и Юго-Восточной Азией свидетельствуют прежде всего о закономерном возникновении одинаковых сюжетов в сходных экологических и исторических условиях. Так как общим для хозяйственной специфики обоих регионов является большая роль вегетативно-клубнеплодного земледелия, подтверждается исходная связь именно с ним двух рассматриваемых мифов.

¹ Bronson B. Roots and the subsistence of the ancient Maya // *South-West. J. Anthropol.* 1966. V. 22. P. 251—279; Renvoize B. S. The area of origin of *Manihot esculenta* as a crop plant // *Economic Botany* (далее — EB). 1972. V. 26, N 4. P. 352—360; Reders D. J. Some botanical and ethnological considerations of *Manihot esculenta* // EB. 1965. V. 19, N 4. P. 369—372; Sauer C. O. *Agricultural origins and dispersals*. L., 1969. 175 p.

² Bonavía D. Los Gavilanes. Lima, 1982. P. 377—380; *Idem*. La importancia

- de los restos de papas y camotes de época precerámica hallados en el valle de Casma // *Journal de la Société des Américanistes de Paris* (далее — JSA). 1984. T. 70. P. 7—20.
- ³ *Bronson B.* Op. cit. P. 263.
- ⁴ *Lowe G. W.* The early preclassic Barra phase of Altamira, Chiapas. Provo, 1975. P. 10; *Flannery K. V.* Preface // *Maya subsistence*. N. Y., 1982. P. XIX—XX.
- ⁵ *Schmitz P. I.* La evolución de la cultura en el centro y noroeste de Brasil entre 1400 y 4000 años antes del presente // *Pesquisas antropológicas* (далее — PA). 1981. N 25. P. 7—39; *Schmitz P. I.* et al. Arqueología del centro y sur de Goiás // PA. 1981. N 32. P. 85—106; *Idem.* Arqueología do centro-sul do Goiás; uma fronteira de horticultores indígenas no centro do Brasil // PA. 1982. N 33; *Schmitz P. I., Wüst I., Moehlecke Copé S.* Os orticultores do centro-sul de Goiás // *Arquivos de Museu de Historia Natural, Belo Horizonte*. 1984. V. 6/7. (1981—1982). P. 221—234.
- ⁶ *Sanoja M., Vargas I.* New light on the prehistory of Eastern Venezuela // *Adv. World Archaeol.* 1983. V. 2. P. 205—244. Первоначально был, видимо, окультурен сладкий маниок, и только после появления эффективной технологии извлечения яда, в частности фиксируемых археологически жаровен, стал широко выращиваться горький. Ценность ядовитых сортов в том, что только из них получают допускающий длительное хранение крахмал. Нейтрализация яда возможна примитивными методами, не оставляющими археологических следов, но они столь трудоемки, что фактически не позволяют накопить крахмал впрок, так что предпочтение горького маниока сладкому лишается смысла. См.: *Dole G. E.* The use of manioc among the Kuikuru // *The nature and status of ethnobotany*. Ann Arbor, 1978. P. 242—243. (Далее — NSE).
- ⁷ *Sauer K.* Cultivated plants of South and Central America // *Handbook of South American Indians*. Wash., 1950. V. 6. P. 524—526.
- ⁸ *Cohen M. N.* Archaeological plant remains from the Central Coast of Peru // *Nawpa Pacha*. 1978. N 16. P. 35; *Pearsall D. M.* Paleoethnobotany in Western South America // NSE. P. 389—416; *Pickersgill B., Heiser C. B.* Origins and distributions of plant domesticated in the New World // *Origins of agriculture*. The Hague; P., 1977. P. 812—813; *Towle M.* The ethnobotany of Pre-Columbian Peru. N. Y., 1961. P. 43.
- ⁹ *Prous A.* Fouilles du Grand Abri de Santana de Riacho (Minas Gerais), Brésil // JSA. 1981. T. 67. P. 171; *Schmitz P. I.* et al. Arqueologia do centro-sul do Goiás. P. 264; *Weber R. L.* Current research: The Amazon, Eastern Brazil and the Orinoco // *Amer. Antiquity* (далее — AAq). 1985. V. 50. N 1. P. 176.
- ¹⁰ *Ford R. I.* (ed.). Rehistoric food production in North America, Ann Arbor, 1985; *Smith B. O.* Chenopodium as a prehistoric domesticate in Eastern North America // *Science*. 1984. V. 226, N 4671. P. 165—167.
- ¹¹ *Zerries O. von.* Entstehung oder Erwerb der Kulturpflanzen und Beginn Bodenbaues im Mythos Indianer Südamerikas // *Paideuma*. 1969. Bd. 15. S. 64—124.
- ¹² *Thompson E. J. S.* Ethnology of the Mayas of Southern and Central British Honduras. Chicago, 1930. P. 134—135.
- ¹³ *Stone D.* The Talamanca tribes of Costa Rica. Cambridge (Mass.), 1962. P. 53—57.
- ¹⁴ *Chavez M.* Mítica de los Siona del alto Putumayo // *Miscelánea Paul Rivet*. México, 1958. T. 2 (далее — MPR). P. 138—139; *Mercier J. M.* Nosotros los Napu Runas. Iquitos, 1979. P. 69—76.
- ¹⁵ *Keeler C. E.* Apples of immortality from the Cuna tree of life. N. Y., 1961. P. 29—31; *Nordenskiöld E.* A historical and ethnological survey of the Cuna Indians. Göteborg, 1938. P. 161—165; *Reichel-Dolmatoff G.* Mitos y cuentos de los Indios Chimila // *Boletín de Arqueología*. 1945. T. 1. P. 21—22; *Roche-reau H.-J.* Nociones sobre creencias, usos y costumbres de los Catíos del occidente de Antioquia // JSA. 1929. T. 21. P. 87—89.
- ¹⁶ *Petruillo V.* The Yaruro of the Capanaparo river, Venezuela // *Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology* (далее — SI BAE). 1939.

- Bull. 123. P. 241; *Preuß K. T.* Forschungsreise zu den Kágaba. Mödling bei Wien. 1926. S. 194—201; *Quezalos F.* L'arbre à nourriture // *Amérindia*. 1979. N 4. P. 104—124; *Reichel-Dolmatoff G.* Mitos... P. 9—10; *Villamañan A. de.* Cosmovisión y religiosidad de los Bari // *Antropológica*. 1975. N 42. P. 5—6. От мифа яруро сохранилось лишь самое начало, дальше сюжет «скомкан», в текст введены реалии эпохи европейских контактов.
- ¹⁷ *Bödiger U.* Die Religion der Tukanos im nordwestlichen Amazonas. Köln, 1965. S. 85—86; *Girard R.* Indios selváticos de la Amazonía peruana. México, 1958. P. 74—76, 133—134, 136—137; *Goldman I.* The Cubeo Indians of the Northwest Amazon, Urbana, 1963. P. 51; *Guyot M.* La maison des Indiens Bora et Miraña // *JSA*. 1972. T. 61. P. 156—157, 168; *Hildebrand M. von.* Orígen del mundo según los Ufaina // *Revista colombiana de antropología* (далее — RCA). 1975. V. 18. P. 343—345; *Landaburu J., Pineda C. R.* Cuentos del diluvio del fuego // *Maguaré*. 1981. N 1. p. 57—63, 71—72; *Nimuedaju C.* The Tucuna. Berkeley, 1952. P. 114—115, 123—124, 130—131; *Pineda C. R.* La gente del hacha // RCA. 1975. V. 18. P. 453; *Powlison P. S.* Tendencias épicas en la mitología Yagua // 39 International congress of americanists (далее — ICA). 1972. V. 6. P. 75—78; *Preuß K. T.* Religion und Mythologie der Uitoto. Leipzig, 1921. Bd. 1. S. 170—188; *Soto Olguin A.* Mitos de los Cubeo // 39 ICA. V. 6. P. 61—63.
- ¹⁸ *Brett W. H.* Legends and myths of the aboriginal tribes of British Guiana. L., 1880. P. 104—109, 377—378; *Civrieux M. de.* Leyendas Maquiritares // *Memorias de la Sociedad de Ciencias Naturales La Salle*. 1960. T. 20. P. 185—188; *Colchester M.* Myths and legends of the Sanema // *Antropológica*. 1981. V. 56. P. 78—86; *Farabee W. C.* The Central Arawaks. Oosterhaut, 1967. P. 110—113; *Idem.* The Central Caribs. Philadelphia, 1924. P. 83—84; *Fuentes E.* Los Yanomami y las plantas silvestres // *Antropológica*. 1980. N 54. P. 78—79; *Gillin J.* The Barama River Caribs of British Guiana. Cambridge (Mass.), 1936. P. 189—190; *Im Thurn E. F.* Among the Indians of Guiana. N. Y., 1966. P. 379—381; *Koch-Grünberg T.* Mythen und Legenden der Taulipang- und Arekuna-Indianer. Stuttgart, 1924. S. 33—38; *Ogilvie J.* Creation myths of the Wapisiana and Taruma // *Folklore*. 1940. V. 51. P. 64—67; *Soares Diniz E.* O xamanismo dos Indios Makuxí // *JSA*. 1971. T. 60. P. 82; *Wirth D. M.* Lendas dos Indios Vapidiana // *Revista do Museu Paulista*. 1950. V. 4. P. 173—174; *Boglar L.* Cuentos y mitos de los Piaroa // *Mantabán*. 1977. N 6. P. 230—233, 285—287.
- ¹⁹ *Wilbert J.* Folk literature of the Gê Indians. Los Angeles, 1978—1984. V. 1. P. 145—147, 155—156, 194—197, 206—208, 215—216, 224—228; V. 2. P. 137—145, 148—152. В мифе суя культурные растения найдены плавающими в водоеме, в мифах остальных племен «же» люди находят дерево или узнают о существовании культурных растений на берегу реки. Видимо, перед нами отголоски мотива о происхождении вод из ствола дерева изобилия, который в явном виде же не известен. Сюжет о дереве изобилия, в основном, распространен у северных же, а у шаванте, которые вместе с близкородственными шеренте образуют группу центральных же, редуцирован до мотива 1.
- ²⁰ *Alvarez J.* Mitología, tradiciones y creencias religiosas de los salvajes Huarayos // 27 ICA. Lima, 1939. V. 2. P. 155; *Caspar F.* Die Tuparí. B.; N. Y., 1975. S. 190—191; *Holanda Pereira A.* Lendas dos índios IRANXE // PA. 1974. N 26. P. 56—57; *Kelm H.* Chacobo, 1970 // *Tribus*. 1972. N 21. S. 219—220. В мифе чакобо початки всех сортов появляются на первом (не древесно-видном) стебле кукурузы.
- ²¹ *Barabas A. M., Bartolomé M. A.* Un testimonio mítico de los Mataco // *JSA*. 1979. T. 66. P. 126—128; *Nordenskiöld E.* Indianerleben, El Gran Chaco. Leipzig, 1912. S. 260; *Wilbert J., Simoneau K.* Folk literature of the Mataco Indians. Los Angeles, 1982. P. 150—159.
- ²² *Coudreau H. A.* Chez nos Indiens. P., 1893. P. 550—551. Только у ояна и макиритаре дерево мыслится одновременно и гигантским черенком маниока, и опорой крыши общинного жилища. Поскольку, однако, в постройках ояна центрального столба нет, в мифе описывается дом на небе, у которого столбы-черенки стоят по периметру. Из этого (противоречащего ис-

- ходной идее уникальности дерева изобилия) переосмысления следует, что соответствующий миф появился у ояна позже засвидетельствованного типа построек.
- ²³ *Gorbak G., Lischetti M., Muños C. P. Batallas rituales del Chiaraje y del Tocto de la provincia de Kanas (Cuzco — Perú) // Revista del Museo Nacional. 1962. Т. 31. P. 278.*
- ²⁴ Каждый из колумбийских текстов своеобразен, и в то же время все они так связаны друг с другом отдельными мотивами, что записи трудно сгруппировать в варианты. Резче всего выделяются среди прочих мифы андоке и бора, в которых дерево описывается как агрессивное существо. Немаловажно, что в северной Колумбии и сопредельном районе Венесуэлы сюжет зафиксирован у всех автохтонных групп, чьи языки не имеют близких аналогий (чимила, гуахибо, яруро) и которые до последнего времени сохраняли архаическое комплексное хозяйство (гуахибо, яруро, бари). К востоку от Ориноко представлены три сходные версии: пиароа, макиритаре (к которой тяготеют неполные версии яноама и ояна), остальные записи повторяют друг друга почти дословно. Все мифы же варьируют одну-единственную версию, заимствованную судя по набору мотивов не из Гвианы или Мату-Гросу, а из Амазонии.
- ²⁵ *Fock N. History of Mataco folk literature and research // Wilbert J., Simoneau K. Folk literature of the Mataco. P. 11.*
- ²⁶ Семена альгарробы (*Prosopis L.*) до недавних пор были важнейшим источником питания индейцев Чако, а в прошлом (особенно до появления земледелия) — и других аридных районов на западе Южной Америки. Видимо, с альгарробой отождествляли мировое дерево обитатели перуанского побережья, так как все происходящие отсюда изображения деревьев (культуры мочика, чанкай, наска) определяются как *Prosopis L.* На них, однако, не показаны плоды других растений, нет и сцен рубки дерева. Отмеченный в XX в. испанизированный ритуал «юкса» на северном побережье («кортамонте» в соседних горах) предусматривает рубку украшенного столба, но с земледелием прямо не связан. Отсутствие представлений об альгарробе как родоначальнице других растений в Перу делает вероятным заимствованный характер данной мифологемы и у племен Чако.
- ²⁷ *Pohl M. Ritual continuity and transformation in Mesoamerica; reconstructing the ancient Maya cuch ritual // AAq. 1981. V. 46. N 3. P. 513—526.*
- ²⁸ *Gossen G. Chamulas in the world of the sun; time and space in the Maya oral tradition. Cambridge (Mass.), 1974. P. 322.*
- ²⁹ *Кинжалов П. В. Скульптура пернатой змеи из собрания МАЭ // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1981. Вып. 37. С. 25.*
- ³⁰ *Varrera Vásques A. La ceiba cocodrilo // Anales. 1976. Т. 5. P. 187—208.*
- ³¹ *Березкин Ю. Е. Мифология индейцев Латинской Америки и древнейшие фольклорные провинции // Фольклор и этнография. М., 1983. С. 191—220; Он же. Сюжеты южноамериканской мифологии // Исторические судьбы американских индейцев: Проблемы индеанистики. М., 1985. С. 118—123.*
- ³² *Holanda Pereira A. Lendas... P. 1—3; Kelm A. Op. cit. S. 226—227; Keebler C. E. Op. cit. P. 30; Preuß K. T. Religion und Mythologie... S. 71—73, 314—316; Stone D. Op. cit. P. 60; Thompson E. J. S. Op. cit. P. 119—123.* В мифе иранше герой немотивированно ведет себя по отношению к родителям как к антагонистам. Видимо, в более ранней редакции речь шла о приемных, а не настоящих родителях — типичный мотив для сюжета о мстителях. Начало мифа чакобо обещает рассказ о рождении мстителя, мать которого похитил тапир, но затем следует переход на другой сюжет (смещение сюжетов, отрывочность и включение христианских мотивов характерны и для других текстов чакобо). Европейское влияние заметно и в мифе пишилей, где вместо тапира или оленя (последнее типично для одоложечетных мифов народов Оахаки) действует «толстогубый великан».
- ³³ *Holanda Pereira A. Lendas... P. 15—16, 39, 64; Kelm H. Op. cit. S. 235—236; Preuß K. T. Religion und Mythologie... S. 314; Stone D. Op. cit. P. 60; The chronicles of Michoacán. Norman, 1970. P. 63—64; Пополь-Вух. М.; JL, 1959. С. 31—79.*

- 34 Пополь-Вух. С. 53—55; *Holanda Pereira A.* O pensamento mítico dos Naubikwára // PA. 1983. N 36. P. 68—70; *Powlison P. S.* La cultura Yagua reflejada en sus cuentos folklóricos // Folklore americano. 1959. a. 6/7. P. 9—10; *Preuß K. T.* Religion und Mythologie... S. 72, 308; *Schindler H.* Karihona-Erzählungen aus Manacaro. St. Agustín, 1979. S. 34—39, 114—115; *Stone D.* Op. cit. P. 60; *Wilbert J., Simoneau K.* Folk literature of the Mataco. P. 40. В сходной форме (найжены останки не отца, а матери, сестры или безымянного персонажа) этот мотив известен и другим племенам, живущим от Мату-Гросу до Южной Монтаньи (бороро, мачигенга), откуда он, видимо, проник в Анды, распространившись на север до горного Эквадора (*Arguedas J. M., Izquierdo Ríos F.* Mitos, leyendas y cuentos peruanos. Lima, 1947. P. 113—114; *Baer G.* Die Religion der Matsiquenka. Basel, 1984. S. 479; *Howard-Malverde R.* «Dyablu»: its meaning in Cañar Quichua oral narrative // Amerindia. 1984. N 9. P. 64; *Morote Best E.* Estudio de un cuento popular del Perú // MRP. P. 836—837; *Ortiz Rescaniere A.* De Adaneva a Incarrí. Lima, 1973. P. 186—187; *Wilbert J., Simoneau K.* Folk literature of the Bororo Indians. Los Angeles, 1983. P. 138).
- 35 Пополь-Вух. С. 50—51; *Holanda Pereira A.* Lendas... P. 3—4; *Idem.* O pensamento... P. 74—76. Краткая (без начала) версия того же мифа записана в Монтанье у шипибо (*Girard R.* Op. cit. P. 253). У намбикуара, иранше и, может быть, в полном варианте мифа шипибо обработка поля следовала после мести, а у киче — предшествовала ей, но эта перестановка сюжетно несущественна. Хотя и мифы о мстителях, и мотив волшебной обработки участка известны многим индейским народам, их сочетание и сходная трактовка свидетельствуют в данном случае в пользу единого происхождения текстов.
- 36 *Alegria R. E.* Ball courts and ceremonial plazas in the West Indies. New Haven, 1983. P. 123—151.
- 37 *Hatt G.* The corn mother in America and in Indonesia // *Anthropos*. 1951. Bd. 46, N. 5/6. S. 853—881.
- 38 *Березкин Ю. Е.* Мочика. Л., 1983. С. 57—58; *Caspar R.* Op. cit. S. 14—17; *Hatt D.* Op. cit. P. 857, 869, 881; *Grenand P.* Introduction à l'étude de l'univers Wayari. P., 1980. P. 319—320; *Metraux A.* The native tribes of Eastern Bolivia and Western Matto Grosso. Wash., 1942. P. 169—170; *Oberg K.* Indian tribes of Northern Mato Grosso, Brasil. Wash., 1953. P. 108—109; *Reichel-Dolmatoff G.* Los Kogi. Bogotá, 1951. V. 2. P. 17.
- 39 *Березкин Ю. Е.* Культурная преемственность на северном побережье Перу в V—XV вв. // Сов. этнография. 1984. № 2. С. 57—58.
- 40 *Arguedas J. M., Izquierdo Ríos F.* Op. cit. P. 41—42; *Avila F. de.* Dioses y hombres de Huarochirí. Lima, 1966. P. 173—177; *Boglár L.* Op. cit. P. 268—270; *Dieseldorff E. P.* Kunst und Religion der Mayavölker // *Zeitschrift für Ethnologie* (далее — ZE). 1925. Bd. 57, H. 1/2. S. 4—5; *Gordon G. B.* Guatemala myths // The University Museum, Philadelphia, The Museum Journal. 1915. V. 6, N 3. P. 120—121; *Koch-Grünberg T.* Zwei Jahre unter den Indianer. Stuttgart, 1910. Bd. 2. S. 159—160; *Law H. W.* Tamákasti: a Gulf Nahuat text // *Tlalocán*. 1957. V. 3, N 4. P. 345—355; *Polykrates G.* Aus der Mythologie der Wawanauetéri und Pukimapuetéri, zweier Yanomámi Stämme Nordwestbrasilens // *Folk*. 1966/1969. V. 8/9. S. 285—287; *Preuß K. T.* Forschungsreise zu den Kagaba. S. 204—211; *Reichel-Dolmatoff G.* Los Kogi. P. 55—56, 32—34; *Thompson E. J. S.* Ethnology of the Mayas... P. 126—129; *Idem.* Historia y religión de los Mayas. México, 1977. P. 435—438.
- 41 *Landaburu J., Pineda C. M.* Op. cit. P. 69—70; *Ploetz H., Métraux A.* La civilisation matérielle et la vie sociale et religieuse des Indiens Ze // *Revista del Instituto de Etnología de la Universidad Nacional de Tucumán*. 1930. T. 1, N 2. P. 212.
- 42 *Avila F. de.* Op. cit. P. 23—25; *Hissink K., Hahn A.* Die Tacana. Stuttgart, 1961. S. 388; *Metraux A.* Mitos y cuentos de los Indios Chiriguano // *Revista del Museo de La Plata*. 1932. T. 33. P. 168—169; *Idem.* Les Indiens Uro-Cipayá de Carangas // *JSA*. 1935. T. 27, N 2. P. 404—406; *Wilbert J., Simoneau K.* Folk literature of the Mataco. P. 64—65, 285—296; *Idem.* Folk lite-

- ratione of the Toba Indians. Los Angeles, 1982. V. 1. P. 351—352; Idem. Folk literature of the Bororo. P. 102—105.
- ⁴³ Этот миф записан также у варрау устья Ориноко, однако в форме, близкой не текстам яноама, пиароа или коги (что следовало бы ожидать в случае древнего происхождения данной версии), а мифу тушинамба (*Wilbert J.* Folk literature of the Warao Indians. Los Angeles, 1970. P. 395—398). Учитывая насыщенность этого текста варрау европейскими реалиями (что в целом для их устной традиции не характерно), можно предполагать его заимствование в период после Колумба (из фольклора на лингуа жерал?).
- ⁴⁴ *Avila F. de.* Op. cit. P. 47—49, 149—151; *Boremanse D.* A comparative study in Lacandon Maya mythology // *JSA.* 1982. T. 68. P. 73—77; *Chaves M.* Mítica de los Siona. P. 134; *Hagen V. M. von.* The Tsatchela Indians of Western Ecuador. N. Y., 1939. P. 50—51; *Nachtigall H.* Tierradentro. Zürich, 1955. S. 298, 300; *Mercier J. M.* Op. cit. P. 18—22; *Nordenskiöld E.* Forschungen und Abenteuer in Südamerika. Stuttgart, 1924. S. 139—143; *Idem.* Indianerleben... S. 280—281; *Swanton J. R.* Religious beliefs and medical practices of the Creek Indians // *SI BAE.* 1928. 42 Annu. Rep. P. 484; *Wilbert J.* Yupa folktales. Los Angeles. 1974. P. 127—130; *Wilbert J., Simoneau K.* Folk literature of the Toba. P. 77—83; *Idem.* Folk literature of the Bororo. P. 86—87.
- ⁴⁵ *Nimuendaju C.* Sagen der Tembé-Indianer // *ZE.* 1915. Jg. 47. S. 281—282.
- ⁴⁶ *Dähnhardt O.* Natursagen, Leipzig; B., 1909. Bd. 2. S. 95—98.
- ⁴⁷ *Pearsall D. M.* Early movement of maize between Mesoamerica and South America // *J. Steward Anthropol. Soc.* 1977/1978. V. 9, N 1/2. P. 41—75.
- ⁴⁸ *Nordenskiöld E.* The ethnography of South America seen from Mojos in Bolivia. Göteborg, 1924. Map 3. Карта Э. Норденшельда составлена без учета центральноамериканских материалов.
- ⁴⁹ *Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 117, 219.
- ⁵⁰ *Hatt G.* Op. cit. P. 882—894, 896—897.
- ⁵¹ *Обаяси Т.* Рис в мифах и легендах // Курьер ЮНЕСКО. Янв. 1985. С. 9—10; *Turner C.* Dental anthropological indicators of agriculture among the Jomon people of Central Japan // *Amer. J. Phys. Anthropol.* 1979. V. 51. P. 619—636. Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 417, 429.

«ВЕРТИКАЛЬНАЯ» ЭКОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ПРОСТРАНСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АЙМАРА

С. Н. Якушенко

Аймара — второй по величине индейский народ Америки, проживающий на территории Перу и Боливии, главным образом вокруг озера Титикака. Это один из самых высокогорных народов мира. Поселения аймара достигают отметки 5 тыс. м над уровнем моря. Основные занятия — скотоводство и земледелие. Климат в местах проживания основной массы индейцев очень суровый. Среднемесячные температуры от +5° до +9°. Суточные амплитуды до 30°. Часты засухи (осадков от 400 до 800 мм в год).

Еще в I тысячелетии до н. э. на описываемой территории возникла культура Тиауанако, создание которой длительное время приписывалось аймара¹, но археологический материал этого не подтвердил². В I тысячелетии н. э. Тиауанако распространило

свое влияние далеко на север и на запад до побережья Тихого океана. Но к XII в. н. э. цивилизация эта приходит в упадок, и с этого момента на территории Альтиплано (высокогорное плато вокруг озера Титикака) происходит объединение многочисленных аймарских племен в союзы племен, среди которых выделяются два наиболее крупных: на северо-запад от озера — союз индейцев колья со столицей Хатун-Колья и на западе — лупака со столицей Чукуито. К середине XV в. соперничество между двумя союзами переходит в открытое столкновение, закончившееся поражением колья и усилением индейцев лупака, которые создали новый тип объединения с дискретной территорией. Основной целью этого объединения, названного учеными «архипелаг», было основание колоний переселенцев из числа индейцев аймара на новых землях или, что самое важное, в новых экологических зонах, отличающихся от основных земель лупака, для самообеспечения наиболее разнообразными продуктами сельскохозяйственного труда. Такие поселения были созданы на западе в долинах Арекипы, Мокегуа, Такны и, возможно, на севере Чили³, т. е. на расстоянии 10—13 дней пешего пути от исконных земель лупака⁴. На востоке колонии индейцев лупака существовали в районе Пелечуко, Аполобамбы и Ларекахи⁵.

Таким образом, этническая группа лупака как бы разделялась на три части, расселенные в трех основных экологических зонах: Косте (побережье), Альтиплано и Монтанье (тропические леса восточных склонов Анд). Естественной границей между Костой и Альтиплано служила Западная Кордильера, а на востоке Альтиплано было отделено от Монтаньи Кордильерой-де-Карабая и Кордильерой-Реаль.

Вряд ли инки внесли существенные изменения в этот институт колоний, получивший у них название «митмак», после завоевания ими района Альтиплано. Хорошо налаженная система функционирования нескольких экологических зон в рамках единого социально-экономического организма этнической группы лупака приходит в упадок лишь с завоеванием района испанцами. Правда, еще в 1567 г. вице-королевский инспектор Гарси Диес де Сан Мигель застал существование этой системы во время своей инспекционной поездки в Чукуито⁶. Американский этнограф Джон Мурра отметил: «Одной из наиболее примечательных черт посещения Чукуито является свет, который оно проливает на контроль, называемый нами «вертикальным». Государство лупака, несмотря на то что находилось на Альтиплано, контролировало различные экологические зоны, не подкрепляя это господством над промежуточными народами и пространствами»⁷.

Но подобная форма контроля была под силу лишь крупным и дееспособным объединениям, таким, как Тиауанако⁸ или племенные союзы индейцев аймара. Поэтому параллельно существовала другая форма «вертикального контроля» окружающей среды в пределах одного района, когда крестьяне старались освоить

дополнительно к основной еще две экологические ниши для наиболее полного использования природных особенностей ландшафта и климата. По всей видимости, такая форма является наиболее древней⁹. Рассмотрим второй вариант «вертикального контроля» разных экологических зон на конкретных примерах. В качестве первого примера возьмем наиболее изученные в этнографическом плане боливийские восточные склоны Анд в северном Потоси. На основании природных особенностей и хозяйственной деятельности человека восточные склоны Анд делят на три зоны: 1) 4600—4200 м над уровнем моря (высокогорное скотоводство); 2) 4200—3500 м над уровнем моря (высокогорное земледелие); 3) 3500—2000 м над уровнем моря (земледелие долин)¹⁰.

Сами же индейцы объединяют зоны 1 и 2 в единый географический и хозяйственно-культурный комплекс — «пуну» (суни) и противопоставляют ей зону долин — «ликина»¹¹. Однако пуна продолжает выступать как комплекс, распадающийся на два подкомплекса с особой хозяйственной и культурной спецификой — скотоводство (разведение лам и альпак) и земледелие. Для земледелия пуны характерны следующие культуры: картофель, киноа, ока, ячмень; для земледелия долин — кукуруза, пшеница, бобовые, разнообразные фрукты и овощи. Существует различие и в плодородии почв, и в режиме сельскохозяйственных работ. Земли в высокогорной зоне после каждого урожая должны проходить восстановительный период, и поэтому их оставляют под паром. Этот период длится от 6—7 лет в нижней зоне пуны до 12 лет в верхней. Таким образом, при культивировании четырех основных культур крестьянин пуны для соблюдения полного режима использования земли вынужден был бы иметь до 24 небольших наделов земли¹². Сокращение же восстановительного периода ведет к истощению почв и снижению урожайности. К этому следует добавить пагубное влияние на урожай засухи, града, заморозков. Чтобы свести все неблагоприятные условия до минимума, крестьянин стремится обзавестись дополнительными участками в соседних экологических зонах даже за счет сокращения обрабатываемых наделов в зоне основного поселения. Земледельцы долин, хотя и находятся в более выгодном положении, также стараются заполучить участки в пунах для обеспечения себя картофелем, киноа, мясом. Это приводит к необходимости иметь два или даже три дома во всех экологических зонах, даже если они находятся друг от друга на расстоянии нескольких дней пути¹³, что позволяет интенсивнее использовать особенности каждой зоны и наиболее эффективно распределять энергетические ресурсы между разными экологическими зонами-хозяйствами. Например, после сбора урожая в долинах (зона 3) туда перегоняют стада лам и альпак с высокогорных пастбищ (зона 1), чтобы они могли кормиться богатой зеленью, оставшейся после сбора урожая, и удобряли бы поля. В случае необходимости быков из долины (зона 3) перегоняют на поля в пунах (зона 2) для проведения пахоты¹⁴.

Аналогичное деление используемого экологического пространства на 3 части, составляющие единый хозяйственно-культурный организм, зафиксировано и во многих других районах Центральных Анд. Очень хорошо эти традиции освещены на примере района Аякучо (Перу). Индейцы этого района также выделяют три зоны: сальку, или пуну (3300—4000 м над уровнем моря и выше), кичва (3300—2300 м) и майопатан (ниже 2300 м). Салька — основной поставщик мяса, картофеля, оки, киноа, ячменя; кичва — самая плодородная зона — центр возделывания зерновых, главным образом кукурузы; майопатан — фруктов, овощей. Как и в предыдущем примере, «каждый член общины стремится к контролю всех трех зон для расширения ассортимента возделываемых культур и уменьшения пагубного воздействия среды»¹⁵. Следует заметить, что важность экономических и культурных связей всех трех зон осознается и особо подчеркивается индейцами этого и других районов Центральных Анд. Разнообразная и богатая литература, накопленная по рассматриваемому вопросу, позволяет констатировать, что такое деление экологического пространства на три части — распространенная традиция в южных и отчасти центральных районах Центральных Анд¹⁶.

Теперь попытаемся разобраться в космологических представлениях аймара. Вся вселенная, как считают индейцы, делится на три мира: верхний мир (обитель богов), средний мир (земля людей) и нижний мир (мир демонов и злых духов). Миру людей, т. е. среднему миру, противостоят два мира сверхъестественных сил, но все три мира развиваются по единому закону — закону борьбы двух полярных сил¹⁷. Это не только доброе и злое начала, светлое и темное, мужское и женское, но и две совершенно необходимые для существования вселенной силы, которые никогда не находятся в равновесии, но тем не менее составляют единое целое, как день и ночь составляют сутки, а теплый и холодный, засушливый и дождливый сезоны образуют год.

Эти представления о двух полярных силах отразились и в образах двух космических змей, пересекающих вселенную по вертикали: Йаку-мама и Сача-мама. Первая змея символизирует молнию и отождествляется с мужской космической энергией, вторая — представляет радугу и связана с женской космической энергией. Находясь в противоположных сторонах мирового пространства, змеи эти как бы маркируют правую и левую стороны вселенной.

Таким образом, вся вселенная состоит из трех миров: верхнего, среднего и нижнего, в каждом из которых выделяются правая (мужская) и левая (женская) стороны. Естественная граница между правой и левой стороной среднего мира, т. е. земли, проходит по рекам Асангаро и Десагуадеро, протекающим по Альтиплано в меридиональном направлении. Выбор этих рек в качестве такой границы неслучаен, так как Асангаро впадает на севере в озеро Титикака, а Десагуадеро — единственная река, вытекающая из него на юге. Правая область, расположенная к за-

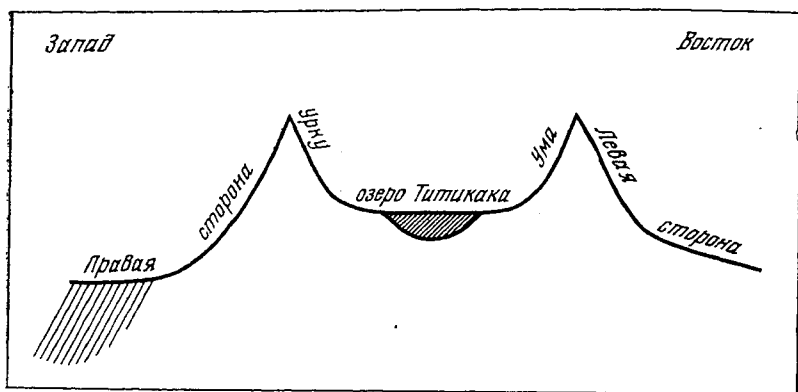

Рис. 15. Представление о географическом пространстве у аймара

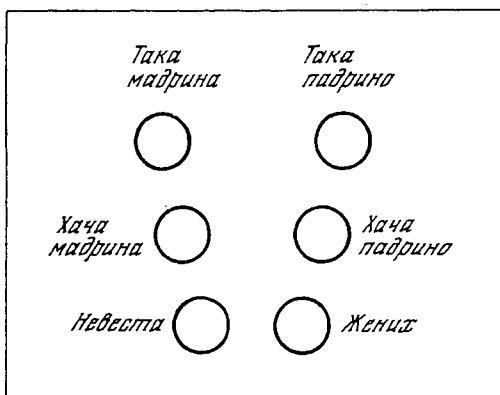

Рис. 16. Положение участников брачной церемонии

паду от названных рек, называется Уркосуью и символизирует мужскую (верхнюю) сторону. Левая область — к востоку от рек — именуется Умасуью (айм. «водная область») и символизирует женскую (нижнюю) сторону (рис. 15). Все это позволяет говорить об определенной корреляции структуры космологических представлений (иллюзорной) и структуры экологической, или экономико-географической (реальной). Тем самым наш материал подтверждает известное положение, что «мировоззрение космологического периода исходит из тождества макрокосма и микрокосма, природы и человека»¹⁸.

Общая дихотомия мира отражается и на семантике структуры дуально-родовой организации общины (или племени) у аймара, состоящей из манансайа (верхней половины) и арансайа (нижней половины). Да и все племена аймара в прошлом объединялись в две большие группы согласно территории проживания: уррохаке (горные) и умахаке (водные)¹⁹, или верхние (правые) и нижние (левые), причем предпочтение отдавалось правой

стороне (верхней), что в целом напоминает семантику проксемической структуры и многих других народов²⁰. Характерной чертой описанной выше системы двоичной символической классификации является возможность расширять эти оппозиции, добавляя к ним новые концепции или признаки: «верх — право — мужской — богатый — старший — светлый», им противостоят «низ — лево — женский — бедный — младший — темный».

Единство структуры макро- и микрокосма можно проследить и на представлениях, связанных с восприятием пространственной структуры деревни или всей общины и ее социальной организации. Так, например, община Каата, находящаяся в центральной части айлью (кантона) Каата в боливийской провинции Баутиста-Сааведра, ассоциируется индейцами с сердцем или туловищем, в то время как община, входящая в то же айлью, но расположенная выше в горах, в пуне, отождествляется с головой, а община, занимающая нижнюю экологическую зону, — с нижними конечностями²¹. А так как каждая из трех общин состоит из двух половин, то все айлью делится, таким образом, на шесть частей. И хотя члены каждой общины принадлежат к особой этнической группе (верхняя община — индейцы аймара, средняя — кольявайя, нижняя — индейцы тропических лесов) и говорят на разных языках, все айлью воспринимается индейцами как единое целое, где каждая община выполняет свою особую функцию (социальную, экономическую, религиозную). Это единство усиливается еще тем, что все айлью представляется индейцам в виде человеческого тела. Этот антропоморфизм постоянно подчеркивается в повседневной жизни членов всех трех общин и особенно в ритуальной практике, где для правильного проведения ритуала необходимо наличие определенных предметов, символизирующих перечисленные общины (экологические зоны, или части пространства) и отражающих их экономическую и этническую специфику. Так, например, верхнюю зону в ритуале жертвоприношения представляют высушенный утробный плод ламы, шерсть разных цветов, символизирующая облака, серебряный крест — символ неба, жезл — символ политической власти. Центральная зона представлена красным вином (символ крови), нутряным жиром (символ могущества, благосостояния) ламы, монетами (металл из-под земли). Символы третьей зоны — листья коки, мята, ароматические смолы, цветы и семена некоторых растений²².

Другой пример отождествления айлью с телом, но уже животного дает нам структура айлью Хесус-де-Мачака, расположенного в провинции Ингави, в департаменте Ла-Пас (Боливия). Как и айлью Каата, Хесус-де-Мачака делится на верхнюю половину (Арах-Сохта — айм. «верхняя шестерка») и нижнюю (Манка-Сохта — «нижняя шестерка»). Каждая из половин состоит из шести общин (см. с. 282).

Неоднократное повторение слова «тити» в названиях общин и в местной топонимике навела боливийского этнографа Хавьера

1. Хилатити (пеке — айм. «голова»)
2. Сулькатити (калячи — «плечо»)
3. Чама (калачи)
4. Ачума (куэрпо — исп. «тело»)
5. Куйпа (Каю — айм. «нога»)
6. Парина (каю)

1. Кхонко (пеке)
2. Каля (калячи)
3. Лурири (куэрпо)
4. Титикана (куэрпо)
5. Ханкоаке (каю)
6. Пуэбло (каю)

Альбо, изучавшего структуру Хесус-де-Мачака, на мысль о том, что соматическая структура этого айлью символизировала в древности тела двух горных котов, расположенных друг против друга²³. Несмотря на некоторое различие в соматических структурах вышеописанных айлью, в обоих вариантах наблюдаются общие принципы построения: деление на верхнюю и нижнюю половины, правую и левую стороны (правых и левых ног во втором варианте), более или менее почетных общин; общее число частей структуры должно быть кратно трем.

Наконец, по этой же схеме структурируются и ритуальное, и церемониальное пространства. Здесь также выделяются правая и левая стороны, более почетное и менее почетное место, троичность пространства. Во время всех ритуалов или церемоний женщины располагаются с левой стороны, мужчины с правой. Левая сторона всегда ассоциируется с более низким социальным статусом, поэтому иногда левую (женскую) сторону в ритуале или в социальной организации занимает помощник руководителя церемонии, ритуала, социальной организации. Старейшина общины — «хилаката» располагается во время церемоний и ритуалов в правой части сакрального пространства, с этой же стороны, но менее почетные места отводятся двум его помощникам; «заместитель» старейшины с двумя помощниками находится с левой стороны. Точно так же располагаются участники ритуала жертвоприношения: жрец и мужчины, участвующие в ритуале, — с правой стороны, ассистент жреца и женщины — с левой. Очень четко все вышеописанные принципы дихотомии и троичности пространства проявляются в брачной церемонии (рис. 16), во время которой жених и крестные отцы (исп. «падринос») стоят с правой стороны от священника, а невеста и крестные матери (исп. «мадринас») — с левой. Как видно из рисунка, налицо и триада: главные крестные (айм. хача — «большой»), младшие крестные (така — айм. «посредник»), вступающие в брак²⁴.

Удивительное соответствие космической картине мира находим мы в структуре аймарского дворового хозяйства, которое состоит из трех расположенных буквой П однокамерных построек: хранилища, кухни и спальни (рис. 17), причем хранилище ассоциируется с мужской половиной дома, так как является средоточием избытка (продуктов) и располагается справа, спальня находится с левой стороны и ассоциируется с ночью и женской половиной дома, между спальней и хранилищем строится кухня,

которая семантически сочетает как бы обе концепции — мужскую и женскую линии хозяйства²⁵.

Общая дихотомия мира, связанная с оппозицией «мужской — женский», выступает и в противопоставлении внутреннего и внешнего пространств дома. «Связь внутреннего, домашнего, пространства с женским, а внешнего — с мужским», являющаяся, «по-видимому, одной из культурных универсалий»²⁶, у этнической подгруппы аймара — индейцев кольявая подкрепляется еще и двумя охранителями хозяйства. Охранитель внешнего пространства хозяйства был мужского пола и считался покровителем посевов и скота, его символическим местом пребывания была прямоугольная яма, вырытая у хранилища; охранитель внутреннего пространства — женского, связанный с женскими делами в хозяйстве, символически «обитал» в столе, стоящем в центре хранилища.

Определенный изоморфизм структуры дома прослеживается и в построении святилища, обнаруженного американским этнографом Г. Чопиком около г. Чукуито (Перу). Это святилище, называемое «Мать Атоха», имеет П-образную форму (рис. 18)²⁷.

Среда обитания аймара накладывала заметный отпечаток на их восприятие пространства. Горный ландшафт снижал значимость горизонтальных ориентиров и повышал значимость вертикальных. Ведь даже горизонт аймара изображают не прямой линией, а изогнутой, поднимающейся в гору²⁸. По всей видимости, север и восток у аймара отождествлялись с низом, а запад и юг — с верхом. Особую роль в этом могла сыграть и этническая история, точнее — направление переселения протоаймарских племен в район озера Титикака. Движение в пространстве происходило снизу вверх или с севера на юг, что является еще одним доводом в пользу гипотезы о переселении аймара в район Альтиплано с северо-востока²⁹.

Троищность пространства у аймара соответствует и их представлениям о трех циклах времени. Единство категории времени и пространства заключено и в одном слове, которым аймара обозначают данные два понятия, — «пача». Это единство еще больше усиливается тем, что каждый цикл времени соотносится в мифо-

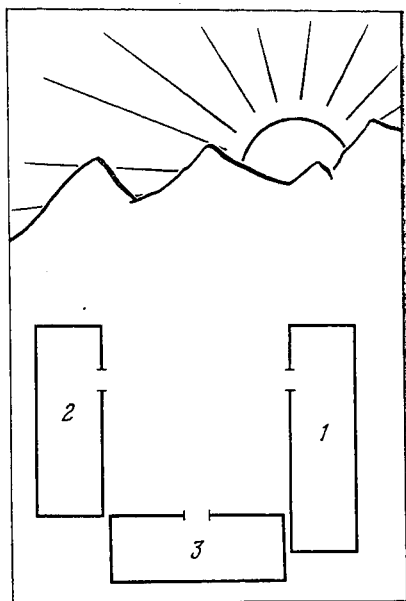

Рис. 17. Аймарское домохозяйство

1 — хранилище; 2 — спальня; 3 — кухня

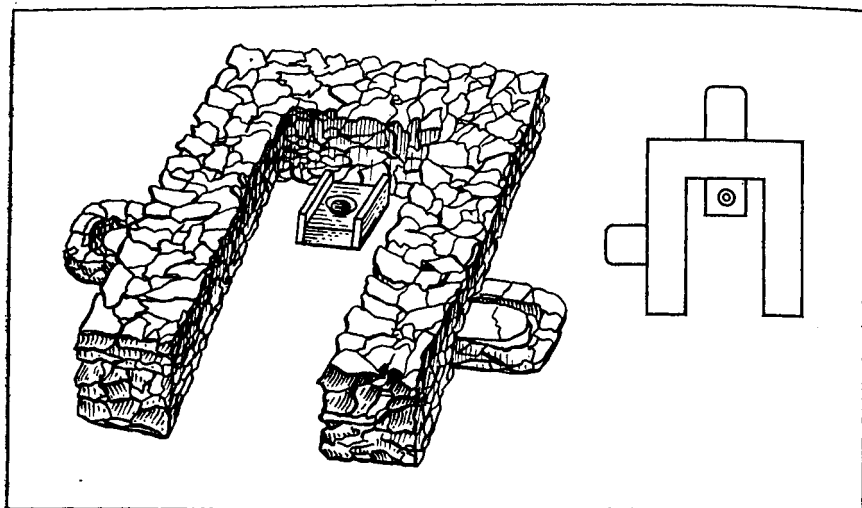

Рис. 18. Аймакское святилище «Мать Атоха» около Чукуито (Боливия)

логии аймара с определенным миром (пространством)³⁰. Нижний мир — мир первого временного цикла (прошлого), в нем жили язычники (айм. «чульпахак»), в небе светила только луна. Этим миром правил бог-отец. Нижний мир был разрушен потоком, который называется «пачакутиума». Второй мир начинается с появлением (созданием) солнца. Это современный мир, которым правит бог-сын. Но и этот мир невечен, он будет разрушен, а новое поколение людей будет жить в верхнем мире, править которым будет святой дух. Время, как мы видим, перемещается в пространстве снизу вверх или слева направо, что соответствует общепринятому представлению о «движении» времени слева направо³¹. Но не исключена возможность существования иной модели движения времени в пространстве: сверху вниз и справа налево. Только второй моделью можно объяснить тот факт, что аймара представляют будущее время как бы находящимся сзади человека. Но культура аймара в этом аспекте не уникальна. Аналогией такой организации времени мы находим, например, в древнем Вавилоне³². Другая особенность: «правильным» у аймара считается движение против часовой стрелки — так движутся танцоры, в этом направлении скручивают при прядении нить. Но данную модель поведения легко объяснить, так как и солнце в Южном полушарии воспринимается как бы движущимся против часовой стрелки.

Итак, мы проследили соответствия в представлениях аймара о пространстве космологическом, социальном, церемониальном со структурой пространства экологического, т. е. со структурой хозяйственно-культурного комплекса. Возникает вопрос: что играет доминирующую роль в данной корреляции? Мифическая структура пространства или реальная организация экологической струк-

туры региона? По всей видимости, нельзя однозначно ответить на этот вопрос. Нам представляется, что такая трехчленная хозяйственно-экологическая структура сформировалась в процессе активного использования окружающей среды для наиболее полного жизнеобеспечения. Соответствие экологической структуры космологическим представлениям было случайным, но именно это соответствие мифологических представлений хозяйственно-культурным реалиям оказало решающее влияние на организацию структуры духовной и материальной культуры аймара. В то же время само восприятие экологического пространства складывалось не без участия представлений о единстве микро- и макрокосма. Это предположение иллюстрируют слова советского этнографа В. И. Козлова: «Каждый этнос складывается и обычно живет на определенной территории, т. е. в определенных природных условиях, к которым входящие в этнос люди так или иначе адаптируются и часть которых они могут в той или иной мере изменять в ходе развития производительных сил и хозяйственной деятельности. Адаптация людей к среде обитания может отразиться в особенностях их материальной и духовной культуры, традиционного быта, психологических черт»³³. Не менее важную для нашего исследования мысль мы находим и в другой его статье: «Существенны, разумеется, и влияния, оказываемые на различные этнографические явления экономико-географическими факторами — с той, однако, разницей, что элементы физико-географической среды уже по сути противостоят человеку как естественные внешние силы, а экономико-географические элементы — творения самих людей»³⁴.

Мы считаем возможным проследить рождение этой зависимости на археологическом материале, который может проиллюстрировать складывание данных представлений в процессе формирования хозяйственно-культурного климата, по-видимому, окончательно сложившегося в период классического Тиауанако, когда наиболее часто проявляются указанные символические классификации (3; 6; 12...). В качестве подтверждения можно привести пример с «Вратами Солнца» — самым известным тиауанакским памятником. На фризе «Врат Солнца» очень хорошо прослеживаются все бинарные и тернарные оппозиции, описанные выше: противопоставление правой и левой сторон, верха, середины и низа. Но заключительное слово — за археологами. Немаловажную роль в решении данной проблемы может сыграть сравнительный анализ подобных структур у других народов Центральных Анд, который поможет ответить на вопрос о продолжении тиауанакских традиций в аймарской духовной культуре и выявить происхождение инкского комплекса, привнесшего в Центральные Анды новую структуру, связанную с числом 4:4 области, 4 мифических брата-прародителя, 4 временных цикла и т. д.³⁵

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что данная статья — лишь первая попытка как в советской, так и зарубежной литературе обобщить имеющийся материал и дать ему оценку. На-

сколько верен анализ, могут решить только комплексные исследования этнографов, археологов и этнопсихологов. Но можно надеяться, что изучение упомянутого вопроса даст нам возможность по-новому взглянуть на имеющиеся факты и откроет новые перспективы в изучении этнической истории Андского региона.

- ¹ *Sanabria H. F.* Geografía humana y política de Bolivia. La Paz, 1983. P. 49; *Ponce Sanginés C.* La cultura nativa en Bolivia. La Paz, 1975. P. 23.
- ² *Башилов В. А.* Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972. С. 187—188.
- ³ *Amat Olasabal H.* Los Reinos Altiplánicos del Titicaca // Rumi. 1977. N 1. P. 13.
- ⁴ *Bouysson-Cassagne T.* L'espace Aymara: urco et uma // Annales. 1978. V. 33, N 5/6. P. 1068.
- ⁵ *Saignes T.* De la filiation a la residence: les ethnies dans les vallées de Larecaja // Ibid. P. 1160—1180.
- ⁶ Visita hecha a la provincia de Chucuito por Garci Diez de San Miguel en el año 1567. Lima, 1964.
- ⁷ *Murra J.* La visita de los chupachu como fuente etnológica // Ortiz de Zúñiga: Visita de la Provincia de León de Huánuco en 1562. Huánuco, 1967. T. I. P. 384.
- ⁸ *Amat Olasabal H.* Los Reinos... P. 11—12.
- ⁹ *Engel F.-A.* General introduction // Prehistoric Andean ecology. N. Y., 1980. P. 8.
- ¹⁰ *Platt T.* The role of the Andean ayllu in the production of the petty commodity regime in Northern Potosi (Bolivia) // Ecology and exchange in the Andes. L., 1982. P. 30.
- ¹¹ *Harris O.* Labour and produce in an ethnic economy, Northern Potosi, Bolivia // Ibid. P. 70.
- ¹² *Platt T.* The role... P. 34.
- ¹³ *Harris O.* Complementarity and conflict: an Andean view of women and men // Sex and age as principles of social differentiation. L., 1978. P. 24.
- ¹⁴ *Platt T.* The role... P. 35; *Isbell J.* To defend ourselves: ecology and ritual in an andean village. Austin, 1978. P. 202.
- ¹⁵ *Isbell J.* To defend... P. 55.
- ¹⁶ *Березкин Ю. Е.* Проблема региональных особенностей древнеперуанской цивилизации в зарубежных исследованиях последних лет // Сов. этнография. 1985. № 6. С. 152.
- ¹⁷ *Óblitas E. P.* La doctrina Callaway de los contrapuestos // Khana. 1956. V. IV, N 21/22. P. 131.
- ¹⁸ *Топоров В. Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6. С. 114.
- ¹⁹ *Bouysson-Cassagne T.* L'espace aymara... P. 1057—1080.
- ²⁰ *Бгажноков Б. Х.* Организация пространства и этикет // Сов. этнография. 1983. № 4. С. 38; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 259—305.
- ²¹ *Bastien J. W.* Qollahuaya rituals: An ethnographic account of the symbolic relation of man and land in an andean village. Ithaca, 1973. P. 6, 19, 169.
- ²² Ibid. P. 125.
- ²³ *Albó J.* Dinámica en la estructura intercomunitaria de Jesús de Machaca // América Indígena. V. XXXII, N 3. P. 789.
- ²⁴ *Comstock P. R.* Aymara kinship, real and spiritual // The Aymara language in its social and cultural context. Gainesville, 1981. P. 87. Fig. 5. I.
- ²⁵ *Bastien J. W.* Qollahuaya rituals... P. 138.
- ²⁶ *Байбурун А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 78.
- ²⁷ *Tschopik H.* The Aymara of Chucuito, Peru. I. Magic // Anthropological papers of the American Museum of Natural History. N. Y., 1951. V. 44, pt 2. P. 195. Fig. 4.

- ²⁸ *Miracle A., Dios Yapita J.* Time and space in Aymara // The Aymara language in its social and cultural context. P. 55.
- ²⁹ *Earls J., Silverblatts I.* Ayllus y etnías de la región Pampas-Qaracha // El Hombre en la Cultura Andina: III Congreso Peruano. Lima, 1978. T. I. P. 169.
- ³⁰ *Urbano H.-O.* Dios Yaya, Dios Churi y Dios Espiritu: Modelos trinitarios y arqueología mental en los Andes // Journal of Latin American Lore. 1980. V. 6, N 1. P. 111, 121—124.
- ³¹ *Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А.* Функциональная асимметрия мозга и индивидуальное пространство и время человека // Вопр. философии. 1978. № 3. С. 146.
- ³² *Клочков И. С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983. С. 28—29.
- ³³ *Козлов В. И.* Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. № 1. С. 5.
- ³⁴ *Козлов В. И., Pokhishchevskiy V. B.* Этнография и география // Сов. этнография. 1973. № 1. С. 11.
- ³⁵ *Llosa G. J.* La imagen del Mundo en el Antiguo Peru // Mercurio Peruano. 1971. N 485. P. 12—23.

ПРИРОДНАЯ СРЕДА, КУЛЬТУРА И ЯЗЫК

(кечуа и гуарани)

Е. И. Царенко

Язык — не только важнейшее средство человеческого общения, это еще и орудие познания мира, своеобразное средство взаимодействия человека с окружающей действительностью. Можно считать, что внешняя адаптация человека начинается с того, что сознание выделяет из реального континуума те или иные объекты. Возникающие таким образом понятия обычно облачаются в языковую форму.

Данные человеческого опыта наиболее непосредственным образом запечатлеваются и фиксируются в словаре. Общее правило, очевидно, должно гласить: говорящие на любом языке пользуются теми словами, которые нужны им в практической деятельности. Следует иметь в виду, что восприятие природных реалий может проходить сквозь призму культуры. Не исключено и влияние на картину мира языкового сознания (гипотеза Сэпира — Уорфа).

При исследовании взаимоотношения лингвистических, экологических и культурных факторов полезно межъязыковое сопоставление. Ведь факт отсутствия тех или иных слов и лексических групп в одном языке может оказаться не менее красноречивым, чем наличие подобных слов в другом языке.

Удобный объект для контрастивного анализа — языки кечуа и гуарани. Прежде всего эти языки существенно разнятся по своим типологическим параметрам¹: кечуа принадлежит к тому же агглютинативно-суффиксальному типу, что и языки алтайской общности — тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские. Впрочем, суффиксальное словообразование развито здесь довольно умеренно. Новые понятия обычно выражаются атрибутивными словосо-

четаниями, которые иногда превращаются в сложные слова — компонеты, например: *runa* — «человек, индеец», *simi* — «рот, речь, слово» — *runa simi* > *runasimi* — «язык кечуа»². В морфологии и словообразовании гуарани представлены как суффиксация, так и префиксация. Весьма продуктивный способ словопроизводства — сложение корней, например: *ava* — «человек», *pe'e* — «речь, разговор», *avape'e* — «язык гуарани».

Неодинаковы и экстралингвистические факторы. Во-первых, различны природные условия в зонах распространения языков кечуа и гуарани. Во-вторых, до открытия Америки европейцами разным был уровень социально-экономического и культурного развития подданных империи инков, с одной стороны, и племен тупигуарани — с другой.

Посмотрим, как все это отражается на составе тех тематических групп лексики, которые так или иначе связаны с природной средой.

1. *Ландшафт и рельеф местности.* Свойственное Андскому региону разнообразие географических характеристик отражено в словаре языка кечуа. Прежде всего это названия вертикальных экологических зон: *yunka* — «покрытые лесами предгорья Анд с теплым климатом»; *rupha-rupha* — «зона тропических лесов с жарким климатом» (*rupha* — «горячий, жаркий»); *qechwa/qheswa* — «горные долины с умеренным климатом, благоприятные для хозяйственной деятельности»³; *suní* — «горная степь с холодным климатом»; *rupa* — «холодное высокогорье»; *hanq'a* — «снежные вершины». Пересеченный, сложный рельеф местности адекватно описывается словами типа:

а) возвышенности над окружающей местностью: *ogro* — «гора, значительная возвышенность», *moqho* — «холм, небольшая возвышенность», *qaqa* — «скала, утес», *wank'a* — «скалистая обрывистая гора», *mukuku hirká* — «вершина горы», *muqro* — «остроконечная вершина, пик» и др.;

б) углубления и перепады высот: *wauc'o* — «ущелье, теснина», *p'ukru* — «котловина, низина», *q'asa* — «широкое ущелье», *mach'au* — «пещера, грот в скале», *laha* — «обрыв, пропасть», *uqay* — «спуск, склон», *qhata* — «откос горы», *arachita* — «горный перевал» и др.

в) другие обозначения ландшафта: *ramra* — «равнина» (слово, вошедшее в испанский и другие европейские языки), *salla* — «скалистая местность», *soha* — «каменистая местность» и др.

Как видим, все эти лексемы корневые, непроечные, что свидетельствует о длительном существовании их в языке.

Если теперь обратимся к языку гуарани, то прежде всего увидим бедность его подобной лексикой. Собственно говоря, корней, обозначающих неровности земной поверхности, практически нет. Даже слово *uuytu* — «возвышенность, гора, холм (т. *yuytúra*)», по крайней мере в плане диахронии, разложимо на корневые элементы: *uyu* — «земля, почва» и *tura* «возвышенный, приподнятый». Есть вторичные производные типа *uuyturyu* — «вершина горы» (*aru* — «кончик, острие»), *uuyturyusu* — «горный массив» (=usu <

<guasu — «большой») и др. Другие слова из этой тематической группы образованы непосредственно от уву — «земля: увуату — «холм, возвышенность», (ату — «выступающий, возвышенный»), увуру — «равнина (ре — «ровный, плоский»), увуаруре — «склон, косогор», увуакаре — «возвышение, остров» (ака — «голова»), увукуа — «углубление в земле, пещера» (куа — «отверстие») и т. п.

Уже сам характер этой лексики свидетельствует о довольно сглаженном рельефе местности в зоне обитания этнических групп, говорящих на языках тупи-гуарани. Основные экологические зоны в центре и на востоке Южной Америки определяются чередованием лесов с открытыми травянистыми пространствами. Различные обозначения лесов образованы от ка'а — «растительность»: ка'аете — «лес» (ете — «настоящий, истинный»), ка'агуембо — «роща» (гуу — «нижняя часть», тембо — «побег, отросток»), ка'агури — «редколесье» (гури — «плоскость») и т. п. Безлесный участок земной поверхности называется йу — «луг, поле, саванна»; другие обозначения: йугури — «савана, бедная растительностью», йуакаре, йувау — «прогалина, лужайка» и т. п.

2. *Климат.* Хотя Андское нагорье расположено в тропических и даже экваториальных широтах, климат там довольно суровый. Неудивительно поэтому наличие в языке кечуа слов, с помощью которых можно было бы описать природу, скажем, арктических областей:

а) общие обозначения холода: чиги — «холод, холодный», чириллаña — «мороз», чирй-чирй — «сильный мороз», чирау — «сезон холодов», кхутуу — «морозить, подмораживать»;

б) лед и снег: кхуту — «лед», қаса — «иней, тонкий слой льда», қһора — «иней, изморозь», чхуллунку — «сосулька», рит'и — «слежавшийся снег», расу — «снег на горных вершинах», ақарари — «недавно выпавший рыхлый снег», ласта — «снегопад крупными хлопьями», чанакллу — «снегопад с сильным ветром», а также чикчи — «град, дождь с градом или снегом», чималлку — «мелкий град».

в) воздействие холода на живые организмы: ала! алáw! ала-лáw! ала!áу! — восклицания, передающие ощущение холода, аланкуу — «замерзнуть до смерти», сурумп'и — «снежная слепота», рһасра, рһиска — «растрескивание кожи под действием холодного и сухого воздуха», һипи — «кукурузный початок, увядший на морозе»; сюда же можно отнести и названия таких пищевых продуктов, как чһ'иһу — «картофель, замороженный и высушенный на солнце» или чһошһа — «кукуруза, вываренная, замороженная и высушенная на солнце».

И в этом отношении язык гуарани представляет разительный контраст. В нем есть лишь самое общее обозначение холода — га'у в противоположность слову таку — «теплый, горячий, жаркий». Вода в замороженном состоянии, о которой жители Парагвая или Бразилии знают в основном понаслышке, обозначается описательными композитами типа угуру'а — «лед, снег» (у — «вода», туру'а — «сгущаться, затвердевать»), го'уку'и — «снег» (ку'и — «крупка, мелкие частицы»), усаругуру'а — «иней» (усару — «роса»). Аналогич-

но в близкородственном гуарани бразильском варианте языка тупи: *ro'угуру'акá* — «лед» (*туру'áка*, г. *туру'а*), *го'ужуку́га* — «снег» (*жуку́га* — «соль» ср. г. *жуку*). Для понятия «град» используется лексема *амандáу*, производная от *ама* — «дождь». Характерно, что в кечуанских диалектах области Орьенте с ее тропическим климатом исконное богатство лексики, связанной с холодом, утрачено. Слово *гасу* выступает здесь в значениях не только «снег», но и «лед» и даже «град».

С другой стороны, гуаранийская лексика позволяет весьма подробно охарактеризовать жидкие осадки, а также сопровождающие их атмосферные явления. Много обозначений водных потоков разных типов и внутренних водоемов.

3. *Живая природа.* В сравниваемых языках ботаническая и зоологическая номенклатура, естественно, выглядит по-разному. Эндемичными для Андского региона являются, например, кондор (к. *kuntur*), лама (*Шама*), викунья (*wik'uña*), гуанако (*wanaku*), вискаша (*wisk'acha*). Эти кечуанские слова не только вошли в испанский язык, но и стали интернациональными. Любопытно обозначение ламы в языке гуарани: *овеха mburika*, где *овеха* значит «овца», а *mburika* — «ослица». Оба эти слова испанского происхождения (соответственно *овежа* и *borrica*).

В языках тупи-гуарани гораздо полнее представлены названия обитателей тропических лесов и саванн. Множество зоологических терминов тупи-гуаранийского происхождения было воспринято испанским и португальским языками, а через них вошли и в другие европейские языки, в том числе русский: ягуар — т. *jawáга*, г. *jagua*; тапир — т. *tapi'íга*, г. *tapi'i*; ньянду — т.-г. *ñandu*; туکان — т. *tukána*, г. *tukā*; ара́ра — т. *aráга*. Есть множество названий конкретных видов животных тропического пояса. Это, например, хищники (*ягурете* — «ягуар» и другие производные от *jagua*⁴, *mbarakaja* с производными, *xivi*, *xavuku*, *ñaguarixā*, *eira*, *oguaга* и др.), обезьяны (*ка'и*, *кагажа*, *роһү*, *kambi* и др.), муравьеды (*tamandua*, *kumbiri*, *kaguari*, *joki*, *jurumi*) и многие другие. Из птиц обильно представлены названия попугаев — *ажугу* — с многочисленными производными, *tui* — с производными, *агараха*, *агуа'и*, *кае-кае*, *кухуй*, *угуваја* и т. п. Подробно поименованы пресмыкающиеся: змеи (*мбóи* — с многочисленными производными, *јагага* — с производными, *куружу*, *hemore*, *kanina*, *куругу'ог*, *жуvби*, *takanda*, *сурुकuku* и т. д.), ящерицы (*тежу* — с производными, *амбере*, *тарагуи*, *уруга*, *пурукере*, *саропоре*, *сенембу*, *усоко* и др.), черепахи (*карумбе*, *хуе*, *жавоти*, *тарекажа*, *унуана*, *жугара*, *журукуга* и др.), крокодилы (*якаге* — с производными).

В кечуанских диалектах нагорья номенклатура данного типа выглядит гораздо скромнее. В основном это общевидовые названия; *к'усиллу* — «обезьяна», *анта* — «тапир», *укати* — «муравьед», *чагаува* — «ящерица», *чагара* — «черепаха» и т. п. Несколько больше обозначений змей: *маш'агвай* — общее название, *амагу* — «удав», *катари* — «ядовитая змея» и др. Зато исконного слова со значением «крокодил» вообще нет.

Совсем другое дело — диалекты зоны тропических лесов, где язык кечуа распространился относительно недавно, вытеснив другие индейские языки. Новая среда обитания вызвала к жизни и соответствующую номенклатуру. Многие неологизмы созданы из исконных корней путем переноса названий, а также с помощью словосочетаний, например: *sacha allku* — «вид лисы» (*sacha* — «лес, сельва», *allku* — «собака»), *sacha wagra* — «тапир» (*wagra* — «корова», ср. в диалектах нагорья *wagra* — «рог»), *уаку рума* — «крупная нутрия» (*уаку* — «вода», *рума* — «пума»). Корень *рума* входит в названия различных хищников, а слово *анга* — «орел» лежит в основе названий хищных птиц. Встречаются метафорические обозначения типа *supayu waska* — «ядовитая змея» (*supayu* «злой дух, дьявол», *waska* — «веревка»), *indi llama* — «ленивец» (*indi* — «солнце», *llama* — «лама»), а также названия рыб: *пука чупа* (*пука* — «красный», *чупа* — «хвост»), *пуфуу сики* (*пуфуу* — «сон», *siki* — «зад, седалище»), *кирусара* (*киру* — «зуб», *sара* — «целый, весь») и т. п.

Много заимствований — в основном из испанского языка, например: *пату* — «водоплавающая птица» (выступает в составе многих производных словосочетаний) <*pato* — «утка», *гарса* <*garza* — «цапля и подобные ей птицы», *рава* <*pava* — «павлин», *багри* <*bagre* — «сом», *гауа* <*gaya* — «скат», *лагарту* <*lagarto* — «крокодил», *армаллу* <*armadillo* — «броненосец» и др.

Любопытно, что среди испанизмов есть слова, в конечном итоге восходящие к языкам тупи-гуарани: *таманува* <*tamandua* — «муравьед», *уавати* <*javoti* — «сухопутная черепаха», *кариуага* <*kariy-guaga* — «вид грызунов». Через испанский язык в кечуа попали также слова карибского происхождения: *иуана* <*iguana* — «игуана», *кауман* <*caimán* — «крокодил, кайман».

Наконец, отметим гибридные образования из исконных и испанских корней: *алгурун пishku* — «птица белого цвета» (исп. *algodón* — «хлопок», к. *pishku* — «птица», *кучара анга* — «хищная птица с широким клювом» (исп. *cuchara* — «ложка», к. *анга* — «орел»), *хамбату багри* — «вид рыбы» (к. *hambatu* — «лягушка», исп. *bagre* — «сом») и др.

4. *Природная среда и хозяйственная деятельность.* Хозяйственная деятельность обитателей Андского нагорья издавна основывалась на земледелии, в котором был достигнут существенный прогресс. Наряду с общим обозначением земли *hallp'a* в языке кечуа проводится различие между пустошью (*пугун*) и обрабатываемой землей (*qallpa*). Регулярно возделываемый участок земли называется *шакра*. Это слово прочно вошло в испанский язык Америки. Другие обозначения: *qhosqa* — «поле под паром», *лаути* — «участок, засеваемый раз в несколько лет».

В достаточной степени разработана терминология, связанная с культивацией почвы: *q'aqa* — «целина», *q'aqay* — «засевать невозделанную почву», *шаqшау* — «поднимать целину», *кускиу* — «поднимать пар», *уаруу* — «вспахивать», а также *тефо* — «перегной», *вапу* — «удобрение» (откуда интернационализм — гуано), *уагча* — «оросительный канал» и т. п.

Племена тупи-гуарани в доколониальную эпоху занимались ручным подсечно-огневым земледелием, и даже в современном языке гуарани земледельческих терминов меньше, чем в кечуа. Это такие слова, как ууурога̄ — «плодородная почва» (усу — «земля», рога̄ — «хороший»), ууумондого — «вспахивать землю» (мондого — «ломать, разрывать»), кога — «огород», кокуи́ера — «поле, культивируемый участок земли», а также производные от т̄у — «закапывать, сажать в почву»: темит̄у — «грядка, посев», тумба — «плантация» и др.

Хозяйственное использование некоторых растений или животных предполагает более пристальное внимание к их особенностям, что и находит отражение в языке. С одной стороны, при обилии конкретных названий диких растений общепотаническая терминология в обоих языках не отличается полнотой. При этом слова типа «корень» (к.saphi, г.таро), «лист» (к.гар'и, г.тоге), «цветок» (к.т'ика, г.роту) одинаково относятся к любому растению. С другой стороны, весьма скрупулезно фиксируется все, что относится к некоторым культурным растениям.

Так, в языке кечуа имеется богатейшая терминология по кукурузе (sara): а) разновидности кукурузы (различающиеся, в частности, по цвету зерен): парагау, q'allwa — «сорта светлых оттенков», uwina, uchukullu, willkararu — «сорта желтых оттенков», chiwanway, saqsa, chaminku — «сорта красноватых оттенков», chinku, kulli, ana — «сорта темных оттенков», а также ch'ullpi, chili, walla, pirisinku и др.; б) детали строения и стадии развития растения: kutmu — «кукурузная поросль с корнями», chhalla — «стебель кукурузы с листьями», ллага — «зеленые кукурузные листья», рагва — «цветок кукурузы», khanchi — «зеленый початок с только что появившимися зернами», choqlllo — «початок на стадии молочно-восковой спелости» (в испанском языке Америки — chollo), миг'и — «зрелый початок», миса — «початок с разноцветными зернами», р'анга — «листья, покрывающие початок», ашалло — «волокна на початке», q'orunta — «сердцевина початка», wifu — «сухой стебель кукурузы» и т. п.; в) дефекты и болезни растения: игва — «кукуруза, не дающая початков», рега — «мелкозернистая несортовая кукуруза», ch'ullpi «мелкие сморщенные кукурузные зерна», hat'upa — «ржа, головня», kutku, hut'u «кукуруза, изъеденная червями», ch'ullpi — «мелкие зачервивевшие кукурузные зерна», и т. п.

Столь же детальна и терминология, относящаяся к другому основному продукту питания индейцев кечуа — картофелю (para). Перечислим лишь некоторые сорта клубнеплода: ch'akillu, chawcha, chimaqa, k'usi, p'itikiña, pukaswilla, phukuya, ruk'i, tutu, waqoto и т. д. Известны и другие клубнеплоды, например, батат: ога, ulluku, illaku, khumar. Последнее слово, очевидно, является мигрирующим культурным термином и обнаруживается в полинезийских языках (kumara).

В языке гуарани кукурузоводческая терминология создана главным образом на базе общего названия кукурузы avati, напри-

мер: *avatikū* — «молодая кукуруза», (*ku* — «незрелый, зеленый»), *avatiyva* — «кукурузный початок» (*yva* — «плод»), *avatipige* — «листья на початке» (*pige* — «кожура») и др. Производными от *avati* являются и названия зерновых культур, завезенных из Старого Света: *avatikamba* — «сорго» (*kamba* — «негр, африканец»), *avatimiri* — «пшеница» (*miri* — «маленький»). Более разнообразна лексика, касающаяся «парагвайского хлеба» — маниока (*mandi'o*). Различные его сорта обозначаются как производными типа: *mandi'oete*, *mandi'oro*, *mandi'oropi*, так и корневые слова: *panduyusa*, *tarojo'a*, *karape*, *karareguasu* и др. Батат также имеет несколько разновидностей: *jetuju*, *jetuvai*, *jetukusu*, *jetuye* и др. Однако картофель обыкновенный обозначается испанизмом кечуанского происхождения *ра́ра*.

В зоологической номенклатуре находит отражение тот факт, что некоторые представители фауны мыслятся в первую очередь как объект охоты или продукт питания. Так, в языках тупигуарани понятия «мясо», «зверь» и «охотиться» обозначались одним и тем же словом *so'o*. Аналогичное семантическое развитие обнаруживается и в кечуанских диалектах Орьенте. Слово общекечуанского фонда *aycha* — «мясо», «плоть» выступает здесь в словосочетаниях *sacha aycha* — «дикое животное» (*sacha* — «лес») и *yaku aycha* — «рыба» (*yaku* — «вода»). С другой стороны, из способа наименования домашнего животного явствует факт его domestikации (*k.uyuwa* < *uyuway* — «приручать, воспитывать», *г.тумба* < *ту* — «прятать, хранить»). Характерные также метафорические обозначения пчелы в гуарани: *eigu* (*eiga* — «мед», *гу* — «отец») или *eirete aroha* — «делающая мед». Аналогично в кечуа зоны Орьенте: *mishki mama* — «мать меда» (*mishki* — «мед, сладость»).

Роль уровня материальной культуры в освоении природной среды можно показать и на примере названий металлов. Несмотря на широкое распространение химических элементов этого класса в природе, о самом существовании их человек узнает лишь тогда, когда производительные силы общества и технология достигают известного уровня развития. Область Анд, как известно, была одним из центров возникновения и первоначального развития металлургии. Неудивительно поэтому наличие в языке кечуа исконных названий металлов, которые либо встречаются в самородном состоянии, либо относительно легко извлекаются из руд: *qori* — «золото», *qollqe* — «серебро», *anta* — «медь», *titi* — «свинец», *chayanta* — «олово», а также *choqe* — «золото высшей пробы» (заимствование из языка аймара), *champi* — «сплав меди, олова и золота». Однако с железом индейцы кечуа познакомились лишь после прихода испанцев, из языка которых и были заимствованы соответствующие слова: *hiru* — «железо» < исп. *hierro*; *asiru* — «сталь» < исп. *acero*.

Что касается племен тупи-гуарани, то в доколумбову эпоху они пребывали в условиях каменного века. Даже в современном гуарани понятия «металл» и «камень» (т.-г. *ita*) разграничива-

ются не вполне четко. Золото называется itaju (ju — «желтый»), свинец — itamembe (membe — «размягчаться»), колокол — itaru (pu — «звенеть, звучать»). Для обозначения железа и металла вообще используется также неологизм kuarepoti (kua — «отверстие», уукуа — «отверстие в земле, яма, рудник», tepoti — «экс-кременты, отходы, шлак»). Производные от этого слова: kuarepoti-tiju — «золото», kuaropotiti — «серебро» (ti < moroti — «белый»), kuarejotipuyā — «медь» (puyā — «красный»).

5. *Пространство и время.* Наиболее общая форма приспособления человека к окружающей среде — ориентация в пространстве и времени. Это такие категории, для осмысления которых требуется достаточно высокий уровень абстрактного мышления. Соответствующие понятия вырабатываются в процессе наблюдений за конкретными природными явлениями.

Источником для обозначения некоторых временных понятий часто служат названия небесных светил. Одна из языковых универсалий — использование одного и того же слова для понятий «луна» и «месяц, лунный временной цикл», что мы наблюдаем и в рассматриваемых языках: к.killa, г.jasy. В гуарани компонент jasy выступает в названиях отдельных месяцев, например: jasy'uru — «январь» (uru — «начало, передний»), jasy mokoi — «февраль» (mokoi — «два, второй»), jasy ro'yu — «май» (ro'yu — «холодный»), jasy roga — «октябрь» (roga — «хороший, красивый»). Как видно из двух последних примеров, у жителей Южного полушария ассоциации, связанные с некоторыми временами года, отличаются от европейских.

Дневное светило часто вызывает ассоциации со светом и светлым временем суток. Во многих языках Евразии (финно-угорских, тюркских, японском, китайском, индонезийских) понятия «солнце» и «день» передаются одним и тем же словом. Языкам кечуа и гуарани такое отождествление не свойственно: «солнце» звучит соответственно inti и kuarachy, «день» — p'unshaw и ára. С другой стороны, в результате наблюдений за движением солнца выработалось представление о годе как солнечном временном цикле. В кечуанском слове wata — «год» — тот же корень, что и в глаголе watau — «привязывать, связывать». Во времена инков год начинался в июне, в день зимнего солнцестояния, которое мыслилось как «привязывание солнца» — inti watana. На языке гуарани год называется eixu — от имени одного из созвездий, которое в свою очередь восходит к слову с прямым значением «улей».

Обозначения сторон света в обоих языках также четко мотивированы. Слова со значением «восток» и «запад» построены по единой модели, характерной для многих языков: в кечуа inti seqau (seqau — «подниматься, восходить») и inti haykuu (haykuu — «опускаться, заходить»), в гуарани — kuarahyosēhápe — «место, где восходит солнце») (sē — «выходить, показываться») и kuarahyoi-kehápe — «место, где заходит солнце» (ike — «входить, заходить»). Однако характер мотивации меридиональных сторон света различен. В языке кечуа понятия «север» и «юг» соотносятся с верти-

кальной ориентацией по принципу «верх — низ» (соответственно *hanan — hurin*). В гуарани эти понятия связаны с направлением ветров (*uvutu*): «север» — *uvuturu'ã*, т. е. «сильный ветер» (*ru'ã* — «усиливаться, возрастать»), «юг» — *uvuturo'yu*, букв. «холодный ветер» (т. е. ветер, дующий из Антарктики).

Обобщенные пространственные и временные категории развиваются и на основе других конкретных природных реалий. Кечуанское слово *rascha* обозначает прежде всего землю (ср. *rascha mama* — «мать-земля»). Под влиянием религиозных представлений (в частности, христианских) появилось троичное противопоставление: *ka'u rascha* — «этот мир, обитатель людей» — *hanaq rascha* — «верхний мир, небеса» (словом *anaqas* передается конкретное понятие «небосвод, небесная лазурь») — *ukhu rascha* — «внутренний мир, преисподняя». Отсюда выделяется обобщенное значение лексемы *rascha* — «мир, вселенная». Далее: компонент *rascha* фигурирует в устойчивых словосочетаниях, обрисовывающих некоторые природные явления и процессы: *rascha kuyun* — «земля движется (о землетрясении)», *rascha kunununun* — «мир гремит (о громе)», *rascha illarin/raqarin* — «мир рассветает». Отсюда уже переход к чисто временному значению: *raqarin rascha* — «время рассвета», *kunan rascha* — «в настоящее время, сейчас», *unau rascha* — «длительное время, долго». И как последняя ступень абстрагирования — превращение лексемы *rascha* в грамматический элемент типа послелога, например: *chay rascha* — «тогда» (*chay* — «то»), *may rascha* — «когда» (*may* — «что»), *kaumanta rascha* — «с этих пор».

В языке гуарани источником многих слов данного типа является уже упоминавшаяся лексема *ãga*, чему способствует ее весьма широкое, диффузное значение: «день, свет, небо, погода, время». Актуализация значения имеет место в композитах, которые можно распределить по таким группам: а) конкретные природные явления: *aragesa* — «солнечный свет» (*tesa* — «глаз») ⁵, *arako'e* — «заря, рассвет» (*ko'e* — «утро»), *arasuni* — «гром» (*sunu* — «звучать, греметь»), *agavega* — «молния» (*vega* — «сверкать») и др.; б) пространственные понятия: *agaru* — «мир, вселенная» (*ru* — «обширный»), *agaraña* — «горизонт» (*raña* — «край, предел»), *agarytu* — «воздух, атмосфера» (*putu* — «пар, испарение»); в) временные понятия, связанные с циклическими процессами в природе: *agajere* — «год» (*jere* — «вращаться, возвращаться»), *agayo'u* — «зима» (*ro'u* — «холод»), *agapoty* — «весна» (*poty* — «цветок»), *agahaku* — «лето» (*taku* — «теплый, горячий»); г) абстрактные временные понятия: *agaka'e* — «раньше» (*a'e* — «другой»), *agaka'era* — «когда», *agaka'eve* — «никогда», *agaka'ereve* — «с каких пор» и др.

На материале языков кечуа и гуарани видно, как в языке отражается развитие понятий от конкретного к абстрактному, что представляет интерес для общей семантики и этнолингвистики. Сопоставительное изучение лексики важно и в чисто этнолингвистическом плане. С помощью метода «лингвистической палеонтологии»

можно воссоздать, хотя бы в самом общем виде, среду обитания, образ жизни и культуру доисторических этносов. Следует только иметь в виду, что различные экстралингвистические факторы отражаются в языке косвенным образом.

¹ Согласно классификации Дж. Гринберга, языки кечуа и гуарани входят в весьма широкое генетическое объединение — андоэкваториальную макросемью. Но эта гипотеза нуждается в более строгих доказательствах.

² Примеры из языка кечуа приводятся в стандартизованной орфографической записи. Фонетические значения некоторых графем: ch, ñ, ll, y — как в испанском языке; q — увулярный смычный; ph, th и т. п. — придыхательные согласные, p', t' и т. п. — глоттализированные. Ударение в кечуанских словах почти всегда падает на предпоследний слог. Если это особо не оговорено, то слова даются в форме, в которой они выступают в диалекте Куско. Для записи гуаранийских примеров использована система, принятая в словаре А. Гуаша (см. список лексикографических источников). Некоторые ее особенности: апострофом обозначается гортанная смычка; y — звук типа ы; a, o и т. д. — назализованные гласные; x — как ш; j — как й. Ударение, если оно особо не отмечено, стоит на последнем слоге.

Сокращения названий языков: к. — кечуа, г. — гуарани, т. — тупи, исп. — испанский.

³ К этому географическому термину восходит название народности кечуа.

⁴ В современном гуарани производное слово *jaqua* употребляется в значении «собака».

⁵ Типологические параллели обнаруживаются в языках Юго-Восточной Азии, например в индонезийском и тайском языках.

Лексикографические источники

- Barbosa A. L.* Pequeño vocabulario tupi-portugues. Rio de Janeiro, 1955.
Cerron-Palomino R. Diccionario quechua: Junin — Huanca. Lima, 1976.
Cusihuaman G. A. Diccionario quechua: Cuzco — Collao. Lima, 1976.
Guardia Mayorga C. Diccionario quechua-castellano, castellano-quechua. Lima, 1959.
Jover Peralta A., Osuna T. Nuevo diccionario guaraní-español y español-guaraní. Buenos Aires, 1975.
Landerman P. Vocabulario quechua del Pastaza. Yarinacocha, 1973.
Lira J. A. Diccionario kkechuwa-español. Cusco, 1973.
Middendorf E. W. Wörterbuch des Runa-Simi oder der Keshua-Sprache. Leipzig, 1890.
Orr C., Wisley B. Vocabulario quichua del Oriente del Ecuador. México, 1965.
Ortiz Mayans A. Diccionario español-guaraní, guaraní-español. Buenos Aires, 1973.
Parker G. J. Ayacucho Quechua grammar and dictionary. The Hague; P., 1967.
Ruiz de Montoya A. Tesoro de la lengua guaraní. Leipzig, 1876.
Tschudi J. J. von. Die Kechua-Sprache. Abt. 3: Wörterbuch. Wien, 1853.
Guasch A. Diccionario castellano-guaraní y guaraní-castellano. Asunción, 1976.

ПРИРОДА В СИСТЕМЕ ИСКУССТВА СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

А. В. Ващенко

Экологический опыт, накопленный коренным населением Северной Америки, значителен сам по себе уже потому только, что он принадлежит огромной массе разнообразных этносов, разбросанных по всему континенту, протянувшемуся на дальние расстояния по всем четырем странам света и охватившему самые различные географические пояса. Этот опыт всего убедительнее выявляется в конкретном анализе жизнедеятельности того или иного племени; однако не менее интересно и то, что при всем многообразии отдельных преломлений практика взаимодействия североамериканских индейцев с окружающей природой обнаруживает разительную общность черт. Сегодня эта общность проявляется в идеологии и системе мировосприятия, в художественном мышлении, и оказывается, что коренное население Америки проявило особую последовательность своего «экологизма», с необыкновенной яркостью реализовав его в различных видах искусства.

И в самом деле, «экологические» по своему характеру образность и символика придают самобытность искусству североамериканских индейцев на всем историческом пути его развития — от фольклора племен к современной индивидуально-творческой стадии. И, разумеется, примечателен тот факт, что многочисленные и высокие образцы живописи, литературы, музыки американских индейцев красноречиво говорят: «экологизм» художественного мышления индейцев поднялся до уровня цельной и самобытной поэтики, он стал необходимым языком, с помощью которого и может индейский художник — в широком смысле этого слова — выразить сегодня духовный мир своих собратьев.

С 1960-х годов, когда ряд этнических групп США (негров, мексикано-американцев и др.) пробудился к активной общественно-политической и культурной деятельности, традиционный «экологизм» индейцев проявился в единстве идеологических формулировок (раскрывающих смысл движения коренных американцев за гражданские права, за сохранение охотничьих, рыболовецких угодий, пастбищ и вообще резервационных земель) и эстетических понятий, определивших облик их литературы и других видов искусства.

На волне встречного интереса, вспыхнувшего в научном мире к феноменам культур развивающихся стран и родственным им явлениям, по отношению к индейскому фольклору все чаще стал употребляться термин «экология духа». Обычно речь шла при этом о функциональном значении обрядового фольклора: песни и заклинания, как и некоторые другие его формы, служили средством духовного и физического выживания общины/индивида в условиях враждебного внешнего мира, полного неожиданных

опасностей. При этом, правда, авторы мало писали о том, каким образом виды народного творчества, рожденные на основе тесного взаимодействия с природой, обнаруживали на себе ее отчетливую печать. «Экономика» в данном случае неразрывно связывалась с экологией, что в подобном контексте было не подмеченной чертой, а закономерностью.

В эссе «Человек, сотворенный словом» известный индейский писатель Н. Скотт Момадэй связывает воедино понятия экологии, «этики американской земли», «сказительства и воображения». Он приводит прекрасный пример того, как именно природные явления, завладевая сознанием социума, оказывают обратное воздействие на окружение уже в новом качестве — в виде творческого акта пересоздания действительности. Речь идет о переломном моменте в истории племени кайова, наступившем в период первых контактов с американскими поселенцами и совпавшем со звездопадом 1833 г.: «Видите, что получается, когда воображение накладывается на историческое событие? Так возникает предание... Когда потрясенные люди племени кайова оправались от испуга, они вообразили, что звездопад имел символическое значение для всей их жизни, что он предрек им горькую участь...

Только благодаря этому смогли они вынести все, что обрушилось на них в дальнейшем. Не было такого поражения, такого унижения, таких страданий, которых они не смогли бы вынести, ибо в каждом из них усматривали определенный смысл. Они могли сказать себе: «Да, это неизбежно должно было произойти в свой черед. Существовавший в мире порядок нарушился, тут сомнений быть не может. Ведь даже звезды сорвались со своих мест»¹.

Здесь собственно, описан «механизм» того, каким образом природное явление вошло в пиктографические календарные летописи многих прерийных племен, став частью их духовного мира. И была глубокая закономерность в том, что спустя столетие с лишним первый писатель из племени кайова создал литературную хронику истории своего народа, сделал этот эпизод в ней (да и во всем своем творчестве) одним из принципиально важных.

Именно этот аспект проблемы экологических связей — вопрос о том, каким образом элементы естественной природы и опыт взаимодействия с ней, претворяясь в сознании индейского этноса, становятся достоянием поэтики художественного творчества, — и является предметом рассмотрения данной статьи. Он особенно важен, так как касается всей истории коренного населения Северной Америки на всех ее этапах.

*

Я учиться пойду, если буду жив,
Учиться у Солнца, если буду я жив...

Племя осейдж

В доколониальный период, на стадии культуры племени, опыт взаимодействия аборигенов с природой находил отражение в осо-

бенностях уклада жизни, опирающихся на систему мифологических представлений. Они в свою очередь получали реализацию в фольклоре, в значительной мере «задавая» характер его поэтики.

Конечно, конкретные эстетические эталоны и художественные средства определялись традицией, но ее составляющие зависели во многом от опыта взаимодействия человека и природы. Здесь существовала, таким образом, прочная, постоянная связь. Естественно, в пределах разных регионов и от племени к племени характер поэтики мог значительно меняться, но все же не настолько, чтобы утрачивать типологические черты, позволяющие нам отвлечься от конкретных различий в пользу общих закономерностей, определяющих творчество индейцев в целом.

Наглядным примером интересующего нас процесса может служить обрядовая поэзия, в частности у навахо и осейджей. Известно, какое широкое распространение имеют в Северной Америке представления о четырех странах света. Каждое из направлений ассоциировалось у индейцев с определенным растением, животным, цветом, элементом неживой природы, группами божеств (см. рис. 27). Обрядовая поэзия призвана была воздействовать на могучие силы, воплощенные в этих мифологемах, в интересах племени или индивида; и в контексте песнопений мифологическая символика объективно становилась средством художественной организации тех или иных заклинаний, «поэм» и др. Вследствие этого у навахо культ четырех стран света превращался в четырехкратный повтор с приращением — иначе говоря, в художественный прием, влияющий на внешний облик песен, их общий композиционный рисунок и ритмику. Вот как это выглядело в одной из наиболее известных песен, вошедших в многодневный обряд «Ночного песнопения»:

Дом, сотканный из рассвета,
Дом, сотканный из заката,
Дом, сотканный из туч,
Дом, сотканный из ливней,
Дом, сотканный из туманов,
Дом, сотканный из дождей,
Дом, сотканный из пылицы,
Дом, сотканный из кузнечиков.
Вход темная туча скрывает.
Туча темная выход скрывает.
Молний зигзаги его венчают...
Счастливо, в тучах обильных пройду,
Счастливо, в ливнях обильных пройду,
Счастливо, средь всходов обильных пройду,
Счастливо, тропю пылицы я пройду,
Счастливо я пройду...²

Подбор элементов естественной природы, упоминаемых обычно в такого рода песнях навахо: туч, ливней, злаков, цветов и др., воспроизводит понятия, сопутствующие определенному способу хозяйственной деятельности, но выступает внутри песни как

слаженная система художественных средств. И сам по себе каждый художественный образ служил принципиально важной цели обрядового называния (номинации). Рожденный миром внешним — как, например, деление на дождь-мужчину (ливень, гроза) и дождь-женщину (морозящий дождик), характерное для поэзии навахо, — такой образ призван был вернуться в мир природы с целью ее трансформации, восстановления равновесия между индивидом и окружением. Известно, что распространенная финальная формула песнопений навахо — «в красе завершаю» — в дословном виде звучит несколько иначе: «Состояние мировой гармонии для меня ныне восстановлено».

То же сложное соответствие мифологических персонажей, культурных растений, стран света в сочетании со сложной цветовой символикой — только в виде готовой идеальной картины — можно увидеть на знаменитых песчаных рисунках навахо, являющих собой, может быть, наиболее разительный пример «естественной» доколумбовой поэтики (рис. 19).

Во множестве сюжетов, характерных для фольклора североамериканских индейцев, отражается картина своеобразной адаптации племени — физической и психологической — в ходе совершаемой им миграции. С большей или меньшей долей мифологической фантазии этот опыт реальных контактов коренного населения Америки с природой породил особый круг фольклорных произведений, отразивших доколониальный духовный космос индейских племен. Синкретичные по жанровой природе, такие повествования тяготеют в равной мере к истории, мифологии и эпосу.

Так, например, в «Валламолуме», «Красном Перечне» индейцев делаваров регулярно сообщается о фактах разделения племен в силу различных причин социального и экономического характера — стихийных бедствий, голода, войн, и т. д. Такого рода материал можно найти в мифологии многих других народов. Но уникальную особенность поэтики делаварского предания составляют имена вождей: своим значением они призваны подчеркивать драматизм происходящих с племенем событий и таким образом образуют важный метафорический ряд в структуре всего произведения:

...А вождь Озябший повел всех южнее, в край кукурузный.
Потом вождь Початок сажал кукурузу,
И вождь Грозовик, урожаем полезный.
Но был вождь Соленый и вождь Засохший,
И не стало дождей, кукурузы не стало,
К востоку пошли все, туда, где влага...

«Красный Перечень», песнь IV³

Более фантастический вид подобная адаптация приобретает в мифологических поэмах осейджей, нередко целиком посвященных поискам первопредками целой системы тотемических регалий, заимствованных из ближайшего природного окружения и, следовательно, как-то связанных с экологическими процессами.

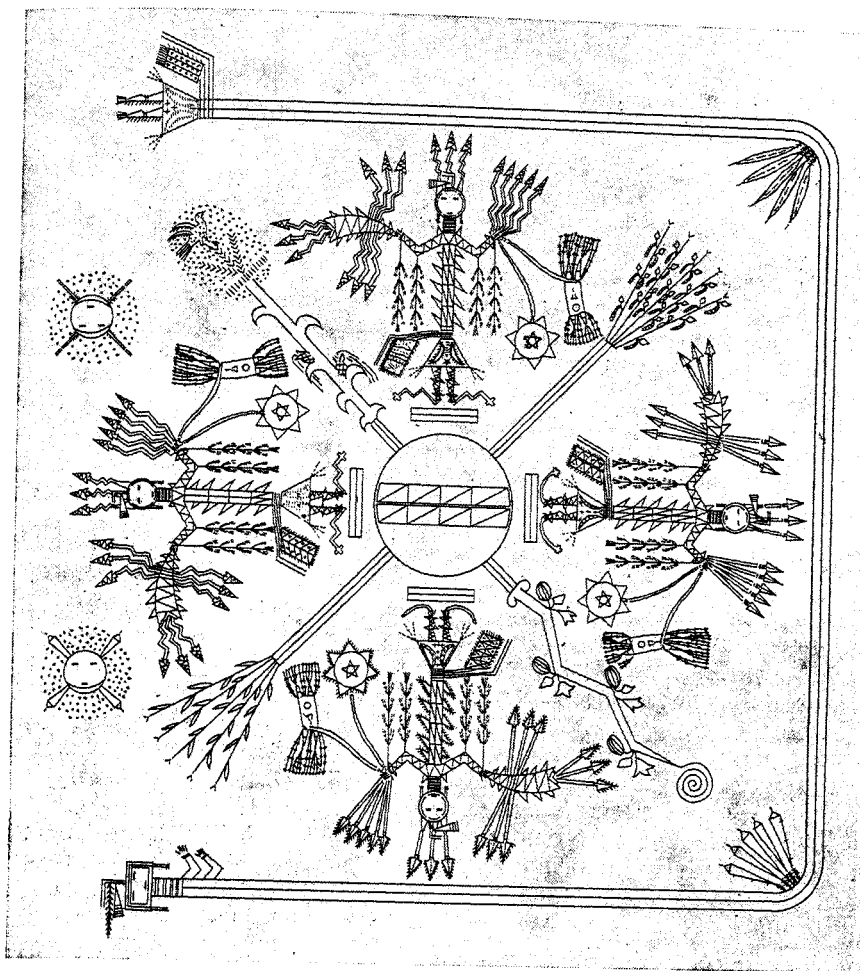

Рис. 19. Мифологическая композиция к обрядовому песнопению навахо («песчаная живопись»)

Из центра Вселенной, где расположен дом богини Ахсоннутли, исходят четыре священных растения — хранителей жизни: тыква, фасоль, кукуруза и табак; их стежут божественные близнецы

Здесь люди призваны «уподобить свой облик» тем или иным птицам, породниться с различными животными, чтобы, говоря словами песни, «стать не подвластными смерти». Крупнейший знаток мифологических преданий осейджей Франсис Ла Флеш указывает, что символика песен подбиралась каждый раз в зависимости от того, какого рода деятельности рода или племени должно было способствовать ее исполнение. Если речь шла о мирных занятиях, применялся один набор эпизодов и персонажей (птиц и зверей), если же о войне или охоте — совершенно иной⁴.

Таким образом, обрядовый традиционный фольклор индейцев демонстрирует преломление в нем многих экологических феноменов и связей. При этом первобытный поэт не стремился, конечно, к созданию особой системы художественных средств — его деятельность служила столь же непосредственным средством выживания, как острога или лук. И тем не менее мифологический «экологизм», определяя построение песен и образность многих видов устного фольклора, объективно выполнял функции, принадлежащие поэтике.

*

... С востока ты дал мне чашу живой воды и священный лук, власть оживать и уничтожать. Ты дал священный ветер и траву из страны, где живет белый великан, власть очищения и врачевания. Утреннюю звезду и трубку ты дал с востока, а с юга — священный обруч народа и древо, предназначенное к цветению. ... Ты сказал, что я должен заставить это древо цвести.

Черный Лось ⁵

Как бы мы ни называли период с XVII по XIX в. в истории индейцев Северной Америки — эпохой завоевания континента или «переходным», как предпочитают это делать американские историки, — несомненно, что он составил особую пору в эволюции индейской культуры, носившую переломный характер. Колониальная экспансия белых поселенцев, сопровождавшаяся постоянными вооруженными конфликтами, и вся совокупность культурных контактов между аборигенами и европейцами постепенно подводили носителей местных культур к рациональному осмыслению традиционных ценностей, в том числе и собственного экологического опыта, который стал в их понимании противопоставляться практике пришельцев. Но это происходило как методом «от противного», в споре с представителями иной культуры, так и путем восприятия элементов завезенной традиции. Полемический материал, содержащий защиту древнего уклада жизни, сопоставление двух способов существования, можно обнаружить в различных письменных и устных высказываниях, принадлежащих той эпохе. Исподволь аргументация социально-политическая часто выражалась в традиционной форме или искала новых самобытных форм для выражения насущного содержания. Пожалуй, наиболее ярко это отразилось в риторике индейских вождей XVII—XIX вв. Так, распространенным приемом были формулы приветствий, содержащих здравицу в адрес европейского посланца (государственных чиновников, первопроходцев и т. д.). Их прибытие сравнивалось с идеальным состоянием окружающей природы, словно под действием высших сил приведенной в гармонию: «Благодарю тебя, Черный Плащ, и тебя, француз, за тяжкий труд, затраченный во имя свидания с нами. Никогда еще земля не была столь прекрасной, ни солнце столь ярким, как сегодня; никогда река наша не бывала столь спокойной и свободной от камней, ибо лодки ваши расчистили

ее, проплывая к нам; никогда табак наш не бывал столь ароматен, а кукуруза не поднималась столь стройно, как предстает она взгляду ныне» (Вождь Никинапи, 1673 г.⁶).

Более поздней и весьма показательной рефлексией явилось возникновение целого пласта натурфилософской и краеведческой прозы на рубеже XIX—XX вв., в развитии которой сыграли значительную роль индейские писатели США (например, Чарльз Истмен) и Канады (белый индеец Серая Сова). Так, весьма необычные попытки «вживания» в характер животных можно найти в сборнике рассказов Истмена (индейское имя Охайеза) «Краснокожие охотники и звериное племя». Автор выделяет частые случаи взаимопомощи людей и зверей, показывая глубину взаимопроникновения их в бытие друг друга. Естественно, что книга завершается неутешительным выводом: в мире белых, где царят произвол и «прогресс», эта взаимосвязь индейцев и животных, живущих по древним законам, ставит их под угрозу гибели.

Симптоматично, что у такого глубокого традиционалиста, каковым являлся Черный Лось, или у такого уже вполне «европейски» образованного индейского автора, как Мато Нажин (оба из племени сиу), мифологическое восприятие вопросов взаимосвязи индейцев с природой приобретает системность, философскую окраску, в нем характерны попытки обобщить опыт народа: «Животные обладали правами: правом на защиту человека, на жизнь, на приумножение, на свободу и на человеческую благодарность. И в знак признания этих прав Лакота никогда не порабощал животных и щадил жизнь, если не нуждался в ней во имя добывания пищи и одежды»⁷.

Перед нами, конечно, рациональный уровень осознания экологических норм индейского общества, как они представлялись индейским авторам начала XX в. В их суждениях можно одинаково заметить и углубленный взгляд на эту проблему, демонстрирующий ее первостепенную важность для коренных жителей США, и определенную идеализацию «доколониальной» экологической практики индейцев. Однако наряду с публицистикой в среде индейских идеологов рождалось уже в начале нашего столетия и нечто большее — предвосхищение нового стиля, новой эстетической реакции на изменившиеся окружающие условия. Любопытный пример являет собой творчество Гертруды Боннин (Ситкала-Са). В ее эссе с полемическим названием «Почему я остаюсь язычницей» (1902) под маской нейтрального поэтического описания ведется глубокий спор с христианской моралью и едва ли не впервые предпринимается попытка обоснования жизненно необходимой связи своей культуры с природой как способа мышления, способа духовного и физического бытия. В прозе Боннин эти понятия звучат почти тождественно: «Мои сложенные руки надолго замирают на коленях. Я и мое сердце лежим на земле, подобно мельчайшим пульсирующим песчинкам. Проплывающие облака и журчащие воды, как и тепло доброго летнего дня, красноречиво говорят о любвеобильной Тайне, что

окружает нас. За то время, что пробыла, отдыхая, на залитом солнцем речном берегу, я выросла немного, хотя мой отклик и не был столь явно выражен, как у зеленой травы, окаймляющей подножия высокой скалы за моей спиной»⁸.

Такого рода примеры (а их легко умножить), как представляется, убедительно показывают, что даже в наиболее тяжелый период истории индейских этносов, когда их культура и сама возможность дальнейшего существования находились под угрозой, изнутри проявились стойкие тенденции, способствовавшие консолидации самосознания. В споре с культурой господствующей опыт взаимодействия с природой впервые стал принимать форму идеологии, а по мере того как фольклор и письменность индейцев становились литературой, — и эстетики.

* Стремительность пантеры еще остается познать, и терпение паука еще остается постичь. Дар жизни должен быть израсходован, а не растрочен.

*Джеймс Фредерик Килпатрик*⁹

За последнее десятилетие о современном искусстве североамериканских индейцев написано уже немало — не только статей, но сборников и монографий. Тем не менее поэтика их литературы, живопись, не говоря уже о своеобразии музыки, исследованы еще весьма недостаточно. Все, что говорится в этой связи, представляет собой чаще либо скороговорку, либо фрагментарный этюд, нежели серьезное исследование. Естественно, что то же самое касается и экологизма как особой черты художественного мышления современного индейского писателя или живописца. В конкретных условиях послевоенной Америки конца XX в. система выразительных и изобразительных искусств американских индейцев выступает с собственной программой идеологических и эстетических установок, и органичному сочетанию этих качеств способствует уже сложившаяся поэтика. Другое дело — и об этом необходимо сказать со всей определенностью — что развитию поэтики и самого индейского искусства серьезно препятствуют законы, по которым существует буржуазная цивилизация, и то, что понимается под «американским образом жизни». Давление, которое постоянно оказывается в многообразных формах на культуру индейцев (путем навязывания чуждых эстетических канонов, ложных интерпретаций, замалчивания, экономического бойкота и т. д.), трудно переоценить, но тем интереснее проследить, какие формы принимает самозащита тех индейских художников, кто наиболее тесно связан с народными традициями и своей культурой.

Уже в творчестве отдельных писателей середины века можно увидеть обращение к приемам, преобразованным из арсенала народной традиции, связанной с природоведением. Так, например, образность традиционного экологического календаря индейцев была впервые применена в художественном произведении Джо-

Рис. 20. «Единение животных». Художник-оджибве Н. Морриссо (1978)

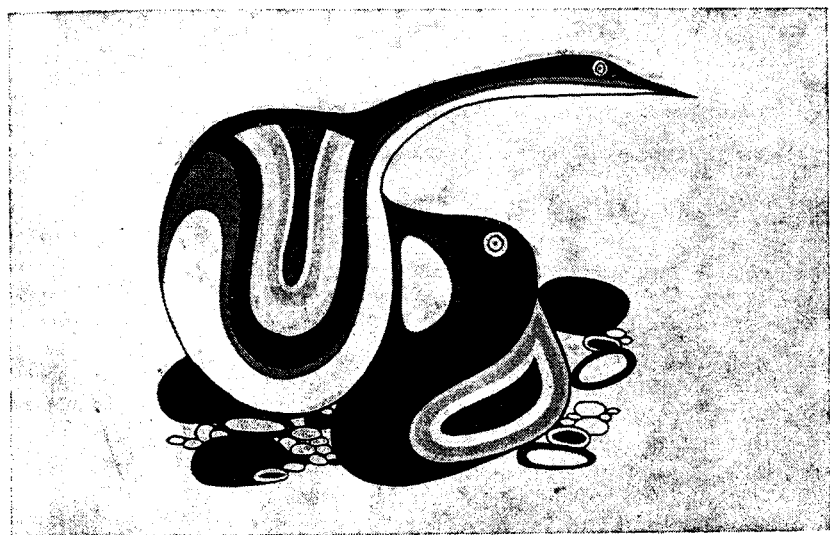

Рис. 21. «Защита». Художник Дж. Бёрди (1975)

ном Джозефом Мэтьюзом, писателем из племени осейдж, в книге «Речи, обращенные к луне» (1945). Повествование делится в ней не на главы, а на «месяцы», где каждый (Посевная Луна, Луна Прячущихся Оленей, Луна Медвежонка и т. д.) порождает в сознании определенный настрой. В 1970-е — 80-е годы этот прием станет уже весьма распространенным, проявившись в творчестве поэтов (Дуэйн Ниатум, цикл «Легенды лун») и других индейских литераторов.

Наконец, тема изображения животных и явлений неживой природы становится важной отправной точкой для индейского

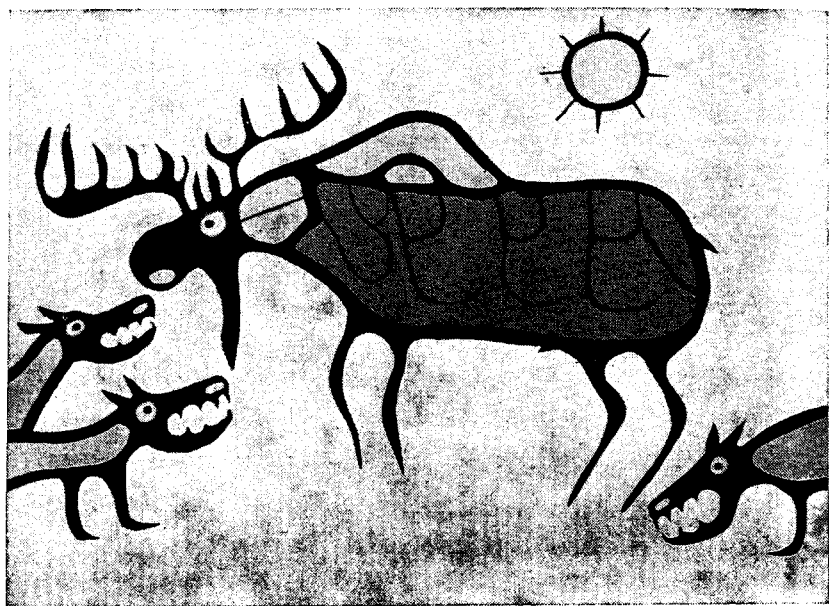

Рис. 22. «Равновесие природы». Художник Н. Морриссо (1979)

писателя; они одухотворяются, и пафос художника заключается в том, чтобы разбудить некое естество, дремлющее в современной личности, для направленного воздействия на окружающее (рис. 20).

В сфере живописи особенно глубоким погружением в природу отличается так называемая мифологическая школа канадских художников-алгонкинов (оджибве-кри-оттава), основоположником которой по праву считается Норваль Морриссо. Обширная группа картин этого живописца непосредственно связана с экологической тематикой: таковы композиции «Единство» (1977), «Равновесие природы» (1975), «Все мы — одно» (1978) и др. (рис. 21–23). Идея единства и взаимозависимости человека и окружающего мира подчеркивается тесным сплетением гуманоидных и зооморфных форм, альянсом небесных наземных и подземных тварей, как бы объединенных общим духовным качеством. То же самое подчеркивает и особая экспрессия контура, замыкающего всю композицию. Сердце и уста человека и зверя нередко соединяются общей «нитью» — символом духовного, «сверхъестественного» взаимопонимания (рис. 24).

Среди проявлений того же процесса следует особо выделить ирокезский материал, неожиданным образом сочетающий в себе традиционность и новейшие поиски. В настоящее время можно сказать, что среди индейских этносов к востоку от Миссисипи ирокезы выступают как наиболее активная творческая сила с точки зрения поэтики и идеологии. Об этом говорит экологиче-

ская тематика ирокезских газет и журналов («Аквесас-не ноутс», «Аквекон» и др.), постоянно публикующих острые статьи и графику, плакаты, раскрывающие проблемы экологии, особенно в применении к конкретике состояния индейских земельных угодий. Недавно выпущенный альбом графики талантливого ирокезского художника Кахионеса демонстрирует сочетание растительных и животных символов с мифологической и насыщенной социальной символикой¹⁰ (рис. 25).

Разительным примером типично индейского современного «экологического» рассуждения является вступление ирокезского поэта Мориса Кенни к новому сборнику стихов. Экологизм выглядит здесь как творческое и жизненное кредо. Уроки, полученные в результате общения с природой, представляются глубже, чем опыт социальный, хотя на самом деле это лишь спе-

Рис. 23. «Орел хайда». Художник-хайда Б. Рид (1973)

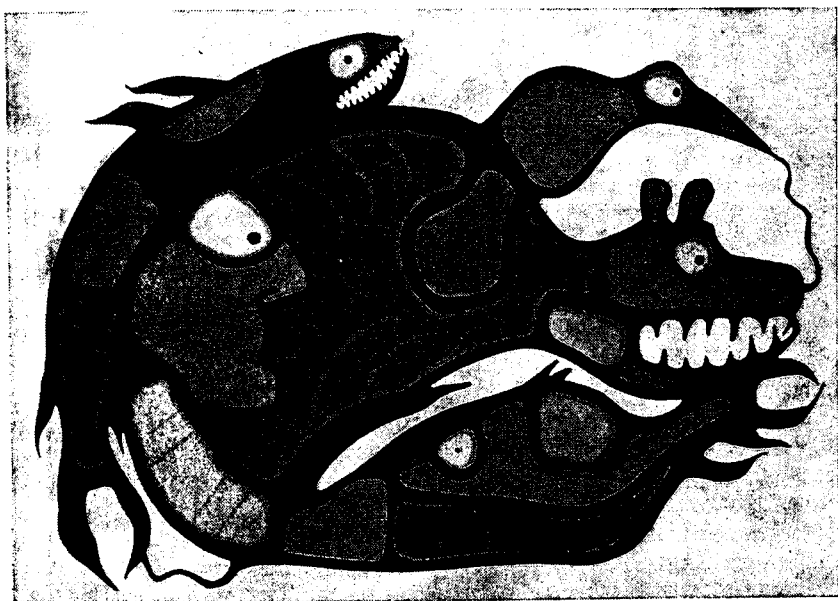

Рис. 24. «Все мы — одно». Художник Н. Морриссо (1978)

Рис. 25. Композиция ирокезского художника Кахионеса для настенного календаря

В круг — символ всемирного единства — вписаны Орел (птица Солнца), Медведь (тотем могауков) и другие символы; в центре — человеческий зародыш (символ будущего) в узоре из сцепленных человеческих рук

цифический способ говорить сегодня о социальных проблемах «по-индейски»: «Я никогда не признавал за человеческим родом права превосходства. Никогда я не удостоивал человечества столь хвастливого титула... И хотя я никогда не питал особой любви к норвежской крысе или к бруклинскому таракану, я не в силах отказать им в праве на существование. Где-то, каким-то образом они вливаются в единую семью всех творений и обладают назначением в совершенном замысле нашего творца...

Однако я не тревожусь о том, что норвежская крыса или таракан из Бруклина не переживут ядерной катастрофы... Они значительно легче приспособляются к любым условиям, нежели дикая земляника, чья жизнь так зависит от яркого солнца и прихода новой весны. Я больше боюсь за выживание ястреба, за

Рис. 26. Композиция индейского художника К. Бракупэ для настенного календаря

Трубка связует нашу кровь,
Орел охраняет нас,
Древо мира защищает наш народ,

Мы — дети единой Матери,
Первотворение укрепляет наши тела,
Сестры, братья, мы неколебимы

радужную форель Адирондакских озер, за щуку в реке Св. Лаврентия, за болотный ирис, за медведя в лесу; да-да, конечно же, и за человечество... в его красоте и глупости, способности к творчеству и тупому уничтожению. Я трепещу ночами оттого, что его неразумие, его слепота могут победить здравый смысл и что все существа, большие и малые, погибнут. И, однако же, разве человечество не прекрасно? Столь же совершенно, как волк или черепаха, хотя, быть может, и не столь храбро, как ондатра (мифологический «ныряльщик за землей» после потопа.— А. В.), и не столь изобильно, как кукуруза или фасоль, или тыква — три сестры-богини? Но человечество наделено духом... столь же великим, как дар орлиного зрения, сладость земляники, полет пчелы. И потому человечество, вероятно, сможет выстоять и со здравым смыслом предоставить всем созданиям равное справедливое право на жизнь...

Эти песни и истории призваны напомнить человечеству о его красоте и красоте окружающего мира и подсказать ему его обязанности. Вот тот барабан, звук которого отдается по лесам и

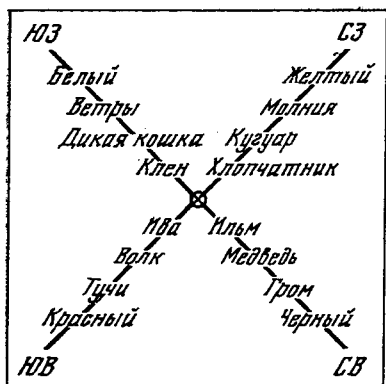

Рис. 27. Ассоциативная мифологическая символика паука, связанная с четырьмя странами света

где создаваемый ими художественный язык свободен от подражательности и идеологической незрелости, которая нередко отличает политические концепции индейских организаций и общественных лидеров.

В сфере образного воссоздания окружающего мира исторически индейскими культурами был описан своеобразный эволюционный круг: от неосознанной первобытной системы художественных средств к осмысленной поэтике отдельных видов искусства, прежде всего — литературы и живописи (рис. 27). На основании выявленного материала справедливо, очевидно, полагать, что существует ряд национальных культурных традиций, чье творческое мышление исконно обращено к экологическим феноменам и наиболее последовательно использует их в процессе выработки традиционной, затем национальной поэтики искусства. К числу таких культур, в частности, с несомненностью относится японская, в которой наблюдается сходное явление — реализация в эстетике философских аспектов опыта жизни на природе.

Рассмотренные примеры индейской литературы и живописи свидетельствуют о том, что особенности «экологии духа» требуют детального анализа не только с точки зрения количества материала, учета его высокой эстетической зрелости, но и пристального внимания к вопросам техники — как именно строятся те или иные изображения или описания.

Разговор об индейской поэтике, вероятно, уместнее всего завершить напоминанием о том, что на современном этапе общественного развития в экологических процессах принимает участие и «вторичная система» — опосредованного взаимодействия с природой, т. е. область художественного творчества и вообще — фактор саморефлексии человека, мыслящего в рамках экологических отношений, оправдывающего как собственную деятельность, так и пассивность.

На практике же органичное проникновение экологической

лугам, проникая через великие пространства вод и небес, пронизывая всеобщее духовное бытие»¹¹ (рис. 26).

*

Все сказанное в связи с экологией и поэтикой североамериканских индейцев подводит к следующим выводам.

Из всех сфер общественного сознания опыт взаимодействия с природой находит наиболее убедительное воплощение в современном искусстве индейцев,

проблематики в поэтику художественного творчества приводило к активизации масс в деле взаимодействия их с непосредственным окружением, т. е. возвращало их к изначальной сфере экологии.

- ¹ Я связан добром с землей: Из современной литературы индейцев США/ Сост. А. Ващенко. М., 1983.
- ² American Indian prose and poetry/Ed. by M. Astrov. N. Y., 1962.
- ³ American Indian literature: An anthology/Ed. by A. R. Velie. Norman, 1979.
- ⁴ *La Flesche F.* War ceremony and peace ceremony of the Osage Indians. Wash., 1939. (Bur. Amer. Ethnol. Bull. 101).
- ⁵ Black Elk speaks: Being the life story of a Holy Man of the Oglala Sioux: As told through John G. Neihardt. N. Y., 1972.
- ⁶ I have spoken: American history through the voices of the Indians/Comp. by V. I. Armstrong. N. Y., 1972.
- ⁷ Standing Bear, Luther (Mato Najin): Land of the Spotted Eagle. Lincoln, 1978.
- ⁸ Literature of the American Indian/Ed. by E. T. Sanders R. W. Peek. Beverly Hills (Cal.), 1973.
- ⁹ Run toward the Nightland/Ed. by J. F. Kilpatrick, A. G. Kilpatrick. Dallas, 1967.
- ¹⁰ *Kahionhes J.* Visions in ink: Drawings of native nations. N. Y., 1983. Un-paged.
- ¹¹ *Kenny M.* Is summer this bear. Turtle Round Road. 1985.

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПРИРОДНАЯ СРЕДА

Т. Л. Владимирская, С. Н. Владимирский

Музыкальная культура древних аборигенов Латинской Америки являлась своего рода отражением среды обитания и была теснейшим образом связана с условиями их существования. Музыка соответствовала жизненному циклу индейцев — от колыбельной до отпевания, сопровождала производственный процесс и многочисленные ритуалы. Чрезвычайно трудно провести грань между эстетическими и практическими ее функциями: с одной стороны, комбинации звуков у аборигенов выполняли сигнальную и коммуникативную роли, помогали в общении с животными, но в то же время в них присутствовала музыкальная упорядоченность звуков, оказывающих эмоциональное воздействие, что делало эти звукоряды носителями признаков художественности.

Поскольку специальных исследований, освещающих неразрывную связь между музыкальной культурой древних индейцев и природной средой их обитания пока не производилось, в данной статье могут быть намечены лишь отправные точки для дальнейшего более углубленного анализа.

Аборигены Латинской Америки находились в чрезвычайной зависимости от сил природы: ливни и грозы, продолжительные засухи или наводнения сводили на нет хозяйственные усилия индейца. Отсюда и его чувство беспомощности перед стихией, и поиски возможности путем заклинаний, обращений к высшим си-

лам спастись от беды. Общинами для всех американских племен были обряды, свято выполнявшиеся во имя священных сил природы: наиболее характерны обращения к солнцу, луне, вызывание дождя. Подобные магические действия почти повсеместно связывались с музыкой. Песнями и танцами сопровождалась общественные моления, обращенные к силам природы. Описание их находит широкое отражение в литературе. Так, хронист Молина эль-Альмагриста описывает празднество инков Аймурай, когда по окончании уборки урожая высшая знать во главе с верховным Инкой затемно выходили за городские стены на равнину и здесь ожидали восхода светила, чтобы воздать хвалу Инти — Золотому солнцу¹. Несколько вариантов таких гимнических песен, посвященных Солнцу, сохранилось до наших дней, но наибольшую известность имеет записанный в начале века перуанским композитором и собирателем фольклора Даниелем Роблесом «Гимн Солнцу», ставший своего рода классическим:

О, сияющий свет!
На всех твоих детей, собравшихся вместе,
Распрости свое сияние.
Ах, чудодейственный свет!
Над всеми твоими детьми царствуй².

В книге советского музыковеда П. Пичугина «Музыкальная культура андских народов» приводится несколько примеров песнопений, связанных с земледельческим циклом. В частности, это песни-молитвы, исполнявшиеся во время засухи:

Царица и Мать-луна,
Дай нам милость твоих вод
И любовь твоих небесных струй.
Ах, услышь нашу мольбу!
Ах, внемли нашей скорби!³

Подобные молитвы-песни, песни-гимны светилам широко бытовали и у майя⁴.

Песни-заклинания индейцев хибаро, обращенные к Матери-Земле Нунгуи, по свидетельству финского исследователя Р. Карстена, исполнялись женщинами: «О, Нунгуи, владычица поля! Я взрыхляю землю, я взрыхляю землю. О, Нунгуи, мне помоги, мне помоги! Ты сама, ты сама — не мать ли и мне? Так сделай, чтобы мое поле принесло обильные плоды!» Даже судя по таким коротким фрагментам, песни эти отмечены несомненной поэтичностью⁵.

Подобные тексты можно обнаружить и в описаниях древних обрядов индейцев других племен. И по сей день, например, ачегуаяки Парагвая верят, что женщины их племени своими песнями могут вызвать дождь, который, орошая могилы предков, в свою очередь ускорит их возвращение к жизни⁶. Таким образом, по представлениям ачэ-гуаяков, песня выполняет важную функцию и в деле продолжения жизни.

Множество песен аборигенов связано с любимым занятием мужчин большинства племен — охотой. Поэтизация процесса

охоты характерна была, например, для аче-гуаяков, сохраняющих до сих пор, несмотря на массовые истребления индейцев сельвы, которым не препятствует военный режим страны, легенды и песни предков. Согласно исследованиям, проведенным среди аче-гуаяков провинции Каагуасу доктором антропологии Марком Мюнцелем (ФРГ), аче верят, что бессмертие (сначала под землей превращение в муравьеда, который сквозь стволы деревьев поднимется на землю и здесь снова воплотится в животное) может быть обеспечено лишь в том случае, если женщина, ожидающая ребенка, будет есть мясо, добытое на охоте. Таким образом, по понятиям аче, охота — это сакральное действие, которое может обеспечить будущему ребенку возможность обрести вечное существование. Именно поэтому даже сегодня, когда охота на территории современного расселения практически запрещена, аче сохраняют память о своем любимом занятии, складывая песни:

Во времена, когда аче я был,
Настигал больших зверей
Стрелюю своей.
Зверей-одиночек бил,
Когда аче я был ⁷.

Приведенный отрывок характерен для песен мужчин племени, женщины же складывают иные песни — «плачи», называемые хенга, в отличие от мужских охотничьих — рге, которым свойственны перечисления умерших предков, подробные рассказы об их прошлой и нынешней жизни. Белые, заставив аче уйти из лесов, запретив охоту и оторвав членов племени от деревьев и животных, в которых превратились их предки, прерывали тем самым естественный цикл человек — природа — человек, и сегодняшние складывательницы песен аче поют:

Мы, что были аче,
Не появляемся уже никогда
Среди деревьев сельвы...
Теперь
Среди деревьев сельвы
Не добудем мы жизни уже никогда.
Теперь
Те, что отцами нам были,
Чудесными муравьедами стали,
Далеко впопыхах оставлены были ⁸.

Практически неизученной остается такая разновидность функциональной народной музыки коренных жителей Латинской Америки, как мелодии-кличи. Как и у других народов мира ⁹, данные образования не имеют словесного текста, а распеваются на слоги, в одних случаях совпадающие с первичными (эмоциональными) междометиями, в других они в основном звукоподражательны. Эти традиции сложились в первую очередь в тех племенах, где население занималось скотоводством. Несмотря на регистрово-динамическое сходство голосовых сигналов, музыкаль-

ная интонация их существенно отличает мелодии-кличи от всех прочих возгласов.

Цели мелодий-кличей можно определить как коммуникативные (в случае пребывания в лесу, в горах), пастушеские (при выгоне стада и при его возвращении), охранные (для отпугивания диких зверей) и др. По свидетельству сегодняшних жителей парагвайской сельвы, мелодии-кличи древних используются и поныне в крестьянском быту, в среде лесорубов и охотников.

Функции, подобные перечисленным, выполняло и звучание какого-либо предмета — куска дерева, по которому аборигены ударяли другим куском, удара камня о камень, тростниковых пастушеских флейт и т. д. Так, выходя на охоту, углубляясь в лес, многие индейцы сопровождали свое передвижение грохотом барабанов, гонгов, звуками духовых инструментов¹⁰.

Коренной житель Америки не отделял себя от природы, а тем более не противопоставлял себя ей. Глубокая духовная связь, обнаруживающаяся между средой обитания коренных американцев и их музыкальной культурой, свидетельствует о богатом внутреннем мире индейцев.

Песни-«разговоры» с деревьями, животными, песни, в текстах которых проводятся параллели между чертами любимых и красотою окружающего мира, имели практически повсеместное распространение среди аборигенных племен. Часто возлюбленные, просто молодые люди сравнивались в песнях с животными, красивыми и смелыми по их представлениям, например с тапирами (девушки), дикими кабанами (мужчины). Белых же пришельцев всегда сравнивали с хищными животными, бесполезными и злобными (например, в сохранившихся до сегодняшнего дня песнях гуарани, уже в значительной степени приобщенных к западной цивилизации, белые выступают всегда в образе ягуаров — вечных врагов их народа¹¹).

В дошедших до нас образцах доиспанской поэзии юкатанских майя можно найти подлинные шедевры описаний природы:

Прекрасная луна
Поднялась над лесом
И движется, блистая,
Посреди неба.
Там она остается,
Озаря лучами
И равнину, и лес.
Нежный веет ветерок,
И все кругом благоухает¹².

Окружающий индейцев природный мир не только вдохновлял их на создание стихов и песен, но и давал богатые материалы для изготовления музыкальных инструментов. Их делали из сырья минерального происхождения.

Исходя же из степени сложности изготовления музыкальные инструменты древних индейцев можно условно классифицировать как простейшие (для изготовления которых практически не нужно было перерабатывать природные материалы, простые

(когда индеец вносил лишь отдельные конструктивные видоизменения в природные материалы с целью получения нужного звучания) и сложные (для их создания природные материалы выступали лишь в качестве необходимых элементов для конструирования музыкального инструмента).

Минералы служили исходным материалом для изготовления музыкальных инструментов на ранних стадиях развития чаще всего в краях с более суровой природой. В районах боливийского Альтиплано, например, столь любимые местными племенами многоствольные флейты изготавливались из камня. Один из искусно сделанных экземпляров каменной флейты Пана, хранящейся в музее в Гетеборге (Швеция), обнаружен в верховьях р. Пилькомайо и представляет собой миниатюрный (всего 8 см шириной) инструмент из полированного черного камня с шестью каналами¹³. Распространенным материалом служила глина. Известно, что одним из древнейших музыкальных инструментов аборигенов Америки наряду с тростниковой флейтой была глиняная окарина¹⁴. Самые ранние найденные археологами в Перу окарины датируются первой половиной I тысячелетия до н. э. и принадлежат культуре Чавин (рис. 28).

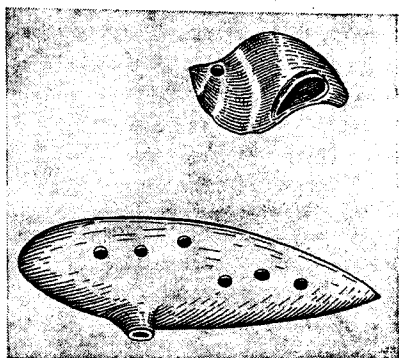

Рис. 28. Окарины из раковины и глины
(рисунки выполнены авторами)

Гораздо более распространены были инструменты из органических материалов. Одними из древнейших считаются, в частности в Мезоамерике, раковины морских моллюсков. Судя по сохранившимся изображениям и данным археологии жившие 13—14 веков назад индейцы предпочитали раковины другим инструментам. В сознании древних обитателей Мексики процесс превращения раковины за счет дыхания музыканта в источник звуков становилось символом преобразования человека в божество. Поэтому использовались они как культовые инструменты. Астеки играли на «атекоколли» или «атекукулли» — крупных раковинах с несколькими отверстиями¹⁵. Были они распространены в качестве духовного инструмента и у племен, населявших Южную Америку, например у мочика и других народов Андского нагорья.

Аналогом раковины являлись аэрофоны, сделанные из черепов небольших животных, звуки из которых извлекались путем вдувания воздуха в одно из 2—3 отверстий. Пользуясь такими инструментами, индейцы ноанама и тукано имитировали пение птиц, голоса зверей¹⁶. Иногда подобные инструменты индейцы делали из панцирей мелких черепах или броненосцев. Из них же

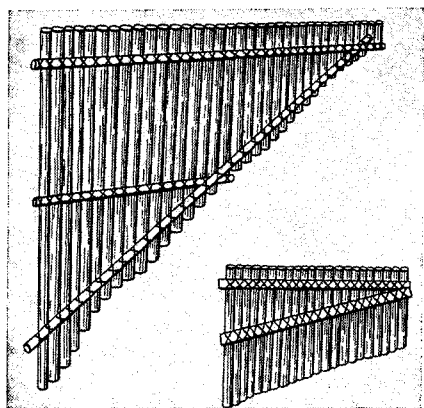

Рис. 29. Нгоанса и современный рон-дадор

называемый сукчас, однако чаще в качестве аэрофонов инки использовали металлические (золотые, бронзовые, серебряные) изделия. В древнем Перу из берцовых костей ламы делали флейты-кены¹⁸. Костяная вертикальная флейта была также любимым инструментом народов Мезоамерики — майя, сапотек, миштеков, тотонаков, астеков. Широко применяли индейцы и рога животных — в качестве как ритмических инструментов, так и духовых. Например, арауканы изготовляли из рога коровы или быка «кюль-кюль» (рожок), снабженный одним боковым отверстием для вдувания воздуха. Однако духовые инструменты из материалов животного происхождения нашли гораздо меньшее распространение (вероятнее всего, из-за определенных сложностей в их обработке), чем тростниковые и бамбуковые флейты.

Инструментарий растительного происхождения более многочислен и наиболее широко представлен в качестве духовых инструментов. «Поющий» тростник, «звучащий» бамбук привлекали особое внимание людей с глубокой древности. Свистульки, сделанные из орехового плода, с помощью которых индейцы екуана и макуши имитировали пение колибри, сохранились до наших дней¹⁹. Одним из самых древних инструментов из этих материалов, который изображен на керамическом сосуде мочика, является многостольная флейта такого типа, который впоследствии получил наименование флейты Пана²⁰ (рис. 29).

Эти флейты нашли широкое распространение среди индейских племен: у аймара данная флейта зовется «айаричи», у современных кечуа Перу сохранилось старинное название «антара», колумбийцы же зовут ее «сикю». Впрочем, названия эти, как правило, относятся хотя и к одному виду флейт, но к разным его модификациям, которых в Латинской Америке существует множество. Например, сикю меньше по размерам, чем айаричи. Нго-

изготавливались и ударные инструменты, например айотл — сохранившийся до наших дней музыкальный инструмент древних майя, представляющий собой черепаший панцирь, по наружной стороне которого ударяют оленьими рогами¹⁷. Их аккомпанемент, так же как и дробь, выбиваемая при помощи костей кайманов, сопровождали церемониал жертвоприношений, погребения вождей и другие обряды.

Использовались кости животных для изготовления музыкальных инструментов, например флейт, и у инков. Одним из них служил череп гуанако — так

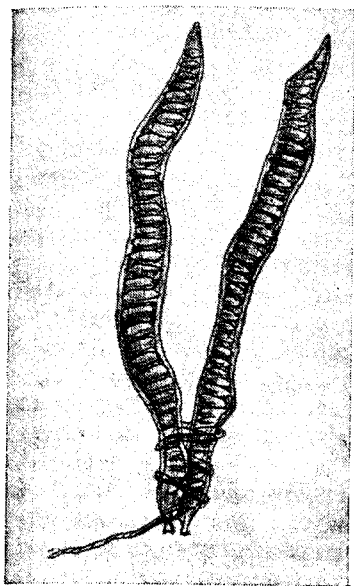

Рис. 30. *Малинче*

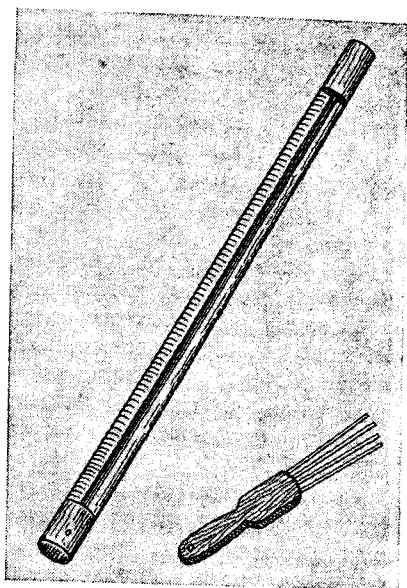

Рис. 31. *Гуачарака*

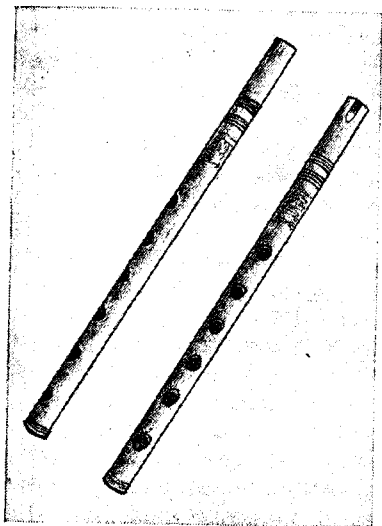

Рис. 32. Тростниковая флейта *кена* — царица Анд

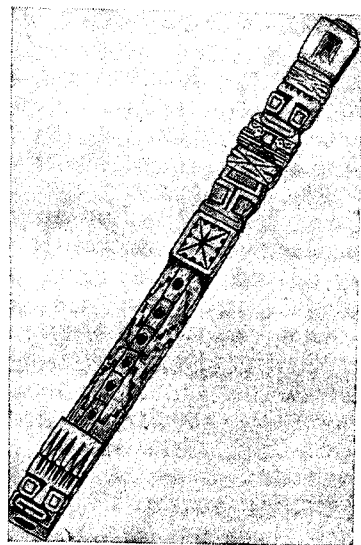

Рис. 33. Боевая флейта индейцев Альтиплано *г'арка*

анса, по форме также многоствольная флейта (делали ее из каучукового дерева), отличалась от «сику» числом стволов и большим их диаметром²¹.

Каучуковое дерево используется и поныне индейцами Андского нагорья также для изготовления ударного инструмента, представляющего собой два неравных деревянных бруска, звучащих при ударе одного о другой (резонатором в этом случае служит ладонь).

Широкое распространение материалы растительного происхождения получили и при изготовлении других идиофонов. Высушенные тыквы, наполненные семечками (марака), стручки гигантских акаций (современный инструмент Центральной Америки «малинче»), тростниковая трубка с поперечными насечками — «гуачарака» и многие другие до сегодняшнего дня создают богатый, насыщенный ритмичкой фон индейской музыки (рис. 30, 31).

Все перечисленные инструменты можно отнести к простейшим, не требующим от человека корректив с точки зрения техники изготовления: природа сама «делала» инструмент, т. е. в первую очередь музыкант использовал природные качества материала (хотя для флейты Пана требовалось подобрать несколько по-разному звучащих кусочков тростника и суметь расположить их в соответствии с желанием получить нужный звукоряд). В более поздний период (исследователи относят его к прединкской эпохе культур Чиму, Чинкай и Чинча) в быт индейцев приходят более совершенные инструменты, в конструкции которых проявляется техническая мысль древних жителей Латинской Америки. Говоря об инструментах, сделанных из растений, в первую очередь надо назвать кену — «царицу Анд», чрезвычайно популярную и в наши дни вертикальную тростниковую флейту (рис. 32). Для изготовления ее необходимо сделать в стволе несколько отверстий, закрывая которые пальцами, музыкант искусственно может менять длину столба воздуха. Это, казалось бы, несложное усовершенствование неизмеримо расширило диапазон музыкального мышления индейцев, чрезвычайно обогатило их музыкальную культуру. Усовершенствования такого же типа вносились и в инструменты, изготовленные из костей животных (например, костяная флейта «ньяма-коэ»). Изготавливаемые из бамбука флейты делали как продольными, так и поперечными. Примером поперечной флейты может служить арауканский инструмент «пинкульэ» (видимо, он появился у арауканов после их контактов с инками, у которых существовала подобная флейта, называемая «пинкильо» или «пинкальо»²²). Интересным инструментом является и деревянная флейта «т'арка», которую современный колумбийский исследователь фольклора Хайро Парра определяет как боевую флейту, бытовавшую до недавнего времени среди племен Альтиплано. Ее всегда украшает богатая своеобразная резьба (рис. 33).

Весьма популярен до сегодняшнего дня арауканский инстру-

мент «тутрука», который делают из разновидностей бамбука, произрастающего во внутренних областях юга Чили. Изготовление его требует особых навыков. Прежде всего выбирается бамбук длиной примерно 3 м и толщиной 12 см у широкого конца. При этом особенно важно, чтобы узлы бамбука находились на равном расстоянии друг от друга. Затем его выставляют на солнце для просушки. Через некоторое время бамбук разрезают по длине на две половинки и удаляют сердцевину. Затем половинки соединяют и покрывают внешнюю поверхность свежей конской кишкой. На конце прикрепляют раструб, сделанный из коровьего рога. Роль мундштука выполняет срез на узком конце инструмента, так же как у кены. Непосредственно перед игрой в тутруку вливают несколько глотков воды, чтобы увлажнить внутреннюю поверхность²³. Ближайшим родственником, а вероятнее всего, — предком тутруки является «лолкинь», имеющий меньшие размеры. Лолкинь более древний инструмент, чем тутрука, сведений о нем сохранилось мало. Интересно, однако, что при всей схожести этих инструментов у лолкиня более сложная конструкция мундштука — это три обрезка тростника разного диаметра, вставленные один в другой и укрепленные на узком конце инструмента. Изготавливался лолкинь из высушенных побегов одноименного кустарника, растущего на юге Чили²⁴.

Один из наиболее распространенных инструментов среди индейцев разных племен — барабан. К примитивным барабанам, звуки из которых извлекаются путем удара по цельнодеревянному цилиндру специальной деревянной колотушкой с каучуковым наконечником, относятся, например, «тундули» индейцев хибаро, «майоуакан» кубинских таино, «магуаре» колумбийских и бразильских уитото, «трокано» парагвайских гуарани²⁵. Близок к ним по своей акустической природе и барабан астеков «тепонацтли», сохраняющийся у современных майя Мексики, хотя конструкция его несколько отличается, но так же, как у предыдущих видов, у астековского барабана отсутствует кожаная мембрана. «Кому и когда пришло в голову прикрыть полость барабана шкурой животного? Кто знает! Но главное, что в один прекрасный день, на отдыхе или в страхе, человек ударил рукой по прикрытой полости, и совершил важное открытие: «О, чудо! Дерево заговорило!» — пишут в своем исследовании «Докортесианские инструменты» руководитель мексиканской Академии музыки профессор Даниель Костаньеда и профессор Национальной консерватории Мексики Винсенте Мендоса²⁶, которые проследили происхождение индейских барабанов, начиная от простых отрезков стволов деревьев (ксилофонов) до усовершенствованных мембранных инструментов (например, барабана «бомбо»).

В настоящей статье мы не ставим задачу проанализировать все возможные виды и типы музыкальных инструментов, равно как и не стремимся заострить внимание на их конструктивных особенностях. Мы лишь выбрали те аспекты, которые выявили бы взаимосвязь между музыкальной культурой аборигенов Аме-

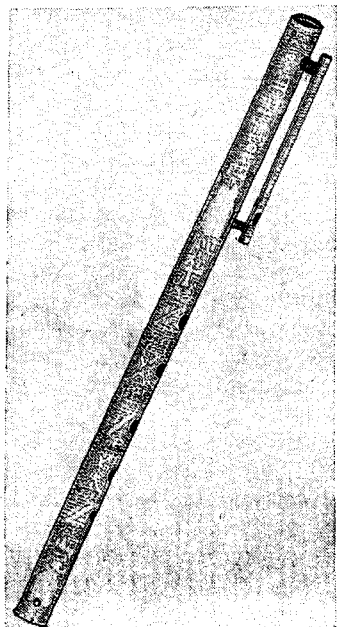

Рис. 34. Ритуальная флейта
моксеньос

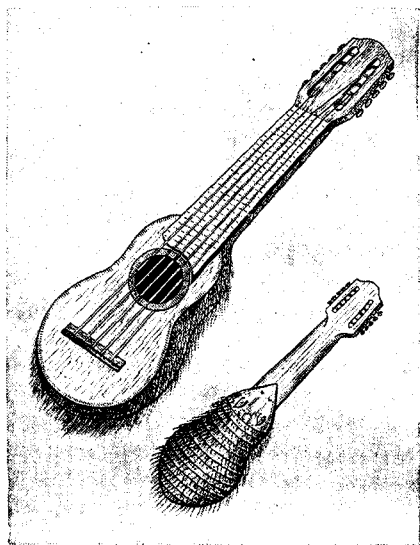

Рис. 35. *Чаранго*

рики и окружающей их природной средой. Поэтому из всего многообразия музыкальных инструментов, бытовавших у коренного населения, были выбраны лишь те немногие, которые достаточно ярко иллюстрируют эту связь.

Мы не можем подробно остановиться на интереснейших хордовых инструментах, сложных ударных, бытовавших у коренных жителей Америки, что, несомненно, также много рассказало бы об уровне «взаимопонимания» индейцев и окружающей их природы и об эстетических вкусах древних обитателей континента. Инструменты изготовлялись не в чисто функциональных целях — они должны были радовать глаз (рис. 34). Образцы старинных музыкальных инструментов представляют собой подлинные произведения искусства! Украшенные драгоценными камнями, чеканкой по золоту и серебру барабаны, хранящиеся в национальных музеях Мексики, Колумбии, Перу, свидетельствуют о том внимании, какое древние мастера уделяли внешнему виду музыкальных инструментов. Но не только богатством украшений, для которых широко использовались природные красители, шкуры животных, ткачество, резьба, удивляют инструменты, они — свидетельство художественной фантазии, подлинного мастерства их создателей.

Рассказывая о музыкальных инструментах, мы в первую очередь отмечали особенности их материального воплощения. В то

же время они являлись неотъемлемой частью духовной и эстетической жизни индейских народов и, как мы уже видели, выполняли важнейшие бытовые функции. «Наделить голосом» стебли и раковины, панцири и стволы, камни и растения — этот процесс для индейцев был не просто «производственным», но частью их духовной жизни. Иллюстрацией могут служить мифы и легенды индейцев, повествования об использовании музыкальных инструментов в ритуалах, их сакральной символике²⁷.

Подобные ритуалы были характерны и при изготовлении других музыкальных инструментов. И поныне, например, тростник для флейты Пана индейцы уитото считают необходимым срезать только в определенном месте и, как правило, перед рассветом.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, развитие музыкальной культуры аборигенов, происходящее в тесном взаимодействии с природой, демонстрирует, что для создания музыкального инструментария племени, жившие в разных природных условиях, пользовались всем многообразием доступных материалов, проявляя нередко высокий уровень индивидуальной изобретательности и в то же время действуя в русле общих закономерностей развития музыкальной культуры человечества.

Во-вторых, характерным для всех аборигенных народов было стремление к усовершенствованию инструментов (и в то же время к сохранению традиций), благодаря чему ко времени конкисты индейцы обладали чрезвычайно широким набором музыкальных инструментов — от простейших, являвшихся прямыми производными от природных материалов, до значительно более усовершенствованных. Этот процесс продолжается и в наше время. Остается высказать сожаление, что пока вне внимания исследователей остается и такой важный аспект, как изменение используемых для изготовления музыкальных инструментов материалов, а ведь это, по сути дела, приводит к созданию инструментов совершенно нового звучания. Для познания закономерностей этнокультурных процессов такие детали, как конструктивные и нефункциональные видоизменения инструментов, играют существенную роль. Характерным примером в данном отношении может служить судьба чаранго (рис. 35). Как правило, исследователи настаивают на испанском происхождении этого инструмента. Например, Карлос Вега и Диас Гианса подчеркивают, что чаранго представляет собой результат местной (американской) эволюции испанской бандуррии или какого-то сходного с ней инструмента²⁸. Возможно, это так, однако гораздо более важным является, на наш взгляд, то, что творческая мысль аборигенов привела к созданию совершенно необычного *нового* инструмента, корпус которого делается из панциря броненосца. Как и в старину, нынешние создатели и любители этого инструмента поэтизируют его. Вот как описывает превращение животного в музыкальный инструмент современный индейский мастер и музыкант Эрнесто Кавоур²⁹.

Заснул как-то раз Киркинчо * —
Предгорий проворный житель.
Все спал он и спал так сладко
В мечтах о своей невесте...
Проснулся, глазам не веря:
Брюшко его было пусто,

А панцирь прикрыл надежно
Звенящие струны чаранго.
Любитель привольной жизни
Не стал печалиться долго —
Он с бомбо, кеной, гитарой!
Звучней же, струны чаранго!

(Пер. с исп. Т. Владимирской)

Сегодня молодые ученые, музыканты, просто энтузиасты серьезно изучают фольклор коренных жителей Америки. Они отправляются по зову сердца в экспедиции в изолированные горные районы Латинской Америки, в сельву, с тем, чтобы, воскресив угасающие индейские традиции, обогатить культуру современного общества.

- ¹ См.: Пичугин П. Музыкальная культура андских народов. М., 1980.
- ² Грубер Р. История музыкальной культуры. М., 1941. Т. I. С. 116.
- ³ Цит. по: Пичугин П. Указ. соч. С. 17.
- ⁴ См.: Кинжалов Р. Культура древних майя. Л., 1971. С. 261.
- ⁵ Цит. по: Культура Эквадора. М., 1985. С. 155—156.
- ⁶ См.: Мелья Б., Миралья Л., Мюнцель М. и К. Агония индейцев аче-гуаки: История и песни. М., 1982. С. 109.
- ⁷ Там же. С. 117.
- ⁸ Там же. С. 134—135.
- ⁹ См., например: Дридзе А. Маруны Ямайки во второй половине XVIII в. // Культура и быт народов Америки. Л., 1967. С. 287; Лобанов М. Вокальные мелодии-сигналы в крестьянском быту // Сов. этнография. 1983. № 5. С. 113—122.
- ¹⁰ Интересно в этом отношении исследование системы сигнализации марунов Ямайки, которое показало, что «азбука» звуковых сигналов, подаваемых марунами при помощи музыкального инструмента абенг, сделанного из рога, содержит не менее 200 неповторяющихся сигналов, позволяющих передавать разного рода известия, приказы, «персональные» сообщения (Дридзе А. Указ. соч.). Результатов подобных исследований, проводимых среди индейцев, нам обнаружить не удалось.
- ¹¹ См.: Мелья Б., Миралья Л., Мюнцель М. и К. Указ. соч.
- ¹² Кинжалов Р. Указ. соч. С. 260.
- ¹³ Пичугин П. Указ. соч. С. 260.
- ¹⁴ Там же. С. 10.
- ¹⁵ Стивенсон Р. Музыка аптеков // Музыкальная культура стран Латинской Америки. М., 1974. С. 203.
- ¹⁶ Abadía Morales G. Instrumentos de la música folclórica de Colombia. Bogotá, 1981. P. 18.
- ¹⁷ Ibid. P. 205.
- ¹⁸ Пичугин П. Указ. соч. С. 34—35.
- ¹⁹ Культура Венесуэлы. М., 1984. С. 126.
- ²⁰ Martí S. Alt-América: Musik der Indianer in präkolumbischer Zeit // Musikgeschichte in Bildern. Leipzig, 1970. S. 165.
- ²¹ Abadía Morales G. Op. cit. Lám. 32.
- ²² Пичугин П. Указ. соч. С. 36—37.
- ²³ Оррега-Салас Х. Музыкальные инструменты арауканов // Музыкальная культура стран Латинской Америки. С. 126—127.
- ²⁴ Там же. С. 128.
- ²⁵ Культура Эквадора. М., 1985. С. 156—157.

* Киркинчо (quirquincho) — латиноамериканское название броненосца.

²⁸ *Costañeda D., Mendoza V.* Instrumental precortesiano: Instrumentos de percusión. México, 1933. P. VIII.

²⁷ Цит. по: *Abadía Morales G.* Op. cit. P. 35—36.

²⁸ *Díaz Gianza J.* Historia musical de Bolivia: Epoca precolonial. Potosí, 1962. P. 55, 172—174; *Vega C.* Los instrumentos musicales aborígenes y criollos de la Argentina. Buenos Aires, 1946. P. 150—151.

²⁹ *Cavour E.* Aprenda a tocar charango. La Paz, 1978. P. 4.

ПРАЗДНИК НОВОГО ГОДА У МАЙЯ

[к вопросу о сохранении охотничьей идеологии
в земледельческом обществе]

А. А. Бородатова

Для социальной организации индейских общин по всему региону майя характерна религиозно-гражданская иерархия должностных выборных лиц — «каргадоров» (исп. «карго», на языке майя «куч» — «ноша», «обязанность»), «носителей бремени власти». Ритуал ежегодной передачи власти от одного лица другому и продвижение по должностной лестнице вверх происходит перед началом нового года на главной площади городка — пуэбло, административного и культового центра общины. Этот церемониал — один из многих обрядов торжественного красочного новогоднего праздника, на который стекаются в пуэбло из окружающих деревень все члены общины от мала до велика. Праздник представляет собой театрализованную постановку, которая разворачивается в течение двух недель и состоит из трех основных «актов»: установки дерева или высокого столба на священной площадке, поимки танцора в костюме быка и его символического убийства (в крупных пуэбло устраивается настоящий бой быков, тем самым, на первый взгляд, этот акт спектакля заимствован после конкисты у испанцев) и передачи атрибутов власти каргадорам перед или во время Танца Быка (юкатанский вариант — Танца Свины). Стержнем праздника являются именно эти три обряда, а не церемонии в честь Рождества Христова или святого патрона общины¹.

При детальном рассмотрении церемониал праздника представляется хаотичным смешением одновременных и разноэтничных по происхождению персонажей и обрядов, которое принято обозначать как «синкретизм религиозных представлений». Чтобы разобраться в этом напластовании, переплетении концепций и образов, нужно отправиться к самым истокам культуры майя.

Общинники майя, перейдя не позже III тысячелетия до н. э. к земледелию, продолжали называть себя «ах'-кех» — «охотниками на оленей». Даже в эпоху развитого земледелия в государствах майя I — середины XVI в., когда охота наряду с собирательством и рыболовством являлась лишь подсобным занятием, тысячелетней давности охотничьи традиции сохранялись свято. Охотничий мировоззренческий комплекс, уходящий корнями

в палеолит, как и всякая идеология, обладал определенной самостоятельностью и требовались значительные социальные потрясения, серьезная ломка традиций, чтобы его разрушить. Переориентировке идеологии с охоты на земледелие способствовали большие изменения в хозяйственной сфере: переход к интенсивному земледелию с культивированием высокоурожайных сортов кукурузы, освоение подсеčno-огневого земледелия, создание точного календаря, четко регламентирующего полевые работы и проч. Окончательно земледельческий мировоззренческий комплекс, сохраняющийся и в наши дни у майя, стал господствовать только в I тысячелетии до н. э. — в эпоху формирования у них государств. Именно в это время религия майя приобрела ярко выраженный аграрный характер. Однако архаичный пласт представлений, обрядности и культа, ориентированный на охоту, неразрывно переплетаясь с аграрным, продолжал стойко сохраняться в земледельческом обществе².

В процессе адаптации к окружающей среде у древних охотников выработался комплекс правил и запретов, позволяющий использовать природные ресурсы, не истощая их, не нарушая стабильности экологической системы. Основным методом сохранения крупных промысловых животных было строгое ограничение времени и масштабов охоты³. У майя в году выделялись два охотничьих сезона, вне которых охота, прежде всего коллективная, загонная, на оленей — главных промысловых животных — категорически запрещалась. Они приходились на месяцы Сип («Грех [пролития крови на охоте]») и Кех («Олень»), соответствующие сентябрю-октябрю и марту. В XVI в. оба сезона открывались обрядами, суть которых состояла в смягчении гнева богов за кровь животных. Охотники сжигали курения в честь богов охоты — покровителей лесных зверей, «проливали кровь» из разных частей тела (собственная кровь предлагалась в обмен на кровь животных) и танцевали охотничий танец⁴. Танец Оленя современные кекчи и юкатеки Белиза исполняют для обеспечения успеха на охоте и размножения оленей⁵. Танцоры с масками оленей олицетворяют богов охоты.

В образе богов-покровителей оленей и охотников проявлялись черты древнейшего Хозяина зверей, строго следившего за соблюдением охотничьих правил и табу. К нему перед каждой охотой индейцы обращались за разрешением, с ним жрецы договаривались о размере добычи. Хозяин зверей представлялся в виде оленя или человека. Таковы бог Олень, изображенный в чрезвычайно архаичном пиктографическом разделе Мадридской рукописи в итифаллическом состоянии (его культ, несомненно, предусматривал обряды, вызывающие размножение оленей), богиня Олениха и ее супруг — антропоморфный черный бог охоты Уук П'ух с рогами, головой оленя и охотничьей сетью на голове, бог охоты Ек' Сип («Черный грех») у современных юкатеков, его помощники «сип» в облике маленьких самок оленя — хранители оленьих стад, и др.⁶ (рис. 36).

Рис. 36. Охотник и богиня Олениха (мифологическая сцена на резном сосуде из Гватемалы, VI—IX вв.)

На стадии охотничьего хозяйства олени и люди понимались как одна популяция, подчиняющаяся единым законам. Подобно тому как убийство на охоте животного обеспечивало существование человека, смерть последнего мыслилась необходимым условием для поддержания поголовья промысловых зверей. Поэтому во многих мифах майя превращение в животных равнозначно смерти. Охота, олени ассоциируются с миром мертвых, преисподней, черным цветом, предками (рис. 37). У чортí к убитым оленям относятся так же, как к умершим сородичам: тела окуривают, на самца надевают шляпу, на самку — платок, как бы готовя их к погребению. Олень считается воплощением души умершего человека, а также видом нагуалья — животного-двойника и личного духа-покровителя индейца. У древних майя олень почитался как один из предков-родоначальников и главных фратриальных тотемов, живущих в преисподней. Боги охоты мыслятся черными. У киче в Масатенанго на празднике, приуроченном к началу древнего охотничьего сезона, жрецы с окрашенными черным цветом лицами сжигают благовонную смолу и совершают приношения перед сидящим в клетке оленем — олицетворением бога-покровителя зверей и охотников. В Танце Оленя участвуют старики с черными лицами⁷.

Мифология и фольклор майя позволяют с исключительной четкостью проследить взаимосвязь и параллелизм охотничьих правил и табу с нормами, регулирующими отношения между людьми. Массовые ритуализованные действия — обряды, открывающие сезон охоты и архаичные оргиастические праздники (следы которых сохранились у майя), оказались близкими по форме и связанными по смыслу: соблюдение определенного рода запретов (охотничьих и половых табу) в древности сочеталось с их периодическим нарушением (после открытия сезона охоты, в оргиастическом празднике). Нерасторжимая связь человека и оленя в едином круговороте жизненной энергии, единство символики охоты — смерти — соития — плодородия в мифах майя выражены совершенно отчетливо. Олени в сезон охоты воспринимаются как жены охотников, во время запрета охоты — как супруги Хозяина зверей. У чортí бог Олень представляется в двух аспектах: самец несет ответственность и следит за плодовитостью самок, богиня охраняет самцов и заботится об их плодовитости. Убийство на охоте животного символически понимается равнозначным половому акту (поэтому юкатекские охотники просят у сип «девственных» животных). Рог оленя — символ смерти — одновременно воспринимается как семантический эквивалент фаллоса. В мифах майя охотники для увеличения поголовья оленей совокупаются с самками животных. Этим объясняются, очевидно, требования строгого полового воздержания во время сезона охоты: все силы оплодотворения должны быть направлены на животных. В мифе пипилей Сальвадора Хозяин зверей отпускает из преисподней на землю охотника только после того, как он в течение долгих лет жил с дочерью Хозяина оленихой, восстанавливая поголовье оленей. Тем самым акт убийства не наносит ущерба звериной популяции, а, напротив, способствует ее увеличению⁸ (рис. 38).

Когда после испанского завоевания на территории майя распространилось скотоводство, самые крупные из домашних животных — быки — стали ассоциироваться с оленями (благодаря внешнему сходству, прежде всего рогам, и тому, что они, как некогда олени, — главный источник мясной пищи). Символика, связанная с оленями, была отчасти перенесена на быков. Церемонии, направленные на увеличение поголовья домашних животных, стали дублировать обряды промыслового культа. Во время новогодней фиесты эта символика проявляется особенно ясно. У цоцилей жертвенные быки и танцор в костюме быка (рама из тростника, обтянутая циновками, и пара рогов над отверстием для лица танцора) ассоциируются с преисподней, силами зла, черным цветом, колдовством, болезнями. Бык воспринимается как дикое лесное животное. Во время Танца Быка звучит «плохая» музыка, переходящая на «светлые», «радостные» тона только после убийства Быка, благодаря которому зло изгоняется из общины⁹.

У канхобалей Танец Быка называется «черным танцем».

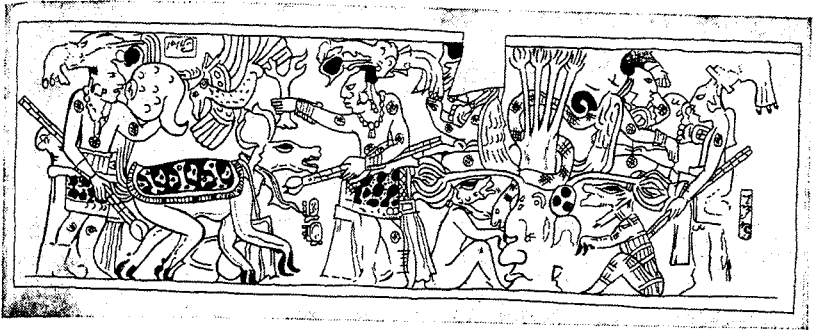

Рис. 37. Начало сезона охоты (сцена охоты на полихромном сосуде из Юкатана, VII—IX вв.)

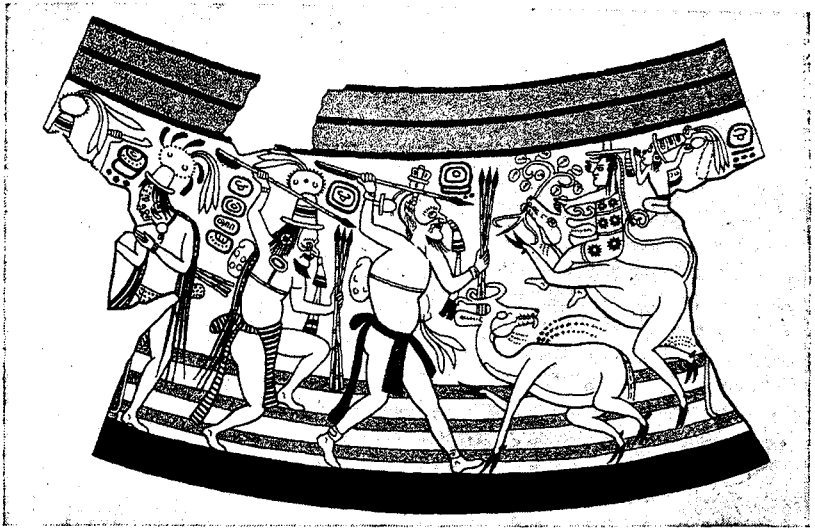

Рис. 38. Мифологическая сцена охоты на сосуде из пещеры Актун-Балам в Белизе (VII—IX вв.). Вероятная иллюстрация эпизода из мифа пишилей

Тот, кто осмелится назвать его «танцем быков», вызовет такое возмущение, что будет посажен под арест на все дни праздника¹⁰. Здесь очевиден ритуальный запрет, налагаемый на имя быка, аналогичный существовавшему по отношению к оленю, который до сих пор у некоторых народов майя носит (подобно другим в прошлом тотемным животным) эфемистические наименования взамен табуированного¹¹.

На Юкатане Танец Быка является церемонией в честь бога-хранителя домашнего скота в облике быка, которая должна способствовать размножению скота. Она начинается с того, что за имперсонатором Быка в лес отправляется группа муж-

чин, которые ловят его, приводят в деревню и привязывают к высокому столбу в корале или на площади. Бык вырывается, «сражается» с толпой» (в некоторых общинах — с мужчинами в накидках из оленьих шкур; в них в прошлом к стаду оленей подползали охотники). У чортí за кружащимся в толпе и бодающимся быком следует группа музыкантов, играющих на барабанах и роге, имитируя его рев. Танец повторяется несколько раз на протяжении праздника, последний раз — во дворе ритуального братства Быка в присутствии каргадоров и толпы. Целый день длится единоборство Быка с толпой, наконец в полночь его ловят и перед «убийством» привязывают к столбу или дереву¹² (рис. 39).

В горном регионе майя, прежде всего у цоцилей, отчетливо проступают эротическая символика Танца Быка, черты оргиастического праздника (его элементы сохранились и в Танце Оленя в Белизе). Перед началом все каргадоры, участвующие в празднике, должны соблюдать строгое половое воздержание. Позже они полностью отдаются стихии праздника, который характеризуется всеобщим разнузданным весельем, бесстыдством, пьянством, эротическим юмором и клоунадой, ритуальным сквернословием. Эротическая символика обряда проявляется на всех уровнях — вербальном, изобразительном, игровом. Рог-фаллос Оленя-Быка — символ мужской плодородящей силы — упоминается во всех текстах ритуала. Рог используется как музыкальный инструмент: им или его эквивалентом — початком кукурузы водят по панцирю черепахи (жепский символ), извлекая глухие ритмичные звуки. Соединение двух начал должно по законам магии способствовать плодородию всего живого. В ритуале заметную роль играют и другие эротические персонажи — «черные старики», имперсонаторы Коати и Обезьян. С последними ассоциируются плодородие земли и плодovitость женщин. У цоцилей владельцами Быка выступают четыре каргадора, играющие в черных масках «стариков» («дедушек» и их жен, «бабушек»). Бодающийся под общий смех и непристойные шутки Бык нападает на «дедушек». Их «жены» поднимают юбки (или пытаются надеть их на рога Быка), чтобы «усмирить», «приручить» его. Когда Быку удается «на смерть» забодать «дедушек», один из высших каргадоров общины оживляет их, натирая тела, прежде всего пенисы, погремушками, с которыми «дедушки» танцуют. За лечение каргадор просит уступить ему на ночь одну из «бабушек». Он тем же способом вылечивает и «старушек», так как они «хотят иметь еще детей». Действия всех персонажей объясняются на языке эротических символов¹³.

Такой же веселой эротичной буффонадой является и Танец Свиньи, который исполняется в деревушках Юкатана, структурно полностью повторяя Танец Быка¹⁴.

Описанный обряд разыгрывается несколько раз в течение новогодней фиесты. Обычно в последний ее день, после Танца Быка арканят и «закальвают». В Чамуле перед последним

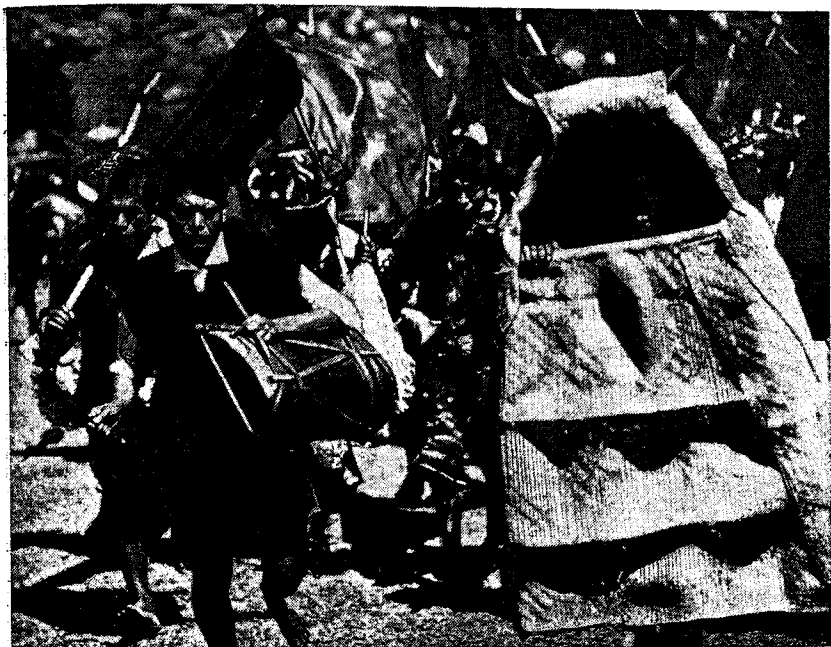

Рис. 39. Танец Быка у цоцилей Цинакантана (горный Чиapas)

Танцем на главной храмовой площади происходит заклание трех жертвенных быков. «Кровь» Быка (алкогольный напиток с луком и красным перцем) обходит всех присутствующих, все отпивают понемногу. Пролитие крови должно способствовать плодородию земли и обилию дождей в новом году.

Вся символика Танца Быка и обрядности, связанной с ним (название частей костюма, срезание бычьих рогов перед убийством и замена их на оленьи¹⁵, участие тех же персонажей, что и в вербальных и изобразительных версиях охотничьих мифов, прежде всего «стариков с черными лицами» — имперсонаторов богов охоты, перенос символика, связанной с Оленем, на Быка, с Пекари — на Свинью, эротическая символика, черты оргиастического праздника, характерного для охотничьих племен), свидетельствуют, что до прихода испанцев это был Танец Оленя — центральный в церемониях охотничье-промыслового культа, открывавший сезон охоты, а также исполнявшийся во время другого праздника, когда богам приносился в жертву олень.

Современные новогодние торжества у майя начинаются с установки высокого столба или сейбы, принесенной из леса. До того как к ней привязывают «пойманного» Быка, на вершину сейбы взбирается имперсонатор Коати, одетый в женское платье. Этот персонаж в отличие от Оленя-Быка связан с плодородием земли, женской плодородящей силой, аграрными куль-

тами. У киче и какчикелей на празднике урожая к вершине столба, украшенного всеми видами плодов земли, привязывают «Хозяина зеленой тыквы» — живого коати¹⁶.

Сейба (столб), которую устанавливают на центральной площади деревни или городка, в космогонии майя всегда играла чрезвычайно важную роль. Она считалась представителем, родичем, символическим эквивалентом мирового дерева, растущего в центре мира, вертикальной осью мироздания. Она служила обителью главного бога дождя — покровителя земледельцев, одной из ведущих фигур пантеона майя. Сейбы ассоциировались с колодцами, реками, облачными змеями — персонификацией облаков. Сейбы были связаны с культом плодородия, служили местом поклонения богам дождя. Аналоги сейб/мировых деревьев — столбы (деревянные и каменные стелы) красились в голубой цвет: боги дождя и плодородия принадлежали к голубой небесной фратрии. Мировое дерево, в иконографии которого объединялись символы двух фратрий (ствол образовывали сплетенные тела красного и голубого облачных змеев — символов фратрий и сезонов), выражало идею единства племени/общины. Поэтому огромные сейбы, росшие на площади племенных собраний возле святилища главного бога общины во всех селениях майя, сами превратились в объект почитания. Под ними проходили важнейшие церемонии — обряды инициаций, выборы вождя, позже — правителя и др.¹⁷

Сейба считалась у майя деревом изобилия, носителем «семян жизни». На это указывает само ее название — «Семенное Зеленое дерево». В мифах майя говорится, что на стволе его росли побеги различных культурных растений, в том числе початки кукурузы. На рельефе храма в Паленке дерево изобилия показано в виде огромного растения маиса. В мифологическом эпосе киче «Пополь Вух» представлена еще одна версия: мировым здесь является тыквенное дерево. От сока круглого плода тыквы были зачаты герои-близнецы эпоса¹⁸.

Вероятно, более ранняя версия сохранилась в ритуале в Кинтана-Роо: взобравшийся на верхушку сейбы Коати бросает на ветер семена тыквы, показывая, что дерево расцвело, затем развешивает на ветвях сейбы ее «плоды» — ямс, батат, тыквы¹⁹. Интересно отметить, что докукурузный этап земледелия на юге Мезоамерики многие исследователи связывают с культивированием тропических клубнеплодов — маниока, батата и ямса, центр происхождения которых помещают на северо-западе Колумбии. Во многих южноамериканских мифах дерево изобилия — растение маниока, сейба трактуется как ложный маниок. Не исключено, что распространение данного мифологического сюжета и связанного с ним ритуала могло идти вместе с распространением в Мезоамерику с юга культуры маниока²⁰.

Последним и, как нам представляется, важнейшим элементом годового праздника является ритуал передачи власти. В Танце Быка (на Юкатане — Свиньи) очередному каргадору вручается

атрибут власти, символ его новой должности в виде украшенного лентами, плодами, фигурками птиц шеста или маленького деревца — символических эквивалентов мирового дерева/древа изобилия, — которое укрепляется на шляпе у нового лидера общины. У воцелей четырем высшим каргадорам передаются также жезлы — символы власти. В течение года новые каргадоры представляют общину перед административными властями муниципалитетов, они находятся под особой протекцией католического святого — патрона деревни или пуэбло, руководят церемониями культа плодородия, копят деньги на проведение будущей новогодней fiestas ²¹.

В ночь, когда каргадоры вступают в должность, на главной площади перед храмом складывается огромный костер. Пылающие угли разбрасываются по площади и кладутся у ног новых должностных лиц. Угли — символ «жара» службы каргадора. В Цинакантане каргадоры ночью под бой барабанов и звуки трещоток совершают ритуальный бег по углям. Перед конкистой ритуалом хождения по углям, которым руководил верховный жрец, заканчивался новогодний праздник, длившийся пять последних дней года, «зловещих дней без имени» (остальные 360 имели названия). Так совершалось очищение участников обряда и изгонялось зло из общины, накопившееся за год ²².

В период родо-племенного строя передача власти у майя происходила по сезонам. В мае, в начале сезона дождей, к власти приходил вождь голубой фратрии, через шесть месяцев — вождь красной фратрии сезона засухи. Позже, в эпоху формирования государств, власть выборного правителя была продлена на год. Этот порядок сохранился в новогоднем ритуале XVI в. на Юкатане, во время которого избирался «князь селения»; он, как и современные каргадоры, должен был руководить ритуальной жизнью общины в течение года. Он соответствовал выборному, позже наследственному правителю, которому в канун нового года в знак подтверждения его прав на трон вручался жезл в виде священного дерева с четырьмя перекрещенными ветвями (или его аналог — фигурка двуглавого облачного змея) — символ единства древних фратрий, т.е. всего народа, атрибут власти. Правитель являлся главой государственного культа плодородия, он выступал как «главный сеятель». Владыка носил имя и считался имперсонатором бога дождя.

Ритуалу передачи власти в догосударственный период у юкатанских майя XVI в. соответствовал отмечавшийся в мае большой праздник Па-кум Чак — «Возведение [на трон] великого [вождя]», во время которого военная элита городов выбирала жреца бога войны — накона, в прошлом сезонного вождя племени. В течение пяти дней и ночей войны совершали ритуальные самоистязания с пролитием крови (все участники обряда «нанизывали» себя на одну веревку, продетую сквозь пенисы) в храме бога войны. Па-кум Чак дублировал подвижный праздник I Ахав, на котором в честь выборов правителя (в государ-

ствах — подтверждения его прав на власть от лица богов) у священной сейбы приносилась человеческая жертва. Этому жертвоприношению соответствовал описанный в «Пополь Вух» эпизод принесения в жертву у колючего тыквенного дерева — версии мирового — героя-полубога с календарным именем I Ахав. Поэтому алтари, как и курильницы и сосуды для жертвенной крови, изображались в виде колючей (молодой) сейбы, а слово, ее обозначающее, стало названием трона владыки²³.

Умерщвление мифических близнецов богами преисподней совершалось после пяти ночей испытаний, очевидно, соответствовавших обряду инициации. Элементы этого обряда имели место и на празднике Па-кум Чак. Есть все основания полагать, что древний инициационный ритуал у майя включал элементы промыслового культа: архаический культ бога Оленя, предусматривавший магические обряды, вызывающие размножение оленей, также отправлялся в день I Ахав. Интересно отметить, что слабые реминисценции обряда проливания крови «нанизыванием» участников на одну веревку сохранились в отдаленных деревнях Юкатана, где юноши, которым на следующий день предстоит идти «на охоту» за Быком, затем участвовать в Танце и в «убийстве» Быка, ночью должны бодрствовать и воздерживаться от связей с жепщинами, потому что, по словам жрецов, к ним «спускаются боги». Всю ночь они занимаются свиванием тонкой веревки для лассо. Им они заарканят Быка, «нанесут ему раны»²⁴. Веревка — символический аналог дождевых струй — должна быть обогрена кровью. Только пролитие крови может обеспечить обилие дождей.

В эпоху племенного строя началом года у земледельцев майя был первый день посева — начало сезона дождей. В период формирования государств начало года было перенесено на август — время распределения новых участков земли под поля в лесу. Но церемонии выбора правителя (позже — подтверждение его власти) продолжали по традиции включать ритуал сева и сопутствующие ему магические церемонии с обязательным пролитием крови. В эти дни к сейбам или покрашенным голубой краской столбам на площадях майяских городов привязывались и убивались невинные юноши и девушки — посланцы к богам дождя (их освобожденные от телесной оболочки души приносили богам просьбы людей). В деревнях, можно полагать, новогодний обряд носил менее пышный характер: человеческую жертву-посланника замещал олень — лесной родственник человека, принадлежащий к миру предков, мифологических персонажей и богов. Видимо, обряд поднимания на столбе убитого оленя, сохранившийся в отдельных деревушках Юкатана, Гватемалы и Кинтана-Роо, соответствует убийству зверя у священного дерева общины. В жертву у древних майя приносились также захваченные во время военных действий пленные и специально купленные мальчики. В этом, очевидно, ключ к пониманию одного из обрядов новогоднего церемониала в Цинакантане:

мужчины стреляют из луков в мальчиков из другого пуэбло цоцилей, Чамулы. В прошлом обе общины враждовали²⁵.

После испанского завоевания новогодний праздник майя оказался приуроченным к католическому Рождеству и новому году григорианского календаря. Только у майя Белиза Танец Быка и передача власти совершаются в день весеннего равноденствия, в марте, в начале древнего охотничьего сезона. У юкатеков традиционный новогодний церемониал по-прежнему приурочен к началу земледельческого сезона — сезону дождей.

Священная сейба и ее аналоги у майя всегда ассоциировались с человеческим жертвоприношением, закланием жертвенных животных, и не случайно к сейбе-столбу во время новогодних торжеств привязывают предназначенных к жертвоприношению быков и их имперсонаторов. Становится ясным, почему символика христианского креста и распятия, культ креста были после конкисты с легкостью восприняты майя. Крест с его ориентированными по странам света, как у мирового дерева, «ветвями», точная копия атрибута власти древних майяских правителей, стал называться «священным деревом», на него была перенесена символика, связанная с сейбой.

Веселый новогодний праздник — главное событие года у майя — является массовым культовым действием, призванным способствовать плодородию земли, обилию дождей, урожая, лесной дичи, благосостоянию общины в новом году. Этому же должны содействовать пришедшие к власти каргадоры.

Такой представляется картина трансформации древней церемонии промыслово-охотничьего культа, который неразрывно слился с земледельческой обрядностью и оказался приуроченным к важнейшему политическому событию — выборам религиозно-гражданских лидеров общины. К традиционным обрядам майя испанская культура и христианство добавили быка и свинью, приуроченность праздника к католическому Рождеству и крест — точный эквивалент мирового дерева.

- ¹ Впервые структура новогоднего церемониала у современных майя исследована в работе: *Pohl M. Ritual continuity and transformation in Mesoamerica: reconstructing the ancient Maya «such» ritual // Amer. Antiquity. 1981. V. 46, N 3. P. 513—529.*
- ² *Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. JL, 1975. С. 229—230, 238; Березкин Ю. Е. Ранние земледельцы Перу // Ранние земледельцы. JL, 1980. С. 107—109.*
- ³ *Reichel-Dolmatoff G. Amazonian Cosmos: The sexual and religious symbolism of the Tucano Indians. Chicago: L., 1974; Березкин Ю. Е. Методы сохранения природных ресурсов у южноамериканских индейцев // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. JL, 1984. С. 218—230.*
- ⁴ *Ланда Д. де Сообщение о делах в Юкатане. М.; JL, 1955. С. 179; Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи... С. 238—239, 241—242.*
- ⁵ *Thompson E. J. S. Ethnology of the Mayas of Southern and Central British Honduras. Chicago, 1930; La Farge O., Byers D. The year bearer's people. New Orleans, 1931.*
- ⁶ *Ланда Д. де. Указ. соч. С. 145, 227; Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи... С. 238—239; Издание трех иероглифических рукописей майя в ра-*

- боте: *Он же. Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963; Wisdom Ch. The Chorti Indians of Guatemala. Guatemala, 1940. P. 70—77, 400—401; Thompson E. J. S. Op. cit. P. 119—160; Tozzer A. A comparative study of the Mayas and the Lacandons. L., 1907. P. 78; Reichel-Dolmatoff G. Op. cit. P. 80—86, 125—139; Redfield R., Villa Rojas A. Chan Kom: A Maya village. Chicago, 1962. P. 117—118, 122.*
- ⁷ *Бороватова А. А. Керамика майя как этноисторический источник // Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985. С. 70—72; Thompson E. J. S. Maya history and religion. Norman, 1970. P. 267; Thompson E. J. S. Ethnology... P. 129, 173—175; Wisdom Ch. Op. cit. Redfield R., Villa Rojas A. Op. cit. P. 119; Reichel-Dolmatoff G. Op. cit. P. 97, 130—132, 145, 227; Guiteras-Holms C. Perils of the soul: The world view of a Tzotzil Indian. N. Y., 1961. P. 158, 246—256, 299—303; Vogt E. The Zinacantecos of Mexico: a modern Maya way of life. N. Y., 1970. P. 11—12, 48—67; Villagutierre Sotomayor J. de. Historia de la conquista de la provincia de el Itza. Guatemala, 1933. P. 528—529.*
- ⁸ *Березкин Ю. Е. Методы сохранения... С. 226; Кинжалов П. В. Миф о происхождении какао у народов Месоамерики // Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979. С. 127; Reichel-Dolmatoff G. Op. cit. P. 55, 80—86, 218—229; Redfield R., Villa Rojas A. Op. cit. P. 140; Wisdom Ch. Op. cit. P. 400—401.*
- ⁹ *Reifler Bricker V. Ritual humor in Highland Chiapas. Austin, 1973. P. 45.*
- ¹⁰ *La Farge O. Santa Eulalia. Chicago, 1947. P. 81.*
- ¹¹ *Guiteras-Holmes C. Op. cit. P. 303.*
- ¹² *Tozzer A. Op. cit. P. 162—163; Redfield R., Villa Rojas A. Op. cit. P. 118, 158; Villa Rojas A. The Maya of the East Central Quintana Roo. Wash., 1945. P. 130; Girard R. Los Mayas. México, 1966. P. 258—263.*
- ¹³ *Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983. С. 95—98, 105—106; Reifler Bricker V. Op. cit. P. 11—17, 31—37, 45, 117; Guiteras-Holmes C. Op. cit. P. 55; Vogt E. The Zinacantecos... P. 85—86; Bunzel R. Chichicastenango: a Guatemalan village. N. Y., 1952. P. 200; La Farge O. Op. cit. P. 84; Wagley Ch. The social and religious life of a Guatemalan village. Menasha, 1949, P. 105; Villa Rojas A. Op. cit. P. 125; Redfield R. The coati and the ceiba // Maya Research. 1936. N. 3. P. 231—243; La Farge O., Byers D. Op. cit. P. 110.*
- ¹⁴ *Thompson E. J. S. Ethnology... P. 112—113; Villa Rojas A. Op. cit. P. 124.*
- ¹⁵ *Pohl M. Op. cit. P. 423.*
- ¹⁶ *Redfield R., Villa Rojas A. Op. cit. P. 153; Thompson E. J. S. Ethnology... P. 111; Lothrop S. K. Santiago Atitlan, Guatemala, N. Y., 1929. P. 76.*
- ¹⁷ *Кнорозов Ю. В. Религиозные представления индейцев майя по данным Ла Касаса и других источников // Бартоломе де Лас Касас. М., 1966. С. 116; Он же. Иероглифические рукописи... С. 245; Tozzer A. Op. cit. P. 154; Guiteras-Holmes C. Op. cit. P. 292—297; Redfield R., Villa Rojas A. Op. cit. P. 168—175.*
- ¹⁸ *Пополь Вух. Родословная владык Тотоникапана. М.; Л., 1959. С. 38—41.*
- ¹⁹ *Villa Rojas A. Op. cit. P. 128.*
- ²⁰ *См. статьи Ю. Е. Березкина и В. А. Шнирельмана в данном сборнике.*
- ²¹ *Redfield R., Villa Rojas A. Op. cit. P. 153—159; Reifler Bricker V. Op. cit. P. 39; Cámara Barbachano F. Persistencia y cambio cultural entre Tzeltales de los Altos de Chiapas. México, 1966. P. 125—126; Girard R. Op. cit. P. 259—260; Barrera Vázquez A. Op. cit. P. 26—28, 77—78.*
- ²² *Ланда Д. де. Указ. соч. С. 174—175; Guiteras-Holmes C. Op. cit. P. 83, 98, 306.*
- ²³ *Кнорозов Ю. В. Заметки о календаре майя: 365-дневный год // Сов. этнография. 1973. № 1. С. 75—76; Он же. Иероглифические рукописи... С. 243, 257; Ланда Д. де. Указ. соч. С. 183—184.*
- ²⁴ *Redfield R., Villa Rojas A. Op. cit. P. 158—159.*
- ²⁵ *Ланда Д. де. Указ. соч. С. 154—155, 169—175; Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи... С. 257; Он же. Заметки о календаре майя. С. 78; Barrera Vázquez A. El libro de los cantares de Dzitbalché. México, 1965. P. 71—73; Vogt E. Zinacantan: A Maya community in the Highland of Chiapas. Cambridge (Mass.), 1969. P. 548—549.*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Этническая экология коренного населения Америки: эволюция предмета и научных подходов <i>В. А. Тишков</i>	3
I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ АМЕРИКИ	13
<i>В. П. Алексеев</i> . Зональные явления в расообразовании на территории Америки	13
<i>Р. И. Сужерник, М. Г. Кроуфорд, Л. П. Осипова, В. П. Вибе, М. С. Шенфилд</i> . Первоначальное заселение Америки в свете данных популяционной генетики	19
<i>В. И. Козлов</i> . Этническая экология и история аборигенного населения Америки	32 ✓
<i>Л. А. Файнберг</i> . Человек в американских тропиках	43 ✓
<i>И. И. Крупник</i> . Основные направления этноэкологии американской Арктики	55
II. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ. АДАПТАЦИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЭСКИМОСОВ И ИНДЕЙЦЕВ	64
<i>М. А. Членов</i> . Экологические факторы этнической истории района Берингова пролива	64 ✓
<i>И. И. Крупник</i> . Инфантицид в традиционных обществах Арктики: адаптивная стратегия или культурный механизм?	76 ✓
<i>Р. Г. Ляпунова</i> . Алеуты и их экосистема	84
<i>Г. И. Дзенискевич</i> . Экологическая адаптация в традиционной культуре северных атапасков	93 ✓
<i>Е. А. Окладникова</i> . Волокуши индейцев равнин в этногенетическом и этноэкологическом аспектах	101 ✓
<i>П. М. Кожин</i> . Экологические факторы и происхождение керамического производства на Юго-Западе США	111 ✓
<i>А. В. Гринев</i> . Годовой хозяйственный цикл глинокитов	117
III. ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНДЕЙСКИХ ОБЩЕСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ДОКОЛУМБОВУ ЭПОХУ	125
<i>В. А. Башиллов</i> . Аякучо и Хуини — два микроочага производящего хозяйства в перуанских Андах	125
<i>В. А. Шнирельман</i> . Мезоамериканский очаг древнего земледелия (проблемы формирования)	138
<i>В. И. Гуляев</i> . Экология и урбанизм в доиспанской Мезоамерике	157
<i>Э. Г. Александренков</i> . Ареалы собирателей—рыболовов—охотников и земледельцев на Антилах в доколониальную эпоху	180

IV. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА	196
<i>П. В. Грибанов.</i> Черные карибы и мопан Белиза: экологический и этнокультурный аспекты адаптации	196 е.
<i>М. Г. Котовская.</i> Адаптация индейцев туши и терена к городской среде	202
<i>Н. А. Лопуленко.</i> Борьба за землю как фактор сохранения и развития этнического самосознания у эскимосов США и Канады	209
<i>В. Г. Стельмах.</i> Разработка ресурсов индейских резерваций США	218
<i>К. В. Деханская, О. В. Шамиур.</i> Капиталистическое освоение ресурсов резерваций и положение индейцев в США	226
<i>А. Н. Натаров.</i> Лагерь Желтый Гром — экологическая альтернатива индейцев традиционалистов	238
V. СРЕДА, ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ЯЗЫК	247
<i>Ю. В. Кнорозов, Г. Г. Ершова.</i> Легенды о происхождении майя (миф и природная среда)	247
<i>Ю. Е. Березкин.</i> Древнее земледелие и современная мифология: корреляция ареалов	257
<i>С. Н. Якушенков.</i> «Вертикальная» экология и семантика пространства в представлениях аймара	276
<i>Е. И. Царенко.</i> Природная среда, культура и язык (кечуа и гуарани)	287
<i>А. В. Ващенко.</i> Природа в системе искусства североамериканских индейцев	297
<i>Т. Л. Владимирская, С. Н. Владимирский.</i> Музыкальная культура и природная среда	311
<i>А. А. Бородатова.</i> Праздник нового года у майя (к вопросу о сохранении охотничьей идеологии в земледельческом обществе)	323

ЭКОЛОГИЯ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ И ЭСКИМОСОВ
Проблемы индеанистики

Утверждено к печати
 ордена Дружбы народов
 Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства Н. Г. Ларгина. Художник А. В. Денисова
 Художественный редактор В. С. Филатович. Технический редактор
 Т. С. Жарикова. Корректор Ф. Г. Сурова

ИБ № 38303

Сдано в набор 01.10.87. Подписано к печати 29.12.87. А-04852. Формат 60×90^{1/16}.
 Бумага книжно-журнальная импортная. Гарнитура обыкновенная. Печать
 высокая. Усл. печ. л. 21. Усл. кр. отт. 21,5. Уч.-изд. л. 25,4. Тираж 2600 экз.
 Тип. зак. 957. Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6